

А. И. КАРАЕВА

ОЧЕРК ИСТОРИИ
КАРАЧАЕВСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

6(с) черк

к 21

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А. И. КАРАЕВА

ОЧЕРК ИСТОРИИ
КАРАЧАЕВСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

059859

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1966

206

83,3 кара
K21

Ответственный редактор
З. Г. ОСМАНОВА

507294

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карачаевская литература — одна из младописьменных литератур Советского Союза. Она возникает в 20-е годы в результате социально-политических преобразований и культурной революции, начало которых было ознаменовано Октябрем. История народа проливает свет и на такое сравнительно позднее возникновение этой литературы и на своеобразные моменты ее последующего развития.

По поводу происхождения карачаевцев и балкарцев в науке существуют разные точки зрения¹. Одни ученые (Н. Я. Марр, Е. П. Алексеева и др.) полагают, что основным компонентом в формировании карачаево-балкарской народности были древние кавказские племена, отуреченные в средние века, другие (В. Ф. Миллер, С. Бабаев и др.) — болгары, третьи (А. Н. Самойлович, Л. И. Лавров, Х. О. Лайпанов) — кипчаки, четвертые — аланы, причем некоторые сторонники аланской версии считают, что аланы были ираноязычными племенами и лишь в средневековье часть из них подверглась тюркизации (Г. А. Кокиев), другие находят, что часть алан (а именно носители этнонима «алан») изначально была тюркоязычной (У. Б. Алиев, А. Дж. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабичев). Думается, что все вышеназванные племена в той или иной степени принимали участие в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Но при этом главную роль, очевидно, сыграли тюркоязычные аланы, предки которых могли жить еще среди скифов и сарматов.

¹ В написании этого раздела мы опирались главным образом на следующие исследования: Е. П. Алексеева, *Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа*, Черкесск, 1963; Б. А. Гарданов, *Исторический очерк*, — «Народы Кавказа», т. I, М., 1960; В. П. Невская, *Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. Дореформенный период*, Черкесск, 1960; сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев 22—26 июня 1959 г.», Нальчик, 1960; Х. О. Лайпанов, *К истории карачаевцев и балкарцев*, Черкесск, 1957; Ислам Тамбиев, *Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае*, — журн. «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1932, № 4.

Нужно полагать, что другие тюркоязычные и иные племена растворились среди алан, составивших основное ядро карачаево-балкарского народа (поныне у карачаевцев и балкарцев прочно бытует слово «алан» в значении «друг», «товарищ», а отчасти как этноним).

Предки карачаевцев и балкарцев жили в горах и предгорьях Центрального Кавказа начиная примерно от Терека и до Лабы. После монгольского нашествия (XIII в.) большая часть равнинных алан была истреблена или ассимилирована. Сохранились лишь те аланские племена, которые обитали в горах и к которым могли присоединиться остатки разгромленных монголами равнинных алан и кипчаков. Те из алан, которые издавна населяли верховья Кубани и ее притоки, стали называться карачаевцами, а те, что осели в верховьях Терека, Чегема и Баксана, — балкарцами. Сформировались они в народность, как полагает Е. П. Алексеева, на рубеже XIII—XIV вв.²

После того как Алания потеряла большую часть своих земель и населения, на ее территорию стали проникать адыгские племена. К XV в. оба берега Терека были уже заняты выходцами из адыге (Большая и Малая Кабарда). К XIV—XV вв., когда Золотая Орда распалась, Кабарда становится наиболее сильным феодальным государством на равнинах и предгорьях Центрального Кавказа. Горские народности — балкарцы, осетины, а позднее карачаевцы и абазины — попадают в зависимость от Кабарды, которой принадлежали необходимые для горцев-скотоводов зимние пастбища в низинах.

В XVI—XVIII вв. Северный Кавказ подвергался непрерывным вторжениям крымских ханов, служивших орудием агрессивной политики султанской Турции по отношению к горцам Кавказа. Набеги крымских ханов сопровождались разорением страны, уводом жителей в рабство. Особенно страдали от этих набегов Западный Кавказ и Кабарда.

Борьба с крымским ханством, возникшим на развалинах Золотой Орды, а также с султанской Турцией, стоявшей за его спиной, укрепляет исторические связи Кавказа с Русью, уходящие в далекое прошлое, и еще более сближает с Российским государством народы Северного Кавказа, для которых в это время угроза крымско-турецкой агрессии становится особенно опасной. По Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г., которым завершилась русско-турецкая война 1768—1774 гг., Крымское ханство стало независимым от Турции, а в 1783 г. весь Крым был включен в состав Российского государства. По особому соглашению Кабарда, а вместе с нею и ее вассальные народы (карачаевцы, балкарцы и др.) были признаны русскими подданными. После окончания кавказской войны вся территория

² Е. П. Алексеева, *Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа*, стр. 40.

Северного Кавказа окончательно вошла в состав Российской империи³.

Однако жестокая колониальная политика русского царизма вызывала недовольство и волнения народных масс. В первой половине XIX в. борьба народных масс с местными феодалами выливалась в борьбу с царизмом, который опирался на местную феодальную верхушку и поддерживал ее. Борьба против колониального режима поэтому принимала характер борьбы классової.

Накануне завершения кавказской войны, стремясь избавиться от «беспокойных» подданных и использовать в своих интересах освободившиеся земли, царское правительство не препятствовало массовому переселению горцев в Турцию, спровоцированному турецкими агентами. Около пятисот тысяч горцев — адыгейцев, кабардинцев, абазин, карачаевцев, чеченцев, ингушей и др. — покинули родные края. Горские феодалы, напуганные слухами о предстоящей отмене крепостного права, а также протурецки настроенные муллы были заинтересованы в этом переселении. Они рассчитывали сохранить в Турции свои феодальные привилегии и власть над соплеменниками. Переселение сопровождалось полным разорением горцев, их массовой гибелью и постепенной ассимиляцией.

Иначе сложилась судьба народов Северного Кавказа, оставшихся на родине. Вопреки политике царизма, стремившегося разжечь национальную рознь, освободительная борьба этих народов слилась с всероссийским революционным движением. Великая Октябрьская революция принесла им подлинное национальное освобождение.

В начале XIX в. среди карачаевцев и балкарцев господствовали феодально-патриархальные отношения, характеризовавшиеся относительно слабо развитыми чертами феодализма и сильными пережитками родового строя. Высшее сословие (таубии) — горские князья, составлявшие один процент населения, владели большинством земель, крепостными и рабами. Основную часть карачаевцев составляли кара уздени (свободные), которые к началу XIX в. дифференцируются на сыйлы узденей (почетные уздени) и сыйсыз узденей (простые уздени). Первые, хотя и владели землей, крепостными и рабами, находились в вассальной зависимости от таубиев — несли военную «придворную» службу, силами своих крепостных принимали участие в хозяйственных работах таубиев. Сыйсыз уздени были лично свободными крестьянами-общинниками, но исправляли повинности в виде отработок и натуральной ренты. Крепостные и рабы назывались кулами.

³ Карачай был фактически присоединен к России в 1828 г., хотя феодальные владельцы Карачая приносили присягу русскому правительству еще в конце XVIII в.

Когда в России было отменено крепостное право, была проведена крестьянская реформа и в Карачае. Реформа, с одной стороны, способствовала зарождению капиталистических отношений: кулаки, появившиеся в результате расслоения крестьянства, и таубии скупали земли, занимались субарендаторством, ростовщичеством, барышничеством, эксплуатировали трудовое крестьянство под личиной родственной взаимопомощи. С другой стороны, происходило массовое обнищание горцев: они теряли землю, скот, шли в батраки.

Основным занятием карачаевцев было скотоводство: летом на горных пастбищах, а зимой на южных склонах гор или на арендованных участках на равнинах предгорий. После отмены крепостного права в Карачае летние пастбища оставались в общинном пользовании, но фактически лучшие участки принадлежали феодалам. В связи с этим развивались своеобразные формы эксплуатации: кош нёгерлик — кошевое объединение маломощных хозяйств вокруг крупного скотовода для совместной кочевки, аренды пастбищ и т. д.; ортак — испольная сдача скота на выпас; при сезонных работах — маммат, т. е. помощь соседей за угощение. Кроме того, использовался наемный труд (плата деньгами, приплодом или харчами).

Одновременно с интенсивной имущественной и социальной дифференциацией во второй половине XIX в. в Карачае прочно держатся пережитки родовых отношений. Даже в начале XX в. тау кышлыки (высокогорные зимние пастбища) юридически принадлежали не отдельным феодальным владельцам, а целым феодальным фамилиям.

Проникновение на территорию Карачая русского капитала, превращение крестьянского хозяйства из натурального в мелотоварное изменяли социальный уклад горцев. Сельская община разлагалась. Выделялась кулацкая верхушка, а основная масса крестьян беднела и разорялась. Наемный труд использовали главным образом кулаки, хозяйство которых носило товарный характер. Таким образом, социальный строй Карачая оставался феодальным, но с заметными элементами капиталистических отношений.

Родственные связи служили прикрытием и оправданием эксплуатации, мешая осознанию классовых противоречий.

Развитие классовой борьбы тормозилось и господством мусульманской религии. Ислам проник в Карачай сравнительно поздно, в начале XVIII в. Проводником его, по преданиям, был кабардинский мулла Исхак-эфенди. В каждом селении имелось несколько мечетей. Служители культа — эфенди были единомышленниками баев и биев, так как сами имели значительные доходы от совершения треб, от обучения мальчиков в школах при мечетях и «врачевания» больных. Большую статью их доходов составляли также штрафы за непосещение мечетей. А по-

сколько карачаевцы мужчины основную часть времени проводили вне селений, на кошах, штрафные доходы эфенди достигали значительных размеров. Мусульманское духовенство использовало религию не только как средство защиты интересов богачей и власть имущих, оно разжигало националистические предрассудки, мешавшие росту классового сознания трудящихся Карачая.

Однако стихийный протест угнетенных против двойного гнета — со стороны собственных богачей и царской администрации — возрастал, и выступления их, особенно после революции 1905—1907 гг., принимали массовый характер крестьянских восстаний.

Победа русского пролетариата над силами самодержавия и капитализма в октябре 1917 г. принесла освобождение и карачаевскому народу, положила начало качественно новому периоду его истории. Шестьдесят тысяч карачаевцев получили государственную автономию и все возможности для стремительного экономического и культурного развития.

Многие моменты истории карачаевцев, своеобразие их общественных отношений, их быта и нравов, многовековая борьба за свободу и счастье нашли свое отражение в фольклоре — этой художественной летописи народа. В устно-поэтическом творчестве карачаевцев отразились черты исторически сложившегося национального характера, которые получают затем дальнейшее развитие и обогащение в письменной литературе.

Об этой литературе русскому читателю стало известно лишь с недавних пор, так как произведения карачаевских поэтов и писателей 20—30-х годов за редким исключением на русский язык не переводились. Интенсивный процесс развития карачаевской литературы был искусственно прерван в 1943 г. К тому же карачаевская литература понесла большой урон в конце 30-х годов, когда многие активные общественные деятели были репрессированы. Так, в 1937 г. были арестованы Хасан Аппаев — автор первого карачаевского романа «Къара-Кюбюр» («Черный сундук»); поэт Азрет Уртенев; автор многих учебников родного языка, поэт и переводчик Асхат Биджиев; автодидакт Исмаил Акбаев; журналист, критик, прозаик Ислам Карачайлы (Хубиев).

XX съезд КПСС, восстановивший ленинские нормы партийной и государственной жизни, социалистическую законность, еще более утвердил веру карачаевцев в неизбежность торжества справедливости. Съезд вернул народу его родину, дал ему возможность участвовать в осуществлении коммунистических идеалов как полноправному члену многонациональной семьи народов

СССР. Постановление XX съезда КПСС вызвало огромный энтузиазм и прилив творческой энергии у карачаевцев, раскрыло перед ними широкое поле деятельности. Литература начиная с 1957 г. как бы переживает второе свое рождение. За последнее десятилетие проделана большая работа по восстановлению преемственности литературных традиций и по выявлению реального содержания литературного процесса⁴, осуществляются фольклорно-лингвистические экспедиции, которые дают обширный, интересный материал, переиздаются произведения многих поэтов и писателей 20—30-х годов, изъятые после 1937 г. или ставшие библиографической редкостью. Назрела необходимость рассмотреть процесс развития карачаевской литературы в полном объеме, проследить закономерности ее движения к социалистическому реализму.

⁴ См.: П. Балтин, Л. Бекизова, *Литература народов Карачаево-Черкесии*, — «Ученые записки Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», Черкесск, 1959; П. Балтин, *Из истории карачаевской поэзии*, Черкесск, 1961; П. Балтин, *Революционные песни Иссы Каракотова*, — «Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института», вып. 2, Нальчик, 1959; А. Караева, *О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа*, Черкесск, 1961; А. Караева, *Становление карачаевской литературы*, Черкесск, 1963.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Карачаевская литература возникает на основе фольклора, являющегося общим достоянием карачаевцев и балкарцев. Этническое родство, совместное расселение в прошлом по Баксану, верховьям Кубани и Теберды, единство исторического пути, а также языка этих народов — все это обусловило и общность их культурных традиций. Поэтому и фольклор этих народов следует рассматривать как единый источник развития национальных литератур карачаевцев и балкарцев.

После Октября эти народы вошли в разные политико-административные единицы (балкарцы — в Кабардино-Балкарскую АССР, а карачаевцы — в Карачаево-Черкесскую автономную область). Создались условия для развития двух самостоятельных национальных литератур, пользующихся единым карачаево-балкарским литературным языком.

Фольклорное наследие карачаевцев и балкарцев велико и многообразно. Где бы ни жил народ, в каких бы условиях он ни находился, народное горе и радость изливались в песне, общественные и политические события отражались в преданиях, легендах, героических поэмах.

Песня и сказка заменяли карачаевцам и балкарцам книги и театр, их всюду сопровождали пословицы. На свадебных пирах в аулах пелись не только застольные, любовные и свадебные, но и героические песни. Без песен и их исполнителей — джырчи — не обходилось ни одно торжество.

Об огромном общественном значении песни свидетельствует коротенькая быль, рассказанная поэтом Кайсыном Кулиевым. Герой ее — известный певец и сказитель Балкарии Исмаил Эттеев.

На очередной свадьбе в горах Исмаила попросили спеть. Людей было много. Певец еще не успел и рта раскрыть, как один из подвыпивших богачей повернулся к нему и громко, чтобы слышали все, сказал:

— Несчастный Исмаил! Когда ты образумишься? Всю жизнь трещишь, как оужой бубен. Неужели петь песни ты считаешь делом, достойным серьезного мужчины?

Певец, нисколько не растерявшись, поднялся, спокойно погладил усы, которые он закладывал за уши (так они были длинны!), и еще громче, чем богач, сказал:

— Верно, почтенный, я не бью плеткой никого. И ты имеешь основание считать меня несерьезным мужчиной. У тебя плетка, а у меня — песня. Я освещаю сердца, ты омрачаешь их! Так знай же: человек с песней — это всадник, а без нее — он пеший! В твоей холодной душе не может гнездиться песня, так же как и доброты. Вот ты и есть лот пеший, которому за мной не угнаться¹.

Являясь сводом народной мудрости, нравственных правил и обычаев, фольклор на преданиях о прошлом и рассказах о событиях настоящего учил народ, как надо жить.

Карачаево-балкарскому фольклору присуще большое разнообразие жанров. Героический эпос, в основе которого лежат события давнего времени, представлен нартскими сказаниями, бытующими в разных вариантах у всех народов Северного Кавказа. Время облекло эти события в сказочную форму, стерло связи с определенными фактами и лицами.

История карачаевцев и балкарцев отразилась и в эпических песнях, где исторический элемент выступает отчетливее, связь с определенными событиями и лицами ощущается резче. В этих песнях больше лиризма и драматизма. В народной классификации они не отделяются от других видов песен и объединяются с ними под общим названием *джыр*.

К джырам по своему содержанию примыкают и такие разновидности эпической прозы, как *хапар*, — повествование или сообщение, в достоверности которого рассказчик не сомневается, и *таурух* — произведения, в которых преобладает элемент художественного вымысла, хотя они и имеют реалистическую основу².

Своеобразным жанром карачаево-балкарского фольклора являются *алгыши* — здравницы или добрые пожелания.

Народная мудрость нашла свое афористическое выражение в пословицах и поговорках, так называемых *нарт сёзле* («слова нартов», «слова мудрецов»).

Загадки носят название *эл берген джомакла* или *элберле* («сказки, за которые дают села»).

Перечисленные виды, конечно, не исчерпывают всего жанрового богатства фольклора карачаевцев и балкарцев. Но со-

¹ Кайсын Кулиев, *Время и песни*, — сб. «Балкарская народная лирика», Нальчик, 1959, стр. 6, 7.

² Жанры *хапар* и *таурух* есть и в кабардинском фольклоре. См. Т. Е. Талпа, *Вступительная статья*, — в кн.: «Кабардинский фольклор», М., 1936.

стояние современной карачаевской фольклористики пока не позволяет дать полной систематизации и характеристики устно-поэтического творчества по жанрам.

Авторами произведений устного творчества, их исполнителями и популяризаторами были сказители — джомакчи и певцы — джырчи.

Большинство песен и сказаний выражало интересы народа, возвеличивало трудящегося человека и отстаивало его права. Народ заучивал их наизусть, передавал из уст в уста и многие сохранил в своей памяти.

Наиболее древними памятниками устного народного творчества карачаевцев и балкарцев являются, как мы уже говорили, сказания о нартах-богатырях, легендарных обитателей Северного Кавказа.

В результате работы, проделанной в 1941—1956 гг. специально организованным Нартовским комитетом, на русском языке появились поэтические переводы осетинского эпоса «Нарты» (1957 г.) и кабардинского эпоса «Нарты» (1957 г.). Однако сбор и исследования этого эпоса ограничились в основном сказаниями осетин, кабардинцев, абхазцев и некоторых других народов, но не коснулись карачаево-балкарского варианта эпоса. Лишь после сухумского совещания нартоведов в 1963 г. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт начал работу по изучению нартских сказаний, бытующих у карачаевцев и балкарцев.

Нартский эпос давно и широко известен этим тюркоязычным народам. Один из первых собирателей карачаево-балкарских сказаний о нартах С. Урусбиев сообщал в статье о сказании «Сосурка», записанном им в 1881 г.:

...Переходя из уст одного поколения к другому, они (нартские сказания. — А. К.) претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен (северокавказских народов. — А. К.) не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти³.

Любовь карачаевцев к нартским сказаниям, рассказывающим о старине, их популярность, а также сходство этих сказаний у карачаевцев и балкарцев отмечал еще в 1882 г. учитель карачаевского горского училища М. Алейников:

Карачаевцы вообще народ довольно словоохотливый, любящий на досуге поболтать о разных предметах, преимущественно о старине: в особенности же они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нартских богатырях или об огромнейших и безо-

³ С. Урусбиев, *Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. I, Тифлис, 1881.

Бразнейших эмегенах, великанах-чудовищах, обладавших сверхъестественною силою. Поэтому-то рассказов здесь таких довольно количество. Так, здесь встречаются почти все сказания о нартах, записанные г. Урусбиевым у татар Пятигорского округа⁴, и имеют тот же самый характер, отличаясь от них только в деталях⁵.

Первые публикации произведений карачаево-балкарского фольклора, главным образом сказаний о нартах, относятся к 80-м годам XIX в. В 1881 г. ученик Владикавказского реального училища С. Урусбиев записал со слов жителей Урусбиевского аула и аула Чегем четыре нартских сказания балкарцев об Ёрюзмеке, Шауае, Рачикау, Сосурке и напечатал их на русском языке в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». В 1883 г. были опубликованы «Карачаевские сказания», в которые наряду с другим фольклорным материалом вошли нартские сказания «Ачемез и Хубун» и «Эмегены»⁶. Все эти тексты карачаевского фольклора были записаны учителем Карачаевского горского училища М. Алейниковым.

В 1898 г. А. Н. Дьячковым-Тарасовым публикуются новые записи народного карачаевского эпоса о нартах: «Сосурка и эмеген пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай», «Смерть Ёрюзмека», «Чюэрды», «Княгиня Сатанай»⁷. Эти записи, сделанные со слов шестидесятирехлетнего карачаевца, жителя аула Карт-Джурт Джанкёзова Будуяна, напечатаны в переводе на русский язык. В этом же сборнике Л. Г. Лопатинский сопоставляет сюжеты карачаевских сказаний с кабардинскими и осетинскими и находит в них общую основу. Вместе с тем он отмечает некоторые особенности карачаевских сказаний. Так, например, нравственная трактовка образа Сатанай в осетинских и карачаевских сказаниях различна: Сатанай у осетин не устояла против соблазнаителя, в то время как карачаевская Сатанай была женщиной строгих правил.

Записи и публикации нартских сказаний карачаевцев и балкарцев в дореволюционной печати этим и ограничиваются.

В богатых сказаниях карачаевцев и балкарцев фигурируют герои, нареченные традиционными нартскими именами: Сосурка, Ёрюзек, Сатанай, Шауай, Ачемез, Бёдене, Рачикау, Гиляхсыртан; кабардинскому нарту Канжу в карачаево-балкар-

⁴ Татарами Пятигорского округа, а также горскими татарами в дореволюционной литературе называли карачаевцев и балкарцев.

⁵ М. Алейников, *Карачаевские сказания*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. III, Тифлис, 1883.

⁶ Там же.

⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов, *Заметки о Карачае и карачаевцах*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXV, Тифлис, 1898.

ских сказаниях соответствует Алауган. Знаменательно, что герои этих сказаний — люди незнатного происхождения: Сосурка — сын пастуха; Ёрюзмек, сын Схуртука, также из простого сословия. Нартские богатыри Сосурка и Ёрюзмек в народном истолковании теряют черты мифических героев и становятся носителями идеалов народа, борцами за его освобождение от внешних и внутренних поработителей. Извечные враги нартов — сказочные злые эмегены также олицетворяют реальных врагов трудового народа. Так, в одном из сказаний эмегенша, пожиравшая у нартов даже детей, — дочь князя; «богоравный Пако» кабардинского эпоса в карачаево-балкарских сказаниях фигурирует как трусливый и жадный князь Пук.

В большинстве сказаний с определенными нартскими героями связаны относительно постоянные сюжетные линии и устойчивые характеристики.

Одним из центральных героев карачаево-балкарского нартского эпоса выступает богатырь Сосурка («Сосурка», «Сосурка и эмеген пятиголовый»). Отец его — пастух Соджук, а мать — красивая и мудрая Сатанай, жена нарта Ёрюзмека. Мальчик родился из камня, вскормлен не материнской грудью, а ледяными сосульками в ледяной трещине Эльбруса, воспитан джинами. Этот мотив чудесного рождения Сосурки является общим для всех национальных вариантов эпоса. Став совершеннолетним, Сосурка спасает от смерти нарта Ёрюзмека, освободившего, как говорит другое карачаевское сказание, народ от «ненасытного князя Пука». Сосурка избавляет народ и от прожорливого пятиглавого эмегена. Он побеждает чудовище не столько своей богатырской силой, сколько мудростью, хитростью, ловкостью. Надеясь погубить эмегена в нартских богатырских играх и увидев, что пятиголовый эмеген не погиб, Сосурка предлагает ему новую игру — погрузиться в воды озера, пробыть там несколько дней в самый крепкий мороз и выйти оттуда, взломав лед. Когда же эмеген, проделав все, стал без труда раскалывать лед, Сосурка тут же предложил ему поступить так, как якобы делают нарты: разбросать на озере несколько стогов сена и опуститься на дно, а когда скрепленный сеном лед окрепнет, подняться оттуда. На сей раз эмеген побежден хитростью Сосурки. Теперь герою остается лишь убить чудовище. Однако отсечь ятяую, главную голову эмегена можно только его же мечом, хранящимся в черном сундуке. Коварный эмеген просит Сосурку достать этот меч и обурвать его мучения. Спинной же мозг свой, который якобы обладает волшебным свойством вливать силы в человека, он завещает Сосурке в качестве пояса. Осторожный Сосурка открывает сундук железным шестом. Оттуда вылетает сырпын и со свистом рассекает железный столб посреди палаты. Еле дотащив меч до озера, Сосурка отсекает им самую опасную голову сильного и коварного

эмегена. Достав спинной мозг, Сосурка не опоясывается им, как велел эмеген, а опоясывает пять раз дерево. И дерево мгновенно падает, перерезанное на пять частей.

Второе по значению место в нартском эпосе принадлежит Ёрюзмеку — сыну Схуртука. Ёрюзбек, возмущенный тем, что храбрые нарты платят дань «козлинобородому трусливому князю Пуку» и считают его «каким-то божеством», решает не успокаиваться до тех пор, пока не сделает нартов свободными. Он убивает Пука в его же стеклянном дворце на небесах, когда тот насылает на земли нартов засуху. После того как Ёрюзбек отсек Пуку голову, семь недель лил дождь с кровью, и на земле наступил берекет — довольство. Ёрюзбек же за свой подвиг был назначен главой нартов, стал общим любимцем и женился на прекрасной и мудрой Сатанай.

И в сказании о Сосурке, и в сказании об Ёрюзбеке ведущим мотивом является борьба нартов против врагов. Герои готовы пойти даже на смерть во имя счастья народа:

До тех пор пока нарты не перестанут платить эту постыдную для них дань, я не могу оставаться среди них: сердце мое не может переносить мысли о том, что храбрые нарты подчиняются козлинобородому трусливому Пуку, и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю нартов свободными... Не будь я молодым нартом, если не отрублю голову этому трусливому козлинобородому Пуку, если не сделаю всех нартов свободными⁸, —

так говорит Ёрюзбек, собрав нартов.

Если нарты у кабардинцев и осетин проводят жизнь в разъездах, пиршествах, совершают набеги, ищут подвигов, то нарты карачаевцев и балкарцев постоянно борются за освобождение народа от чужеземцев и почти никогда мы не видим их на пиршествах. Даже Ачемез, талантливый музыкант и певец кабардинского и осетинского вариантов эпоса, в карачаевских сказаниях («Ачемез и Хубун») предстает лишь как мститель за отца, за угон скота.

В карачаево-балкарском сказании «Шауай» нарты уже потеряли облик богатырей. Они хвастливы, алчны, трусливы, лживы и жалки. Шауай презрительно называет их «чванливыми нартами», которые, ничего не поняв, так и будут думать, что все дается им их счастьем, славой и силой». Он решает сделать так, чтобы они признали наконец его силу и убедились в своем ничтожестве. И Гемуда помогает Шауаю доказать нартам превосходство над ними их шапы (слуги.— А. К.) Шауая.

В сказании о Шауае несомненно отразилась демократизация трактовки нартского эпоса у карачаевцев. Так своеобразно пре-

---

⁸ С. Урусбиев, *Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области*, стр. 2.

ломлялись в «Нартах» реальные явления исторической действительности, складывались реалистические тенденции устного народного творчества. Какие именно исторические сдвиги в отношении социальных сил, взаимоотношений народов обусловили это явление — предстоит еще выяснить историкам и фольклористам. Решение этой интересной проблемы может обогатить советское нартоведение.

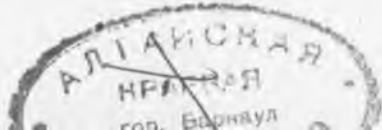
Исторические мотивы и реалистические тенденции, наметившиеся в нартском эпосе, получают свое развитие в других жанрах народного творчества и главным образом в историко-героической песне. Нартский же эпос продолжает бытовать, но к моменту зарождения письменной литературы он сохраняется в окаменелых формах, становится реликтом, культурным и художественным наследием народа. Вопрос о том, под влиянием каких факторов он прекратил свое развитие, еще требует своего изучения.

Для исследователей истории культуры карачаевцев и балкарцев большой интерес представляют сказки, отразившие особенности мировоззрения народа на различных этапах его исторического развития, отношение народа к явлениям повседневной жизни общества. Они интересны и как произведения, в которых складывается искусство художественной прозаической речи.

Сказки берут начало еще в мифотворчестве. Условия жизни в прошлом и отсутствие печатной литературы способствовали развитию сказочного эпоса. Уходя на целые месяцы, а иногда и на круглый год со стадами к уединенным кошам на высокогорные пастбища, пастухи коротали свой досуг за рассказыванием сказок.

Связи с Закавказьем, Дагестаном, а также усвоение арабской литературы образованными людьми способствовали распространению традиционных фольклорных сюжетов, сюжетных положений, образов, которые изменялись и приобретали новое содержание и новые формы в условиях Карачая и Балкарии.

Сказочный эпос представлен различными жанрами: сказками о животных, чудесными, или волшебными, сказками, бытовыми, или новеллистическими. Резкую грань между ними не всегда можно провести. Нередко эпизоды и образы одного сказочного жанра проникают в другой. Интересно, что в сказках отмечаются мотивы героического нартского эпоса, а также прикрепление самостоятельного сказочного сюжета, чаще — положения, к нартскому герою. Примером своеобразной формы, в которой бытуют мотивы нартского эпоса, может служить сказка «Ерюзбек». В ней переплелись мотивы сказки бытовой и волшебной о борьбе с эмегенами, вставлен самостоятельный сказочный сюжет о «Бычачьей лопатке», и этот комбинированный сюжет прикреплен к имени нартского героя Ерюзбека.

507294

В волшебных сказках, как и в подобных сказках других народов, описываются необыкновенные приключения и подвиги героя в поисках невесты, добывание волшебных предметов в столкновениях с чудовищами, колдунами, изображаются необыкновенные превращения героя. В этих сказках наряду с тотемистическими и анимистическими верованиями отразилось поклонение покровителю охоты Апсаты, покровителю домашних животных Аймушу. В сказках «Зынгырдаук», «Аймуш» разрабатывается мотив гнева и мести этих божеств за недостаточное внимание к стадам овец или за бессердечное истребление оленей.

Героями волшебных сказок являются богатыри из народа, побеждающие злых людоедов-джелимаузов, эмегенов, драконов — сарыубеков, коварных старух — эмеген катын. Помощью герою в его борьбе оказывают чудесные кони — Гемуда и Тарпан-ат, могучий орел Кара-куш. Фигурируют чудесные предметы: чаша — гоббан, меч — сырпын, палка-самобойка — токмак, летающий коврик — намазлык.

Сказки о животных бывают либо чисто занимательные (сказки «Медведь, волк, лиса», «Овцы и козы», «Вол и собака» и др.), либо аллегорические. В последнем случае они имеют или обличительный, или назидательный характер. При этом мораль почти всегда имеет корни в окружающей обстановке. Так, например, сказка «Вошь и блоха» является сатирой на частые в прошлом у горцев Северного Кавказа грабительские набеги на соседние народности.

В бытовых сказках в полный голос звучат социальные мотивы, социальный протест. Подлинными виновниками народного горя и бедствий представлены здесь не в фантастических образах людоедов, великанов-джелимаузов, эмегенов, а реальными социально-обобщенными фигурами эксплуататоров — ханов, судей, баев, мулл. Положительный герой также не фантастический богатырь, а простой пастух, бедняк, батрак, обобщающий социальные признаки эксплуатируемых масс, борющийся и побеждающий своих врагов не благодаря чудесным помощникам, не в богатырских сражениях, а живостью ума, хитростью, смекалкой. Так, из бытовой сказки «Три брата» возникает реальная в своих существенных чертах картина борьбы между хозяином и батраком.

Бедняк перед смертью завещает сыновьям не наниматься к скупому и жестокому хану, который ставит батракам такие условия:

Я тебе дам пару чабыров⁹, ты их должен аккуратно смазывать, смягчать жиром и носить бережно, и сколько времени будут носиться чабыры, столько

---

⁹ Ч а б ы р ы — обувь из сыромятной кожи.

времени ты будешь у меня работать. Кроме того, кто первый из нас рассердится, с того снять полосу кожи ¹⁰.

Таким образом, батрак должен безропотно выполнять все приказания хана. Младший сын бедняка, умный, находчивый и ловкий, сумел постоять за себя и отомстить за братьев. Он сгноил чабыры, разорил бая, рассердил его и, угрожая вырезать полосу кожи, обратил в бегство.

Для карачаево-балкарских сказок характерен образ Кёсе как воплощение жестокости, хитрости, алчности, торгашеского духа (переосмысление образа одноименного героя среднеазиатских сказок). В нем народ выразил свой протест против зарождающихся капиталистических отношений. «Бедны вы, придется вам идти в батраки, но если пойдете, не нанимайтесь к Кёсе-киши», — завещает умирающий отец сыновьям. «Не дай бог, смотри, детка, не отнеси к мельнику Кёсе», — предостерегает мать сына, отправляя на мельницу кабчык ¹¹ пшеницы.

И в этих сказках бедняк-работник всегда выходит победителем из столкновений с хитрым Кёсе.

Наряду со сказками, разоблачающими насилие ханов, баев и биев над народом и изображающими борьбу и победу трудящихся, сатирические сказки обличают мулл, эфенди, их алчность, ханжество и лживость, моральную распущенность. Эти остроумные сказки обычно очень коротки и переходят в анекдоты. Таков, например, распространенный в Средней Азии и на Кавказе анекдот «Дай и на».

Обличение духовенства выражалось в сказках тем более ярко, что жизнь мусульманских клириков находилась в явном противоречии с проповедуемыми ими идеалами. Этот контраст в резко сатирическом плане дан в сказке «Эфенди и могила шейха» ¹². Эфенди, похоронив собственного ишака возле своего дома и насыпав над ним могильный холмик, в день мусульманского жертвоприношения объявил верующим: «Умер часто посещавший меня великий шейх. Шейхи, собравшись, похоронили его возле моего дома. Тому, кто будет ходить на поклонение к могиле угодника, отпустятся все грехи и будут открыты двери лучшего из раев».

Ишак объявляется святым угодником, так как эфенди хочет нажиться на темноте народа. И сказка едко замечает, что от богатых приношений обманутых людей «загривок эфенди стал обрастать жиром». Пример эфенди оказался заразительным: ученик, сбжав от него, хоронит второго ишака своего учителя и тоже объявляет новую могилу шейха. «Что за рассказы ты

¹⁰ Здесь и далее подстрочные переводы автора очерка.

¹¹ Кабчык — кожаный мешок.

¹² «Къарачай фольклор», Микоян-Шахар, 1940, стр. 169.

распускаешь о могиле шейха?» — спрашивает эфенди. «Мой эфенди, могила моего шейха ничем не отличается от могилы твоего», — отвечает ученик. «А-а... верно, ведь мой шейх — мать твоего шейха. Держи это в тайне. Нам повезло, и есть теперь чем поживиться у слепого народа», — заключает эфенди.

В сказках о чиновниках — судьях и писарях — обличаются мздоимство и несправедливость. Сюжет «Бедняка и судьи» напоминает русские сказки о Шемякином суде.

Сатирическая струя карачаевского фольклора представлена и анекдотами Насра Ходжи. Его анекдоты и сатирические рассказы, а также рассказы о самом Насра Ходже знают на всем Востоке. У турок он известен как Ходжа Насреддин, у таджиков, узбеков и других — Насреддин-эфенди или Ходжа Насреддин, у закавказских народов — Молла Насреддин, у карачаевцев и балкарцев — Насра Ходжа. Насра Ходжа — умный и находчивый остро слов, с тонкой усмешкой наблюдающий жизнь и умеющий «поддеть» окружающих так, что они не в состоянии отпарировать удар. Его насмешкам подвергаются богатей, мусульманское духовенство. В равной степени Насра Ходжа наказывает ложь, своекорыстие, жадность и другие пороки. Сам часто попадая в неприятное положение, он никогда не теряет бодрости духа.

В бытовой сказке положительную роль играет женщина. «Аллах создал женщину грешной, нечистой, все зло и все грехи идут от женщины, и ума у нее мало», — утверждали служители мусульманской религии. Однако в противовес этой проповеди народ создал в сказках образ женщины, которая по своему уму, находчивости и смелости часто стоит неизмеримо выше мужчины. Мужчинам в этих сказках принадлежит пассивная роль: они выполняют лишь то, что приказала или посоветовала женщина. О предусмотрительности и осторожности женщины, о ее вдумчивом отношении к жизни, о трудолюбии и готовности переносить всевозможные лишения ради близкого человека говорят сказки «Овцевод», «Как горец путешествовал» и др.

Широко представлены в карачаево-балкарском сказочном эпосе и сюжеты развлекательные, полные юмора, иронии в изображении жизненных явлений и несущие назидательные функции. В них повествуется о человеческих слабостях и недостатках, о неловких и недогадливых людях; подвергаются тонкой скрытой насмешке зависть, глупость и скупость. Например, в сказке «Скупой» гость остроумно обличает хозяина, который нарушил обычаи гостеприимства; завидя гостя, он поторопился скрыть приготовления к ужину.

Я чу тебя, как отца, а поэтому вернулся рассказать тебе историю, которая приключилась со мной в дороге: по дороге наткнулся я на змею. Голю-

ва этой змеи величиной была с баранью голову, что лежит под тобой. Когда я убил змею, вывалились ее внутренности, подобные потрохам, на которых сидит твоя жена. Если вру, пусть меня постигнет участь гуся, спрятанного под твоей дочерью.

Таким образом, можно говорить о яркости и жанровом разнообразии сказочного эпоса у карачаевцев, о широте и прочности его бытования в народе. Анализ богатого сказочного наследия свидетельствует о том, что под влиянием социальных, экономических и культурных перемен, процесса развития классов и классовой борьбы в сказке усиливаются мотивы социального протеста, а реальные ситуации в отношениях между людьми, реальный быт начинают главенствовать над миром вымысла.

Особой популярностью и любовью в народе пользуются так называемые нарт сёзле, содержащие отжатую в краткие изречения мудрость предков, легендарных богатырей-нартвов. Возможно, что эти изречения — сгустки мыслей из эпоса, складывавшиеся как выводы из каких-то эпизодов. Пословицы говорят о любви к родной земле и своему народу («Та земля лучше, где ты родился, а не та, где ты кормился»), воспитывают храбрость и мужество («Джигит гибнет лишь однажды, а трус что ни минута — дважды»), в них высоко оценивается труд («Пока не кончится работа, не иссякнет сила», «Кто не работает, тот не ест») ¹³. В пословицах и поговорках о грамоте, ученье, науке и уме, о моральных идеалах человека отразились мудрость и наблюдательность народа.

Ученым прудно стать, друзья,
Но можно научиться,
А человеком стать нельзя, —
Им надобно родиться.

Сам речку перейдешь,
Коль мост построишь,
Сам в яму попадешь,
Коль яму роешь ¹⁴.

От сабли рана поздно или рано
Все ж зарастает.
От языка полученная рана
Не заживает ¹⁵.

С хорошим делом не тяни,
С плохим постой, повремени ¹⁶.

¹³ «Къарачай фольклор», стр. 228—236.

¹⁴ «Балкарская народная лирика», Нальчик, 1959, стр. 116.

¹⁵ Там же, стр. 115.

¹⁶ Там же, стр. 118.

Гостеприимство, щедрость, ум, благожелательность, чувство товарищества — вот достойные качества человека, — учат нарт сёзле («Подаришь однажды — получишь во сто крат», «Ум не в возрасте, а в голове», «Сила народа — великан», «Не будет войны, коли будут совет и согласие», «Капля за каплей — озеро наполняется, по одному и аул собирается»).

Значительная часть пословиц несет большой социальный смысл, отражает классовое расслоение, направлена против угнетателей: «Не то что горы, листья сада для слова бедняка преграда»; «Не опирайся на воду, не верь князю»; «Скорее у черта получишь веру, чем скот у богача»; «Муллу лук не ест, но если найдет — никак не наестся»; «Невежественный мулла подорвет веру».

Почти все пословицы имеют стихотворную форму. Искусно рифмуются сжатые строки народных изречений. Доходчивость глубокого смысла усиливается их музыкальным звучанием:

Ана кёлю балада,
Бала кёлю агъачда.

Мысли матери о детях,
А детей — о лесе.

Ата сыры уланда,
Ана сыры кызында.

Сыновья продолжают отцов,
Дочери — матерей.

Ала-бере билмеген,
Берсе кёзюне джукъу кирмеген.

Не умеет ни брать, ни дарить.
Если подарит, то теряет сон и покой.

Алтау айры болса, арадагъын алдыры,
Экеу бир болса, тёбедегин эндирир.

Если шестеро — врозь, потеряют, что имеют;
Если в согласии двое, достанут то,
Что высоко и недоступно.

Пословицы и поговорки в большинстве своем строятся на образных параллелях, чаще всего связанных со скотоводческим бытом карачаевцев и балкарцев, с условиями жизни в горах:

Аман адамны айнытсань,
Эрнинъи — бурнунъу къан этер,

Аман токълуну айнытсанъ,
Эринниъи — бурнунъу май этер

Поможешь плохому человеку —
Расквасит тебе нос,
Откормишь худую ярку —
Губы и нос будут в масле.

Являясь краткими изречениями, содержащими в зародыше целые истории и обобщающими самые различные случаи жизни, пословицы и поговорки органически вошли в народные песни и сказки. Социальная сатира, содержащаяся в них, нашла свое развитие в народной поэзии, а затем и в литературе.

Загадки, как уже говорилось, носят название «эл берген джомак» или «элберле», а загадывание их составляет своеобразную игру-состязание, где переход от отгадки к новой загадке сопровождается церемонным обращением загадывающего к участникам игры в строго определенной форме. Если тот, кому задана загадка, не может отгадать ее, он дает «эл» — «аул», иначе говоря, откупается. Поэтому и называются загадки «сказками, за которые дают аулы». Так же как и в нарт сёзле, в них отражается скотоводческий, пастушеский быт горцев, их представления о мире. Отгадывание загадок тренирует сообразительность, а также служит формой развлечения. Аллегорическая их форма оказывает большое влияние на мышление, заставляя участников игры сопоставлять, сравнивать факты, предметы, явления. В загадках широко обыгрываются предметы, с которыми приходится иметь дело трудовому народу: «Тысяча овец ушла в воду, а хромой Сулемен пошел их искать» (Пшенная каша и половник); «Маленький воришка — полон мяса» (Наперсток на пальце); «Есть у меня конь: не пьет воды, если не нагнет шею» (Кумган и Кувшин); «Войдет в воду — тысячи становится, выйдет из воды — один» (Конский хвост); «На склонах — холодный пастух, в селе сразу в дом входит» (Палка чабана).

Загадки живут как самостоятельный жанр народного творчества, а также входят в песни и произведения прозаических жанров фольклора. Аллегорическая их форма успешно используется в сатирической поэзии советских поэтов.

В карачаево-балкарской дидактической поэзии большое место занимает своеобразный стихотворный жанр *алгыш* — «благопожелание». Он возник, очевидно, в языческой древности как гимн богу неба Тейри, о чем говорит сохраняющаяся и поныне в некоторых его вариантах архаическая формула заклинания: «Тейри берсин ол насыбны...» («Да подаст это благо Тейри»).

В дальнейшем алгыш стал частью свадебного обряда «открывания лица» невесты в присутствии свекра и свекрови¹⁷. Из произносимого при этом алгыша встает идеальный в соответствии с требованиями адата (т. е. обычного права горцев) образ женщины — невестки, жены, матери, хозяйки, которому должна невеста подражать. Примером такого наставления является следующий отрывок из большого свадебного алгыша:

Келген келинни аягъындан,
Джылыу урсун джаягъындан,
Суюком берсин кезлери,
Ийнакъ болсун сезлери.
Ышара — кюле келсин,
Келген юйюм сюе келсин,
Эгер ишин биле келсин:
Къартха-къуртха бачхыч болсун,
Мол джашаулъа ачхыч болсун,
Джарыкъ болсун джулдуча,
Джылтырасын къундузча,
Бек джабышсын эри бла,
Эт болгъанча тери бла¹⁸.

От пришедшей невесты,
От щек ее пусть исходит тепло;
Пусть любовь излучают ее глаза,
Пусть будут ласковы ее слова.
Пусть смеясь — улыбаясь войдет.
Пусть с любовью в этот дом войдет,
Пусть, зная свою работу, войдет,
Пусть лестницей будет для стариков,
Пусть жизни обильной будет ключом.
Пусть будет ярка, как звезда,
Пусть блестит, как мех бобра;
Пусть с мужем сживется,
Как мясо и кожа.

Со временем алгыш вышел за рамки свадебного обряда, и наряду с назидательными распространение получили застольные алгыши, произносимые при поднятии чаши или кубка. Содержание их составляют поучения, советы умудренных жизненным опытом людей молодому поколению, и поэтому их можно назвать поэтическим сводом правил поведения в быту и в коллективе. Они говорят о честном труде как основе довольства и

¹⁷ Этот же обряд есть у казахов. См. З. С. Кедрина, *Из живого источника*, М., 1959, стр. 112.

¹⁸ «Малкъар поэзияны антологиясы», Нальчик, 1959, стр. 91.

благополучия; призывают к дружбе и единству; воспитывают чувства уважения и почтения к старшим, к женщине; осуждают недостойное поведение людей, зависть, корысть, трусость, скупость, леность. В алгышах более позднего времени даются наставления учиться ремеслу и грамоте, указывается на вред невежества и пользу знания.

Алгыши представляют собой, пожалуй, единственный жанр народной поэзии, предназначенный не для пения, а для декламации. Этот традиционный жанр народной поэзии хранит для потомков приметы скотоводческого быта очень давнего времени. В советский период, обогащаясь новыми образами и идеями, алгыши продолжают служить воспитанию людей в духе новой морали.

Несомненно, что дидактические традиции устной поэзии, нашедшие свое выражение в сказках, пословицах, поговорках и особенно алгышах, послужили национальной почвой для развития в 20-х годах такой черты карачаево-балкарской советской поэзии, как воспитательная целеустремленность.

Особое значение при овладении литературным мастерством имели для карачаево-балкарских писателей песенные традиции. В народе существуют старинные песни различных жанров. Это песни трудовые, охотничьи, бытовые; лирические (*инар* и *кюу*); колыбельные. Особенное развитие получили историко-героические песни, в которых широко разрабатываются мотивы борьбы с национальным и социальным гнетом.

До наших дней дошли песни, возникшие еще в период язычества. В карачаево-балкарском пантеоне особое место занимал Тейри — бог неба, податель всякого добра, имя которого можно услышать в алгышах:

Тейри онь берсин, Тейри джол берсин,
Тейри игиликни бери этсин, аманлыкны кери этсин¹⁹...

Пусть бог Тейри даст успех и счастливую дорогу,
Пусть бог Тейри принесет радость и отгонит несчастье...

Немало песен сложено и во славу других богов. Так, в честь бога урожая Эрирея была сложена одноименная песня, которую исполняли во время молотбы.

В честь покровителя крупного рогатого скота сочинена песня «Долай»²⁰. Она пелась при сбивании масла и представляет собой старинную трудовую песню, возникшую в условиях горного скотоводства. В большом бурдюке, раскачивая его, па-

¹⁹ «Эски кьарачай джыгла», Микоян-Шахар, 1940, стр. 79.

²⁰ Там же, стр. 78.

стухи сбивали масло. Нелегкий и долгий труд этот сопровождался песней, ритм которой помогал работающим соразмерять усилия и такт движений.

В песне возникает образ веселого божества Долая, который таинственно превращает сметану в масло. «Дол-дой-дол», — словно выговаривает бурдюк. Этому Долаю (имя божества построено на звукоподражании) можно и польстить шутливо, и улестить его, и пригрозить ему.

...Ой, Долай, ты такой масляный бурдюк!
Ты бурдюк без изъяна,
В тебе больше масла, чем айрана ²¹.
...На звуки нашей песни пришли дорогие гости,
Ой, если можешь, будь же ты в бурдюке!..
Если ж не получаешься, развязывают бучхак ²²,
Обрезают ухо.
...Пусть ветер тыкыр-мыкыр ²³ тебе сделает...
Коль не получаешься — пусть крутит у тебя в животе.
Ой, Долай, ты такой былкында ²⁴.

Первая часть песни, звучащая как заклинание, завершается шутливой параллелью:

Ой, на берегу заиграет гусь,
В камышах закричит цапля.
Ой, юноша дорвется до девушки:
Ой, юноша заиграет, девушка засмеется.
Кто узнает, что в душе у них обоих?

Вторая часть песни начинается параллелизмом, раскрывающимся в развернутых антитезах и в целом характеризующим своеобразие семейных отношений в среде скотоводов.

Ой, на берегу два гуся,
Один пестрый, другой серый;
Оставь пестрого — (возьми серого:
По матери бери дочь.
Материнское — у дочери,
Отцовское — у сына.
Коль родится хороший сын у отца,
Он поставит загон в пустыне

²¹ Айран — приготовленное особым способом кислое молоко.

²² Бучхак — один из концов бурдюка, через который выливают содержимое.

²³ Тыкыр-мыкыр — подражание звуку, возникающему при ударах кома масла о стенки бурдюка.

²⁴ Былкында — звукоподражание, в буквальном переводе «плескун».

И заполнит его шкотом,
Разумно построит свою жизнь.
Родится плохой сын у отца —
Оставшееся в наследство от отца большое стадо
Он промотает.
Позволит женщинам причесывать свой чуб.

Здесь народная мудрость отразилась в поговорках (например, «По матери бери дочь»), в пословицах, зачастую интерпретированных (ср. строки песни с пословицей:

Добра не оставляй: сын плох —
Так прахом все пойдет,
А сын хорош — так, видит бог,
И сам он наживет ²⁵.)

В этой песне нет прямых жалоб на тяжелый труд, на зависимое положение, но в страстности противопоставления доброй хозяйки плохой чувствуется, как несладко жилось пастухам. Хозяйке, плохо относящейся к пастухам, песня желает саван из сурового полотна, хорошей хозяйке — дорогой платок и косы до пят, счастливую жизнь, а после смерти — саван из настоящего шелка.

Композиционное единство произведения обусловлено единством героя — певца-пастуха, его отношением к труду, людям, животным, к миру вообще. Отголоски имущественного и социального неравенства в песне не снижают ее мажорного звучания. Оптимизм народа-труженика ощутим и в юморе песни, и в ее живом ритме, и в любовном отношении к делу, и в поэтизации всего, что связано с трудом.

Яркость и живость воображения народа проявляются в богатстве олицетворений, сравнений, параллелизмов, в метко подмеченных неповторимых чертах быта и нравов. Так, например, в песне упоминается «кош тамада», выбираемый пастухами ответственным и за людей, и за дело:

Ой, получим мы чаши с маслом,
Поставим их перед тамадой.
Тамада даст попробовать каждому
И заставит меня быстро выполнить его поручение,
А если я не буду расторопен,
Вытянет меня по ногам гибкой лозой...

Композиционная соразмерность, разнообразие поэтических фигур свидетельствуют о художественном вкусе и одаренности караеуцев и балкарцев. В умении опозитизировать трудовые

²⁵ «Балкарская народная лирика», стр. 117.

будни, связать с таким «прозаическим» процессом, как сбивание масла, целый ряд больших общечеловеческих проблем отразилась духовная красота простого народа.

В прошлом у карачаевцев и балкарцев, как и у многих других народов Кавказа, существенным источником жизни была охота. Божество охоты Апсаты (известное у сванов под именем Апсаст, у абхазцев — Абсат, у осетин — Афсати) занимало почетное место среди других божеств. Бог Апсаты представлялся в образе козла, а чаще — мифического оленя с двумя острыми рогами и тремя ногами. По преданию, Апсаты имел детей. Его старшую дочь звали Фатимой. Охотники, страшась гнева божества, старались снискать его расположение, умоливать его молитвами и жертвоприношениями. С песней-просьбой перед охотой обращались они и к Фатиме:

Ой, княгиня Фатима!
Дай нам лежащего на белом снегу,
Дай нам пасущегося на высотах гор,
Дай нам пребывающих в глубоких балках!
Ой, дай обросшую шерстью, ушастую лань
И большого жирного кабана,
Дай оголенного оленя.
Кому не везло на охоте,
Пусть тоже убивает;
И пусть бог милостивый
Отовсюду счастье несет.
О всемилостивейшая богиня Фатима!
Награди нас от овоего добра,
Дай нам благополучный путь,
Как даешь любимым людям;
Не убавь своей милости;
Не гневайся на нас, несчастных,
Милостиво прими нашу молитву.
Радостными возврати нас с охоты...

К самому божеству Апсаты охотники обращались с такой песней-молитвой:

...У Апсаты в горах есть много добра,
Дай нам потешиться мясом
Большого и желтого козла.
Орайда, мы идем в горы!
Если идем, так одари нас:
Дай нам в жертву старого козла.
У Апсаты есть красавицы с большими
(густыми. — А. К.) бровями,

На белых горах их значатся следы.
Кто славит Апсаты, тому он счастье дает,
Дай, боже, такого, чтобы он был годен для копчения.
Самцов Апсаты гостям отдает,
Маток для размножения оставляет.
Прими нас, как добрых гостей,
Орайда, если пришли, угости-ка нас,
Несчастных, добычею одари.
Предназначенное счастье не удержи,
Дай, добрый наш Апсаты!
Дай, что избрал, что решил дать:
Коз, козлят-близнецов,
Если сегодня не решил нас обидеть ²⁶.

(Перевод Х. О. Лайпанова)

Считалось, что Апсаты и его дети, разгневавшись, могли не дать добычи или погубить охотника.

Так рассказывает о трагической гибели охотника песня-легенда «Бийнёгер» ²⁷, представляющая собой прекрасный образец художественного творчества народа. Сюжет легенды строится на столкновении бывалого охотника Бийнёгера с Фатимой, дочерью покровителя оленей Апсаты, т. е. на столкновении человека со сверхъестественным существом, которое олицетворяет неписанный закон разумного пользования богатствами природы. Конфликт своеобразен: обе стороны правы по-своему. Экспозиция рассказывает об обстоятельствах, вынудивших Бийнёгера отправиться на поиски белого оленя (он должен достать лекарство для умирающего брата); завязка легенды — встреча героя с богиней Фатимой, имеющей облик трехногого белого оленя; трудная, опасная погоня за ней завершается проклятием богини, являющимся кульминацией событий; дальнейшие перипетии изображают осуществление проклятия, попытки спасти Бийнёгера; развязка — прыжок героя со скалы — дается скупым и выразительным штрихом:

...Упал перед ней чуб Бийнёгера...

...Упал (Бийнёгер. — А. К.) оттуда, разбившись, словно
ком начинки хычына! ²⁸

Эпилог заключен в двух последних строках:

Высоко оказался дворец дочери Апсаты.

Так случилось с джигитом — сыном Гезоха.

²⁶ Х. О. Лайпанов, *К истории карачаевцев и балкарцев*, Черкесск, 1957, стр. 34, 35.

²⁷ «Эски къарачай джырла», стр. 23—26.

²⁸ Хычына — пирог с мясной или творожной начинкой.

Сюжет разворачивается лаконично в рассказах героя и автора, перемежающихся диалогами между героями и второстепенными действующими лицами. Это придает динамичность песне и помогает передать драматизм описываемых событий; причем конкретные повествовательные и описательные элементы органично переплетаются с изображением душевного состояния героя, преобладая над внесюжетными лирическими комментариями к происходящему.

Облик богини — белого трехногого оленя с золотыми рогами, разговаривающего человеческим языком,— фантастичен. Но Бийнёгер рассказывает о ней в самых обычных для горца выражениях:

И кончики копыт острые, словно шило, которым вяжут
чарьки²⁹,

Рога же, словно вертел, на который нанизывают мясо.

Сущность образа Фатимы раскрывается в ее монологе-проклятье. Этот гневный монолог дан в приподнято-риторической манере. Он начинается ответами Фатимы на вопросы Бийнёгера и образует к ним своеобразный лексический повтор. Настоячивое повторение императивных форм в проклятье (да будет, пусть будет, да не смогут) усиливает интонацию заклинания. В дальнейшем в рассказе Бийнёгера об осуществлении проклятья богини еще раз в несколько инверсированном виде повторяются ее слова. Такое композиционное и синтаксическое оформление монолога Фатимы, так же как и изображение «чудес», происходящих по ее воле, создает образ существа возвышенного, необыкновенного, с которым не под силу справиться смертному. «Высоко оказался дворец дочери Апсаты», — это единственная фраза о Фатиме, оброненная автором в эпилоге; ни гнева на богиню, ни ее осуждения нет.

С большим сочувствием изображен в песне Бийнёгер, страстный охотник, убивший много оленей и тем навлекший на себя гнев богини. Это искусный стрелок, неутомимый и настойчивый в погоне за добычей, находчивый в трудных условиях:

Охотничий башлык комками снега набил я,
Эти комки снега вбивая, начал возводить лестницу.
Взбрался по снежным ступеням этой лестницы
На верхушку отвесной скалы, —

рассказывает Бийнёгер о погоне за оленем. Попав в беду, охотник «ест мясо рук своих», кормит «мясом своих икр» собаку — верного помощника и друга (это характерная деталь, яр-

²⁹ Ч а р ь к и — национальная обувь из кожи.

ко раскрывающая благородство героя, его способность к самопожертвованию).

Тонко передана в песне любовь охотника к жизни. Здесь автор избегает ложной героизации. Все человечно в Бийнёгере: его любовь к земным радостям, его нежелание расставаться и с этим небом, и с этими скалами, и со своей любимой, страх перед смертью, которого он не скрывает («Не могу расстаться с жизнью»).

В песне рассказывается о различных попытках спасти Бийнёгера от медленного умирания, на которое обрекла его богиня («уловки и хитрости» людей из окрестных сел, уговоры и нарочитые угрозы брата Умара). И только мольбы возлюбленной заставляют его собрать все свои силы, броситься со скалы и найти таким образом мгновенную смерть. Колебания Бийнёгера и победа над самим собой делают его образ глубоко человеческим, придают ему неповторимые индивидуальные черты — родившийся джигитом, он и смерть принял как джигит.

Подстать герою и его возлюбленная — самый близкий и дорогой ему человек. Развернутое красочное сравнение женщины, спешащей на помощь к любимому, с всадником подчеркивает ее мужественный и страстный характер:

Вышла в путь она, ноги свои превратив в коня,
Густые волосы свои превратив в бурку,
Слезами омочив грудь своей рубашки,
Обе руки для ног своих превратив в плети,
Бегом, двскачь примчалась она к Бийнёгеру.

Как цельную натуру характеризует ее и монолог-обращение к Бийнёгеру, построенный на повторении энергичной глагольной рифмы (...не задерживай-ка, ...не терзай-ка, ...завяжи-ка, ...швырни-ка, ...прыгни-ка). Однако побудительная частица «-ка» придает словам девушки разговорно-обыденную окраску, смягчающую повелительные интонации, поэтому речь беззаветно любящей женщины, зовущей милого на смерть и поклявшейся умереть вместе с ним, звучит как-то по-особенному трогательно-моляще.

Героиня предстает как воплощение народного идеала женщины, лаконично выраженного в поговорке «женщина — крылья мужчины». Достоинства ее — это прежде всего те высокие душевные качества, которые делают ее верной и мужественной подругой любимого.

Брат Бийнёгера Умар, горцы из соседних селений — все эти люди сочувствуют Бийнёгеру, пытаются помочь ему. Их всех объединяет чувство человеческой солидарности, они выступают как коллектив, чья общность возникает в совместной борьбе с суровой горной природой.

Едва ощутимо, но уже намечаются элементы протеста против «сверхъестественных» сил: воля людей и сила их чувств еще не могут одолеть силу божества, но люди пытаются сделать все, чтобы проклятье богини не сбылось. И оно действительно осуществляется не полностью: Бийнёгер умирает мгновенной смертью, а не мучительной и бесславной, как того хотела богиня.

В героико-исторических песнях раскрывается прежде всего тема национально-освободительной борьбы. Миротворивший маленький народ не желал мириться с бесконечными посягательствами на его свободу. Он славил героизм и самоотверженность своих сынов и в то же время с горькой иронией говорил о своей малочисленности и беззащитности: «Помыслы наши выше Эльбруса, а сила наша и былинку не ломит».

Сохранились старинные песни о борьбе с крымскими ханами («Ачей улу Ачемез»), многие песни рассказывают о защите родной земли от набегов и разграбления соседними народами, главным образом кызылбеками³⁰. Исторической битве 1828 г. с войсками царского генерала Эммануэля в теснине Хасаука посвящены песни «Хасаука», «Песня об Умаре».

«Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов владение Карачаем как стратегически важным пунктом приобрело особое значение. В связи с этим русское командование предприняло в октябре 1828 года поход в горы»³¹. Войска, возглавлявшиеся генералом Эммануэлем, направлялись к верховьям Кубани; их продвижение было облегчено карачаевским князем Амантышем Дудовым и кабардинским князем Атажукиным. 20 октября около Хасаука произошел бой.

Песня «Хасаука» начинается страстным монологом-призывом, боевым кличем, обращенным к народу:

Пока не раздавили нас насильники,
Объединитесь! Зовите и дальних
В тесное ущелье на защиту родины!
Горные львы, выходите готовыми,
Перебейте скорей вражеское войско!

В этот клич влетают слова ненависти и гнева в адрес царя и его приспешников — горских князей.

Кровавый царь творит много василий,
Скорее, друзья, вражеское войско подходит.
Это царизм нашим мясом никак не насытится,

³⁰ Кызылбеками называли одно из абазинских племен.

³¹ «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, стр. 34.

Даже в тесных ущельях не дает нам жить.
Враг пришел, проник в Хасаука,
Выведал он верные дороги у князя Амантыша,
Это юн, княжеский выродец, мог продать нас,
Насытиться ценою проданного Карачая.

Вторая часть песни рассказывает о сражении в теснине Хасаука, где маленький народ оказал ожесточенное сопротивление многочисленному противнику.

Песня запечатлела подлинные факты из жизни народа, ход сражения, имена лучших бойцов. Такая историческая достоверность характерна для большинства карачаево-балкарских эпических и лиро-эпических песен, что делает их своеобразной устной летописью народа, не имевшего своей письменности. Их верность фактам действительности подтверждается историческими документами: донесением генерала Эммануэля, прошением карачаевцев и речью Крымшамхалова в присутствии генерала и офицеров³².

Погиб в этом сражении один из храбрейших — Умар. Он упоминается в «Хасауке», но, очевидно, позднее народ создал произведение, целиком посвященное ему. Образ реального человека, смелого, мужественного и сильного, гиперболизирован в «Песне об Умаре» и приобретает поистине богатырские черты. Шестьдесят шесть пуль пронзили широкий лоб Умара, но душа героя с трудом расставалась с могучим телом. Эта песня — плач по герою и славица ему.

По фольклорной традиции образу героя сопутствуют образы верного коня, любимой жены, боевых друзей, «отирающих над его могилой кровавый пот со лбов». На этой песне можно проследить, как конкретный образ приобретает черты художественного обобщения, как исторически достоверные факты переплетаются с художественным вымыслом.

Отражение истории народа можно найти и в песнях, посвященных русско-японской войне 1904—1905 гг. В них уже нет сознания справедливости того дела, за которое сражается человек, звучит мотив напрасной, бесцельной гибели героев, и потому песни утрачивают свой героический характер, эпическую приподнятость. Это уже лирические песни, в которых звучат мотивы оторванности от родины, тоски по ней, по родным и близким:

Ах, был бы я
Сизым голубем,
Чтоб, встряхнув крыльями,
В небо, в высоту взлететь!

³² А. Н. Дьячков-Тарасов, *Заметки о Карачае и карачаевцах*.

Тоскую, ребята,
Ой, умираю. Теперь
Выпить бы глоток
Кубанской воды³³.

В песне выражается стремление понять, почему же люди против своего желания должны идти на гибель в далекие и чужие края. И если в более ранней «Песне о русско-турецкой войне» (1877—1878) народ видел во всем злую волю чиновников царской администрации:

В большом Карачае
Есть начальники, судьи.
Несчастливых молодцов
Мыртазаки³⁴ погнали,

то в «Песне солдат японской войны» сознание карачаевцев в осмыслении социальных причин войны поднимается на новую ступень. По-видимому, это было результатом их общения с русскими солдатами, в чьей среде чувствовались предреволюционные настроения:

Нас бии продали войне,
Как юкот на бойню, без лошады...
Гудит земля, онаряды рвутся.
Нас бии продали войне,
Нас бии продали войне,
На родину нам не вернуться...

И хотя песня не выражает сознательного революционного протеста, в ней мы находим уже понимание того, что кровь льется за интересы богачей.

Особенное развитие в Карачае получили песни, в основе которых лежат события и эпизоды, связанные с борьбой трудящихся против гнета биев и кулаков-баев. Сатирически обрисованным образом продажных горских князей в них противопоставлены образы героев, борющихся за счастье народа.

Содержание этих песен составляют действительные факты насилия и произвола биев, баев, чиновников и борьбы с ними конкретных исторических лиц. Так, песня «Барак» повествует о борьбе Барака из аула Карт-Джурт против кабардинского бия Абукова. Бедняк пять лет пробатрачил и был выгнан без уплаты заработанного. В отместку он угнал двух коней из хозяйского табуна. За это бий, сговорившись с царской администрацией, сгноил Барака в Сибири.

³³ «Эски къарачай джырла», стр. 64.

³⁴ Мыртазакы — стражники.

Такова же песня о Маиле Джагаеве, наемном работнике Юнуса Боташева из селения Карт-Джурт, вся семья которого из девяти человек погибла в бурной Кубани по вине хозяина.

Эти песни отражают страдания трудящихся от насилий баев, биев, от гнета царской администрации, поддерживавшей горских князей. Царизм «горы стальными кандалами скрутил». Ждут бедняки, ждут того дня, когда «дни насилия царизма кончатся», когда настанет время «закона, правого суда». Из глубины сердца идут слова народного героя Канамата («Песня о Канамате»³⁵), ставшего жертвой царской администрации:

Ах, увидеть бы жизнь свободную,
Вырвавшись из-под насилия царя,
Ах, увидеть бы нам жизнь с законом, либо с правым судом.

«Песня о Канамате» известна в двух вариантах — карачаевском и балкарском. Балкарский вариант имеет форму лирического монолога героя, повествующего о причинах и обстоятельствах своей гибели и о своих переживаниях, и представляет собой, очевидно, более позднюю переработку карачаевского. Карачаевский вариант — это народный плач по невинном человеке, погибшем из-за произвола царской администрации и корыстолюбия ее слуг — продажных аульных старшин и писарей.

Опять-таки в основе сюжета — подлинный факт (о достоверности материала свидетельствуют названия мест действия и имена героев). Это и обусловило то, что песня бытовала в народе много лет, не теряя пафоса гневного возмущения беззаконием и неправым судом. Начинается песня рассказом Канамата о вещем сне, сулящем ему гибель. Судьба Канамата, которого без всяких оснований схватили как абрека и бросили в тюрьму, составляет стержень сюжета. Бежав из тюрьмы, он с товарищами скитался в горах. Надеясь доказать свою невинность, Канамат возвратился в селение, чтобы написать и подать прошение, но был предан человеком, жаждавшим получить обещанную награду, и убит.

Рассказ автора перемежается здесь диалогами и монологами Канамата, Касбота, Хубиева, Гюлиева, что вносит в повествование элемент драматизации.

Сюжет обрамлен лирическим монологом — плачем, прославляющим героя, проклинаящим его убийц, изливающим скорбь народа. В нем звучат традиционные причитания:

Есть ли кто на свете несчастнее тебя?
Нет сестры — закрыть глаза твои,
Нет матери — оплакать тело твое,
Нет отца — поминки справить по тебе.

³⁵ «Эски кырачай джырты», стр. 59, 60.

Песня лаконична; сюжет развивается без отступлений; вся система изобразительных средств свидетельствует о страстной, непримиримой ненависти народа к угнетателям и предателям, продающим свою совесть («женоподобный» Гюлиев «разодет, как кукла», «ластится, как лиса»; «Кочкаров, убив Канамата, получил чины, подарки, жалованье, за кровопийство навешивает медали»; они сотворили «собачье дело»; старшине предлагают взять «кожу на ремни с разделанного им „оленья“», т. е. Канамата).

Здесь нет еще идеи необходимости социальной борьбы и протест выражается лишь в беспощадном осуждении продажной морали власть имущих или в личной мести.

Пока живы горские князья, баи,

Нигде нет справедливости, нет радости, счастья бедняку.

Но народ не терял веры в то, что наступит день, когда торжествует правда и он добьется свободы и счастья. «Придет время, когда и хан будет бедным», — говорила народная поговорка. Примером песни, повествующей о народном герое, борце против национального и социального гнета, может служить песня «Кара-Мусса»³⁶. В основе ее лежит подлинный факт — попытка кабардинского князя Хадагожокова совершить насилие над невестой в доме ее жениха. Такие случаи были не единичны со стороны кабардинских биев, часто приезжавших в гости к карачаево-балкарской знати. По существу это означало перенесение феодального права «первой ночи» на карачаевскую почву, где этот обычай не был известен и воспринимался народом как величайший позор. Пятнадцатилетний Кара-Мусса убивает бия и готов скорее заплатить жизнью, чем примириться с несправедливостью.

Композиционно песня распадается на две части. В первой части повествуется о драматическом эпизоде, связанном с одной из самых позорных феодальных традиций — правом «первой ночи». Здесь упоминаются конкретные исторические имена (Хадагожоков Касай — кабардинский князь; Оракиевы и Кечеруковы — карачаевская родовая знать), воспроизводятся конкретные и вместе с тем типичные взаимоотношения кабардинских князей, карачаевских биев и простого народа.

Действие развивается динамично, и можно проследить все основные компоненты — экспозицию, завязку, кульминацию и эпилог. Главные части сюжета заключаются строками, вносящими момент обобщения и как бы связывающими конкретный факт насилия и произвола со всей системой национального и социального гнета.

³⁶ Там же, стр. 53—56.

Экспозиция, чрезвычайно краткая, по существу включает элементы завязки:

К Оракчиевым кабардинские бии приехали,
Увидели белую невестку Кечеруковых.
Хадагожоков, беспалый Касай, сказал:
«Живо сделайте мне мягкую-прямяккую постель,
Останусь я с невестой — выйдите вон все до единого!»

Она завершается стихами:

Когда приезжали кабардинские бии в Карачай,
Узнав об этом, невесты бросались в воду.

Нарастает конфликт, раскрывающийся в диалогах жениха и его брата Кара-Муссы с Касаем. В строках, повествующих о расправе Кара-Муссы с Хадагожоковым, развитие сюжета достигает кульминации. Развязка — бегство Кара-Муссы — исторически достоверна. В завершающих стихах также обобщение:

Господа, остальные кабардинские князья,
Совсем не дают покою Карачаю.

Здесь, в первой части песни, конфликт четок, лаконично и метко характеризуются образы, с одной стороны, Касая и его слуг, с другой — братьев Кечеруковых и невесты.

Своеобразно очерчен сатирический образ бия Касая Хадагожова. В его облике предание сохраняет черты конкретной исторической личности — «беспалого», «огромного», «седого» Касая. Социальную сущность этой фигуры, сословную слесь, сознание безнаказанности всех своих действий, произвола, жестокости передает его прямая речь, построенная на повелительных интонациях («Живо сделайте мне мягкую-прямяккую постель, выйдите вон!»). Полнота сатирической характеристики достигается сравнением Касая с «седым кабаном». Это сравнение находит герой песни Кара-Мусса.

Отрицательную характеристику Касая как бы углубляют страх народа перед ним и ненависть, которую он внушает всем окружающим.

Касая противостоят жених, невеста и Кара-Мусса. Образ невесты дан в обобщенном плане («белая невеста» — традиционный эпитет для девушки-невесты в карачаево-балкарской народной поэзии). Она по существу жертва, но жертва, внутренне не мирящаяся с насилием. Недаром в песне поется:

Когда приезжали кабардинские бии в Карачай,
Узнав об этом, невесты бросались в воду.

Близок образу невесты некоторыми чертами характера ее жених, который, хотя и ненавидит Касая («точит зубы в гневе»), но благоразумно пытается предотвратить насилие, откупившись от князя, уговорив его.

Если в женихе подчеркнуто благоразумие, то в характере Кара-Муссы — непримиримость, смелость, решительность, беспощадность. Песня наделяет Кара-Муссу и качествами, не свойственными мальчику его возраста, например способностью давать точные характеристики людям (в его уста вложена полная презрения и сарказма сатирическая характеристика Касая).

Образ Кара-Муссы раскрывается в действии и в драматических диалогах. Диалог с Касаем — это как бы подготовка к свершению мести, а диалог со слугами князя после убийства подчеркивает отсутствие в душе героя какого-либо раскаяния или страха перед неизбежной карой. Эмоциональная окрашенность первого и второго диалогов не изменяется:

— Почему запела? (журица. — А. К.), — спросил господин у мальчика-джигита Кара-Муссы.

Кара-Мусса дал ему такой ответ:

— Господин, если должен подохнуть большой кабан,

Пеструшка-журица вечером поет петухом!

— Прочь, чтобы кончилась твоя жизнь, где тут кабан,

Который должен подохнуть?!

— Есть-есть, богом Тейри клянусь, здесь промадный седой
кабан.

Достался бы этому кабану такой пинок, который убил бы его!

Или:

Черные вороны рано утром на коновязь садятся.

Слуги господина спрашивают у Кара-Муссы:

— Почему садятся черные вороны на коновязи?

Кара-Мусса им ответил:

— Если должен подохнуть нечистый кабан,

Так садятся на коновязь вороны,

Такой приметы вестники они.

Выйдя на охоту прошлой ночью, взяв на прицел,

Разделал я одного большого кабана.

И нечистую тушу его оставил там, где он подох.

Идея справедливости мести Кара-Муссы проходит через обе части песни, придавая ей идейно-тематическую целостность.

Вторая часть песни развивает тему социальной борьбы и углубляет психологическую характеристику Кара-Муссы. Конфликт вновь разрастается. За Хадагожковым стоит высшее сословие Кабарды, царская администрация, генералы, войска,

тюрьмы, каторга в Сибири. Конкретные образы врагов меркнут в сознании Кара-Муссы, сменяясь для героя ощущением несправедливости законов, всего социального устройства царской России.

Можно сказать, что в этой песне мотивы социального протеста выразились сильнее и целеустремленнее, чем в других произведениях этого цикла; в ней уже слышится возмущение всей системой национального и социального гнета, усиливается стремление к широким социальным обобщениям, к реалистическому отражению действительности.

Рассказывая о мытарствах Кара-Муссы после бегства, песня дает ощутить, что тверже становится дух Кара-Муссы, яснее сознание.

Образ героя постепенно освещается изнутри. Авторская характеристика: «У Кара-Муссы душа крепче черного металла. Она, как меч, который не пробьет пуля», — конкретизируется, подтверждается поступками и размышлениями Кара-Муссы. По мере того как он постигает размеры социального зла, вырастает в его глазах смысл собственной жизни, отданной борьбе: Кара-Мусса чувствует себя уже защитником чести своего народа.

Ясно звучат в его заключительном монологе национальная гордость, страстный патриотизм, готовность к борьбе:

— Я горец, рожденный горянкой,
И если таков ты, как я, поборись со мной.
Много тюрем твоих я разломал,
Князя одного и трех генералов прикончил.
Вот это я, тот самый карачаевец Кара-Мусса,
Предстал перед тобой без страха.

Развернутые монологи Кара-Муссы теряют свободную разговорную интонацию, приобретают возвышенность. Преобладание глагольных рифм, концентрация смысловых и ритмических ударений на конце строки помогают передать мужественный характер героя, решительный тон его речи.

В целом же эта часть песни более лирична. Стих в известной мере драматизирован, воспроизводит интонационное и стилевое многообразие разговорной речи. Голос автора звучит сдержанно: внешне певец беспристрастен, но тенденциозность сказывается в характеристике героев, в самом отборе изображаемых событий.

Карачаево-балкарская героическая песня как жанр имеет синкретичный характер: она сочетает в себе элементы лирики, эпоса и драмы. Еще и до сих пор подобные произведения исполняются певцами в сопровождении вторящего мужского хора. Исполнение носит в некоторой степени характер драматической

игры (сопровождается мимикой, жестами; некоторые песни сопровождалась танцами).

Различные стороны народной жизни отразились в бытовых песнях. О народных взглядах на семью, любовь, человеческие взаимоотношения говорят такие песни, как «Акбиче и Рамазан», «Белая Батай» и др. В лирической «Песне красавицы Мёлек» (или «Акбиче и Рамазан») звучит мотив несчастной из-за словесного неравенства любви. Песню поет девушка «свободного» сословия, осмелившаяся презреть предрассудки и стать женой человека «низкого» сословия. Она рассказывает о расправе над ней, учиненной ее родственниками, проклинает тех, кто обрек ее на разлуку с любимым и на смерть:

Если ты, кровожадный убийца,
Примчался за мной, возглавив отряд всадников,
Да возвратишься ты назад потухшей головней
На коне своем бездыханным!

Героиня — сильная, страстная, цельная натура — не мирится с насилием — она скорее готова принять смерть. В песне значительное место занимают жалобы девушки на физические мучения, которым ее подвергают родные. Это еще более подчеркивает силу ее несломленной души, силу ее чувств. Вера героини в свою правоту опирается на сочувствие народа:

Люди добрые видят это насилие надо мной.

Наряду с такими любовными песнями, в основе которых, по видимому, тоже лежат конкретные факты, но уже не столь тщательно воспроизводимые в сюжете (например, «Белая Батай»), есть песни иного типа: песни-объяснения с возлюбленным или возлюбленной («Актамак», «Айджаяк»), песни жалобы на безответную любовь («Камни плачут», «Тыходишь не здороваясь»). В центре их — образ любимого человека и выражение чувств к нему.

Существуют и песни, состоящие из цепи четверостиший («Песня любви»), напоминающие набор русских частушек. Четверостишия построены также на параллелизмах, причем оригинально в них то, что логической связи в сопоставляемых явлениях природы и переживаниях человека нет или она трудно уловима. Например:

Леопные поллны
Косами косят;
Когда девушки парней любят,
Око матери дремлет.

Возле реки белая утка —
Вода — ее отрада;
Говоря по правде,
Сладость жизни — в любви.
    Перед домом бежит вода,
    Пена бьет об ограду;
    Чем так страдать,
    Лучше умереть.
Та скала повалится сюда,
А эта повалится туда;
Все равно не разлучат нас с тобою,
Хоть хлынет дождь кровавый.

Ритмически эти песни более организованны, но и более однообразны, чем историко-героические песни. Строки их коротки, фразы лаконичны, характерна глагольная рифма. Такие четверостишия носят название инар.

От них отличаются очень распространенные песни, именуемые кюу. Они выражают страдания любви, грусть, а также плач о погибших и умерших.

Эти лирические песни с большой глубиной раскрывают верность в любви, силу чувств, протест против всякого насилия.

Таким образом, карачаевский фольклор во всем многообразии своих жанров отразил жизнь народа в ее наиболее характерных чертах.

Карачаевцы и балкарцы издавна занимались охотой и скотоводством. «Скотоводство обусловило и распределение времени карачаевца, ограничило его потребности, препятствовало развитию ремесел, но вместе с тем приблизило его к природе, сделало его наивно-добродушным, восприимчивым к принятию всего нового...»³⁷.

«Карачай — нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью», — читаем мы в дневнике Л. Н. Толстого³⁸.

Миролюбие, мягкость, гуманность — эти черты характера карачаевцев отразились и в их устном творчестве.

Суровые географические условия, в которых жил народ, и необходимость вести постоянную борьбу за свою свободу и независимость способствовали формированию свободолюбивых черт национального характера, что также отразилось в фольк-

³⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов, *Заметки о Карачае и карачаевцах*.

³⁸ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, юбилейное изд., т. 46, М., стр. 184.

лоре. В устной поэзии народа, как мы видели, широко и ярко разрабатываются мотивы протеста против всякого гнета — социального, национального, нравственного.

Ограниченная вплоть до XIX в. в силу географического положения связь с окружающим миром, устойчивость патриархального уклада наложили отпечаток на образное мышление народа, что в значительной мере обусловило такие особенности его поэтического творчества, как типизация подлинного факта, стремление сохранить неповторимые детали характеров и событий, ограничить цепь ассоциаций рамками привычных представлений. Отсюда преобладание эпического начала и реалистических тенденций в фольклоре. Это позволяет рассматривать устное творчество карачаевцев и балкарцев как один из источников знаний о прошлом этих народов, их обычаях и веками складывавшихся чертах национального характера.

Следует отметить также, что патриархальный уклад воспитал у членов общины навыки публичных выступлений, которые строились по определенным законам красноречия. «Между карачаевцами есть много людей, говорящих с необыкновенным искусством длинные речи, замечательные по содержанию, конструкции, логическому порядку выводов и силе убеждения»³⁹. Эти слова У. Дж. Алиева, основанные как на личных наблюдениях, так и на многочисленных высказываниях историков и путешественников, объясняют ряд других художественных особенностей произведений карачаево-балкарского фольклора: лаконичность повествования и простоту стиля. Большинство произведений фольклора остроконфликтны, динамичны, в них ярко выражено стремление к драматизации путем введения диалогов и монологов.

Сокровищница устной поэзии была неисчерпаемым источником мудрости, нравственных и эстетических идеалов для многих поколений карачаевцев и балкарцев. Когда же создались социально-политические условия для возникновения письменной литературы, фольклор стал ее плодотворной почвой, обогатил ее своими идеями, традициями, мотивами, сюжетами, средствами художественной выразительности. Заложенное в сказках и хапарах искусство повествования, лаконичной и колоритной речи помогло сформироваться прозаическим жанрам в литературе. Если на первых порах становления и развития карачаевской литературы восприятие традиций фольклора порой имеет поверхностный и подражательный характер (перенимаются традиционные темы, приспосабливаются традиционные жанры), то с возмужанием литературы фольклорное наследие осмысливается все глубже, используется все более творчески.

---

³⁹ У. Дж. Алиев, *Карачай*, стр. 1120.

ЛИТЕРАТУРА 20—30-х ГОДОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Карачаевская литература возникает в подлинном смысле этого слова после установления на Кавказе Советской власти, на базе грандиозных социальных преобразований, дорогу которым открыла Великая Октябрьская социалистическая революция.

В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов 12 (25) января 1918 г., записано: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик»¹.

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе начинается с образования в соответствии с декретом ВЦИК от 20 января 1921 г. Горской Автономной Советской Социалистической Республики.

X съезд Коммунистической партии в 1921 г. так определил национальную политику в нашей стране: «...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...»².

¹ «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, стр. 341.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 559.

Разрешение этих задач у разноязычных народов Кавказа осуществлялось в процессе дальнейшего национально-государственного строительства, когда из состава Горской республики последовательно выделился ряд автономных национальных областей и в том числе Карачаево-Черкесская автономная область.

В резолюции X съезда по национальному вопросу было отмечено также, что задача советской национальной политики заключается не только в том, чтобы предоставить право и возможность ранее угнетенным народам развивать культуру, школу и другие учреждения на своем национальном языке, но и в том, чтобы русский пролетариат политически, экономически и культурно пришел на помощь национальным окраинам. В этих целях декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена, Карачаево-Черкесия, как и прочие автономные области Северного Кавказа, вошла в состав Северо-Кавказского края. Такое объединение национальных областей обеспечивало успешное развитие их экономики и культуры на основе совместной работы всех народностей.

Ростов-на-Дону стал административным, политическим и хозяйственным центром Северо-Кавказского края. Здесь сосредоточились лучшие силы интеллигенции горских народов, что способствовало комплексному разрешению вопросов культурного строительства, общих для всех национальных областей края.

В целях планомерного содействия культурному развитию горских народов постановлением Северо-Кавказского крайисполкома от 7 апреля 1926 г. был организован Крайнацсовет, в компетенцию которого входили разработка и представление на утверждение Крайисполкома проектов постановлений по вопросам культуры, просвещения, письменности, языка и национальной печати.

В мае 1926 г. в Ростове-на-Дону было организовано Северо-Кавказское краевое национальное издательство (Крайнациздат), являвшееся отделением Центрального издательства (Центриздат) народов СССР. Одной из задач Крайнациздата было обеспечить автономные области учебно-педагогической, общественно-политической и другой литературой на родных языках.

Центриздат и Крайнациздат выпустили первые учебники родного языка, первые сборники произведений карачаевских авторов³.

---

³ Алийланы Умар, *Джангы к̄арачай элиблер*, М., 1924; Джазгъан Къаракотланы Исса, *Джангы шигирле (к̄арачай бла малк̄ар тилде)*, М., 1924; Биджиланы Асхат, *Билим*. Бир бачхычлы школланы 2-чи джылларына дерс китабы, М., 1926; Ертенлени Азрет, *Джангы джырла*, Ростов-на-Дону, 1927; Биджиланы Асхат, *Билим*. Бир бачхычлы школланы 2-чи джылларына дерс китабы, Москва — Ростов-на-Дону, 1928.

В феврале 1927 г. в Ростове-на-Дону был организован Горский научно-исследовательский институт, сыгравший значительную роль в изучении этнографии, истории, культуры, языка и фольклора горских народов края и в разработке их национальной письменности.

Одновременно с Горским НИИ был создан Горский институт краеведения, в который влились Владикавказский горский и частично Донской музеи. Для этого учреждения Наркомпросом были отпущены из Эрмитажа (музейный фонд республики) ценные экспонаты, отображающие жизнь, быт и историю горцев Северного Кавказа. Музей получил также ценную библиотеку Шервашидзе⁴, насчитывавшую несколько тысяч томов по кавказоведению.

Работы коллективов этих учреждений освещали вопросы быта, языка, истории, устного творчества горцев, их экономические и культурные достижения в советскую эпоху и очередные задачи в этой области.

6 октября 1928 г. в Ростове-на-Дону начал выходить на русском языке политико-экономический, литературно-публицистический и историко-краеведческий ежемесячник «Революция и горец», орган Севкавказкрайнацсовета и Горского НИИ.

Подбор сотрудников Нацсовета, Горского НИИ, журнала «Революция и горец» по принципу представительства от каждой национальной области при участии и активной помощи квалифицированных кавказоведов (профессоров Б. М. Городецкого, М. В. Беляева и др.) обеспечил разрешение многих неотложных задач культурного строительства. Сосредоточение исследовательского и издательского дела в краевом центре было неизбежным и необходимым на том этапе культурного строительства, поскольку квалифицированные силы на местах были малочисленны. В 30-е годы эта работа перемещается в автономные области и республики, где к этому времени уже выросли национальные кадры.

О плодотворности ленинской национальной политики, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством, говорили успехи, достигнутые в культурном строительстве в горских автономных областях Северного Кавказа к десятой годовщине Октябрьской социалистической революции. Так, например, если в 1914 г. на Северном Кавказе для детей горцев существовало всего 89 школ с преподаванием на русском языке и в них насчитывалось не более 6 тыс. учащихся, то в 1927 г. школ с преподаванием на русском и родном языках стало 593, а учащихся 38 тыс. Горская молодежь овладевает знаниями в средних специальных и высших учебных заведениях

---

⁴ См. У. Дж. Алиев, *Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае*, Ростов-на-Дону, 1926, стр. 44.

ях Ростова-на-Дону, Краснодара, Орджоникидзе, Симферополя, Ленинграда, Москвы и других городов. Некоторые карачаевские литераторы получают образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве и в Северо-Кавказском университете в Ростове-на-Дону.

Огромное значение для успехов культурного строительства имело создание в 1928 г. нового алфавита на латинской основе. Арабица затрудняла передачу фонетических особенностей горских языков и создавала большие трудности в деле ликвидации неграмотности. Новый алфавит существенно облегчил организацию просвещения и книгоиздательства на родных языках. Если в 1920 г. на языках Северного Кавказа было издано всего 2 названия (на осетинском языке) объемом в 10 печатных листов, то в 1928 г. — 88 названий (на чеченском, ингушском, карачаево-балкарском, адыгейском языках). В 1922 г. на Северном Кавказе на местном языке выходила только одна кабардинская газета, а в 1928 г. газеты издаются уже на всех горских языках.

Развитие автономии, а следовательно, и национально-культурное строительство в самой Карачаево-Черкесии в довоенное время прошло два этапа: первый — с января 1922 г., когда из состава Горской республики выделилась Карачаево-Черкесская автономная область; второй — с ноября 1926 г., когда автономное образование разделилось на Карачаевскую автономную область с центром в новом специально по этому случаю построенном городе Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск) и Черкесский национальный округ, преобразованный впоследствии в Черкесскую автономную область.

К 1930 г. в Карачае обязательным начальным обучением были охвачены все дети школьного возраста и закончена ликвидация неграмотности взрослого населения. В густой сети ликбезов занимались широкие слои взрослого населения области, в том числе и женщины. Первых советских работников просвещения для Карачая подготовил педагогический техникум, открытый в 1923 г. в Баталпашинске (ныне Черкесск). В дальнейшем подготовка карачаевских педагогических кадров переносится в Микоян-Шахар, где создаются педтехникум, педрабфак, учительский институт, который в 1940 г. выпустил первых своих воспитанников, и, наконец, педагогический институт. Кроме того в Микоян-Шахаре существовали зооветтехникум, фельдшерско-акушерская и сельскохозяйственная школы, школа фабрично-заводского обучения.

Карачаевское областное издательство, организованное в 1923 г., сыграло огромную роль в создании книжного фонда на родном языке. К середине 30-х годов возникла необходимость в образовании специального научно-исследовательского центра, который бы занялся изучением проблем карачаевского

фольклора, истории, этнографии, письменности, и в 1935 г. в Мижоян-Шахаре был основан Карачаевский научно-исследовательский институт⁵.

Важную роль в приобщении трудящихся масс к социалистической культуре сыграли нормализация родного языка и создание родной письменности. О их первостепенном значении для развития национальной культуры и литературы говорилось на конференции по вопросам культуры и просвещения Северного Кавказа, проходившей в 1925 г. в Ростове-на-Дону⁶.

Карачаевцы исповедовали ислам, и, естественно, им была известна арабская письменность. Однако эта грамота была доступна в основном служителям культа. До революции некоторые карачаевские интеллигенты несомненно под крепнувшем воздействием русской культуры предпринимали попытки создать новую письменность для родного языка. Так, аульский учитель Иммолат Хубиев разработал алфавит на основе русской графики, который, однако, не был реализован⁷. Одновременно с ним карачаевский алфавит на латинской графике разрабатывал Ислам Тебердичи⁸ — близкий друг основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова и русского художника-передвижника Ярошенко, пробовавший свои силы и в поэзии, и в живописи, и в переводах с русского.

Над карачаевским алфавитом работали совершенно самостоятельно аульные учителя Тохтар Биджиев и Исмаил Акбаев. Последний в 1916 г. в Тифлисе издал букварь на арабской графике, явившийся первой книгой на карачаевском языке⁹. Она представляла собою свободную переделку азербайджанского букваря, составленного преподавателем закавказской учительской семинарии Рашидбеком Эфендиевым. Но заветное желание карачаевских автодидактов распространить грамотность среди карачаевцев было весьма далеко от их практического осуществления.

Наряду с опытами по созданию письменности интересны и первые шаги литературы на родном языке в дореволюционное время.

В Большом Карачае распространялись в списках и пелись

---

⁵ М. М. Сакиев, *25 лет Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института*, — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института» (филол. серия), Черкесск, 1959, вып. III, стр. 174.

⁶ См. У. Дж. Алнев, *Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае*, стр. 112.

⁷ И. Карачайлы, *Писатели и поэты Карачая*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1929, № 2, стр. 69.

⁸ См.: Мушкетов, *Геологический очерк Теберды и Чхалты*, — «Труды кавказской геологической комиссии», т. XIX, № 4, 1896; Д. Корзун, *Коста Хетагуров*, М., 1957, стр. 54; А. Биджиланы, *Билим*, М., 1926.

⁹ Акъбаиулу Исмаил Тебердичи, *Ана тили*, Тифлис, 1916 (на араб. графике).

на карачаевском языке сказания о Тахире и Зухре, Лейли и Меджнуне¹⁰. П. Максимов опубликовал сказку «Разумная жена», сообщенную Фаризат Ораковой, усвоившей ее из старой книги «буквы в которой были арабские, но слова балкарские»¹¹. Заслуживает внимания также и работа Ислама Тебердичи над переводами басен Крылова, из которых, к сожалению, до нас дошла только «Кот и Волк»¹².

Создавая новую советскую карачаевскую культуру, прежде всего необходимо было преодолеть силу традиций мусульманского образования и недооценку родного языка.

С одной стороны, большая часть старой карачаевской интеллигенции, принявшей живейшее участие в культурном строительстве Карачая, прошла через дореволюционные мусульманские духовные школы — мектебы и медресе, где обучение велось на арабском языке. Арабский язык казался ей важнейшим средством межнационального общения народов Востока. Однако она не учитывала, что арабская грамота была тесно связана с враждебной социализму идеологией ислама и поэтому арабский язык не мог быть использован в качестве орудия новой, советской культуры.

С другой стороны, некоторые работники культурного фронта, еще до революции получившие образование на русском языке, полагали, что не следует заниматься длительной и сложной работой по развитию родного языка, когда можно через введение русского образования сразу прийти к социалистической культуре.

Однако Коммунистическая партия нацеливала работников культуры на развитие родных языков, руководствуясь мудрыми словами В. И. Ленина: «...Великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы...»¹³.

Таким образом, и приверженность к арабике как результат непонимания политического значения отказа от нее и сопутствующих ей традиций, и тенденция без какой-либо предварительной подготовки заменить родной язык языком русским противоречили политике Коммунистической партии и Советского правительства в деле строительства социализма в национальных областях.

¹⁰ Ср. П. Балтин, *Из истории карачаевской поэзии*, Черкесск, 1961, стр. 3.

¹¹ П. Максимов, *Горские сказки*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1935, № 1.

¹² См. А. Биджиланы, *Билим*, М., 1926, стр. 91.

¹³ В. И. Ленин, *Нужен ли обязательный государственный язык?* — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 295.

*Ислам Крымшамхалов, поэт и художник
(1871—1910)*

Возникновение карачаевской советской литературы связано с развитием периодической печати. В 1922 г. в Баталпашинске начала выходить на русском языке областная газета «Горская беднота», где со своими статьями выступали первые карачаевские писатели Ислам Карачайлы (Хубиев) и Исса Каракотов. В 1924 г. она получила название «Горская жизнь», и в ней наряду со статьями на русском стал помещаться материал на карачаево-балкарском языке. 19 октября 1924 г. вышел первый номер газеты «Таулу джашау» («Горская жизнь») на карачаево-балкарском языке, которая с 228-го номера (6.I.1929) стала называться «Таулу джарлыла» («Горская беднота»), а с 980-го номера (17.VIII.1934) получила название «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай»).

Публикуя стихотворения, фельетоны, очерки, рассказы, пьесы своих аулкоров и штатных сотрудников, газета активизи-

рвала их литературно-художественную деятельность, помогала выявлять людей литературно одаренных и формировала из них литераторов-профессионалов.

Пркти все карачаевские писатели начинали свою литературную деятельность в газете. Корреспондентом был поэт Исса Каракотов, зачинатель карачаевской письменной советской литературы. Таким же путем пришла в литературу и Абидат Боташева. Вслед за ними выступил со стихами в газете Азрет Уртенев. Из аулкоров вырос поэт 30-х годов Даут Байкулов¹⁴.

Вслед за газетами появляются первые книги на карачаево-балкарском языке. В 20—30-х годах была издана серия букварей, книг для чтения, учебников для малограмотных. Главное место среди этих книг принадлежит учебникам родного языка, которые и явились первым опытом нормализации живой речи. Эту же задачу решала и адресованная учителям, журналистам, литераторам «Карачаево-балкарская грамматика» У. Дж. Алиева, вышедшая в 1930 г. в Кисловодске.

Необходимость включения в учебные книги литературно-художественного материала поуждает их составителей писать стихи и рассказы, заниматься переводом художественных произведений, обработкой сказок, загадок, народных песен, что делает их активными участниками литературного процесса. Например, в книге для чтения «Билим» («Знание»), составленной Асхатом Биджиевым, много рассказов. Язык их прост и точен. В них повествуется о том, как сбивают масло, варят сыр, приготавливают айрац, косят и копнят сено, стригут овец, собирают ягоды, даются жанровые сценки, описания народных танцев

---

¹⁴ Дебюты карачаевских литераторов: Исса Каракотов, *Чего никогда прежде не было*, — «Горская беднота», 30.VIII.1925; *Таукелленгиз, джёнгерле!* (Перевод революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!»), — «Таулу джашау», 16.XI.1924; Абидат Боташланы, *Келигиз, кьарангылыкъны кьояйыкъ!* — «Таулу джашау», 19.X.1924; Асхат Биджиланы, *Кьарачай тил*, — «Таулу джашау», 20.IX.1925, *Бешик джыр*, — «Таулу джашау», 27.IX.1925; Имауддин Гебенланы, *Кровная месть* (информация) — «Таулу джашау», январь, 1926; То же (Пьеса), — «Таулу джашау», 14.IX.1926; Шахмурваланы Сагъид, *Къызыл Аскер*, — «Таулу джашау», 25.IV.1926; Умар Алийланы, *Интернационал* (Перевод революционного гимна); *Окьюу-билим*, — «Таулу джашау», 5.V.1926; Даут Байкьулланы, *Къачан келликдиле?* (Корреспонденция), — «Таулу джашау», 1.I.1925; *ОБОНО-ну эсине* (Корреспонденция), — «Таулу джашау», 11.IV.1926; *Къызыл аскерге*, — «Таулу джарлыла», 23.II.1931; Е. Азрет (Ертенлены), *Октябрь байрамы*, — «Таулу джашау», 19.XII.1926; *Къарачайлы Ислам, Великая годовщина*, — «Таулу джашау», 7.XI.1927; *Хасанны кьатын алгьаны*, — «Таулу джашау», 23.IX.1928; Хасан Аппаланы, *Трагедия одной горянки*, — «Таулу джашау», 29.IV.1928; А.-К. Батчаланы, *Джангы заводха*, — «Таулу джарлыла», 29.IX.1929; А.-К. Байкьулланы, *Хайлеге*, — «Таулу джарлыла», 26.VIII.1930; Хасан Бостанланы, *Джаз заман*, — «Таулу джарлыла», 27.III.1931; Ш. Эбзеланы, *Октябрьгьта*, — «Къызыл Къарачай», 4.XI.1935; Махамет Орусланы, *Джангы джашау гьта*, — «Къызыл Къарачай», 16.XII.1935; Тохтар Борлакъланы, *Совестле Союзну маршалларына*, — там же; Осман Хубийланы, *Колхозгьта*, — там же.

Асхат Биджиев

(«Той»), цитируются образцы народной поэзии (например, песня «Долай»). Составитель для этой книги написал стихи, призванные воспитывать в детях любовь к родной природе, любознательность, наблюдательность, уважение к труду, развивать сообразительность: «Къач» («Осень»), «Къыш» («Зима»), «Белляу» («Колыбельная»), «Чанала бла учуу» («Катанье на санках»), «Боран» («Буря»), «Джаз» («Весна»), «Къумурсхала» («Муравьи»), «Бал чибин» («Пчела»), «Къайын» («Берега»), «Эмен» («Дуб»), «Нызы» («Ель»), «Нарат» («Сосна»), «Кюн» («Солнце»), «Бу къайсы заманды?» («Какая это пора?»), «Къамсыкъ» («Шалун»), «Инечик» («Иголочка»).

Русская литература представлена переводами басен Крылова «Лебедь, Рак и Щука», «Прохожие и Собаки» и др. Составитель «Знания» наряду с собственными произведениями использовал стихи И. Каракотова, И. Тебердичи, И. Акбаева.

На этом этапе в формировании литературы большую роль

сыграла литературная самодеятельность в кружках, учебных заведениях, агитколлективах, где создавались песни, пьесы, короткие рассказы и т. д.

О массовости литературного творчества и об огромной тяге к литературе, к печатному слову свидетельствует, например, очень любопытное сообщение В. Е. Чернышева: «Десятки стихов совпартшкольцев сейчас лежат в папках областной карачаевской газеты „Таулу джарлыла“ неиспользованными, ибо уже больше года газета не имеет возможности выпускать литературные странички. Среди совпартшкольцев существовал кружок поэтов на родном языке, они упорно учились творчеству, печатались в своей стенгазете»¹⁵.

Свой вклад в молодую карачаевскую литературу вносят народные певцы Касбот Кочкаров, Аппа Джанибеков, столетний кузнец Кязим Мечиев и другие. Для их произведений характерны образность, художественность и новизна содержания, которое укладывалось певцами в традиционные формы народной поэзии.

Такое активное участие в литературном движении самых широких масс, характерное для начального периода развития всех младописьменных литератур Советского Союза, необычайно плодотворно сказалось на росте народных талантов.

Однако отсутствие единой писательской организации мешало дальнейшему развитию литературы. Первыми творческими объединениями карачаевских писателей были кружки, функционировавшие в педагогическом техникуме Симферополя¹⁶, где учились Азрет Уртегов и Саид Шахмурзаев, в Карачаевском педтехникуме Микоян-Шахара¹⁷ и в других учебных заведениях.

Объединение разобщенных до тех пор, действовавших в одиночку авторов, произведения которых издавались недостаточно и были рассеяны по страницам газет или учебников родного языка прошло при содействии Северокавказского объединения ассоциаций пролетарских писателей (СКАПП), организованно после первой Всесоюзной конференции ВОАПП.

СКАПП действовала в соответствии с резолюцией ЦК РКП(б) от 18 июля 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», в которой говорилось о необходимости «обратить внимание и на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза»¹⁸.

---

¹⁵ В. Е. Чернышев, *Писатели Карачая и Черкесии*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1930, № 4, стр. 183.

¹⁶ Сообщено С. Шахмурзаевым в письме в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы от 25 октября 1959 г.

¹⁷ Любезно сообщено нам О. Хубиевым.

¹⁸ «О литературе. Сборник документов», М., 1960, стр. 139.

Первое краевое совещание пролетарских и крестьянских писателей, проведенное СКАПП 9—13 апреля 1927 г. в Ростове-на-Дону, рекомендовало «всемерно содействовать литературному движению путем создания объединенных рабоче-крестьянских литературно-художественных кружков, а также считать целесообразной формой их организации вступление на началах автономных секций в местные отделения ВАПП-а или ВОКП-а в каждом отдельном случае в зависимости от характера их творчества»¹⁹.

И как следствие принятых к исполнению решений этого совещания уже 9 августа 1927 г. состоялось собрание инициативной группы по организации Карачаево-Черкесской ассоциации пролетарских писателей и поэтов. Во временное правление Карачаево-Черкесской АПП вошли Ислам Карачайлы (Хубиев), Абидат Боташева, черкесский прозаик Магомед Дышеков, Халил Астежев²⁰. 16 августа 1927 г. состоялось первое общее собрание членов Карачаево-Черкесской АПП, на котором был утвержден план работы и принято решение об издании вкладным листом литературной странички к газете «Таулу джашау».

Карачаево-Черкесская АПП явилась первым творческим объединением, заложившим организационные основы развития литературы. Она успела выпустить 7 сентября 1927 г. всего одно приложение, в котором были помещены стихи Иссы Каракотова («Ленин», «Десятая годовщина Октября») и Амины Урусовой. Параллельно вышла литературная страница на черкесском языке. Карачаево-Черкесская АПП просуществовала недолго. Уже вторая литературная страница на карачаевском языке — приложение к «Таулу джашау» от 12 августа 1928 г. — издана новой творческой организацией — Карачаевской АПП, возникшей в результате разделения Карачаево-Черкесской АПП. Вторая литературная страница опубликовала стихи Каракотова «Кавказ», «Ты не будешь забыт», инвективу Азрета Уртенова «Растерзавшему батрака» и отрывок из второй главы поэмы Лермонтова «Демон» в переводе Асхата Биджиева.

«Наша организация молодая. Количественно состоит из 15 человек... Теоретическая учеба за отсутствием руководящих материалов все время страдала. Однако нами все же были проработаны вопросы тематики и вопросы улучшения качества продукции нашей организации. По характеру творчества члены АПП делятся на драматургов (тт. Гебенев и Боташева), прозаиков (Батчаев) и поэтов (тт. Уртенев и Каракотов). За период времени с 1-го мая по 1-е декабря (1928 г. — А. К.) ассоциацией выпущены 2 литстраницы со стихами и рассказами

¹⁹ «Рабочие и крестьянские писатели Северного Кавказа» (Резолюция первого краевого совещания пролетарских и крестьянских писателей по докладу тов. Ставского), — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1927, № 3, стр. 36.

²⁰ См. «Таулу джашау», 14.VIII.1927.

членов АПП... Сейчас намечен ассоциацией ряд вечеров в совпартшколе и педтехникуме с целью привлечения товарищей из горской молодежи»²¹.

В условиях Карачая это была Ассоциация пролетарско-крестьянских писателей для совместной работы и учебы. КарАПП в первые годы своего существования сыграла положительную роль. Она обеспечила действительную помощь СКАПП, советских, партийных и общественных организаций литературному движению, создала возможности для активного творческого общения писателей, для широкого обмена мнениями о насущных вопросах развития советской литературы вообще и карачаевской в частности и этим способствовала углублению идейного содержания произведений и повышению художественного мастерства литераторов Карачая. Литературные странички, а также первые сборники стихов начинающих поэтов, изданные при содействии КарАПП, активизировали творческую работу поэтов, относившихся к своей литературной деятельности с профессиональной серьезностью, и способствовали вовлечению в литературное движение новых молодых сил.

О размахе работы по вовлечению в литературу молодежи и повышению профессионального мастерства литераторов, которая велась писательской организацией, свидетельствует небольшой отдел литературных страниц, озаглавленный «Почтовый ящик» и введенный по примеру общесоюзных литературных журналов, а также краевого журнала «На подъеме», посвящавших немало страниц вопросам литературной учебы.

Нельзя не отметить заслуг СКАПП, а также ее органа — журнала «На подъеме» в деле объединения, организации, идеологического руководства и литературной учебы карачаевских поэтов и писателей. Положительная роль ее заключалась и в том, что установки ВАПП она принимала к руководству, учитывая специфику становления литератур в национальных областях Северного Кавказа. Так, на совещании национальных писателей Северного Кавказа в 1928 г., на котором впервые присутствовали и делегаты от КарАПП, после доклада тов. Ставского о состоянии литературного движения в национальных областях и обсуждения этого доклада была сделана попытка определить ближайшие задачи национальных писателей: «В творческие задачи на писателя входит не только отображение быта и жизни национальностей, бытописание, но наряду с этим — выявление тенденций развития национальности через художественный показ как переживаний отдельного горца или торянки в связи с воздействием на них суммы окружающих их условий, так и через показ строительства нового в области эко-

---

²¹ А. Батчаев, *В карачаевской АПП*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1929, № 2, стр. 83.

номики, политики и культуры, перекраивающего лицо и жизнь национальных областей»²².

Совещание рекомендовало начинающим писателям использовать в своей работе наряду с очерками, зарисовками и заметками и формы народного творчества как наиболее возможные и целесообразные²³. Это имело существенное значение в работе национальных писателей и поэтов, воспитанных на фольклорных традициях.

К концу 20-х годов СКАПП и КарАПП утрачивают в какой-то мере свою активность, становятся недостаточно инициативными.

Ослабевает работа по налаживанию связей между писателями разных народов многонационального Северного Кавказа, их печатные выступления не выходят за пределы области, почти отсутствуют переводы на русский язык²⁴, а вследствие этого невозможно было и ожидать реальной помощи со стороны опытных русских литераторов и критиков. Таким образом, решение второй конференции пролетарских писателей Северного Кавказа (март 1928 г.) о публикации переводов и произведений нацписателей в журналах «На литературном посту» и «На подъеме» не было осуществлено.

Не владея русским языком в такой степени, чтобы дать художественный перевод своих произведений, литераторы Карачая посылали литературные странички и книги со своими произведениями в Москву и в Ростов-на-Дону. Но в те годы в центрах по существу не было кадров переводчиков с горских языков, и произведения писателей Северного Кавказа оставались без обсуждения²⁵.

Жизнь нового, советского общества, успешно строившего социализм, где росло морально-политическое единство советского народа и крепла дружба народов, требовала реорганизации существовавших форм объединения писателей в целях консолидации литературных сил. Начинается подготовка к первому съезду писателей, к созданию единого союза советских писателей.

Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» для карачаевских писателей имело большое значение. Создание единого Союза писателей, критика ошибочных теорий РАПП укрепляли связь карачаевских писателей со всей многонациональной со-

---

²² «Положение и задачи писателей горских народов Северного Кавказа», — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1928, № 4, стр. 84.

²³ Там же.

²⁴ В 20-е годы только «Песня батрака» И. Каракотова была переведена на русский язык и напечатана в журнале «На подъеме».

²⁵ В. Е. Чернышев, *Писатели Карачая и Черкесии*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1930, № 4, стр. 83.

ветской литературой, раскрывали перед ними новые горизонты.

В Карачае создается Оргкомитет по подготовке к первому съезду писателей. Однако чувствуется организационная неопытность карачаевских писателей, неумение разобраться в создавшейся обстановке. Как свидетельствует член бригады Всесоюзного оргкомитета Н. Феоктистов, местный Оргкомитет вплоть до созыва съезда ни разу не собирался, не имел в своем распоряжении никаких средств, в его составе не было ни одного освобожденного работника. По словам редактора областной национальной газеты Карабашева, «редакция ежедневно получает уйму стихов, авторы которых пишут о том, как жили раньше, как горцы живут сейчас. Мы не знаем, что делать с этим материалом»²⁶.

Организационная неопытность помешала Карачаевскому оргкомитету СП СССР наладить работу литкружков в аулах. После ознакомления с состоянием работы Карачаевского оргкомитета бригада Всесоюзного оргкомитета помогла товарищам составить смету и план работы. На состоявшемся у секретаря обкома совещании план работы, выдвинутый Карачаевским оргкомитетом совместно с бригадой, получил одобрение.

Бригада СП СССР положительно отозвалась о творческих достижениях карачаевских писателей:

«В Карачаевской области работают 18 писателей. Наибольшей популярностью пользуются поэты Уртенев Азрет и Каракозов Исса. Особенно известно стихотворение Каракозова „Кавказ“ из его книги „Революционные песни“, напечатанной в 1931-м году. Прозаики: Даут Байкулов (повесть „Жизнь Бекмурзы“) и Хасанов Али (повесть „Ак-бозат“). Драматургия представлена творчеством Геммы Гебенова, Бурнакова и русской писательницы Натальи Бондаренко... У карачаевцев чувствуется более высокая культура слова, богатство образов и красота формы, карачаевские прозаики и драматурги ожидают еще своих переводчиков...»²⁷.

В результате работы бригады Союза писателей СССР в Карачае началась подготовка к первому съезду писателей. Предполагалось выпустить к открытию этого съезда альманах на русском и карачаевском языках, но времени, очевидно, оставалось слишком мало, и это намерение было осуществлено позднее²⁸.

От карачаевской организации на первом съезде советских писателей присутствовал А.-К. Батчаев — делегат с решающим

---

²⁶ Н. Феоктистов, *Литературные организации Северного Кавказа*, — «Революция и национальности», 1934, № 6, стр. 39, 40.

²⁷ Там же.

²⁸ «Альманах (Къарачай совет художество литературасыны югюлер). Биринчи кесеги», Мижоян-Шахар, 1936; «Къарачай поэтлини альманахы», Мижоян-Шахар, 1940.

голосом. Первый съезд сыграл огромную роль в осознании карачаевскими писателями задач, стоящих перед советской многонациональной литературой. Доклад А. М. Горького, речь А. Жданова, в которых социалистический реализм был провозглашен ведущим методом советской литературы, слова Горького об огромной роли фольклора, прозвучавшие в выступлениях делегатов призывы к полнокровному изображению социалистической действительности и нового человека, рожденного революцией, к совершенствованию писательского мастерства воодушевили писателей Карачая на новые творческие достижения. На съезде впервые во весь рост предстали национальные литературы СССР с их первыми успехами и трудностями, и это помогло карачаевским писателям увидеть свои достижения и свои недостатки.

В 1935 г. было создано отделение Союза писателей СССР в Карачае. Областная периодическая печать активно публикует очерки, рассказы, стихи, фельетоны карачаевских писателей, помещает рецензии, критические статьи на выходящие сборники; областное издательство отводит большое место в своих планах выпуску художественной литературы на родном языке; идет интенсивная публикация фольклорных материалов, активизируется работа с молодыми писателями. В результате карачаевская литература достигает известных успехов.

ОТ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ

В развитие литературы большой вклад внесла литературная самодеятельность в кружках, учебных заведениях, агитколлективах, Карачаевском ансамбле песни и танца, где создавались песни, рассказы, пьесы, сразу же становившиеся достоянием широкой общественности. Особую роль сыграла литературная самодеятельность в зарождении и развитии драматургии. Застрельщиками в этом деле выступали обычно учителя и студенты карачаевского педучилища, карачаевского рабфака, комсомольский актив. Они были и авторами, и актерами, и постановщиками. Так, например, в краевой периодической печати читаем следующее: «В г. Микоян-Шахаре в местном клубе шла пьеса „Карачаевка в когтях родителей“ на карачаевском языке. Пьеса написана и поставлена местным учителем-карачаевцем Гебеновым... Участники пьесы, местные педтехникумцы, хорошо справились с ролями, играли с большим подъемом, вызвавшим громадный интерес публики, которая вся не попала в зал благодаря большому наплыву... Искусство и театральное дело здесь начинают только зарождаться. Инициатор этой постановки, учитель Гемма Гебенов, одаренный человек, местный пи-

сатель, первый музыкант и танцор, преподает пение и музыку в педтехникуме»²⁹.

Карачаевский ансамбль песни и пляски, организованный во второй половине 30-х годов, осуществил также ряд драматических постановок, пользовавшихся большим успехом у зрителей. Так как не было специальных помещений или театра, то постановки эти обычно проходили на клубных сценах, в школьных помещениях аулов. Реквизит и костюмы актеры собирали перед началом спектакля у будущих зрителей, и в каждом доме охотно давали национальные костюмы, мебель, ковры, посуду и утварь, встречали актеров как желанных гостей. День спектакля превращался для всего аула в праздник.

В какой-то мере это отношение к драматическому искусству восходит к древним народным традициям. На тоях, на празднествах, в самом исполнении хоровых песен всегда присутствовал игровой элемент. Содержался он и в трудовых процессах. Например, в период подготовки сенокоса выбирали тамаду, способного организовать работу и питание, и аксакала-комика, который шутками, песнями, играми и плясками поддерживал бодрое и веселое настроение работавших. Наконец, существовала форма народных представлений, называемых *теке* («козел»), разыгрываемых народными актерами — находчивыми остроловами, попасть на язык которым было так же страшно, как быть ославленным в сатирической песне. Вокруг актеров-теке, одетых в козлиные шкуры, собиралась толпа зрителей, и они развлекали ее клоунадой и сатирической импровизацией. Прибытие актеров в аул всегда было большим событием для его жителей. Отчасти поэтому, когда в 20—30-е годы ставились самодеятельные бесплатные постановки, народ переполнял помещения, живо реагируя на происходящее на сцене и награждая участников спектакля горячим выражением своего искреннего восхищения.

Пьес было написано и поставлено немало, однако многие из них остались в рукописи и утеряны. О существовании их можно судить по кратким корреспонденциям в газете и по воспоминаниям зрителей³⁰. Большинство авторов написало по одной пьесе, часто одноактной. Те из них, которые представляли интерес, выходили отдельным изданием³¹.

²⁹ «Театр в Карачае», — «Революция и горец», 1930, № 1, стр. 89.

³⁰ В газ. «Таулу джашау» от 23 августа 1925 г. сообщалось о первой пьесе «Дарфат бла Хаулат», которую играли дети в аулах Хурзук и Уччулан и которая имела огромный успех.

³¹ Мухаммат Борлакъланы, *Насыбсыз къарачайлы къыз*. Алты джабуулу пьеса, Кисловодск, 1929; Али Къоркъмазланы, *Къызыл аскерни тамадасы кадетлеге джесирге тюшгени*. Бир актлы пьеса, Кисловодск, 1929; Абидаг Боташланы, *Джахил тышырыу бла окъугъан тышырыу*, Кисловодск, 1931; Хамзат Каракётланы, *Коммуна*. Юч джабуулу пьеса, Кисловодск, 1931; М. Акъбай улу, *Къарангылыкъдан джарыкълыкъга*. Тёрт джабуулу пьеса,

Гемма Гебенов

Наиболее плодотворным драматургом, написавшим пять или шесть многоактных пьес, был Гемма Гебенов — учитель, музыкант, танцор и поэт³².

Гемма Гебенов и поэт Азрет Уртенев первыми в Карачае начали переводить драматические произведения других народностей Северного Кавказа. Известны переводы Геммой Гебеновым пьес осетинского драматурга Э. Тлатова³³ «Рожденный в яслях»,

---

Нарсана, 1932; Ш. Эбзеланы, *Огъурлу*. Юч джабуулу пьеса. Комедийа, Микоян-Шахар, 1937; Байрамукъланы Халимат, *Эки джюрек*, Микоян-Шахар, 1939.

³² Имауддин Гебенланы, *Насыбсыз къарачайлы къыз*, — Газ. «Таулу джашау», 1926; Имауддин Гебенланы, *Эски адетле-джолла*. Алты джабуулу пьеса, Микоян-Шахар, 1929; Имауддин Гебенланы, *Бирликде-тирилик*. Къарачай-малкъар тилде тёрт джабуулу пьеса, Микоян-Шахар, 1930.

³³ Э. Тлатов, *Бауда тугъван*. Алты суратлы юч джабуулу драма. Кёчюрген Гебенланы Гемма. Кисловодск, 1931; Э. Тлатов, *Джангы шыйых*. Бир оюнлу комедийа (кюлкюлюк ойун), Кёчюрген Гебенланы Гемма, Кисловодск, 1931; Э. Тлатов, *Эки тенъ*. 4 оюнлу пьеса. Кёчюрген Гебенланы Гемма, Кисловодск, 1931.

«Два друга», «Новоявленный шейх». Азрет Уртенов творчески переработал пьесу Д. Кусова (Хазбулата) «Мариам»³⁴.

Журнал «Революция и горец» своими рецензиями о драматических произведениях соседних народов способствовал ознакомлению с их литературным опытом, создавал атмосферу творческого соревнования. Постепенно складывался репертуар самодельного театра.

В своих пьесах карачаевские авторы откликались на все самые актуальные проблемы, разрабатывали темы гражданской войны, коллективизации, борьбы с вредными традициями и религиозными предрассудками, с невежеством, с угнетенным положением женщин.

Интересно, что в этой, только еще возникающей драматургии уже заметна тенденция к жанровому разнообразию. Мы находим здесь пьесы героические, героико-комические, агитационные, социально-психологические и даже исторические.

Драматический коллектив педтехникума осуществил в те годы постановку исторической пьесы Г. Гебенова «Къарча бла Къазий-бий» («Карча и казий-бий»), сюжет которой основан на предании о Карче — легендарном родоначальнике карачаевцев.

Именно с ним связывает предание появление карачаевцев в верховьях Кубани. В пьесе разрабатывался мотив борьбы карачаевцев против горских феодалов. Род Карчи строит свое селение, а кабардинский князь по свежим щепкам, плывущим по реке, узнает о том, что на его землях появились чужие люди. Приехав к Карче, он требует джасака (дани. — А. К.). Карча дает ему шелудивую собаку. Разгневанный князь силой изгоняет род Карчи в Абхазию. Пьеса заканчивается тем, что Карча с помощью абхазцев завоевывает право жить в верховьях Кубани.

Пьеса обличает феодальные устои, высмеивает сословную спесь. В пьесе есть такой эпизод. Изнеженная княжна проходит по бревенчатому мосту, поддерживаемая двумя караушами (рабынями. — А. К.), и гордость ее настолько непомерна, что она плюет в подставленные ладони рабынь: даже ее плювок не должен коснуться земли!

Другая пьеса «Похищенный Мурат»³⁵ представляет собой историческую драму о похищении и продаже детей в рабство в XVIII — начале XIX в. В ней подчеркнуты гуманизм, миролюбие карачаевского народа, страдавшего от набегов кызылбеков и кызылбашей.

Гражданской войне посвящены одноактная пьеса А. Корк-

³⁴ Д. Кусов, *Мариам*, Шимал Кавказны таулуларыны джашауларыны болумундан алынган төрт кесекли пьеса. (Бююнго халдан). Кенюрген Ертенлени Азрет, Кисловодск, 1930.

³⁵ Б. Чотчаланы, *Урланган Мурат* (80—90 джыл мындан алгъа джашаудан алынб джазылган 6 джабуулу пьеса), Микоян-Шахар, 1936.

Абул-Керим Батчаев

мазова «Красный командир в плену у кадетов» (1929 г.) и пятиактная пьеса А.-К. Батчаева «Ахмат-Батыр» (1933 г.)³⁶.

Интересно, что тема гражданской войны в Карачае не нашла своего развернутого отражения в поэзии и прозе 20—30-х годов, и драматургия в какой-то мере восполняет этот пробел.

Пьеса А. Кокмазова построена на остром столкновении классовых интересов в период гражданской войны на Северном Кавказе. Красный командир карачаевец Даут попадает в плен к кадетам, и белогвардейский «генерал», тоже карачаевец, пытается толкнуть его на предательство, прельщая блеском золотых погонов. Это характерная деталь, ибо в прежнее время для простого горца всякий, кто носил погоны, был «генералом», представителем властей. Однако белогвардейскому «генералу»

³⁶ А. Батчаланы, *Ахмат-Батыр*, 5 джабуулу ойун, Нарсана, 1933.

не удается сломить чувство революционного долга, верность интересам народа, которые владеют Даутом. На Даута не действуют ни уговоры, ни посулы, ни угроза смерти. В самый напряженный момент героя спасает подошедшая Красная Армия.

Несмотря на примитивность сюжета и обрисовки характеров, пьеса подкупает читателя искренним стремлением автора создать образ народного героя, защитника интересов трудящихся.

Это стремление характерно и для пятиактной героико-комической пьесы А.-К. Батчаева «Ахмат-Батыр», в которой отражен один из моментов установления Советской власти в Карачае. Враги революции используют религиозные и национальные предрассудки, идут на клевету, подкуп, предательство и насилие, спешат обмануть народ и заставить его выступить против Советской власти. По словам белого офицера Хамзата, надо торопиться, пока народ «не раскусил, что эта власть — его власть».

Хамзат пишет антисоветскую листовку, полную злостных и вздорных слухов, которые распускали контрреволюционеры во время коллективизации:

Слово «большевик» произошло от слов «большой вол». Их жизнь будет подобна жизни скотов. У них, как у животных, не будет ни отцов-матерей, ни братьев-сестер. Мужчины и женщины без разбора будут жить в одном доме, спать в одной постели. Неспособных к труду стариков будут сжигать на костре, детей будут варить и отправлять в Китай. Как только большевики появятся здесь, и жена твоя, и дочери твои будут принадлежать им...

Интересно, что в пьесе Г. Гебенова «В единении сила», посвященной коллективизации, эти слова повторяются почти буквально.

Образы врагов народа схематичны и однолинейны: бай Хаджи-Мурза — жестокий и хитрый собственник, дерущий с бедняков три шкуры; эфенди Хызыр алчен и двуличен; белый офицер Хамзат мстителен и жесток. Все они изображены в сатирическом плане — трусливы, подлы, двоедушны, с ненавистью относятся к народу. Для этих людей нет ничего святого. Даже узы кровного родства не останавливают бая Камгута: он предает своего племянника Ахмата и предательски вонзает ему нож в спину.

Сын бедняка Ахмат-Батыр воплощает в себе черты народно-героя и заступника: силу, мужество, безудержную храбрость, находчивость, веселый нрав, остроумие и необыкновенную удачливость. Это роднит его облик со сказочными героями.

Недостаток психологизма в этой пьесе обильно возмещен авантюрно-приключенскими элементами и эффектными сюжетными положениями. Завязка пьесы — клятва Ахмата и двух батраков: Тынч-Джатмаза (букв. «Человек, который лишен от-

дыха») и Нанчыка (букв. «Душенька»), — бороться до конца за освобождение бедноты.

Затем следуют многочисленные перипетии: герой попадает в дом бая Хаджи-Мурзы, где готовится контрреволюционный заговор. За столом сидит Хамзат, на столе деньги для белогвардейцев и подметное письмо с клеветой на Советскую власть. Отец Ахмата на коленях умоляет Хамзата не трогать его сына, а тот оскорбляет старика и грубо отталкивает его. Взбешенный Ахмат убивает Хамзата, отдает отцу деньги для раздачи беднякам, берет себе лучшего байского коня и скрывается.

Все третье действие построено на смене комических и драматических моментов, на использовании таких комедийных приемов, как переодевание, узнавание, появление таинственных масок и прочее. Действие происходит в доме бедной женщины Хорасан, где собралась на танцы молодежь. Чтобы поймать Ахмата, белые берут заложников и разоряют бедняков в расчете на то, что Ахмат сдастся, не желая подвергать опасности простых людей. Действительно, Ахмат приходит. В сцене его разоружения, в которой проявляется трусость белых, Ахмат, размахивая, как бомбой, яблоком, повергает их в панику, приказав не трогать бедных под угрозой мести. Тогда белые, убедившись, что силой Ахмата не возьмешь, решают подкупить его дядю бая Камгута. Ахмат попадает в ловушку, подстроенную дядей. Предательский удар Камгута — и связанного Ахмата ставят к стенке, но позволяют сказать свое последнее слово: «Я умру, но большевики живы. Бедняки, батраки с ними. Ахмат умрет, но бессмертно дело, за которое боролся Ахмат!». В последний момент вбегает служанка Хаджи-Мурзы Лейла, переодетая в одежды дочери бая. Она «благодарит» карателей за то, что поймали «убийцу» ее брата, и в честь такой радости подносит им водки. Пока те пьют, она освобождает руки Ахмата. Герой снова спасен. Так его постоянно выручает и поддерживает народ, что делает Ахмата неуловимым и дает ему чудесную силу.

В пятом действии изображается паника среди врагов революции, когда в ауле вместе с отрядом Красной Армии появляется Ахмат. Пьеса заканчивается песней о Буденном, которую поют красноармейцы.

Героическое в пьесе переплетено с комическим. Это характерно как для приключений Ахмат-Батыра, так и ситуаций, связанных с батраками Тынч-Джатмазом и Нанчыком. Пьеса начинается с грустной песни Тынч-Джатмаза, который поет о своей полной невзгод жизни. Но вот он неожиданно находит богатую шубу и надевает ее поверх своих лохмотьев, первый раз в жизни почувствовав, что зимой ему тепло. Однако появляющийся бай Даулет отбирает его находку. За этим следует комическое препирательство в духе известного анекдота — «Мы с

с тобой шли? — Шли!..», разоблачающее собственническую психологию кулака, его алчность:

Тынч-Джатмаз. Даулет, о Даулет! Совсем застыло у меня сердце от холода, дай, ради Аллаха, мне эту шубу!..

Даулет. Какую шубу?

Тынч-Джатмаз. А вот мы с тобой шли?

Даулет. Шли.

Тынч-Джатмаз. И шубу эту мы нашли?

Даулет. Нашли.

Тынч-Джатмаз. Так дай мне ее.

Даулет. Что тебе дать?

Тынч-Джатмаз. Шубу!

Даулет. Какую шубу?

Тынч-Джатмаз. Вот опять! Смотрите на этого человека... Мы с тобой шли?

Даулет. Шли.

Тынч-Джатмаз. Шубу нашли?

Даулет. Нашли.

Тынч-Джатмаз. Дай мне ее.

Даулет. Что тебе дать?

Тынч-Джатмаз. (С сердцем). Вот ту шубу, которую я нашел!

Бай уходит, отобрав шубу, приказав Тынч-Джатмазу гнать отару на станичные земли и внушая ему: «...Если, находясь возле пeverного, каждодневно не будешь наносить ему на 25 копеек вреда, навредишь своей вере!».

После ухода бая появляется батрак Нанчык, само имя которого говорит о его влюбчивости, и рассказывает Тынч-Джатмазу, что влюбился в дочь бая Зайнеб не только за ее красоту, но и за ее доброту и человечность.

Тынч-Джатмаз говорит ему:

— Оставь, Нанчык, оставь. Ты аркан метнул в такое место, что если даже заарканишь добычу, то не сможешь ее достать. Даулет, отослав домой припасы, сам сел на карабахского жеребца и, словно орел в поднебесье, умчался домой. Эх, видел бы ты этого жеребца! Нет, наверно, на свете животного, красивее и сильнее его!

— А разве серый конь моего хозяина хуже жеребца Даулета?

И между ними разгорается ссора, которая переходит в драку.

В этот момент и появляется Ахмат. Узнав о причине ссоры, он стыдит батраков за их темноту и глупость, превратившую их в байских «обезьян». Он объясняет им, как можно стать свободными и добиться уважения людей. Затем они все вместе дают клятву бороться с богачами. Тынч-Джатмаз еще несколько раз

появляется в пьесе, внося юмористическую струю в развитие событий.

Пьеса Батчаева, насыщенная действием, острыми сюжетными ситуациями, прославляющая ум, ловкость, мужество простого батрака, исполнена социального оптимизма. Написанная в годы коллективизации на Дону, Кубани и в горах Северного Кавказа, она звучала особенно злободневно и, естественно, пользовалась большим успехом у зрителя.

Примером агитационной пьесы может служить произведение Абидат Боташевой «Грамотная и неграмотная женщина» о двух женских судьбах. Пьеса эта иллюстративна. Она скорее повествование, чем драма. В аул приезжает после учебы в Москве молодой инженер Хамид. Он женится на Айшат, дочери небогатых, но передовых по своим взглядам людей, и их маленькая семья становится образцом для всех: так счастливо и дружно они живут и работают. Жизнь подруги Айшат — Сафият, дочери богатых невежественных родителей, складывается, наоборот, очень дурно. Муж пьет, скандалит. Ребенок невоспитан. Пьеса заканчивается плачем Сафият, в котором она проклинает свою отсталость, видя в ней источник всех бед, и призывает девушек учиться.

Другая агитационная пьеса «В единении сила» принадлежит перу Геммы (Имаутдина) Гебенова. Он изображает ожесточенное сопротивление кулаков проведению коллективизации. Эта пьеса уже более конфликтна и обладает более стройной композицией. В первом действии мы попадаем в дом передовой семьи карачаевского бедняка Даута, в которой обсуждается предстоящая коллективизация. Жена с тревогой пересказывает клеветнические слухи, распространяемые кулаками, а муж шуточно старается рассеять ее сомнения. Но вот появляется работник обкома Абдул-Керим, приехавший в село для организации колхоза. Он рассказывает о целях коллективизации — дать беднякам землю и счастливую, зажиточную жизнь. Такова экспозиция и завязка пьесы.

Второй акт переносит нас в дом кулака Байчоры, который вместе с муллой улещивает и подкупает несознательных бедняков (Айшат, Мустафу, Локкаша), подбивая их выступить на собрании против организации колхоза.

Третий акт пьесы — сцена собрания, на котором разоблачают подкулачников и стоящих за их спиной богатеев и принимают решение об организации колхоза. Семья Даута первой вступает в него.

Развязка пьесы — сцена суда над кулаками и их пособниками и вынесение им сурового приговора.

Пьеса публицистична, образы декларативны, хотя и есть попытки их индивидуализировать

Пьеса Г. Гебенова «Старые адаты и законы» посвящена

борьбе за равноправие женщин и направлена против законов адата. Она представляет собой трагедию карачаевских Ромео и Джульетты, которых разделяет имущественное неравенство. История богатой девушки Фатимат, полюбившей Хасана, парня из бедной семьи — это история мужественной борьбы молодых людей за свое счастье. Родители силой принуждают Фатимат выйти за богатого, но она убивает постылого жениха и бежит со своим возлюбленным в горы. Когда же она видит, что спастись от преследования невозможно, кончает жизнь самоубийством.

Пьеса отличается большим лиризмом и в обрисовке характеров влюбленных напоминает фольклорную любовную лирику (например, «Акбиче и Рамазан»). Лиризм пьесы усиливают стихи и песни, исполняемые героями.

В обеих пьесах налицо уже большая индивидуализация характеров, стремление раскрыть внутренний мир героев. Особенно интересны в этом отношении образы влюбленных, их родителей и своеобразный тип бедного, но корыстолюбивого старика Ахмата, способного на предательство и сводничество ради грошевой подачки.

Характерно также, что здесь появляются образы «резонеров», «наперсниц» и «наперсников» в духе классической драмы. Создается впечатление, что уже предпринимались попытки овладеть некоторыми приемами профессионального драматургического мастерства.

Пьесы эти ставились в течение ряда лет. И авторы, и исполнительские коллективы в процессе работы над постановками отшлифовывали произведение, придавали ему более законченный характер. Одновременно возрастала культура актеров, расширилось их знакомство с образцами классической и советской драмы.

Примером такой «доводки» пьесы может быть сценическая судьба комедии Ш. Эбзеева «Огъурлу», написанной в 1931 г. Лишь через шесть лет она была опубликована в окончательном виде. За эти годы комедия неоднократно ставилась в клубах Кисловодска, Усть-Джегуты, Учкекена, Терезе, Мара, была показана на Олимпиаде горских народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону (1931), на Пятом областном съезде Советов в Микоян-Шахаре в 1934 г.

На первый взгляд сюжет построен на любовной интриге: Зайнеб, дочь богача Джанхота, борется за свое право стать женой любимого человека — простого кузнеца Азрета. Ей приходится не только восстать против воли родителей, но и защищаться от притязаний претендента на ее руку — офицера Солтана. На стороне влюбленных — подружка Зайнеб Фатима и батрак отца — Огурлу.

События разворачиваются неторопливо. Первый акт изобраа-

жает сборы родителей Зайнеб на базар. В их отсутствие она решила повидаться с Азретом у себя дома.

Во втором действии Солтан и Азрет встречаются в ее доме. В этом неожиданном свидании раскрываются характеры обоих героев, позволяя девушке сравнить их и сделать в душе окончательный выбор.

В третьем действии автор обнажает ни на чем не основанную самоуверенность Солтана, его глупость, трусость и лицемерие. Посрамленный, он вынужден отказаться от всяких притязаний на Зайнеб. Вернувшись с базара и увидев «завидного жениха» опозоренным, родители девушки решают отдать ее замуж за простого, но умного и честного человека, живущего собственным трудом.

Центральная фигура в этой социально-бытовой комедии Шахарбия Эбзеева — герой из народа. Благодаря этому персонажу семейно-бытовая драма обретает социальную окраску. В Огурлу уже нет тех героических черт, которыми наделен Ахмат-Батыр. Его амплуа — плутоватый простака. Простота Огурлу служит в какой-то мере средством самозащиты, средством выражения протеста. Долгие годы непосильного труда и зависимости воспитали в нем терпеливость, умение не говорить вслух того, что он думает, подчиняться. Вместе с тем ему присущи природный ум, настойчивость, смелость, умение разбираться в людях. Об этом своеобразии героя сказал сам автор, вспоминая его прототип:

«У нас был сосед. Его звали Огурлу. Жил он бедно, большую часть жизни батрачил. В детской памяти у меня сохранился образ этого человека. Был он чудаковатый в жизни, наивен и в то же время плутоват. Быть таким, видно, заставляло его сознание собственной незащищенности»³⁷.

Автор находит интересный художественный прием раскрытия характера Огурлу: Огурлу предстает перед нами то в общем диалоге, то в многочисленных репликах в сторону, то в непосредственных обращениях к залу и внутренних монологах. В этом втором плане раскрывается сила социального протеста Огурлу, его вера в будущее и способность отстаивать свое человеческое достоинство и справедливость. Если в общем диалоге Огурлу как батрак поставлен в подчиненное, а порой унижительное положение, то в репликах и внутренних монологах по своим человеческим качествам он оказывается неизмеримо выше окружающих, не исключая Азрета, которому, кстати, автором отведена довольно пассивная роль.

Хотя в Огурлу, как мы сказали, сидят как бы два человека, его образ целен: то, что другими расценивается в нем как не-

³⁷ Из письма Шахарбия Эбзеева в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт от 18 августа 1962 г.

лепое и безобидное чудачество, на самом деле является бьющим оружием. Одним словом, это парень «себе на уме». Мысль, речи, поступки Огурлу — все характеризует его как натуру впечатлительную, способную на мгновенную реакцию, необычайно жизнедеятельную. Отсюда в пьесе масса традиционно-фарсовых приемов комедии положений, когда комическая ситуация достигается за счет привнесения внешних эффектов (потасовки, перебранки, неловкие движения, нечаянные оплеухи, игра в прятки, подслушивания, ответы невпопад, макароническая речь).

Зритель видит, что счастье Зайнеб и Азрета устраивает Огурлу, тогда как об этом никто из действующих лиц не догадывается. Он приносит Зайнеб весточку от Азрета и устраивает встречу влюбленных в отсутствие родителей. Он приводит Азрета в дом. Он пререкается с Солтаном, давая тому возможность в полной мере раскрыть свои низменные качества. Он заставляет Зайнеб подслушивать разговор Солтана с Азретом, в котором офицер унижает ее и отказывается от нее. Наконец, выведенный из себя издевками Солтана и воспользовавшись его опьянением, Огурлу бьет офицера, ставя тем самым его в смешное положение. Благодаря характеру Огурлу глубже и полнее раскрывается социальная сущность остальных образов пьесы, отношение их к этому бесправному, внешне безропотному, беззащитному батраку, над которым каждый волен проявить свою власть, служит своего рода лакмусовой бумажкой для определения человеческих качеств. Так, например, Джанхот девять лет эксплуатирует Огурлу, не платя ему ни гроша, колотит его только за то, что тот осмелился говорить с его дочерью. Джанхот дает Огурлу на день лишь ломоть кукурузной лепешки и айран, да и вообще не считает, что Огурлу вовсе не человек, а вьючное животное, у которого не может быть никаких желаний и чувств. Желание Огурлу жениться непостижимо хозяйскому уму. «Ишь жениться ему захотелось! А на что ему, спрашивается, жена? Чем занимается этот паршивец Огурлу, вместо того чтобы знать свое место — ходить за скотом да радоваться, что брюхо сыто!» — возмущается Джанхот.

Как на вьючное животное смотрит на него и бездельник, пьянчужка и повеса, человек с темным прошлым — офицер Солтан, для которого каждый, кто трудится, — не человек. За Зайнеб он ухаживает не столько в силу любви к ней, сколько из корыстных побуждений пригреться в доме у ее богатого отца. Огурлу выводит его на чистую воду.

В образах упрямого отца, тщеславной матери, офицера-ловеласа, кокетливой дочери и подружки-наперсницы наряду с традиционными чертами комедийных персонажей нашли отражение черты характера, обусловленные социально-бытовыми особенностями Карачая. Так, для Джанхота, попавшего из «гря-

зи в князи», жадностью и беспощадной эксплуатацией батраков скопившего себе состояние, с одной стороны, величайшим оскорблением является сомнение в его состоятельности (насмешка Солтана над лохмотьями Огурлу воспринимается им как поношение чести семьи), а с другой — его неудержимо притягивают внешние признаки власти, богатства, поэтому блестящие офицерские погоны Солтана — редкость среди карачаевцев — он предпочитает мозолистым рукам Азрета. Недалекий, вздорный, невзрачный, он напрасно отстаивает свой авторитет мужичины и главы семьи пред Айшат, болтливой, тщеславной и сверх меры любопытной бабенкой, про себя считающей, что «муж — голова, а жена — шея, куда хочет, туда и вертит». Недаром Джанхот, потеряв всякую надежду переспорить ее, с сердцем говорит в конце пьесы: «Будь ты, наконец, или женщина, или мужчина, а не тем и другим одновременно!». Во всех мелких стычках и раздорах с Джанхотом она по образу мыслей остается истинной женой своего мужа, целиком исповедующей его жизненную философию:

Очень хорошо отец поступил. Пусть учит. Вот уже семь лет, как Огурлу живет у нас. И дни, и ночи — в снег, град, буран — он ухаживает за скотом да за теми телятами, помета которых ты стыдишься, — не дает упасть на землю слову твоего отца. Вот в этой одежонке и делает, и приходит, и уходит по велению отца. Ну-ка вдумайся как работает Огурлу! Как он работает, какие дела делает! Клянусь, предпочитаю работу, сделанную Огурлу, работе пятерых, таких, как твой отец. На кошу работают двое — и те такие же. Отец ломаного проща не дал им за их труды. Лаской да тем, что обували, одевали их, дожили до сегодняшнего дня. Не бить, не ругать их только потому, что они хорошо работают, нельзя... К тому же разве мы одни так угнетаем их, бай все таковы. «Уплати батраку и возьми его душу», — говорит пословица...

«Твой же отец и не уплачивал...» — не договаривает Айшат, оправдывая Джанхота, избившего Огурлу. И Джанхоту, и Айшат еще присуща определенная двойственность: они связей с беднотой окончательно не потеряли, но в то же время уже целиком во власти собственнической психологии³⁸.

Благодаря образу Огурлу семейно-бытовой конфликт комедии перерастает в конфликт социальный. Огурлу по-своему борется с глупостью и подлостью Солтана, с тщеславием и корыстолюбием Айшат, Джанхота, лепкомыслием Зайнеб, социальной несправедливостью власть имущих. Но это лишь борьба за

³⁸ В письме, адресованном автору книги, писатель так объясняет образ Джанхота: «Джанхот разбогател собственным трудом, потом собственность покорила его, он заполучил Огурлу и еще несколько батраков. Нет границ плохому, когда человеком завладевает страсть к собственности, к приумножению ее».

право на свое маленькое счастье. Для него женить Азрета на Зайнеб означает возможность самому обзавестись семьей.

Не только для усиления социальной окраски образов и конфликта пьесы нужен автору такой персонаж, как Огурлу. Он дает возможность автору непосредственно выразить свои общественные взгляды. Это особенно ощутимо в монологе Огурлу и в его песне из первого акта, в которых звучат мотивы социального протеста и вера в неизбежность наступления лучшего дня для бедняков.

7 декабря 1931 г. в Ростове-на-Дону проходила Олимпиада горских народов Северного Кавказа, где была представлена и самодеятельность Карачая. В хронике Олимпиады напечатано:

С сообщением о карачаевском искусстве выступил руководитель группы тов. Боташев Х. Первым номером шла пьеса «Огурлу», принадлежащая перу тов. Эбзеева Ш. Автор пьесы фигурировал и как режиссер, и как артист, исполнитель главной роли Огурлу-батрака — героя комедии...³⁹

Корреспондент сообщал также, что Эбзеев без слов, одной мимикой в продолжение двадцати минут держал в напряжении весь набитый битком зрительный зал.

Знаменательны на этом этапе карачаевской литературы сам факт существования такого жанра, как комедия с сильно выраженными элементами фарса, и новая трактовка образа батрака. Это уже не мелодраматическая фигура, на голову которой обрушиваются все беды, а герой, побеждающий своих врагов, верящий в свои силы и светлое будущее. Такая эволюция одного из центральных образов молодой карачаевской литературы⁴⁰ свидетельствовала о новом мироощущении народа, ставшего хозяином своей жизни и уже иными глазами взирающего на свое прошлое. Сострадающий гуманизм сменяется верой в способность человека преобразовать мир по законам добра и справедливости.

Перу Эбзеева принадлежала также пьеса «Неопознанный труп», написанная в 1936 г.; в ней изображен шпион одной из зарубежных держав, который убивает колхозного агронома с тем, чтобы завладеть его документами, и целый год работает в колхозе, прикрывая именем честного человека свои антисоветские действия. Эта пьеса не была опубликована, так же как инсценировка по мотивам романа Аппаева «Къара-Кюбюр». Рукописи этих произведений были утеряны и об их содержании мы узнаем только из воспоминаний Ш. Эбзеева.

Возможности и предпосылки дальнейшего развития драматургии тормозились отсутствием профессиональной труппы и

³⁹ «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1931, № 12, стр. 115.

⁴⁰ См. главу о поэзии.

театра, а также тем, что ни один из начинавших драматургов не продолжал по существу работать на этом поприще. Поэтому карачаевская драматургия в целом осталась на уровне самостоятельного искусства.

В карачаевской драматургии ярко проявился массовый, народный характер литературного движения тех лет, самый момент перехода от устного народного творчества к профессиональной литературе.

ПОЭЗИЯ

Исса Каракотов

Один из зачинателей карачаевской литературы — поэт Исса Заурбекович Каракотов (1900—1942), чья поэзия выразила энтузиазм народных масс, поднятых пролетарской революцией к творческой деятельности, родился в карачаевском ауле Джёгетей (ныне входит в Усть-Джегутинский район Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края). Сначала он учился в школе при мечети, а затем окончил русскую сельскую школу.

Каракотов был одним из первых карачаевцев, командированных на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. Учеба в КУТВе способствовала становлению его мировоззрения.

Первыми пробами пера Каракотова были переводы на родной язык «Интернационала»⁴¹ и революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!»⁴². Активная творческая работа Исы Каракотова продолжалась немногим более одного десятилетия. Первая известная нам публикация — сборник стихов «Джангъы шигирле» («Новые песни»), вышедший в Москве в 1924 г.; последняя из зафиксированных нами — стихотворение «Колхоз джыр» («Колхозная песня»), напечатанное в газете «Къызыл Къарачай» 1 мая 1935 г.

Первую небольшую книжечку стихов «Новые песни» Каракотов опубликовал, видимо, не без помощи группы земляков, учившихся и работавших тогда в Москве, в частности Асхата Биджиева — сотрудника Центрального издательства национальной литературы.

Произведения этого сборника, обличающие прошлое, направленные против религии и духовенства, призывающие к раскрепощению женщины, строительству новой жизни, овладению культурой, уже отражали основную тематику его творчества.

⁴¹ И. Къаракётланы, *Джангъы шигирле*, М., 1924.

⁴² «Таулу джашау», 16.XI.1924

Стихи эти еще далеко не совершенны, дидактичны, декларативны.

По возвращении из Москвы Исса Каракотов активно включается в советскую работу. С 1924 г. он — председатель Хумаринского окрисполкома, затем председатель Карачаевского облсовпрофа.

Поэтическое творчество Ииссы Каракотова с первых же шагов оказалось тесно связанным с газетой, с журналистами и поэтами Азретом Уртеновым, Абдул-Керимом Батчаевым, которые так же как и Исса Каракотов делали свои первые шаги в литературе.

Исса Каракотов написал немного, всего около трех десятков стихотворений. Итог творческой деятельности поэта — сборник стихов «Революционные песни», изданный в 1931 г.⁴³ В него вошли произведения, написанные в 1926—1931 гг. Исса Каракотов пришел в поэзию, не имея никакого литературного опыта. Его стихи искренни, самобытны и безыскусны.

Однако ко времени выхода в свет этого сборника поэт значительно вырос, что отмечала и критика⁴⁴. Ислам Карачайлы делится таким любопытным воспоминанием о Каракотове:

Один поэт-карачаевец на заданный ему вопрос, как он написал одну изумительную по глубине замысла вещь, ответил: «Ехал однажды верхом один из Большого Карачая в Джегуту (с гор на равнину). По пути не встречал никого, кто бы мог помешать мне размышлять, наконец, выпался. И вот стал размышлять, и в голове стали складываться рифмы. Сложилось нечто вроде "назму", только, разумеется, безбожное⁴⁵. И вот получилось то, что ты хвалишь»⁴⁶.

Первые поэтические мотивы и образы были навеяны Иссе Каракотову родной природой.

Величавые горные цепи, вознесшие над собой двуглавую вершину Эльбруса, выступают в его поэзии как символ мощи и неиссякаемых богатств Родины.

Стихия прозовых туч, туманов, бурных рек, лесных завалов окрашивает его поэзию в яркие романтические тона.

---

⁴³ Исса Къаракётланы, *Революцион джырла* (2-чи китабы), Кисловодск, 1931.

⁴⁴ И. Карачайлы, *Писатели и поэты Карачая*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1929, № 2, стр. 72.

⁴⁵ «Назму», — арабское слово, означающее «стихотворство, стихи, поэзия». Видимо, И. Каракотов противопоставлял свои стихи («безбожное») мусульманской религиозной поэзии («назму»). Впоследствии за словом «назму» в карачаево-балкарском языке утвердилось значение «стихотворение». С таким значением это слово бытует и ныне.

⁴⁶ И. Карачайлы, *Когда немые заговорили* (О национальной культуре на Северном Кавказе), — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1928, № 10, стр. 57, 58. Речь, возможно, идет о стихотворении Каракотова «Кавказ».

Исса Каракотов

Вдохновенный гимн своей родине слагает Каракотов в стихотворении «Кавказ»:

Гордый Кавказ, «Салам!» — говорю я тебе,
Высоким прекрасным горам,
На плечи которых стаями опускаются сизые тучи,
Прилетающие в гости из далеких краев⁴⁷.

Поэтические ассоциации, возникающие у Исы Каракотова, связаны с привычными представлениями горцев об окружающей их природе и быте, они естественны и просты. Поэт пишет, что облака, сплетаясь друг с другом, сворачиваются, словно клубки шерсти:

---

⁴⁷ Исса Къаракётланы, *Сайламалары*, Черкесск, 1960.

Прекрасные, журавлиноголазые горы меняют свой вид,
Надолго омежают ресницы свои,
Укрывшись фатой от дурного глаза.

Высокие горы повиты туманами —
Прекрасные долины зеленым-зелены.

Вершины их изукрашены, как белый ковер,
Сверкают, как только коснутся их солнца лучи;
Румянится неба подол, касающийся гор,
Обманчива близость его.

В центре стихотворения — слово Эльбруса, обращенное к Казбеку. В нем выражено страстное желание могучих гор раскрыть и отдать свои сокровища миру, помочь мужественному и трудолюбивому народу своих ущелий построить новую жизнь:

Неисчерпаемы богатства мои:
Тенисты склоны, сочны травы на пастбищах;
Золото, серебро хранят мои горы;
Шумят воды,
Утоляющие жажду, орошающие землю,
Излечивающие болезни.

Теперь безопасны дороги ко мне,
И едут отовсюду люди сюда,
Уезжают они, полюбив меня...

Человек представляется поэту неотъемлемой частью величественной горной природы. Она не подавляет его своей грандиозностью. Человек живет и действует в ней как ее полноправный хозяин. Сам поэт воспринимает окружающее так же, как изображаемые им люди, пасущие стада и охотящиеся на оленей.

Пейзаж в поэзии И. Каракотова динамичен. Ущелья и вершины, изображаемые им, наполнены жизнью, населены людьми, перо поэта воссоздает в воображении читателя резвящихся животных, звенящих птиц, шум рек, запахи трав, шелест лесов.

В стихотворении «Кавказ» ощущается неразрывная связь поэтики И. Каракотова с традициями карачаево-балкарского фольклора. Она прослеживается в лаконичности повествования, в разработке мотивов народных песен «Бийнегер» и «Апсаты», в обращении к мифологии, в использовании известной поговорки: «Увидав траву — не спрашивай, хорошо ли пастбище; увидав богатыря — не спрашивай, велика ли сила».

В этом стихотворении ярко отразилась творческая индивидуальность автора. В сгущенной метафоричности и живописности стиха, в патетике интонации, в широте мысли поэта, стре-

мящегося охватить и красоту природы, и жизнь горцев, их прошлое, их будущее, чувствуется подлинный гуманист, человек, наделенный страстным темпераментом, пылким воображением, большим человеческим достоинством.

Каракотов, истинный сын трудового народа, жил его интересами, интересами всей огромной Страны Советов. Его творчество проникнуто пафосом ломки старого мира, пафосом строительства нового общества. Именно это обстоятельство делает его поэзию поэзией контрастов — животворящего света и заставляющей меркнуть взор тьмы. Всегда все светлое он связывает с новым в жизни народа — со свободой, созидательным трудом, просвещением и культурой, принесенными революцией, а тьму — с нищетой, отсталостью, беспорядком, невежеством, угнетением в дореволюционном прошлом.

Он воспевает Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая принесла свободу трудящимся России, а в их числе и горцам. Октябрь посвящает поэт свои стихи: «Хар къралда этерге» («Свершить в каждой стране») и «Хар къралда чанчылыр» («В каждой стране будет водружено»). В них он рисует Октябрьскую революцию как «очистительный ураган», после которого на прояснившемся небе засияла «яркая звезда». Поэт невольно возвращается мыслью к недавнему прошлому. Каменные мешки ущелий отгораживали народ от мира; рабский труд бедноты на землях и на кошах богачей; нищета, заставлявшая отдавать детей в батраки; вечный бич бедняков — болезни, от которых муллы лечили чернильными смывами с дуа⁴⁸; задымленные сакли с земляным полом и земляной крышей, которые, как могилы, заживо погребали поколения людей, — таким предстает прошлое карачаевцев в стихах Каракотова.

Обращение к теме прошлого, дореволюционной жизни отражает рост национального самосознания масс. Изображая старое, писатель помогает лучше понять новое. С такого приема изображения современности начинали многие писатели и сказители народов Советского Востока.

Но кровь борцов за народное счастье омыла землю, и уже засветилась на небосклоне яркая звезда революции, вселившая в народ силу и уверенность:

Мы разметали штыками
Крепости богатеев и князей,
Мы распянули врата свободы
Обездоленному народу, —

пишет поэт, восторженно приветствуя революцию.

⁴⁸ Ду а — молитва-заклинание, написанная муллой на бумаге.

Прославляя Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Каракотов создает образы ее героев, посвятивших свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся от угнетения. Вождю мирового пролетариата, вдохновителю Октябрьской революции посвящает поэт стихи «Хорладынь» («Победил») и «Унутмазбыз» («Не забудем»). В первом из них он рассказывает о жизни Ленина, славит всепобеждающую силу и бессмертие ленинского учения. Поэт призывает быть верными заветам вождя, твердо идти по ленинскому пути, крепить мощь Советского государства. В Ленине он видит народного героя, создателя великой партии, которая повела народ на борьбу против насилия, а затем на борьбу за создание нового общества — общества без эксплуатации. Ленинизм изображается поэтом как могучее дерево, корни которого ушли во все страны мира, а плоды приносят счастье народам земли. В партии, непоколебимой и величественной, как гора, поэт видит залог победы ленинского дела, залог успешного построения коммунизма.

Светлой памяти Саида Халилова, участника революционных событий 1905 г. в Петербурге, организатора первого социал-демократического кружка в Карачае, убитого контрреволюционерами в 1921 г., посвятил поэт стихотворение «Унутулмазса» («Ты не будешь забыт»). Борец за права угнетенных, он, «словно солнце своим сиянием», осветил путь обездоленным. Изодня в день, упорно и неустанно внедрял он в сознание горцев мысль о народной силе, о том, что только они сами в состоянии разорвать узы гнета, проложить путь к свободе, водрузить знамя собственного счастья.

Революция принесла в горные ущелья новую жизнь, вдохнула в народ силу, и он обрел возможность покорить суровую природу и поставить ее на службу себе — таков смысл стихотворения «Сюрюүчюню аузундан» («Из уст пастуха»). Образ солнца, пронизывающий все стихотворение, символичен. Солнце олицетворяет технику, науку, культуру, которые покорят природу и передадут ее богатства людям. Утренняя заря рассеивает мрак ущелий, поднимается яркое солнце, распустив золотые волосы-лучи, сияние его разливается по балкам и ущельям. Под этим великолепным солнцем сверкают гордые пики, но у подножия гор в мрачных теснинах живут не устремившиеся еще к свету темные люди. Всю жизнь видели они над собой только крошечный клочок неба.

Яркий солнечный свет и мрак горных ущелий — два контрастных образа, поэтически передающих столкновение нового, пришедшего с революцией, и старого, длившегося многие столетия беспросветного существования.

Вторая часть этого стихотворения носит агитационно-публицистический характер. Поэт схематично рисует картину индустриализации горного края. В лексике и образном строе этого

стихотворения, не отличающегося единством стиля, рядом с подчеркнуто поэтическими образами, охарактеризованными выше, соседствуют прозаизмы («Америка техникагъа эришиб» — «Соревнуюсь с американской техникой») и техницизмы (паровоз, поршень, шестерни и др.). Такую стилевую пестроту можно объяснить тем, что в привычный для горца мир эстетических представлений в те годы хлынул мощный поток новых понятий и слов, отражавших те изменения в их жизни, которые наступили в результате революции. Сочетание, с одной стороны, ассоциаций, привычных для горца-животновода и охотника, а с другой — почерпнутых из арсенала русской пролетарской поэзии тех лет («Кузница» и др.) порождает такие причудливые тропы:

Грудь гор рассекут машины,
Пробьют глубоко сердцевину их...
Хрящи их сверлами изложем,
Их костяный мозг в машинах спрядем,
Так вот и просеем золото и серебро.

И. Каракотов посвящает ряд стихов социалистическому строительству. Поэта волнует жизнь всего советского народа, он воспевает его успехи, достижения («Матери нефти — Баку», «Сельмаш», «Дар свободы»). Грандиозность социалистического преобразования природы приводит поэта к ярким романтическим ассоциациям, гиперболам, олицетворениям, метафорам.

Стихотворение «Матери нефти — Баку» («Нефт анасы Бакугъа»), посвященное открытию нефтепровода Баку — Грозный — Туапсе (1929 г.), четкостью рисунка напоминает черную белую гравюру: «Лоно земли заключают в свои объятия черные вышки, словно башни»; «бьет, рассекая землю, нефть — черная ее кровь»; «выскальзывая из недр, подобно змее, фонтаном она взмывается к небу, уподобляясь черной туче»; «распустив черные пряди, клубясь, вновь падает наземь... и мчится по трубам к Черному морю».

Стихотворение «Сельмаш» написано Каракотовым после посещения им в составе горской крестьянской делегации гиганта сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. Сельмашстрой в годы коллективизации сыграл огромную роль в перестройке сельского хозяйства на новой, социалистической основе. К Ростову-на-Дону как к экономическому центру тяготели земледельческие районы Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Казахстана и Средней Азии. Для этих национальных республик и областей Сельмаш был не только заводом, снабжавшим юг сельскохозяйственными машинами, но и школой социалистического труда, школой воспитания новой идеологии. Грандиозную стройку поэт воспринимает как огромное живое существо и вступает с ней в разговор. В патетическом монологе

строящегося завода раскрывается его значение в жизни всей страны и горских народов, а также международное значение индустриализации СССР:

...Я создам машины для сельского хозяйства
И приведу их всюду: в степи и горы,
Заведу их и заставлю работать
На социализм.
Узы, связывающие рабочего и крестьянина,
Я выкую из железа, выплавлю из стали,
Сниму с их плеч тяжелый груз, —
Грудь гор пробью машинами.
Я уничтожу частную собственность и эксплуатацию,
Я подниму, я разовью общественное хозяйство,
Я приближу страну к социализму
И построю его на всей земле.
Вот это и есть моя цель, мое стремление,
Вот это и есть моя клятва, парень из аула.
Пусть это дойдет до каждого
Из тех отсталых, кто живет в самых горах.

Монолог имеет агитационный характер и заканчивается призывными лозунгами, которым автор придал форму традиционных карачаевских здравниц — алгышей:

Да огнет частная собственность, да укрепится равенство,
Пусть растет общественное достояние, несущее благо народу.

Стихотворение «Сельмаш» написано И. Каракотовым в 1929 г. и явилось, пожалуй, первой попыткой «в карачаево-балкарской литературе показать социалистическую индустрию... гиперболические эпитеты („железнодорожий“, „стальногрудый“), — вся эта огненно-солнечная, дымно-металлическая картина напоминает нам эйдологию русской „Кузницы“»⁴⁹.

В стихах Каракотова, посвященных социалистическому строительству, мы не найдем влияния крупнейших поэтов 20-х годов: Э. Багрицкого, С. Есенина, Н. Асеева и др. Каждый из них обладал ярко выраженной творческой индивидуальностью, которую непросто было воспринимать, не владея культурой поэтического труда. Стихи поэтов Пролеткульта и «Кузницы» были ближе ранней карачаевской поэзии своей патетикой, декларативностью, гиперболизацией, абстрактным коллективизмом, космизмом и символичностью, которые позволяли обобщенно и

---

⁴⁹ П. Балтин, «Революционные песни» Исы Каракотова, — «Сб. трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института», вып. 2, Нальчик, 1959, стр. 216.

эмоционально отразить новые идеи и явления современности. Недаром рисунок на обложке книжки И. Каракотова «Революционные песни» повторяет оформление журнала «Кузница» — издания группы пролетарских поэтов, вышедших в 1920 г. из Пролеткульта.

Но между тем Каракотов начинает нащупывать верный путь к определенности и самобытности своей творческой манеры: он обращается к тому новому, что принесла революция в его родной край. Стихотворение «Эркинликни саугъасы» («Дар свободы») написано по поводу торжественного открытия нового города Микоян-Шахара в день 10-летия Октября. Революция предстает в символическом образе грозы, очищающей небо от туч, освобождающей от мрака солнце, чье сияние видно даже слепым. Декларативное, пафосное, это стихотворение воспевает, хотя и в абстрактных образах, одно из важных событий в жизни горцев.

Певец нового времени И. Каракотов не мог пройти мимо такой острой темы, как раскрепощение женщины, — одной из злободневных тем в литературах Советского Востока тех лет. В стихах «Аналыкъ» («Материнство»), «Таулу кызыны тарыгыуу» («Жалоба девушки-горянки»), «Кюн тийди» («Солнце осветило») автор выразил стремление горянок вырваться из патриархального рабства:

Долго жили мы, женщины,
В юковах,
И были похожи на соловьев,
Заключенных в железную клетку.
Мы взмахиваем крыльями,
Чтобы взлететь в воздух,
Чтобы черные тучи
Разметать с нашего пути.
Чтобы откинуть ржавую пелену,
Взглянуть на мир
Широко раскрытыми очами,
Сбросить гнилые обычаи.
Чтобы увидеть ясным то солнце,
Которое сегодня тускло светит,
Чтобы зажечь свободными,
Овладев знаниями и науками.

Непременным условием подлинного раскрепощения мусульманской женщины И. Каракотов считает образование и участие в общественно-полезном труде. В патетическом монологе поэт возносит хвалу науке и культуре, клеймит невежество.

Гнев борца кипит в стихотворении «Кёз ач» («Открой глаза»), направленном против религии. Начало коллективизации

в Карачае, как и повсюду, вызывает обострение классовой борьбы, ожесточенное сопротивление баев и духовенства. Поэт разоблачает реакционную сущность мусульманской религии, осважавшей социальное неравенство.

Исса Каракотов удачно использует популярный в 20—30-х годах диалогический стих, эту своеобразную форму драматизации лирики. Использование диалога в качестве композиционного приема как бы воссоздает антирелигиозные диспуты тех лет. Вначале поэт призывает читателей вспомнить прошлое, когда

Правды не было ни в сердцах, ни в делах,
О ней говорилось только в лживых речах;
Когда вся правда состояла в том, что богачи,
Взобравшись на высокое плодоносящее дерево,
Оплевывали народ, находившийся внизу.

Каракотов говорит, что лживое перо начертало законы Корана, «чтобы вселить страх в сердца бедняков, заставить их покорно трудиться на богачей и князей».

За авторским вступлением следует монолог комсомольца, который представляет собой образчик ораторской речи, изобилующей риторическими вопросами и восклицаниями. Он направлен против ислама, восхваляющего власть богатых и сильных, оправдывающего жестокость и насилие. «Праведные пути Аллаха, — говорит комсомолец, — это пути, залитые кровью угнетенных и слезами сирот. Сама история человечества, история рая для богатых и ада для бедных, — доказательство того, что мудрого и справедливого Аллаха не существует».

В стихотворении разоблачена античеловечность ислама. В зеленом знамени ислама видит комсомолец символ вражды между народами. Картина мира, создаваемая мусульманским богословием, представляется ему фантастическим отражением жизни человека на земле, вражда религий истолковывается им как борьба, используемая эксплуататорами для порабощения трудящихся. Комсомолец задает мулле вопросы, продиктованные жизнью:

Почему Аллах разъединил нас?..
Почему кровь гяура позволено проливать
мусульманину?..
Почему религия враждебна жизни?..

Но мулла не в состоянии дать вразумительный ответ.

Вера в силу человеческого разума, в победу света над тьмой придает речи комсомольца то гневно-патетические, то саркастические интонации. Логичным и убедительным доводам ком-

сомольца мулла может противопоставить только избитые формулы религиозных проповедей и демагогию угнетателя:

Если бы не было бая, как бы жил бедняк?
Не батрача, что бы он ел?
У одного — скот, у другого — рабочие руки,
И поэтому оба сыты.

Комсомолец и мулла — это пока не полнокровные реалистические характеры. Они всего лишь носители враждебных идеологий, лишённые индивидуальных черт внутреннего облика. Однако здесь уже можно усмотреть прообразы типических персонажей, и в самом появлении их очевидно стремление к эпическому отображению жизни.

Эпическая тенденция в творчестве Каракотова дальнейшее развитие нашла в поэме «Бай и батрак», в основу которой было положено событие, имевшее место в действительности: татарин-батрак был убит хозяином, не пожелавшим отдать ему заработанный скот⁵⁰. В поэме четко выделяются компоненты сюжета: завязка — наем батрака, кульминация — разговор кулака с батраком перед убийством, развязка — убийство. Однако повествовательных моментов в поэме очень мало, преобладают элементы лирического, эмоционального восприятия рассказчиком событий и диалоги героев.

Персонажи поэмы наделены индивидуальными чертами. Батрак честен, доверчив, искренен, трудолюбив. В образе кулака заострены черты лицемерия, вкрадчивой хитрости, жестокости. Однако индивидуализация этих образов еще не глубока. Характеры раскрываются преимущественно в прямой и косвенной речи, дополняемой авторскими комментариями.

Композиционно поэма строится на контрасте: в первой ее части кулак улещивает доверчивого парня, рисуя в радужных тонах будущее батрака:

Буду считать тебя сыном,
Не обделю тебя,
Выплачу все,
Что будет тебе причитаться.
Поверь моему слову:
Упади ты соринкой мне в глаз —
Не буду тереть его, жалеючи тебя,
Желая уподить тебе...
Если будет угодно Аллаху,
В жены возьмешь мою дочь
И станешь владельцем
Моего богатства, моего хозяйства.

⁵⁰ «Таулу джашау», 1928, № 146.

Но само повествование о тяжелой жизни батрака разоблачает лицемерие бая и гнусность его замыслов. Несоответствие между посулами кулака и его истинным отношением к батраку полностью раскрывается в драматическом диалоге перед убийством батрака.

Мы видим, как в душе батрака происходит перелом: исчезает покорность, вспыхивают ненависть и протест. Не мольба о пощаде, а слова проклятия срываются с его уст. В этом диалоге показано, что чувство собственника делает человека жестоким, превращает его в зверя.

Авторское вступление к поэме является экспозицией, а заключение дано в форме, очень близкой народному причитанию — *сарнау*, вносящему лирическую струю в исторические песни. Однако в отличие от *сарнау* заключение дает не только эмоциональную реакцию на происшедшее, но и осмысление изображенного в социально-политическом плане. Так, конкретное событие приобретает типический характер, исторический факт, становясь предметом поэтического обобщения, помогает поэту преодолеть обнаженную декларативность и абстрактность, характерные для его предшествовавших произведений.

В поэме Каракотова уже нет разрыва между образной системой художника и новой тематикой, новыми идеями. Тема борьбы нового со старым в сознании человека и проблемы социальных взаимоотношений, разрабатываемые Каракотовым на материале жизни его родного народа, органически связаны с миром его поэтических представлений и ассоциаций.

Оставаясь романтическим по духу произведение освобождается от излишне абстрактных и ультраромантических образов, приобретая в известной мере простоту и жизненную конкретность.

В целом же творчество Исы Каракотова характеризуется ярко выраженными чертами революционного романтизма. По духу оно близко к пролетарской поэзии 20-х годов. Заметно и формальное ее влияние: те же декларативность, абстрактность, схематизм и символичность. Но его поэзии присуща яркая образность народного мышления, эмоциональный накал.

И. Каракотов — лирик, но в его творчестве уже намечается стремление выйти за рамки малых лирических жанров и создать произведение более крупной формы — лиро-эпическую поэму.

В стиле поэзии Каракотова постепенно сливались приемы ораторской агитационно-публицистической речи с эмоциональной повествовательной манерой народных лиро-эпических песен, а в поэтическом языке соответственно объединялись социально-политическая терминология, техницизмы, с одной стороны, и народная фразеология, лексика — с другой. Уже намечается тенденция к органическому единству образной системы

и новых тем в поэзии. Характерно, что фольклорные традиции в поэтике И. Каракотова проявляются естественно и непринужденно, без рационального осмысления их поэтом. Сознательное же обращение к фольклору начинается с Азрета Уртенова.

В силу ряда жизненных обстоятельств талант И. Каракотова не развернулся в полную меру, но сама поэтичность его натуры, яркость его дарования и стремление поставить свой талант на службу новому обществу оказали большое влияние на поэтов, выступивших вслед за ним. Он явился зачинателем в карачаевской литературе пейзажной лирики, революционной песни, стихотворного диспута, лирической поэмы.

В творчестве И. Каракотова впервые отразилось самое главное и новое по сравнению с фольклором — ощущение того, что перед духовно раскрепощенным человеком распахнулся огромный мир во всем его многообразии и красочности, а сердцем и разумом человека овладела великая и прекрасная идея социального переустройства жизни.

Исса Каракотов героически погиб в танковом бою в 1942 г.

Азрет Уртенов

Моя поэзия
сердцем
крепко связана с жизнью.
Классовой борьбе,
классовым битвам
отданы мои годы.
Не до развлечений
на тоях,
не до девушек-красавиц
моим песням...
Дорогой мой
читатель!
Я борюсь
с классовым врагом,
лишь победив врага
и похоронив его,
я сложу песню
про овио высокие горы!⁵¹

Так охарактеризовал целенаправленность своего творчества Азрет Уртенов в стихотворении «Колхозчу уруннъан малчылагъа» («Трудящимся колхозникам-животноводам»). Он был

⁵¹ Ертенлени Азрет, *Джырла бла поэмала*, Нарсана, 1934.

Азрет Урtenов

прежде всего поэтом — борцом за новое, поэтом — агитатором и воспитателем масс.

Азрет Урtenов родился в 1907 г. в самом древнем ауле Карачая — Карт-Джурте. Там прошло его детство (поэтому он и выступал под псевдонимом Азрет из Карт-Джурта). В ауле он окончил мусульманскую школу повышенного типа (медресе) и начальную школу на русском языке. Азрет Урtenов проявлял большой интерес к классической литературе Востока⁵², а в пе-

---

⁵² Саид Шахмурзаев, товарищ Урtenова по крымскому педучилищу, рассказывает, что поэт знал наизусть поэмы «Тахир и Зухра», «Лейли и Меджнун» (письма Саида Шахмурзаева в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы от 25 октября и 5 ноября 1958 г.), но нам не удалось установить, поэмы каких именно авторов знал Урtenов.

риод учебы в симферопольском педагогическом училище, которое окончил в 1926 г., был связан с оживленной литературной жизнью Крыма начала 20-х годов. Нам представляется, что литературно-художественное окружение молодого Уртенова немало способствовало развитию его таланта и настойчивому стремлению овладеть поэтическим мастерством. Единственное сохранившееся произведение Уртенова тех лет — автобиографическое стихотворение «Крым»⁵³ — свидетельствует, что знание классики и тесное общение с литераторами сыграли большую роль в эволюции его творчества:

Мне яно: молодость моего сердца прошла там.
И тот свет знаний, который проник в него,
Проник там...
Где Бахчисарай поведал мне впервые свои легенды.

Начало творческого пути Азрета Уртенова совпадает с началом возрождения родного края, с созданием карачаевской печати. Он, так же как и Исса Каракотов, впервые выступает на страницах газеты «Таулу джашау» в качестве ее специального корреспондента. Первое свое стихотворение он публикует в 1926 г.⁵⁴

В первых двух сборниках стихотворений А. Уртенова «Новые песни» (1927 г.) и «Искры свободы» (1929 г.)⁵⁵ собраны стихи, темы которых будут им разрабатываться и в дальнейшем: борьба нового со старым в общественных отношениях, в быту и сознании людей (стихотворения «Шаркъ тышырыу ну айтхан сёзлери» — «Слова женщины Востока»; «Джуаб» — «Ответ»; «Не ючюн туудукъ?» — «Зачем родились мы?»; «Енди бизда кюлейик» — «Теперь и мы посмеемся» и др.).

Почти в каждом произведении А. Уртенова проходит контраст между прошлым и настоящим в жизни труженика-горца. Поэт делает попытку осмыслить историю своей Родины, обосновать неизбежность революции, ее закономерность. Интересны в этом отношении два его стихотворения — «Кавказ таула» («Кавказские горы») и «Минъи таугъа» («Эльбрус») ⁵⁶. Если в первом картины природы Кавказа предстают в чисто эмоциональном восприятии поэта и лишены социальной окраски, то во втором стихотворении, написанном год или два спустя, уже

⁵³ См. Ертенлени Азрет (Къартджуртлу), *Эркинлик джилтинлери*, [Кисловодск], 1929.

⁵⁴ «Альманах (Къарачай совет художество литературасыны юлгюлери)», Бириичи кесеги, Микоян-Шахар, 1936, стр. 8; «Октябрь байрамы» («Праздник Октября»), — «Таулу джашау», 19.XII.1926.

⁵⁵ А. Ертенланы, *Джангы джырла*, Ростов-на-Дону, 1927; Ертенлени Азрет (Къартджуртлу), *Эркинлик джилтинлери*, [Кисловодск], 1929.

⁵⁶ Ертенлени Азрет (Къартджуртлу), *Эркинлик джилтинлери*, стр. 7, 8.

возникает символический образ Эльбруса — седовласого старца, свидетеля многовековых страданий и гнета, господствовавших в его владениях. А. Уртенев стремится рассказать о родном народе («Не ююн туудукъ?» — «Зачем родились мы?»), героями его стихов становятся простые люди-труженики («Къарачайлы» — «Карачаевец»; «Бизни акга» — «Наш дед»; «Комсомолчуну джыры» — «Песня комсомольца»; «Эсимдеди ёксюзню аузундан» — «Со слов сироты»).

В лирических стихах Уртенева все явственнее ощущается тенденция к историзму.

Для того чтобы полнее раскрыть своеобразие творческого облика А. Уртенева, необходимо уже здесь, в связи с упоминанием о первых его произведениях, опубликованных в печати, коснуться связей карачаевской поэзии, в частности творчества А. Уртенева, с некоторыми традициями поэзии народов Востока. На первых порах А. Уртенев заимствует особенности стихотворной формы, воспроизводит традиционную для классической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока строфику; его стихотворения строятся как двустипхи, пятистипхи и семистипхи («Темирчини тюшю» — «Сон кузнеца»; «Бююн ёлду» — «Сегодня умер» и др.); он увлекается звуковыми повторами и рефренами, развернутыми периодами и перифразами («Октябрны байрамы эди» — «Праздник Октября»).

Критика тех лет упрекала А. Уртенева в пристрастии к арабизмам. Отдавая должное таланту поэта, она отмечала, что «ему надо прочно усвоить мысль о необходимости освобождения от арабского влияния и серьезной учебы...»⁵⁷. Это было время, когда шла борьба за развитие национального языка, за революционную поэзию, доступную самым широким слоям народа. Арабская же лексика и социально-политическая терминология, отдельные поэтические образы, бытовавшие в религиозной литературе, отождествлялись в сознании людей с исламом, со старым бытом, со старыми порядками. Вот почему новое содержание карачаевской поэзии действительно требовало обновления средств поэтического выражения, совершенно новых, органичных для данного этапа развития художественного мышления народа и для той начальной стадии, на которой находилось создание национального литературного языка.

Вместе с тем поэзия А. Уртенева последующих лет являет собою пример и весьма творческого использования отдельных элементов восточной поэзии. Это обстоятельство в немалой степени способствовало выработке профессиональных навыков и овладению культурой стиха. Чутьем художника А. Уртенев постепенно приходит к пониманию необходимости диалектического решения проблемы усвоения культурного наследия Востока,

⁵⁷ Ислам Карачайлы. *Писатели и поэты Карачая*, стр. 72.

которая в то время стояла очень остро, ибо имела не только художественно-эстетический, но и политический аспект. Там, где этого требует тема, идея, мысль стихотворения, А. Урtenов широко пользуется изобразительными средствами восточной поэзии, особенно в своих антирелигиозных и сатирических произведениях, а также при характеристике отдельных персонажей, описании их внешности, интимных переживаний и т. д.

В дальнейшем, по мере создания национальной общественно-политической терминологии, с развитием печати и успешным формированием литературного языка А. Урtenов все меньше и все реже пользуется арабизмами и сопутствующими им поэтическими тропами и фигурами. Однако нельзя сказать, чтобы поэт оставался всегда последовательным в этом движении. Он не раз возвращался к тому, что отвергал, и часто с большими потерями для своего творчества. Так, например, стремясь осмыслить тему «поэт и общество», А. Урtenов создает ряд стихотворений, в которых утверждает гражданственность поэзии, рассматривает ее как необходимое и действенное оружие в классовой борьбе, как весомый вклад поэта в дело культурной революции («Башладам» — «Я начал», 1929 г.; «Темирчини тюшю» — «Сон кузнеца»; «Колхозчу малчыланы биринчи съездлерине» — «Первому съезду животноводов»; «Инсан джюреклени инженерлерини биринчи съездлерине» — «Приветствие съезду инженеров человеческих душ», 1934 г.).

Интересно, что рядом с образом поэта-трибуна, поэта-бойца революции («Первому съезду животноводов») в его стихах появляется образ поэта — народного заступника, стилизованный в духе восточных традиций и оттого утративший историческую конкретность («Къаламым бла тефтериме» — «Перу и тетради»):

Каждый раз, как вскипят, волнуясь,
Бурлящие в юном сердце волны,
Каждый раз, как берут у жизни песни и мелодии
Струны, поющие волнам,
Льются на твои страницы, тетрадь моя,
Самые горестные из моих песен,
Капают на них по одной
Горьких песен моих капли.
Ты, мое беспощадное перо,
Избери дорогу правды и справедливости,
Не позволяй богачу терзать бессильный народ,
Будь враждебно и нетерпимо к насилию.
Буду творить, как сказал,
Эта вода (чернила. — А. К.) не пресытит меня,
не набьет оскомину.
Не уставай, мой направленный в камышевую ручку
Пишущий железный калам.

Итак, ты выбрал путь,
По которому поведет тебя жизнь,
Только она явится твоим зеркальным отражением.
Ожесточившись к несправедливости,
Рассуди правого и виноватого ⁵⁸.

Здесь при энергичности мысли мы наблюдаем вялость выражения, риторичность оборотов, орнаментальность и выспренность, неопределенность объекта, необязательность поэтических ассоциаций. И недаром предпосланное сборнику «Стихи и поэмы», посвященному колхозной жизни, это стихотворение не увязывается ни со стилем, ни с интонацией других произведений, помещенных там.

По мере созревания таланта поэта и обретения им собственного голоса он уже сознательно обращается к тем традициям литератур Востока, которые помогли бы ярче и художественнее изображать современность. Так, в начале 30-х годов он собирает и обрабатывает анекдоты о Насра Ходже, понимая, что они по своему социальному содержанию и сатирической направленности звучат актуально в обстановке борьбы с кулаками, муллами и пережитками прошлого в сознании людей.

Сборник анекдотов о Насра Ходже Уртенев издавал дважды ⁵⁹. В предисловии к первому изданию он писал:

Из рассказов Насредина я выбрал самые лучшие в идейном, социальном и политическом плане... В книге около ста анекдотов, направленных против религии, высмеивающих алчность, невежество, дурные нравы эфенди, мулл, несколько рассказов о насилиях и гнете чиновников, богачей, биев. Другие — об орлах и прочих птицах, предназначенные для детей. Четвертые — высмеивают недостатки людей и их проступки... Анекдоты, взятые из книг на других языках, я старался связать с условиями карачаевской жизни... Те рассказы Насра Ходжи, которые публиковались в прошлом, несли мещанскую мораль и выражали идеологию унетателей, а также рассказы явно религиозного содержания не помещены... Короче... мы старались сделать их полезными нашему читателю-труженику.

Уртенев сумел не только отобрать анекдоты о Насра Ходже, но и передать их искрящийся юмор, меткость, яркость, лаконичность языка, обобщающую силу жанровых зарисовок и характеров. Естественная, ненавязчивая назидательность этих анекдотов, как и их форма, были очень близки Уртеневу-художнику.

В предисловии ко второму, дополненному изданию сборни-

⁵⁸ Стихотворения А. Уртенева цитируются по кн. Ертенлени Азрет, *Сай-ламалары*, Черкесск, 1959, стр. 121.

⁵⁹ Е. Азрет Къартджуртлу, *Насра Ходжаны хапарлары*, Микоян-Шахар, 1931; Азрет Ертенлени, *Насра Ходжаны хапарлары*, Микоян-Шахар, 1936.

ка он прямо отмечает влияние их на формирование карачаевской прозы:

В истории карачаевской литературы хапары Насра Ходжи являются первым опытом художественной прозы, не считая фельетонов, выходящих в газете... Они сыграли большую роль в освоении техники молодыми писателями, пробующими свое перо в области художественной прозы⁶⁰.

Революционное содержание и социальный пафос поэзии Уртенова органически связывали ее со всей многонациональной советской поэзией. Говоря о Каракотове, мы уже упоминали о своеобразии влияния советской поэзии 20-х годов на раннее творчество карачаевских поэтов. Уртенов тоже отдал дань учебе у молодой русской пролетарской поэзии, что особенно заметно во втором и третьем сборниках его произведений — «Эркинлик джилтинлери» («Искры свободы», 1929 г.) и «Джырла бла поэмала» («Стихи и поэмы», 1934 г.).

Программное стихотворение молодого поэта «Я начал» открывает сборник «Искры свободы»⁶¹. Символика его несложна:

В небо, скованное
Прозными черными тучами,
Ударила железная пята,
И пролился свет на землю.
В этот день птица,
Избавившаяся от хищного орла,
Сказав: «Будь свободен!», —
Протянула мне дар.
Взял я этот дар;
Весь я заблестал, засверкал
И от великой радости
Начал петь песни.

С поэтикой Пролеткульта и «Кузницы» связан образный и интонационный строй таких его стихотворений, как «Сенсиз» («Без тебя»), в котором поэт в день пятилетия со дня смерти Ленина обещает вождю пролетарской революции идти по его пути, бороться против классовых врагов, строить социализм; как «Он юч» («Тринадцать»), посвященное тринадцатилетию Октября и прославляющее созидательную силу революционного пролетариата.

Эти стихи выражали стремление растворить свое лирическое «я» в голосе миллионов. Страстная самозабвенность рож-

⁶⁰ Ертенлени Азрет, *Насра Ходжаны хипарлары*, Микоян-Шахар, 1936.

⁶¹ Ертенлени Азрет (Къартджуртлу), *Эркинлик джилтинлери*.

дала интонации гимна, лозунга, призыва, марша, которые должны были воодушевлять людей, рождать чувство солидарности, единого порыва.

И в агитационных стихах Уртенова ощущается та же отточенность, энергия ритмов, подчеркнутых рефренами, повторами, единоначатиями, которыми пролетарские поэты передавали мужественное жизнеутверждение, бодрость, железную поступь миллионов:

Андан бери кетди он юч,
Он ючню ичинде улуу кюч,
Он ючню ишинде кючлю к'урч,
Он юч да он юч...
Он юч джылда,
Азатлык джолда
Ишлениб келген темир
«Юйге» к'урчдан чюйле урду
Он миллион ч'егюч.

С тех пор прошло тринадцать,
Тринадцать — огромная сила,
В тринадцати и в его свершениях — стальная сила,
Тринадцать, тринадцать...
Тринадцать лет
В строящееся на путях свободы
Железное здание
Вбивали стальные гвозди
Десять миллионов молотов.

И абстрактный образ «десяти миллионов», воплощающих класс пролетариев, и «молот» — символ трудовой, созидательной мощи пролетариата, и «строящееся на путях свободы железное здание» новой жизни, и настойчиво повторяющиеся во всех строфах эпитеты «железный», «стальной», и нагнетание однородных предложений, и единоначатия, придающие речи патетическую напряженность, — все это свидетельствует об активном влиянии на поэзию Уртенова творческих принципов пролетарской поэзии.

Изображение героев революции как «стальных», «железных» людей, представление об эпохе как о «железном», «стальном» веке было весьма распространенным и в поэзии, и в прозе 20-х годов. Читая стихотворение Уртенова «Железный век», невольно вспоминаешь «Мы растем из железа» Гастева:

Бизни ёмюр темир ёмюрдю,
Биз ёмюрню темир деулери.
Ёмюр бизге к'урчдан джан урду,
Биз ёмюрню к'урч миндеулери.

Темир джаратды бу ёмюрню,
Бу ёмюр туудурду темирни.
Бу темир ашайды кюушениб
«Нарт» ёмюрден кьалгъан кёмюрню...
Биз ёмерню темир аскери,
Биз сюебиз кьаты бирликни,
Биз сюебиз эмда джаратабыз
Ангда кьурчлукъну, темирликни.
Ёмюр болуб уллу элеуол,
Атад элеб чёблюкню, кирни,
Ёмюр юзед зорну тамырын,
Нюрюн джерге тегиб Илкерни.
Бизни ёмюр темир ёмюрдю,
Бу ёмюр хар ёмюрден ёрдю.
Темирден инсанла болгъанын
Биз джангъыз бу ёмюрде кёрдюк.

Наш век — железный век,
Мы железные богатыри века.
Век вдохнул в нас стальную душу,
Мы — стальные частицы века,
Железо создало этот век,
Этот век породил железо.
Это железо пережевывает
Уголь, оставшийся от века «нартов»...
Мы — железная армия века,
Мы стремимся к твердому единству,
Мы любим и одобряем
Сталь, железо в убеждениях.
Век стал великим просеиванием,
Он отбрасывает сор и грязь,
Век вырывает корни насилия,
Льет сияние Плеяд на землю.
Наш век — железный век,
Этот век выше всех веков,
Только в этот век мы увидели
Железных людей.

(Перевод П. Балтина)

Мотивы цельности, стального единства, моральной стойкости, выдержки, упорства, революционный аскетизм положительного героя роднят стихи Уртенова с пролетарской поэзией 20-х годов.

Поэт и сам как бы сознательно ограничивает себя, отбрасывает все, что не относится к делу труда и борьбы, к делу культурной революции. Это сказывается даже на композиции его стихов и сборников: жанровые сценки-притчи («Уучула» —

«Охотники» и «Джаз» — «Весна»), где менее обнажены социальные мотивы, он помещает в последних разделах сборников.

Интересно, что в поэзии Уртенова, да и вообще в карачаевской поэзии 20—30-х годов, мы не найдем интимной лирики. И это объясняется не отсутствием зрелости или бедностью внутреннего мира поэта, как может показаться на первый взгляд, но сдержанностью в проявлении чувств, присущей А. Уртенову как горцу. К тому же эта черта характера поэта как нельзя более органично сочеталась с тем пониманием гражданственности и высокого общественного долга, которые придавали известный аскетизм советской поэзии первых лет революции. Только в последнем его сборнике «Стихи и поэмы» в поэмах чувствуется углубление лиризма, попытка детальнее, глубже и тоньше рассказать о своем отношении к миру и к людям, о себе как о человеке.

Поиски художественных форм решения революционной темы и поэтический темперамент заставили Уртенова обратиться к творчеству поэта-трибуна Маяковского. Новые интонации! Новая ритмика!

Вначале Уртеновым была воспринята лишь внешняя организация стиха — «лесенка», как, например, в стихотворении «Учителю Марксу»:

Маркс джолдаш,
къарайма санъа.
Келбетингъ
бирча турады.
Кёзлерингъи
кесгин къарауу
Баш мыйыма
келиб турады.

Товарищ Маркс,
Смотрю я на Вас.
Неизменен
Ваш облик.
Внимательный
взгляд Ваших глаз
Проникает
в мой мозг.

Но затем поэт уже улавливает внутреннюю обусловленность построения стиха Маяковского и создает ряд новых произведений («Бизде бла алада» — «У нас и у них»; «Призывниклени джыры» — «Песня призывника»; «Джашауъга» — «Жизнь»; «Колхозчу урунъан малчылагъа» — «Трудящимся колхозникам-животноводам»; «Бу дуркучу» — «Этот плут»; поэма

«Афенди бла аджал» — «Эфенди и смерть»), в которых ломает традиционный силлабический стих карачаево-балкарской народной поэзии и строит его на разговорной интонации. «Лесенка» уже определяется мыслью и эмоциями поэта:

Совет джурт
джыты кьучагъын
джайыб эркин,
Кюн джарлыгъа
нюрюн себиб
ийген бир кюн
Тобукъланыб,
къалкъаларын
къёкге джайыб
Аллахъндан тилей эди
афенди Наиб:
«...Нек кьызгъандынъ ийерге балах,
бир айыб...
Айланнъан халкыгъа
динни джолундан тайыб».

Когда Советское Отечество
Широко раскрыло
Свои ласковые объятия,
Однажды,
Когда солнце
Озарило своими лучами бедняков,
Упав на колени,
Восдев длани
к небу,
Вознес молитву своему Аллаху
эфенди Наиб:
«...Почему пожалел ты
наслать беду,
срам...
На этот народ,
сошедший с пути религии».
(Поэма «Эфенди и смерть»)

Интонация стихотворений Уртеноева становится разнообразнее: то повествовательная, как в приведенном выше отрывке, то непринужденно разговорная («Трудящимся колхозникам-животноводам»), то ораторская:

Джангъы джашау
къурау джолунда
Терле тейген

берчли санлары
Эркин докуртда
гюрюлдеб ёстен —
Тау элени
урунганлары!

Вы, посеявшие красные семена,
Идущие в первых рядах,
Проливающие пот
на пути строительства новой жизни,
Расправившие плечи
в о свободном отечестве,
Трудящиеся
горских селений!

Часто стих звучит как приказ, призыв, лозунг:

Къаршчы чыкыган
кулакны
Чырмаулу кьолун
Уатыгъыз,
Кесин да хар бир ишигизден
Узакъ
Эрек
Атыгъыз!
Этигиз бырнак!

Враждебно выступившего
жулака
Мешающую руку
Давите,
И самого его изо всех своих дел
Вон
Гоните!
Вышвырните прочь!
(«Этот плут»)

Важную роль в стихах Азрета Уртеннова играет рифма. Она несет главную смысловую нагрузку: издевается, разоблачает, призывает и т. д.:

Бу дуркьучу — джумдурукъ
Бир заманда —
Кир заманда
Эртде
Эки мыйыгъын
Къан ичерге

Маске
Къуйрукълача гылджа — гылджа
буруб
Аякъларын джерге
Уруб
Эндиги аты советде —
бурун правленде
«Оноу» эте эди джарлыланы
Къанын ичер
дертде.

Этот плут-кулак
В некие времена —
Подлые времена,
Прежде
Усы свои,
Чтобы удобней лакать кровь,
Подкрутив,
Подобно хвостикам
собачонок,
Завернутым колечком,
Ногами о землю
топнув,
По-нынешнему в Совете —
а по-прежнему в правлении —
«Решал» мстительно
Кровь бедняков
лакать.

(«Этот плут»)

Обращение Уртенува к революционной поэзии Маяковского помогло ему освободить стих от монотонности, обусловленной в известной мере строем его родного языка (в карачаевском языке ударение, как правило, стоит на последнем слове). Это определило и метрику, основанную на принципе равносложности стихов. Уртенува удалось сделать карачаевский стих гибче, интонационно богаче, а следовательно, и эмоциональнее, раскрыть его новые возможности.

С творческим ростом поэта абстрактность и схематизм в его стихах постепенно отступают перед тенденцией к реалистической типизации [стихи «Нищяя», «Карачаевский той», «Наш дед», «Я помню (со слов сироты)»].

Эта тенденция обусловлена в его творчестве, с одной стороны, освоением опыта русской литературы, а с другой — сознательным, углубленным освоением традиций карачаево-балкарского фольклора. В его стихах появляются эпические элементы, поэт осваивает мастерство сюжетостроения, созданные им ха-

рактеры становятся живее, жанровые зарисовки выразительнее.

Таково, например, его стихотворение «Охотники». Оно близко по форме к народной притче и рассказывает о злоключениях двух охотников. Один из них — обжора, увалень, растяпа, трусишка (даже «куста боится»), а другой — суетливый ворчун и хвостун (из тех, что «делают шкуру неубитого медведя»). Характеры героев непринужденно и сжато раскрываются в живом диалоге, что естественно подготавливает концовку — мораль, которую автор выражает народными пословицами: «По шапке видно, кто волка убьет», «Не зарезавши скотины, не продавай ее шкуры».

В сатирическом стихотворении «Карачаевский той» поэт изобличает старые обычаи и пережитки, сохранившиеся в народном быту. «Карачаевец любит, почитает, понимает справедливость, — пишет поэт, — а вот невестку в дом чаще всего привозит без ее согласия, насильно». Устраивает карачаевец той, а во дворе не убран «столетний» мусор.

Тои любят все: увидишь на нем и согнувшихся под тяжестью лет старушек, и степенных стариков, и пожилых бородачей, и парней, и детей-малюток. Красивы девушки на тоях: «чернобровые», «тонкостанные», в золотых тьюме⁶², в шитых золотом шапочках. А танцуют с ними завсегдатаи всех аульных тоев — любители выпить, бездельники, забросившие работу, дом и семью.

Вот выходит на танец (истемей) один из них, бесшабашный гуляка, «искусник» Исса, «наполнивший живот ведерком бузы». И тамада тоя тогда гаркает на харсчи: «Бей... харс⁶³, бей», — и кричит на народ: «Отойди назад, освободи круг», прыгает «обезьяной» перед тем танцором, у кого можно поживиться.

А вот примчалась на взмыленных конях группа всадников, требуя у невесты подарков. «И горе ей, если она из бедной семьи», — заключает поэт.

Поэта возмущают и насильственное похищение девушки, и вымогательство подарков у невесты, и сборище бездельников, гуляк.

Однако в этом стихотворении наряду со справедливым протестом против вредных пережитков, против пошлости и бескультурия проявляется и отрицательное отношение к старинным народным празднествам вообще, осуждение естественного желания молодежи повеселиться («Не до развлечений на тоях, не до девушек-красавиц моим песням»). Это можно объяснить

---

⁶² Тьюме — деталь женского наряда — напрудник, украшенный серебряными пластинками.

⁶³ Харс — трещотка из чинаровых дощечек. В обязанности харсчи — участников тоя входит сопровождать танцевальную музыку звуками трещотки или ритмичным хлопаньем в ладоши.

тем революционным аскетизмом поэта, о котором шла речь выше. Сатирическое заострение — концентрация теневых сторон горского быта тем не менее не мешает Уртену создать в общем динамичную реалистическую картину.

Стремясь к полноте изображения жизни народа, изменений, происшедших в ней и в сознании горцев, поэт рано начинает работать над крупным жанром — поэмой. Так, в сборнике «Искры свободы» (1929 г.) и во втором издании сборника стихов «Новые песни» (1931 г.) помещен ряд произведений, которые сам автор характеризует как отрывки из поэмы («Сон кузнеца», «Учти!», «Бай и батрак»).

Показательна для развития реалистических элементов в творчестве Уртену его работа над незавершенной поэмой «Сон кузнеца». В 1927 г. — это еще стихотворение⁶⁴. В 1931 г. Уртен, вновь возвращаясь к нему, называет его уже отрывком из поэмы⁶⁵, в 1934 г. вновь именует его как отрывок из поэмы⁶⁶.

В начале 1927 г. в большом стихотворении Уртен пытался изобразить революцию, ее вождя Ленина, передать революционные настроения масс и показать закономерность победы трудящихся в борьбе с угнетателями. Однако стихотворение стало абстрактностью, а символические образы его были искусственны. Вождь революции Ленин предстал в образе льва, угнетенные трудящиеся — в образах томящихся в неволе соловьев, пробуждение революционной активности угнетенных масс и сила народного возмущения передавались народной гиперболой:

Тотчас словно горы низверглись в ущелья,
Словно на землю хлынули не потоки дождя, а толпы людей.
Словно мертвыми падают вниз те, кто был наверху,
Словно ожили и улыбаются те, кто был внизу.

И характерно то, что со всей этой идущей от фольклора и восточной литературы символикой переплетаются образы пролеткультовской поэзии, в духе которой дан излюбленный образ кузнеца, образ молота, бьющего по железу, «железных цепей, сдавливающих шеи» угнетенных, и красных знамен.

В 1931 и 1934 гг. Уртен возвратился к этому произведению, но так и не завершил его переработку в поэму. В обоих последних вариантах «Сна кузнеца» заметно, как расширяется идейно-тематическая и историческая основа стихотворения. Ур-

⁶⁴ Азрет Ертенлени, *Джангы джырла*, Кисловодск, 1927.

⁶⁵ Азрет Ертенлени, *Джангы джырла*, Микоян-Шахар, 1931.

⁶⁶ Азрет Ертенлени, *Джырла бла поэмала*, Кисловодск, 1934.

тенов все более освобождается от абстрактно-романтической символики в изображении революции, пытается наметить сюжет — показать нарастание революционных настроений, деятельность Ленина, борьбу с угнетателями и победу над ними. Углубляется и образ кузнеца, а вместо «угнетенного» вообще появляются «пахарь без земли», «косарь без луга». Образ вождя — Владимира Ильича Ленина возникает из портретной характеристики, из его речи, в которой сформулирована революционная программа освободительной борьбы пролетариата.

Изменилась в этих вариантах и поэтическая лексика: арабизмы (*сыныф* — «класс», *сиясат* — «политика», *фактыр* — «бедняк» и пр.) заменяются по возможности карачаевскими словами (например, вместо *фактыр* — *онъсуз*) и лексикой интернациональной (*класс* вместо *сыныф*, *политика* вместо *сияса* и т. п.).

Итак, в творчестве А. Уртенова начинает складываться жанр лиро-эпической поэмы. Этот первый опыт в карачаевской литературе явился исходным в дальнейшей разработке жанра не только для самого Уртенова, но и для следующего поколения писателей.

Активная общественная деятельность поэтов, сближение с жизнью народа, сознательное, творческое осмысление ими лучших традиций фольклора способствовали развитию реалистических тенденций и росту художественных достоинств карачаевской поэзии. Эволюция творчества А. Уртенова — яркое тому доказательство. Общественно-политическая деятельность поэта, выразившаяся в активной антирелигиозной пропаганде, обогатила его творчество⁶⁷ живыми фактами и наблюдениями над определенными социальными типами. Так, от стихов «Жадному мулле», «Учти!», «Посту» он приходит к сатирической поэме «Эфенди и смерть». Прекрасный анализ этой поэмы дан в книге П. Балтина⁶⁸. Добавить к нему можно лишь немного. Если сравнить поэму А. Уртенова и поэму «Спор комсомольца с муллой» Иссы Каракотова, то видно, как растет художественное мастерство карачаевских поэтов. Если у Каракотова образы служат целям идеологической дискуссии, то поэма Уртенова посвящена развернутой характеристике типического образа: типичны не только мировоззрение, но и яркие штрихи быта эфенди до и после революции, психологическое состояние героя, передаваемое средствами стиха. Поэт находит интересный сатирический прием: он делает молитву эфенди средством его саморазоблачения: со своим богом тот говорит начистоту, как с сообщником, призывает покарать вероотступников, если он действительно всемогущ.

⁶⁷ См. Азрет Уртенев, *Антирелигиозный учебник*, Кисловодск, 1931.

⁶⁸ П. Балтин, *Из истории карачаевской поэзии*, Черкесск, 1961.

Приговор эфенди произносит некий призрак — Посланец труда, являющийся его очам в ответ на молитву. В подобном использовании идеологического оружия врага (молитвы, видения) есть нечто очень характерное для поэзии революционной эпохи — эпохи крепнущего материалистического мировоззрения (невольно вспоминается «Мистерия-Буфф» Маяковского).

Благодаря реалистической полнокровности образа эфенди в поэме А. Уртенова оживают традиции антимулльских карачаевских сказок, анекдотов о Насра Ходже. Умеренно и целеустремленно использует теперь А. Уртенов арабизмы для языковой характеристики героя и, отказываясь от классической восточной строфики, подчиняет интонацию стиха психологическому состоянию героя.

Сюжетно-композиционное несовершенство поэмы (она состоит из монолога муллы, ярко его характеризующего, и речи призрака), абстрактно символический образ Посланца труда, появляющийся в ней вместо реальных новых людей современности, — все это несколько снижает достоинство поэмы, но центральный ее образ — большое достижение не только в творчестве Уртенова, но и во всей карачаевской поэзии.

Если в поэме «Эфенди и смерть» зрелость мастерства Уртенова выразилась в создании типического характера эфенди, то в поэме «Письмо Сулемена к Сурат» он добивается успеха в развитии лиро-эпического жанра. Наряду с расширением эпических элементов развивается и углубляется в ней субъективно-лирическое начало. Страстная, целеустремленная натура Уртенова всегда звала его воспитывать, агитировать стихом. Но с годами субъективное начало в его произведениях проявляется в более многообразных формах, лирическая интонация становится более теплой, естественной. Поэма «Письмо Сулемена к Сурат» знаменательна тем, что в ней впервые не только в творчестве поэта, но и вообще в карачаевской литературе появляется и разрабатывается тема любви, эволюция морального облика человека нового общества раскрывается в области самой интимной — в мире человеческих чувств и взаимоотношений.

Произведение написано в эпистолярной форме. Это давало автору широкие возможности для непринужденного раскрытия психологического, морального и социального облика лирического героя в его развитии.

Черты новой, социалистической морали Сулемена проявляются в его отношении к двум героиням — к Сурат и девушке, имени которой поэт не называет. Это два идеала любимой женщины — старый и новый.

Сурат, к которой обращено письмо, скромна и красива. Но жизненные интересы ее ограничены. Она мечтает лишь стать

женой, матерью. Поэт, обращаясь к традиционным приемам восточной любовной лирики и карачаево-балкарского фольклора, всячески подчеркивает ее красоту и женственность:

1. Увидел
Вчера
Тебя
В селе.
Любовался
Лицом твоим
Белым,
Как вата.
2. Озарил
Меня ты
Сиянием,
Подобно луне.
Согрела
Меня ты,
Словно лето
С его ясным небом.
3. Вспоминаю,
Как вышла
Навстречу
Мне,
Как волосы,
Рассыпавшиеся
Шелком,
Украшали твой стан.
4. Слов нет...
Очень
Красива ты
Внешне.
Зубы —
Как бисер,
Смех —
Серебро.
5. Похожа,
Красавица,
Похожа ты
На марджан...⁶⁹
6. Длинные
Ресницы

---

⁶⁹ Марджан — кораллы, мелкий жемчуг.

Твой.
Каждый
Волосок их
Черен,
Как зрачки
Твоих глаз.

7. Жгуты
Кос твоих
Достают
До пят,
И брови
Твои
В согласии
С ними.

8. Девушка горская,
Девушка горская,
Сладостная
Для матери
Звезда
Очага,
Ты слепа,
Холодна, словно лед.

Но этот традиционный дифирамб красоте возлюбленной в «Письме» получает иронический оттенок, когда Сулемен говорит об отсталости девушки, ее невежестве и предрассудках. Следуя старым обычаям, она обрекает себя на роль красивой безделушки в семье именно в ту эпоху, когда женщина стала равноправным членом общества:

Наше время
Требует
От человека
Многого.
В наш век
Судят
О человеке
Не по внешности, —

говорит автор.

Идеал поэта воплощен в образе горянки-комсомолки. Поэт намеренно мало говорит о ее красоте, чтобы все внимание читателя сосредоточить на ее непринужденной манере держаться, на ее независимости, большом чувстве собственного достоинства и уверенности в своих силах, на ее новых, передовых убеждениях, на ее общественной активности, на ее роли в жизни родного села и в судьбе героя.

1. Без перерыва
Четыре года
Она проработала
В колхозе

Открыла она
Ликбез
В нашем селе,
Открыла
Наши сердца
Учебе.
Стала она
Во главе
Всего
Нового,
Стала
Она во главе
Борьбы со старым.
2. Полюбил
Я ее
Неутомимые руки,
Полюбились
Мне ее
Комсомольские
Пути-дороги.
Полюбились
Мне
Речи ее
Без кокетства,
Пальчики ее,
Щеки ее,
Глаза ее.
Нравился
Мне
Каждый
Шаг ее,
Ее гибкость,
Подобная
Буквам «джим»
И «лам».

Девушка-комсомолка не ответила на любовь Сулемена, и ее отказ заставил его изменить свое отношение к жизни, стать активным, передовым, полноценным членом общества. Рассказывая о своей судьбе в письме к Сурат, он показывает, что этот путь открыт и для нее. Письмо Сулемена, ласковое и насмеш-

ливое, властно зовет Сурат на путь, достойный человека новой эпохи.

Но, правильно и тонко раскрывая то новое, что вошло в воззрения молодежи вместе с революцией, А. Уртенов порой впадает в крайность. Так он ставит под сомнение право на любовь для строителей нового мира.

Это время
Не
Для любви.
Твои речи
Не созвучны
Времени, —

отвечает Сулемену девушка-комсомолка.

Общественно полезное — суть прекрасного, и, по представлениям поэта, все в человеке должно быть подчинено служению обществу и делу построения коммунизма. Чтобы ярче пояснить эту мысль, поэт рассказывает притчу о произведении искусства — изумительном изображении коня, вызвавшем на базаре восхищение всего народа. Однако чудесному коню на картине покупатели предпочли живую лошадь, на которой можно ездить верхом и которую можно запрячь в плуг. Притча кончается сентенцией в духе восточной назидательной поэзии:

1. Обманчивая оболочка
Не заменит
Никогда
Сути.
Конь
Пусть будет конем
По статьям,
По аллюру.
Баран —
Так баран
По шкуре,
По грудинке.
2. Скажи,
Что ты
Думаешь
Об этом?
По-моему,
Человек
Ценится
Так же.
Воздают
Человеку

- Не по
Внешности.
3. Ценят его
По делам,
По уму.
- Не требуют
От ружья
Ни красоты,
Ни ума.
Требуют
Метко
Направить пулю.
4. Не требуют
От меча
Ни основы,
Ни утка,
Требуют
От него
Остроты лезвия.

Красота и ценность человеческой личности рассматриваются поэтом как социально-философская категория прекрасного. Это делает поэму своеобразным этико-эстетическим кодексом Уртенова. Понятие прекрасного связано в сознании поэта с общественно полезным, с новым и передовым, с тем, что принесла революция. Прекрасное — это то, что помогает нашему обществу прийти к коммунизму.

Публицистический пафос «Письма Сулемена к Сурат», близкий пафосу агитационных стихов Уртенова, использование характерных для философской поэзии Востока аллегорий и притч, образный параллелизм — все это подчинено раскрытию философского содержания произведения.

Хотя в «Письме» немало декларативных мест и длиннот, это произведение знаменует собой успехи в творчестве Уртенова. В нем заметно расширение и углубление идейно-тематического содержания, мастерство композиции и сюжетостроения, психологизм, образность поэтического языка.

Наиболее зрелое произведение Уртенова — поэма «Сафият». Она представляет собой как бы итог творческой эволюции поэта, концентрирует все наиболее яркие стороны его дарования. Это большая лиро-эпическая поэма, написанная в духе лучших традиций карачаево-балкарского фольклора.

В основе поэмы лежит факт из дореволюционной действительности. Поэт — друг и сверстник героини — рассказывает о нем, как очевидец, как судья тех, кто повинен в трагической судьбе девушки.

Сафият — радость семьи, украшение всех тоев, «яркая звездочка». Не могла она гордиться ни богатством, ни знатностью: отец ее был батраком. Однако на всех тоях глаза присутствующих были прикованы к ней. Природа одарила ее красотой, скромностью, женственностью. Приглянулась девушка пьянице-богачу Мекеру, у которого было несколько жен. Друг его Барак взялся сосватать Сафият. Он был уверен, что богач не получит отказа. «Кто она? Разве не дочь она захудалого Хамида? Пусть будет и Сафият для Мекера одной из тех жен на неделю, которых уже имел он», — цинично заявляет Барак. Неважно, какие чувства питает Сафият к Мекеру, главное, чтобы родители продали девушку, а там уж она станет собственностью мужа.

Отец Сафият, не устояв перед богатым калымом, продает любимую дочь. Для бедного батрака Хамида два коня, два быка и деньги, присланные как калым за Сафият, были неслыханным богатством. На упреки жены в том, что он продал свою дочь и сделал ее на всю жизнь несчастной, отец Сафият отвечал:

Бедняк в этом мире не человек.
Хорошо знаешь:
Нищете нет почета.
Попробуй, умри!
Скажем по правде,
По тебе мулла
Даже не прочтет «Ясын»⁷⁰.

Эти слова Хамида объясняют его поступок: он любит дочь, но он желает «быть человеком», а путь к этому один — вырваться из тисков нищеты. Это желание подавляет в нем отцовские чувства.

Сафият продана, разлучена с любимым Сулеменом. С сердечной болью автор обращается к читателю:

Разве она скотина,
Которая должна быть
Продана на базаре
После того, как ударят по рукам?

И с горечью добавляет:

Так и приравняли
Сафият к скотине,
А бай купил ее
Для себя как ипрущку.

⁷⁰ Ясын — сура Корана, читаемая над усопшим.

В семье мужа Сафият претерпевает невероятные муки: у Мекера она четвертая жена. Другие жены, золовки и свекровь обливают Сафият потоками брани, донимают упреками в том, что родители ее бедны, что не из родовой она фамилии. Муж пьет и, подстрекаемый своими сестрами и матерью, часто избивает Сафият. Сафият терпит, молчит, но и ее молчание расценивается как величайшая дерзость «нищей», «недостойной называться невесткой». Вконец измученная Сафият бежит из дома мужа и пытается найти пристанище, защиту у родителей. Но мать в ужасе: дочь совершила неслыханное — нарушила предписания адата и шариата, ушла от мужа. Отец ее в гневе и страхе, оттого что ему придется возвращать калым в случае расторжения брака. Сафият не находит сочувствия у родителей. Назревает страшная развязка.

Мекер, обнаружив бегство Сафият, в бешенстве от унижения «мужского достоинства» собирает богачей, старшин, мулл и требует у Хамида выдачи Сафият. Сафият бросается в волны Кубани.

Над телом несчастной женщины молодой Даут произносит гневную речь, в которой осуждает дикие законы, искалечившие жизнь Сафият и толкнувшие ее на самоубийство.

Судьба Сафият становится как бы обобщением судеб женщин-горянок до революции, но вместе с тем это образ индивидуализированный, оживленный рядом конкретных черт неповторимого характера.

Типичный факт из дореволюционного прошлого, легший в основу поэмы, заключает в себе, как и в фольклорных лиро-эпических песнях, остро конфликтную ситуацию. Произведению свойственны стройность и лаконизм сюжета. Экспозиция его — рассказ о детстве Сафият и ее семьи; завязка — сцена той, на котором богач Мекер впервые увидел ее и решил ее завладеть; кульминация — грубая брань пьяного Мекера, грозящего выгнать Сафият с позором из дома; развязка — самоубийство героини; эпилог — обличительная речь молодого Даута.

Острая конфликтность произведения усиливается приемом драматизации: события и характеры часто раскрываются в диалогах, монологах, репликах персонажей.

В поэме как бы сфокусированы все творческие достижения Уртенова: умение дать яркие реалистические картины жизни, изобразить развитие характеров, раскрыть индивидуальность образа лирического героя, показать происходящее глазами героев, передать многоголосье толпы и ее динамичность. В этом многоголосье поэт дает нам ощутить и толпу, и черты социально-психологического облика отдельных ее представителей. Таковы, например, сцена той, наблюдаемого Мекером и Баракком, и развязка поэмы.

Из массы поэт выделяет ряд типических характеров и дает

их крупным планом. Это в первую очередь образы отца и матери Сафият, психология которых складывалась в условиях социального неравенства, нищеты и господства предрассудков. Внутренний драматизм этих образов обусловлен противоречием между их естественными человеческими чувствами и рабской моралью. Их социальный протест носит пассивный характер. Поэт раскрывает в их судьбе всю губительность общепринятого в ту пору «здорового смысла».

В образе Сафият, напоминающей в известной степени Катерину из «Грозы» Островского, воплощено естественное стремление девушки сохранить свое человеческое достоинство. Но этот протест — протест отчаяния и бессилия одиночки.

Характер Сафият дан в динамике. На наших глазах трудолюбивая, беспечная девочка превращается в затравленную, измученную жертву. Однако человек в ней все-таки не сломлен. Ее гибель — это вызов миру старых законов, обычаев, предрассудков. Но Уртенев не хочет ограничиться этим вызовом. Он думает о действенных, революционных путях освобождения народа от социального зла.

Фигура Даута далеко не столь реалистична, как Сафият и ее родители. Автор попытался изобразить представителя революционно настроенной молодежи, которая уже до Октября приобщилась к мировоззрению революционного пролетариата. Однако Даут получился слишком обобщенным характером, рупором авторских идей.

Несколько полнокровнее образ лирического героя-рассказчика. Его агитационно-публицистическим вступлением и заключением, обращенными к читателю, обрамлено повествование о Сафият. Он не только рассказчик, но и действующее лицо, сверстник Сафият, товарищ ее детских игр, свидетель трагической истории подруги. Рассказывая о своих друзьях и знакомых, автор горячо сочувствует Сафият, осуждает слепую жестокость Хамида — ее отца.

В разнообразных по эмоциональной окраске лирических вступлениях рассказчик повествует о годах своего детства, поучает детей, говорит о сладости дружбы, посылает проклятия старому миру, делится с читателем своими мыслями по общественным и бытовым вопросам. Все говорит о том, что перед нами умный, чуткий, благородный человек из народа. Гневное осуждение обычаев патриархального быта и мусульманской религии, калечивших жизнь горянки, сатирическое изображение баев и клерикально-чиновной знати — все это характеризует лирического героя А. Уртенева как беззаветного борца за счастье человека.

Людям из народа противопоставлены их угнетатели: богач Мекер, члены его семьи, друг богача Барак, а также некоторые эпизодические персонажи. В их изображении ощущается сати-

рическая направленность поэмы. Оставаясь в рамках реалистической манеры изображения, не впадая в гиперболизацию, поэт как бы концентрирует в этих образах все отвратительные черты эксплуататоров. Так, Мекер и Барак предстают как воплощение цинизма и развращенности.

Сценки, рисуящие атмосферу в доме Мекера, также отражают все худшее в семейно-бытовых отношениях дореволюционного Карачая (семейная иерархия, бездушие, жестокость, взаимная неприязнь, корыстолюбие, бесчеловечность).

Поэма «Сафият» — одно из крупных достижений карачаевской поэзии. В ней органически переплелись и творчески используются традиции карачаево-балкарского фольклора (способ типизации событий и характеров, драматизация поэзии, использование традиционных форм лирических причитаний и песен — кюу, народная фразеология и лексика), традиции восточной поэзии (портрет Сафият, развернутые параллелизмы, имеющие символический характер) и особенности русской пролетарской поэзии 20-х годов (агитационно-публицистический характер поэмы). Эти традиции и черты уже не ощущаются как чужеродные в поэзии Уртенова. Он сознательно и творчески использует их в поисках наиболее выразительных средств для создания реалистического произведения. В этом плане произведения А. Уртенова отражают ряд существенных черт развивающейся карачаевской поэзии, прежде всего ее сближение с жизнью народа, расширение тематического диапазона, стремление к реализму, углубляющийся психологизм, страстную партийность.

«По мере возмужания национальных культур литературное взаимодействие выливается в творчески многообразные формы. Расширение сферы взаимодействия сочетается с их углублением, со сложным, органичным освоением и переосмыслением традиций. Легко угадываемые признаки зависимости одной литературы от другой, одного писателя от другого улетучиваются, ибо взаимодействие выступает в роли активного творческого импульса, способствующего обогащению уже развитых и обретших самостоятельный путь развития литератур»⁷¹.

Уртенов — показательная в этом отношении фигура. Он целеустремленно овладевает художественным мастерством, обращаясь к традициям восточной поэзии, к фольклору, к русской советской поэзии 20-х годов, к творчеству Маяковского.

Азрет Уртенев был не только крупным общественным деятелем и поэтом своего народа, он был учителем талантливой литературной молодежи, шедшей на смену первому поколению карачаевских писателей. Об этом вспоминает известный совре-

⁷¹ Г. Ломидзе, *Проблемы взаимосвязей и взаимодействия литератур*, М., 1960, стр. 12, 13.

менный карачаевский писатель Осман Хубиев, автор трилогии «Аманат»:

Осенью 1933 года в Микоян-Шахаре было открыто новое учебное заведение — педрабфак. Во второй половине учебного года по инициативе известного карачаевского поэта А. Уртенова был создан литературный кружок. Он отличался той особенностью, что в него могли входить не просто любители литературы, а только начинающие авторы. Это был творческий кружок. Он имел свою литературную (стенную) газету под названием «Джашлыкъ» («Молодость»). Она выходила ежемесячно. Там, кроме первых стихов, басен, рассказов рабфаковцев, были сатирические куплеты, карикатуры, дружеские шаржи, переводы небольших русских произведений, особенно стихов. Раз в четверть выходил рукописный литературный журнал. Он назывался «Бизни сёзюбюз» («Наше слово»). Кружок имел свой план работы. Руководителем кружка был избран автор этих строк. Лучшие произведения кружковцев перепечатывались со стенной газеты и рукописного журнала в карачаевской газете «Къызыл Къарачай». Эти произведения были в основном о молодежи, о новой, свободной счастливой жизни горцев. В кружке участвовало 10—15 человек, среди них более активными были М. Урусов, Т. Борлаков, Сарыев (из педтехникума), М. Акбаева, К. Коркмазова, Х. Кубанов и др. Большую помощь нам оказывали поэты А. Уртенев, Д. Байкулов, Х. Бостанов. Уртенев нас поддерживал и организационно, и творчески. Он был частым гостем кружка. Часто делал доклады о литературе, читал свои стихи. Учил нас любить свой язык, народ, великую русскую литературу. С 1933 по 1936 год кружок работал регулярно. Начиная с 1936 года выходили отдельные сборники стихи бывших кружковцев М. Урусова (1940), Т. Борлакова (1940), О. Хубиева (1936) и др. На собраниях кружка горячо обсуждались рукописи начинающих авторов. Говорилось о языке, об идее, о композиции и сюжете произведения, вообще — о мастерстве. Литературный кружок рабфака я считаю своей первой литературной школой⁷².

Литературная деятельность А. Уртенова была прервана трагическими обстоятельствами 1937 г. В 1955 г., возвращаясь на родину, он скоропостижно скончался. Судьба литературного наследия последнего периода жизни А. Уртенова, к сожалению, пока неизвестна.

Даут Байкулов

Даут Байкулов родился в 1902 г. в ауле Верхняя Мара. До 1920 г. работал батраком на кошах у богатых скотоводов, а зимами посещал сельскую школу. В 1925 г. окончил учительские курсы, после чего стал работать учителем в школе и селькором

⁷² Письмо О. Хубиева в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт от 7 июля 1962 г. Хранится в архиве КЧНИИ.

в газете «Таулу джашау». В 1926 г. Д. Байкулов вступил в ряды КПСС. В 1929 г. он слушатель отделения журналистики Ростовского комвуза. После окончания учебы работал в редакции газеты «Къызыл Къарачай». Связь Байкулова с газетой не прерывалась на протяжении всей жизни. Собратьям по газете он посвящает свои стихи «Хапарчы джуукъларыма» («Друзьям-корреспондентам»), «„Таулу джарлыла“ газетиме» («Моей газете „Таулу джарлыла“», 1933 г.).

В 1942 г. Даут Байкулов, корреспондент фронтовой газеты, погиб на фронте.

Первое произведение Д. Байкулова — рассказ «Бекмурзаны джашауу» («Жизнь Бекмурзы») — было опубликовано в 1931 г. В том же году вышел первый его сборник «Джангъы джашау-гъа джырла» («Стихи за новую жизнь»), который с переработками и дополнениями переиздавался в 1933 и 1937 гг. В 1932 г. появляется поэма «Марьям бла афенди» («Марьям и эфенди»), а в 1934 г. — «Шамай алгъын бла енди» («Шамай прежде и теперь»). В 1935 г. были изданы сборник «Джырла» («Стихи») и поэма «Залихат».

В связи с пушкинским юбилеем Д. Байкулов вместе с молодым поэтом М. Урусовым переводит на карачаевский язык «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Сестра и братья» и стихотворения «К Чаадаеву», «В Сибирь», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Соловей» и другие произведения великого русского поэта. В 1940 г. выходят его «Джырла бла таурухла» («Стихи и сказки»), среди которых наибольший интерес представляют стихотворные переложения сказочных сюжетов карачаево-балкарского фольклора.

Поэзия Байкулова интересна уже тем, что в ней, кроме революционных мотивов («Париж коммунаны кюнуне» — «Парижская коммуна»; «Къанлы ыйых кюн» — «Кровавое воскресенье» и др.), кроме сопоставления прошлого и настоящего родного народа, появляются темы, отражающие все то, чем жила Советская Страна в 30-е годы: дела пятилетки («Беш джыллыкъ планнга» — «Пятилетнему плану»); коллективизация и творческий труд на благо народа; героические подвиги советских летчиков («Чкаловха» — «Чкалову»; «Юч ёхдемге» — «Трем летчицам-героиням») и принятие Конституции («Джашнайдыла» — «Сверкают»); борьба против фашизма и угрозы войны («Испан къызчыкъ» — «Испанская девочка»; «Германия бла СССР — ден эки ишчи» — «Двое рабочих из Германии и СССР»; «Бююн анда» — «Сегодня там»; «Хасанны тулпарларына» — «Героям Хасана» и др.).

Но роль Д. Байкулова в карачаевской поэзии этим далеко не исчерпывается. Его стремление к историзму, к более глубокому осмыслению судеб родного народа в «цепи времен» говорит о становлении в его творчестве метода социалистического

Даут Байкулов

реализма. В этом плане он развивает далее то, что только наметилось в творчестве Каракотова («Кавказ») и Уртенова («Эльбрус»).

Его произведения составляют как бы цикл, закономерное звено которого — стихи о жизни маленького народа, вышедшего вместе со всей Советской Страной на арену мировой истории. Началом цикла можно считать стихи о Парижской коммуне, о 1905 годе, о Ленине. Этот цикл продолжен поэмой «Шамай прежде и теперь», изображающей судьбу батрака-карачаевца до и после революции, и стихотворением «Письмогъа джуаб» («Ответ на письмо»), рассказывающим далекому земляку о послереволюционной судьбе Карачая, о строительстве социализма в этом горном краю.

В стихотворении «Швейцариядан келген ишчи делегатланы докладларындан» («Из доклада прибывшей к нам швейцарской делегации») поэт выразил чувство патриотической гордости горца за свою новую, Советскую Родину, противопоставляе-

мую странам капитала, идею солидарности трудящихся всего мира.

Третий сборник произведений Даута Байкулова посвящен уже результатам пятилетки, победам народа в социалистическом строительстве⁷³. Он открывается стихотворением «Микоян-Шахар».

Поэт более конкретно, чем А. Уртенов и И. Каракотов, рассказывает о городе, построенном руками освобожденного народа и ставшем центром экономической, политической и культурной жизни автономной области:

Ты — дорогой сын Октября,
Расположился в центре ореди горных аулов,
Ведешь Карачай по новому пути,
Уверен и правилен каждый твой шаг,
Как дворцы, высокие и нарядные дома
Распахнули окна на восход солнца.
Дома культуры и школы
Несут нашей земле, нашему народу свет знания.
В больницах твоих
Сотни больных исцелились.
Восхищенные чудесным их исцелением
Люди идут сюда.

И завершить этот цикл можно было бы стихотворением «Бююннью Къарачай» («Сегодняшний Карачай») ⁷⁴, в мажорно-патетических интонациях которого отразилась радость и гордость советского человека, своим трудом создавшего основы социализма. Искусно построенные рефрены подчеркивают различные стороны преобразования родного края:

Измолол в труху врагов,
Алым сиянием озарил горы,
Разорвал мрачные тучи —
Озарен светом сегодняшний Карачай.
Стряхнул с плеч черные дни,
Раскрыл объяття новому,
Бросил каменья в нечистое прошлое
Сегодняшний воспрянувший Карачай.
Все до единого собрались в колхоз,
Не осталось места насилью, исчезло оно.
Кончилось время угнетателей —
Уничтожил их Карачай.

⁷³ Даут Байкулов, *Джырла*, Микоян-Шахар, 1935.

⁷⁴ Д. П. Байкулов, *Джанъыча джырла*, Микоян-Шахар, 1937.

В школах его молодежь,
Просвещенным стал его народ,
Цветет вся земля —
Счастлив сегодняшний Карачай.
Дружно растит колхозное добро,
По-новому пользуется землей,
Очищая родную землю от сорняков, —
Поднялось мое отечество — Карачай.
Повсюду построил фермы,
Горы повернул к новой жизни,
По-большевистски встал за работу —
Всенародным добром богат Карачай.

Даут Байкулов — выходец из бедняцкой семьи; с детских лет он батрачил и на себе испытал тяжесть подневольной доли. Революция стала для него вторым рождением — рождением полноправного, свободного и счастливого человека. Вчерашний батрак, каждой каплей крови ощутивший справедливость социального переворота, сегодня поэтически осмысливал историческую закономерность Октября.

Уже в таурухе «Жизнь Бекмурзы»⁷⁵, написанном в прозе и являющемся первым печатным произведением Байкулова, предвосхищены мотивы его поэмы «Шамай прежде и теперь». Сказание о Бекмурзе композиционно распадается на две части. Первая повествует о судьбе мальчика, оставшегося сиротой и вынужденного пойти батрачить. Рассказ о дореволюционной жизни Бекмурзы звучал очень актуально в начале 30-х годов, когда проводилась коллективизация. В этот период, как и в былые времена, очень трудно было распознать кулака в богатом «покровителе», «опекающем» своих бедных родственников. Автор вскрывает классовую эксплуататорскую подоплеку этой формы семейно-патриархальных отношений. Родственные связи дают возможность богачу Камгуту безнаказанно присвоить себе имущество Бекмурзы, а затем, воспользовавшись его материальной зависимостью, превратить мальчика в своего батрака. Односельчане не верят в родственные чувства Камгута, но и не могут помочь Бекмурзе, а местные власти и царские законы на стороне Камгута. И только Октябрьская революция и советский суд восстанавливают справедливость. Оригинальной социально-бытовой зарисовкой из горской жизни являются две контрастные сцены суда — царского и советского, — разбирающего дело Бекмурзы и Камгута.

В поэме «Шамай прежде и теперь» Д. Байкулов ставит перед собой задачу более значительную: показать естественность и закономерность победы идей Октября в жизни родного народа,

⁷⁵ Д. П. Байкулов, *Бекмурзаны джашау*, Кисловодск, 1931.

показать рост классовой ненависти и революционного сознания трудящихся горцев. И хотя в центре повести судьба Шама, по существу это изображение судьбы народной. Поэт подробно, в эпической манере повествует о беспросветной доле Шама, который всю свою жизнь батрачил, чтобы заработать корову, и на склоне лет, скрюченный ревматизмом, измученный годами лишений, ни с чем возвращается в свой голодный дом.

Не один Шама становится жертвой социального гнета. Гибнет и его двенадцатилетний сын Махмут, которого Шама отдает в батраки, чтобы иметь возможность в праздник жертвоприношений (Курман байрам) зарезать барана. Поэт правдиво рассказывает о тех тяжелых обязанностях, которые легли на плечи ребенка на хозяйском коше, и о его детской тяге к играм со сверстниками, к теплу домашнего очага, к родительской ласке. Однажды бай Камгут за ничтожную провинность выгнал мальчика с коша, и ночью в горах волки растерзали Махмута. На следующий день обезумевший от горя Шама находит жалкие останки сына. Проклиная виновников его гибели, отец клянется отомстить. С возмущением Шама сливаются гнев и негодование народа.

В сцене, изображающей волнение в ауле, вызванное известием о гибели Махмута, «один из односельчан Шама, молодой и энергичный», призывает народ к борьбе. В своей речи он использует факт гибели мальчика как средство революционной агитации. Происходит столкновение толпы с властью имущими. К сожалению, образ человека, призывавшего к восстанию, дан Байкуловым слишком бегло: неизвестно, кто этот человек, как сложились его революционные взгляды, какова его собственная жизнь. Здесь Даут Байкулов, верно изобразивший социальные причины, породившие стихийный протест горской бедноты, попытался нарисовать процесс соединения стихийного протеста крестьянских масс с революционным сознанием пролетариата. Автору, конечно, были известны имена первых карачаевских большевиков-интеллигентов, например, Саида Халилова. По-видимому, такой образ и волновал его ум, но осуществить замысел писателю оказалось не по силам, быть может, потому, что автора прежде всего занимала тема народа в революции, нарастающее недовольство и протест трудящихся. Для этого он вводит в повествование рассказ Азрета — друга Шама. Азрет вспоминает о батраке Османе, отомстившем баю поджогом. Шама мстит Камгуту за гибель сына таким же образом и попадает в тюрьму. Бунт подавлен. Так заканчивается первая часть повести о Шамае «прежде».

Поэт достаточно убедительно сумел показать, что трудовой народ уже не может жить по-старому, и раскрыл в поэтических образах историческую неизбежность прихода горцев к революции.

Сила реалистического воссоздания жизни прошлого снижается местами сентиментальностью и излишним драматизмом, переходящими то в натурализм, то в мелодраму. Иногда поэт вкладывает в уста ребенка не по-детски серьезные и смелые мысли. Но, несмотря на эти недостатки, произведение достигает порой подлинно трагического звучания, как, например, в главе, повествующей о гибели Махмута и о поисках его Шамаем.

В этом произведении, приближающемся по жанру к историко-революционной поэме, автор показал, что революция принесла горцам освобождение, рассказал о том, как под влиянием Октября неизмеримо выросло их классовое сознание, верно, хотя и в общих чертах, отразил некоторые специфические моменты установления Советской власти на Северном Кавказе.

Эта часть поэмы довольно декларативна и схематична и состоит в основном из диалога между врагами революции и трудящимся народом.

Историческую конкретность повествование приобретает вновь лишь тогда, когда автор обращается к судьбе Шамаея после революции, «теперь». Шамаея становится бригадиром колхоза, ударником социалистических полей, борцом за новое отношение к труду, в нем просыпается чувство хозяина своей страны:

Вот передо мной мой стада овец,
В горах пасется мой скот,
Тучнеют стада на горных склонах.

Произведение заканчивается песней Шамаея, прославляющей новую жизнь.

Поэма «Шамаея прежде и теперь» написана в повествовательной манере, в ней нет лирических отступлений. Сюжет поэмы подсказан поэту его жизненным опытом и наблюдением. Автор стремится использовать поэтические традиции народного творчества. В повествовании о батрацкой доле, в образах Шамаея, Махмута, баев ясно ощутимы мотивы социального неравенства, разрабатываемые в сказках и песнях, таких, как «Батрак», «Песня о Маиле Джагаеве» и т. п. Здесь та же простота, конкретность в изображении батрацкой участи.

Главные герои повести — люди из народа, каждый со своей судьбой, характером — нарисованы глубже и полнее. Но искусством индивидуализации характеров Байкулов в полной мере еще не овладел, он изображает лишь внешнее проявление психологического состояния героя, причем в довольно примитивной манере. И поэтому образы классовых врагов (бай Мурат, эфенди, муэдзин, Камгут и др.) страдают схематизмом, им присущи общие черты социального поведения и психики.

Растянутость повествования, введение внесюжетных эпизо-

дов, чрезмерно детальное описание перипетий, многократное повторение отдельных положений и образов, несоответствие частей произведения также свидетельствуют о незрелости мастера поэта.

Но, несмотря на все недостатки, произведение это интересно как первая попытка художественно отобразить судьбу карачаевского народа в революции.

По свей эмоциональной окраске поэзия Байкулова гораздо ровнее, нежели творчество И. Каракотова и А. Уртенова, в ней нет резких контрастов, и это объясняется как своеобразием его поэтической индивидуальности, так и периодом развития его таланта.

Время творческой активности Д. Байкулова совпало с победой и укреплением колхозного строя. Д. Байкулов стал певцом новой социалистической действительности. Пожалуй, самой существенной чертой его характера была душевная мягкость и большая, теплая любовь к человеку-труженику. Эти качества порождали пристальное внимание к судьбам простых людей, их чувствам, к особенностям формирования у них нового миропонимания и социалистической морали. Поэтому эпическое начало пресоблаждает в его творчестве. Поэт стремится к созданию типических образов в типических обстоятельствах. И уже не механизация и индустриализация вообще, а конкретные факты социалистического преобразования Карачая ложатся в основу его произведений. Д. Байкулов, будучи газетным работником, использует в своем творчестве богатый жизненный материал, ратуя за колхозное строительство, за новое отношение к труду и к социалистической собственности, выступая против невежества и предрассудков.

В его стихах 30-х годов еще много наивного (например, юмор в стихотворении «„Большевик“ колхозну фермасыны инеклерини тарыгыулары» — «Жалоба коров фермы колхоза „Большевик“», 1935 г.). В них образы и ситуации даны в общих чертах, но речь идет уже о конкретных людях и коллективах, чьи дела были известны в области. Хотя произведения эти художественно несовершенны, они свидетельствуют о том, что поэт твердо встал на правильный творческий путь.

В лирике Байкулова тех лет уже намечается образ положительного героя («Азретден юлгю алыгыыз» — «Берите пример с Азрета»), появляются изображение трудового коллектива («Колхоз джыйын» — «Колхозный коллектив»; «Терезеде колхоз» — «Колхоз в ауле Терезе»), превосходные зарисовки колхозного труда (сенокос в «Колхозном коллективе»). Трудовой пейзаж, который почти всегда наличествует в произведениях Байкулова («Джылны төрт заманы» — «4 времени года»), является его творческим вкладом в карачаевскую литературу.

Но изобразить нового, советского человека во всем его ве-

личии было для Д. Байкулова тогда не под силу. Поэту потребовалось еще более пристальное изучение жизни, пришлось многое переломить в себе и учиться, учиться у родного фольклора, у великих русских писателей, в частности у Пушкина. Живое чувство историзма, тесная связь с современностью помогли ему понять новые черты народного характера. Посмотрим, с чего же начинаются его поиски.

Мотив батрацкой доли, не новый для жарачаевской поэзии, по-своему зазвучал у Байкулова. Сравним стихотворение «Батрачонка и кулак», в основе которого лежит тот же факт, что и в стихах Каракотова «Кулак и батрак» и Азрета Уртенова «Растерзанному батраку». Если романтик Каракотов драматизирует свое стихотворение, сталкивая в остром конфликте два социальных характера, а Уртенов создает гневную инвективу на классового врага, то Байкулов в центре стихотворения помещает монолог батрачонка, рассказывающего о своей трагической судьбе. Интересно, что в основе ритмики стихотворения лежит мотив распространенной в 20-х — начале 30-х годов песни «Кирпичики», мелодраматичность и сентиментальность которой была близка Байкулову. Поэт излишне подробно изображает мучения бедняка, его скорбь и слезы. Сам автор постоянно сочувствует страдающему герою-труженику и стремится вызвать у читателей жалость к нему.

Но черты пассивного гуманизма, связанные у Байкулова с темой прошлого и выражающиеся в сентиментальных интонациях его поэзии, с годами исчезают. Под влиянием советской действительности в творчестве Байкулова происходит становление социалистического гуманизма, место жалости занимает уважение и требовательность к человеку, поэтизация страдания уступает место поэтизации борьбы человека за свое счастье. В. Инбер говорила на Первом съезде советских писателей:

Допустим, что мы научились ощущать радость с такой же силой и полнотой, как писатели, жившие до нас, ощущали скорбь... Я говорю допустим, потому что новые чувства не так-то просто даются нам. Над мироощущением тоже надо работать. Но допустим, что мы эту радость «освоили», мы вправе спросить себя, научились ли мы выражать ее в своих произведениях? ⁷⁶

Даут Байкулов «освоил» радость новой жизни. Его лирика второй половины 30-х годов, посвященная строительству новой жизни и новым людям, не обладает страстностью и патетичностью стихов Уртенова, но ей уже свойствен теплый и светлый оптимизм.

Однако там, где поэт развивает основную тенденцию своего

---

⁷⁶ «Первый съезд Союза советских писателей. Стенографический отчет», М., 1934, стр. 544.

творчества — тенденцию к эпической поэзии больших жанров, к созданию типических образов в их эволюции и особенно образа положительного героя, — ему приходится идти путем долгих поисков. Интересна в этом смысле галерея образов людей из народа от стихотворения «Батрачонок и кулак» до стихотворных сказок, вышедших в свет в 1940 г. в сборнике «Стихи и сказки». Для Байкулова главное не обличение классовых врагов (хотя образы их занимают значительное место в его произведениях), а борьба за нового человека, борьба против традиций и предрассудков, веками насаждавшихся правящими классами, борьба за счастливого и духовно прекрасного человека.

В 1932 г. выходит его поэма «Марьям и эфенди». Она рассказывает о девушке, умершей потому, что сила религиозных предрассудков заставила ее родителей обратиться во время болезни дочери не к врачу, а к мулле.

Поэт заостряет свое внимание не столько на разоблачении муллы, невежественного, лицемерного и алчного, сколько на страшных последствиях власти религиозных предрассудков, фактически явившихся причиной смерти Марьям. Несмотря на попытки Марьям объяснить матери необходимость позвать врача, несмотря на ее нежелание пить вместо лекарства чернильные смывы с молитв, наконец, несмотря даже на физическое сопротивление «методам лечения» эфенди, родные следуют словам муллы. А когда Марьям умирает, эфенди продолжает наживаться за счет ее родных, требуя мзду за погребальные и поминальные обряды, за молитвы, которые «обеспечат ей место в раю».

Автор, обращаясь к читателям, говорит о необходимости борьбы с невежеством и предрассудками, этим тяжким наследием прошлого в сознании людей.

Героиня поэмы Марьям — человек, понимающий зло, протестующий против него, но в силу своего одиночества не могущий это зло победить. Безвыходность положения девушки, чьи мольбы и жалобы, изливаемые в длинных монологах, не встречают понимания у самых близких ей людей, внушают острое чувство ненависти к ее мучителям и глубокую жалость к ней самой.

Медленный ритм повествования, постепенное нагнетание тревожного настроения в какой-то мере соответствуют представлению поэта о трудности, медлительности изживания предрассудков, прочно укоренившихся в сознании людей.

Поэт еще не умеет дать психологическую эволюцию героев и заменяет ее подробным описанием внешних проявлений душевного состояния, длинными монологами и диалогами действующих лиц.

Чем опаснее болезнь дочери, тем становятся сильнее тупой страх родителей и их слепая вера в исцеляющую силу муллы

и его два, а соответственно этому растут и «аппетиты» служителя Аллаха. Здесь поэт идет от народных сказок с их традиционными повторами однотипных, но все более драматичных ситуаций.

Автор допускает в поэме художественный просчет: он изображает зло настолько всесильным, а жертву столь беспомощной, что в поэме не остается места жизнеутверждению. В какой-то мере этот недостаток присущ и следующему крупному произведению Д. Байкулова — поэме «Залихат» (1935 г.), в которой поэт продолжает развивать свою излюбленную тему борьбы нового со старым в сознании человека, в быту горцев.

Появление этой поэмы было подготовлено предшествующим творчеством Д. Байкулова — целым рядом стихотворений, в которых поэт выступил борцом за новую мораль. Например, в стихотворении «Хамит и Таукан» (1933 г.) возникает диалог между носителем новой морали — передовым колхозником Хамитом и лодырем Тауканом, мечтающим о существовании за счет коллектива. Автор показал, как жизнь заставила лодыря испытать силу закона «Кто не работает, тот не ест». Позднее это стихотворение в переработанном виде вошло в поэму «Шамай прежде и теперь».

В стихотворении Байкулова «Ичкичини кылыгы» («Привычки пьяницы», 1933 г.) нарисована сатирическая картинка правов гуляк, калечащих жизнь свою и близких:

В доме у таких людей
Огонь в очаге
Никогда не горит ярко,
Свары и ссоры
Никогда не прекращаются.

И для поэта такой, находящийся во власти прошлого человек не менее ненавистен, чем классовый враг:

Там, где они,
Не будет выполнен план,
Слово «ударник»
Никогда не будет произнесено.
Такие пьяницы
Мешают социализму,
Во всяком деле они
Всегда позади.

Эта же мысль развита и в стихотворении «Была нек окъумайдыла» («Почему они не учатся», 1934 г.), где названы конкретные люди, отрицательно влияющие на молодежь, мешающие ей вступить в новую жизнь. Стихотворение разоблачает главу

семьи — лавочника, противящегося не только женскому образованию и раскрепощению женщины в семье, но заражающего сословными предрассудками окружающих (он, например, не может примириться с тем, что его дочь сядет за одну парту с ребенком кулов).

Таким образом, поэта всегда притягивали острые конфликты старого и нового в сознании людей. Именно эта тема раскрыта в поэме «Залихат»⁷⁷.

В центре поэмы «Залихат» — судьба девушки из народа, жизнь которой загублена сословными предрассудками. Залихат красива, скромна, умна. Она, родители которой были кулами, ответила на любовь парня из узденей (свободных крестьян). Залихат верит, что молодой человек, комсомолец, сможет преодолеть сопротивление своей семьи и жениться на ней. Но мать ее возлюбленного яростно противодействует этому, позоря девушку, избивая ее, натравливая на нее сплетниц, черня ее клеветой, всячески стараясь восстановить против Залихат общественное мнение. Девушка пытается найти поддержку у своего любимого. Но тот, к сожалению, не смог встать выше социальных предрассудков, и затравленная Залихат, скорбленная в своем глубоком чувстве, потерявшая веру в любимого человека, кончает жизнь самоубийством, бросившись со скалы.

Она понимает, что самоубийство — не выход, и просит своих подруг искать пути к настоящему счастью в учебе, работе, там, где не будет попорано человеческое достоинство. Сама же она не в силах жить после перенесенной трагедии.

Смерть Залихат — форма пассивного протеста против предрассудков старого мира, и описание самоубийства девушки очень напоминает народную песнь о Бийнёгере:

Подалась она к пропасти, чтобы броситься со скалы,
Побелело лицо ее, словно белый снег.
Спазмы стиснули ей горло,
Содрогнулась она.
Помедлив, обернулась она раз и другой:
И жалко расставаться с сияющим миром, и страшно.
.....
Распластав руки, словно орлица,
Бросилась она со скалы.

Критика считала ситуацию, изображенную в поэме «Залихат», не соответствующей действительности, так как карачаевские девушки в советское время уже сами могли определять свою личную судьбу, а пережитки старой морали успешно ис-

⁷⁷ Даут Байкзулланы, *Залихат (Поэма)*, Нарсана, 1935.

коренялись советской общественностью. Упреки критики были справедливы. Однако в то же время следует сказать, что трагической развязкой любви Залихат поэт хотел подчеркнуть страшную, губительную силу предрассудков, унижающих и опустошающих душу человека, ослабляющих его волю к жизни. Байкулов не одсбряет поступка своей героини, рассматривает его как результат душевной слабости девушки и в конце концов как следование примерам старины:

Мерзкий обычай кончать с собой
Унаследован от времен насилия,
И мстительное чувство Залихат
Займствовало его от гнилого прошлого.

И в сознании Залихат, и в сознании ее любимого крепко переплелись старая и новая мораль. Например, юноша отдается своему чувству и, хотя знает, что родня будет протестовать, настаивает, чтобы Залихат согласилась стать его женой, рассчитывая на свои силы, надеясь преодолеть запрет родителей. Добившись ее согласия, но не сумев сломить волю родных, он сдается из боязни быть проклятым своей матерью, склоняется перед семейными традициями, поступает своим чувством к любимой девушке. Залихат также не может подняться выше предрассудков. Не найдя поддержки у любимого, считая себя спозоренной, она не видит иного выхода, кроме смерти.

Однако и героиня, и ее подруги, и читатель понимают, что новое в человеческих взаимоотношениях неизбежно победит.

Образ Залихат — это одна из ступеней Байкулова на пути к созданию живого характера современника. О Залихат и ее судьбе поэт рассказывает подробно, раскрывает внутренний мир героини, хотя и не достигает еще подлинной глубины психологизма.

Важно то, что пассивный гуманизм, свойственный его предшественным произведениям, чувство жалости, сострадания начиная уже с этой поэмы все более отступают перед действенной, активной любовью к человеку и стремлением сделать его сильнее, лучше. Критическое отношение к самоубийству Залихат является доказательством этого.

Герои Байкулова перестают быть страдальцами и жертвами; люди сильной воли, большого мужества, борцы и победители приходят в его стихи. Он посвящает строки своих стихов Чкалову, Белякову, Байдукову, советским летчицам Осипенко, Расковой, Гризодубовой. Это происходит в предвоенный период, когда становится очевидной угроза фашистской агрессии.

Преодоление пассивного гуманизма происходит в эти годы в творчестве Байкулова путем постепенного овладения «наукой ненависти». Разоблачение фашизма в стихотворениях «Герма-

ния бла СССР — ден эки ишчи» («Двое рабочих из Германии и СССР») ⁷⁸ и «Хасанны тулпарларына» («Героям Хасана») ⁷⁹ в какой-то мере подготавливает создание эпической поэмы Байкулова «Испан кызчыкъ» («Испанская девочка») ⁸⁰. В ней поэт клеймит фашистских агрессоров и прославляет героическую борьбу испанских республиканцев, как бы подхватывая тему, широко разрабатывавшуюся в советской литературе 30-х годов (А. Афиногенов — пьеса «Салют, Испания!»; И. Эренбург — роман «Что человеку надо», книга очерков и корреспонденций «Испанский закат», стихи об Испании; М. Кольцов — «Испанский дневник» и др.).

Испанская деревня обстреляна и разрушена фашистскими самолетами; во дворе своего дома убита молодая женщина, маленькая девочка в отчаянии рыдает над телом матери. В село врываются фашисты. Они учиняют зверскую расправу над уцелевшими жителями. Подоспевшие республиканцы спасают девочку от смерти. Вторую родину она обретает в СССР.

Впервые в карачаевской поэзии тема международной солидарности трудящихся, единства мирового революционного фронта развернута в эпической поэме. Однако поэма во многом еще несовершенна. Ей присущи известный схематизм, очерковость, отрывочность частей. В образах героев поэт не избежал прямолинейности, преувеличений. Но произведение раскрывает мужество, героизм республиканцев, стоявших насмерть в невероятно тяжелых условиях. И испанская девочка в поэме — плоть от плоти, кровь от крови своего героического народа. Бесстрашно и гордо отвечает она врагу:

Я дочь верного сына испанского народа,
Отец мой — воин республиканской армии.
А вот и моя родная мать —
Ваш враг до последней минуты.
Сегодня погибла она от вашей руки.
За кровь ее отомстит вам отец мой.
Много вражеских голов он снес,
Умеет он быть беспощадным с врагом.

Так с годами поэзия Байкулова становится все более мужественной и гражданственной, все более подходит он к исторически конкретному, полнокровному отображению своей эпохи, современника и его мироощущения.

Немалую роль в достижениях поэта сыграла учеба у классика русской поэзии А. С. Пушкина. Влияние творчества Пуш-

⁷⁸ Даут Байкѳулланы, *Дѳѳырла бла таѳрухла*, Микоян-Шахар, 1940.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

кина на поэзию Байкулова было своеобразным. Байкулов известен как один из талантливых переводчиков русского поэта на карачаевский язык. В Пушкине Байкулова привлекало то, что родственно его собственной поэтической натуре. Это в первую очередь элегические мотивы («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), мотивы политической лирики («Чаадаеву», «Послание в Сибирь»). По-видимому, склонность к мелодраматизму заставила его перевести поэму «Бахчисарайский фонтан»⁸¹.

Но наиболее плодотворное влияние на его творчество оказали те произведения Пушкина, которые связаны с фольклором. Так, например, он переводит стихотворение «Соловей» и легенду «Сестра и братья», как известно, взятую из сборника сербских народных песен и вошедшую в созданный Пушкиным цикл «Песен западных славян» (1834 г.).

Переводит Байкулов и поэму «Братья-разбойники», перекликающуюся с широко распространенными у горцев Северного Кавказа народными песнями об абреках. Так же как для Пушкина братья-разбойники были выразителями народного протеста, так и для горцев абреки — это прежде всего люди, восставшие против социальной и политической несправедливости (ср. народную песню «Канамат»).

Байкулов не переводил пушкинских сказок, но их влияние на его творчество конца 30-х годов несомненно. Это не было прямое заимствование или подражание Байкулов учился у Пушкина самому методу творческого использования фольклора. Поэт черпает из фольклора сюжеты, учится у народа живости изображения, стремится передать мужество и оптимизм, которые помогли народу сохранить лучшие качества своей души, пронеся их через века гнета и несправедливости.

И не случайно последний сборник Байкулова назван им «Песни и сказки» (1940 г.). Большое место в нем занимают сказки в стихах («Айю бла къарт» — «Медведь и старик»; «Къайсы уллуду?» — «Кто больше?»; «Туумагъан джашчыкъ» — «Неродившийся мальчик»; «Тёре бла джарлы» — «Судья и бедняк»). В основе их лежат сюжеты народных карачаево-балкарских сказок, повествующих о победе благородства над благодарностью («Медведь и старик»), ума и доброты — над жестокостью и глупостью («Кто больше?»), доверчивости и справедливости — над алчностью, хитростью и социальной несправедливостью («Неродившийся мальчик», «Два брата»).

Наибольший интерес представляют сказки «Неродившийся мальчик» и «Судья и бедняк». Последняя очень напоминает русскую повесть о Шемякином суде. Так же как и там, бедняк берет верх над своим богатым братом, над купцом и жадным судьей благодаря своему уму, хитрости, находчивости.

⁸¹ Там же.

Сравнение стихотворных переложений Д. Байкулова со сказками, помещенными в сборнике устно-поэтического творчества «Къарачай фольклор» (Микоян-Шахар, 1940), показывает, что поэт шел по пути заострения демократических идей народных произведений, их социальной направленности.

Здесь впервые в творчестве Байкулова народные характеры приобретают реалистические черты, находит свободный выход его чувство юмора. Поэтически обрабатывая сюжеты народных сказок, поэт в подлинном смысле слова учится воплощать в эпической форме радость борьбы труженика за свое счастье.

В поэзии Байкулова отчетливо проявляются характерные черты, присущие всей советской литературе 30-х годов: те же темы коллективизации, индустриализации, формирования нового человека; то же упорение метода социалистического реализма, сказывающееся в стремлении к исторически конкретному изображению действительности и человека в их эволюции, в становлении социалистического гуманизма, в крепнущем интернационализме.

На творчестве Даута Байкулова можно проследить, как учится молодая карачаевская поэзия выражать радостное мироощущение освобожденного человека социалистического общества.

Его обращение к поэзии Пушкина и фольклору родного народа позволяет нам судить о факторах, которые способствовали формированию и росту молодой карачаевской литературы.

ПРОЗА

Начало художественной прозы.

Роман Хасана Аппаева «Черный сундук»

С момента зарождения карачаевской литературы в ней проявилось тяготение к исторической теме, стремление осмыслить прошлое, понять и объяснить антагонистические противоречия, обострившиеся в предреволюционный период, и путь народа к революционным преобразованиям. Это обусловило особое развитие эпического начала в поэзии и появление больших сюжетных стихотворений, которые предшествовали созданию в карачаевской литературе социально-бытовых и историко-революционных поэм.

С конца 20-х годов в карачаевской литературе начинают развиваться прозаические жанры.

Становлению карачаевской прозы немало способствовала литературно-критическая и публицистическая деятельность Ислама Карачайлы (Хубиева) на страницах краевой периодической печати. Неутомимый и страстный поборник создания гор-

Хасан Аппаев

ских национальных литератур, в том числе и карачаевской, Ислам Карачайлы с радостью отмечал всякий, даже малейший успех писателей и поэтов, постоянно напоминал национальным писателям о задачах, стоящих перед ними. Он указывает на непосредственную связь литературы с развитием национально-литературного языка. Отмечая широкое развитие поэзии у всех народностей Северного Кавказа, Ислам Карачайлы говорит об отсутствии в их литературе рассказов, повестей, романов... «кроме отдельных попыток у черкесов, у осетин и др. (Среди этих опытов наиболее удачными являются опыты осетин, письменность которых насчитывает 130-летнюю давность)»⁸².

⁸² Амалатбек, *О художественном воспитании и образовании горцев*, — «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1929, № 4, стр. 62.

Он пытается объяснить причины этого и пишет о том, что «беллетристика является не только важнейшим, но и труднейшим, сложнейшим родом литературы, требующим от автора помимо дарования (т. е. способности и склонности к мышлению образами) наиболее высокой квалификации, культуры, художественного воспитания и образования...»⁸³.

Первый опыт в прозе принадлежит самому Исламу Карачайлы. В 1929 г. в газете «Таулу джашау» (литературная страничка № 3) появляется его рассказ «Женитьба Хасана». Автор определил жанр своего произведения как таурух⁸⁴ и дал ему подзаголовок «История из жизни Карачая».

В рассказе «Женитьба Хасана» автор выступил против власти адата над сознанием, чувствами и взаимоотношениями людей.

Содержание рассказа таково. Комсомолец Хасан женится на любимой девушке Кулистан. Зарегистрировав брак по новому, советскому обычаю, он все же не может оставить ее у себя: по адату он должен разрешить ей вернуться на некоторое время в родительский дом. Перед силою обычаев Хасан отступает. В течение десяти месяцев, несмотря на его настойчивые просьбы, родители под различными предлогами не отпускают Кулистан. В это время Хасан тяжело заболевает. Комсомольцы заставляют родителей выдать невесту. Однако уже слишком поздно: ее приезд совпадает со смертью Хасана. Комсомольская ячейка принимает решение объявить войну старым обычаям.

Если конфликт этого рассказа раскрывается через семейно-бытовую драму, то рассказ Даута Байкулова «Жизнь Бекмурзы» (1931 г.)⁸⁵ непосредственно посвящен социальному положению батраков, разоблачению эксплуататорской сущности родственных взаимоотношений между богатыми и бедными.

Стиль повествования этого рассказа находится в прямой зависимости от хапаров. Фигуры сироты Бекмурзы, баев Камгута и Баймурзы, а также судей одноплановы и полностью подчинены основному замыслу писателя показать эксплуататорскую сущность богачей, вызвать сочувствие к беднякам. Несмотря на схематизм и однолинейность образов, на оголенную тенденциозность, рассказ «Жизнь Бекмурзы» сыграл определенную роль в истории карачаевской литературы: его тема, развитие сюжета, едва намеченные в рассказе характеристики действующих лиц были затем развернуты в романе Хасана Аппаева «Черный сундук».

⁸³ Там же.

⁸⁴ Таурух в переводе на русский язык означает «горская история», в широком смысле — «повествование». Происходит своеобразное переосмысление арабского слова «таварих» («истории»): первая часть его начинает восприниматься как «тау» («гора»). Отсюда «таурух» — «горская история».

⁸⁵ Даут Байкуллаев, *Бекмурзаны джашау (таурух)*, Нарсана, 1931.

Первая книга романа вышла в свет в 1935 г.⁸⁶, вторая — в 1936 г.⁸⁷. Второе издание романа, имевшего большой успех у читателей, было осуществлено в 1937 г.⁸⁸.

Хасан Алиевич Аппаев (1905—1938) в 30-е годы был секретарем Карачаевского обкома КПСС и непосредственно участвовал в борьбе за проведение в жизнь политики партии. Он умел глубоко, по-большевистски проникать в сущность происходивших событий. Свой роман он задумал как широкое историческое полотно. Писатель собирался полно и всесторонне изобразить и прошлое, и настоящее карачаевского народа, показать историческую закономерность революционного преобразования жизни Карачая, охватить период истории карачаевского народа с 1900 по 1930 год. Однако Х. Аппаеву не удалось осуществить свои творческие планы: он скончался в январе 1938 г. Книга осталась незаконченной. О замысле автора мы можем судить лишь на основании анализа двух вышедших книг романа, так как не располагаем никакими архивными материалами. Эти две части представляют собой целостное произведение. В романе идет речь о событиях конца 90-х — начала 900-х годов, непосредственно предшествовавших первой русской революции 1905—1907 гг. Автор стремится показать рост классового сознания карачаевского народа в борьбе с эксплуататорами, постепенное его освобождение от власти религиозных и националистических предрассудков под влиянием русского пролетариата. Он изображает русских рабочих серебро-свинцового рудника, основанного в 1891 г.⁸⁹, как сознательных представителей русского пролетариата, под воздействием которых формировалось классовое сознание карачаевских батраков.

По историческим данным, рудник такой роли в жизни горцев не сыграл, ибо функционировал он недолго. Связь между аулами и рудником была также незначительной, а немногочисленные карачаевцы использовались там лишь в качестве подсобных рабочих. Однако в период 1905—1907 гг. в Карачае, так же как и всюду на Северном Кавказе, под воздействием русской революции прошла волна аграрных беспорядков, в которых стихийная борьба народа за землю под влиянием передовой национальной интеллигенции, связанной с русским революционным движением, приняла более организованную форму⁹⁰.

По существу социальная концепция романа Аппаева верна: революционное движение в Карачае развивалось под воздей-

⁸⁶ Х. А. Аппаланы, *Къара-кюбюр*, Биринчи китабы, Микоян-Шахар, 1935.

⁸⁷ Х. А. Аппаланы, *Къара-кюбюр*, Экинчи китабы, Микоян-Шахар, 1936.

⁸⁸ Х. А. Аппаланы, *Къара-кюбюр*, Микоян-Шахар, 1937.

⁸⁹ Тохтаул-Чалган — место, где начались первые разработки серебро-свинцовой руды (1893 г.). Рудник назывался, как и ныне, «Эльбрус».

⁹⁰ См. «Наполы Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1957, стр. 42.

ствием русского революционного движения. Однако в изображении конкретных форм этого воздействия автор несколько отходит от исторических фактов.

Название романа «Черный сундук» связано с фольклором. Как известно, в нартском сказании «Сосурка и эмеген пятиголовый» в черном сундуке хранится меч злобного эмегена, олицетворяющего враждебные народу силы. В романе черный сундук принадлежит богачу — «эмегену» Кыямыту. Этот сундук не только символ несчастий народа, это символ дореволюционного Карачая, замкнутого в горах, как в каменном сундуке.

В основе романа лежит конфликт между народом и его угнетателями.

Жена бедняка Темурки с нетерпением ждет своего мужа с коша: он нанялся на год батраком к богачу Кыямыту. Прошли год и два месяца, а Темурки все нет. Бьется в тисках нужды его жена Мелехан, с трудом зарабатывая себе, сынишке Ибрагиму и дочери Байдымат на пропитание. Им помогает сосед, красивый смелый Канамат, такой же, как они, бедняк. Канамат и дочь Темурки любят друг друга. Родители ее знают об этом и решили отпраздновать свадьбу, как только Темурка вернется с гор.

В аул приезжает царский пристав Апанас со свитой. Его подбострастно принимают богачи, аульная знать, духовенство. Среди них выделяется хитрый, умный богач Кыямыт, который держит в руках весь аул. Он давно точит зубы на Канамата за его строптивый нрав и умение постоять за себя. Кыямыт доносит приставу, что Канамат крамольник и разбойник. А так как приставу на тое приглянулась Байдымат, бай решает обманом заманить ее к Апанасу. Этим ловким ходом он хочет убить двух зайцев: нанести удар Канамату и вместе с тем заслужить благосклонность пристава и награду за верную службу русскому царю. Однако Канамат, почуяв недоброе, врывается в дом Кыямыта и освобождает Байдымат, ранив старшину Биймырзу и пристава. После этого он вынужден уйти в горы и стать абреком. Нетрудно заметить, что эта линия романа разрабатывает сюжет и образы таких лиро-эпических песен карачаево-балкарского фольклора, как «Песня о Кара-Муссе» и «Песня о Канамате»⁹¹. Девушку сажают в тюрьму, рассчитывая на то, что Канамат явится из-за нее с повинной. Но Канамат с помощью своих друзей освобождает Байдымат и уводит ее в горы.

Такова экспозиция и завязка романа. В них характеризуются основные образы, с одной стороны, бая Кыямыта, эфенди Мухаммат-Амина, старшины Биймырзы, царских чиновников, а с другой — Канамата и членов семьи Темурки.

---

⁹¹ См. А. И. Караева, *О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев*, Черкесск, 1961.

Завязка романа — вспышка стихийного протеста, носителем которого выступает наиболее активный, непримиримый к несправедливости, сильный и страстный человек из народа — Канамат. В дальнейшем сюжет разветвляется. Линия Канамат — Кыямыт дополняется другими, изображающими судьбы людей всего аула.

Вторая часть романа открывается описанием засушливого лета, грозящего оставить скот бедняков, арендующих покосы, без корма. Наступает голод, начинаются болезни. Сын Кыямыта Кандаур убивает батрака Хамида, не желая отдавать ему заработанный скот. В народе растет недовольство и волнение.

Темурка, вернувшийся с коша с пустыми руками, отдает своего сынишку Ибрагима в батраки и уходит работать на рудник. В доме Темурки появляется рабочий с рудника — Семен, который разъясняет причины бесправия, тяжелой доли горской бедноты. Молодежь, слушая Семена, начинает понимать, кто виновник нищеты, гнета, лежащего на плечах родного народа. Общение с Семеном и с другими рабочими рудника помогает рождению у карачаевской бедноты чувства классовой солидарности тружеников, способствует преодолению националистических предрассудков, насаждаемых мусульманским духовенством.

Кыямыт и другие богачи стараются найти средства для предотвращения народных волнений и укрепления веры в Аллаха. Эфенди Мухаммат-Амин предлагает для этого найти шейха, который содеянными религиозными «чудесами» заставил бы народ вспомнить бога. «Народ у нас испортился, из-за слабости веры у некоторых заржавели сердца, и они перестали слушать уважаемых, видных, умных людей аула. Вот поэтому Аллах гневается и губит наши посевы и сенокосы. Много стало зарящихся на чужое добро»⁹², — проповедует эфенди в мечети. В качестве «шейха» он использует мошенника и вора Абдул-Кадыра. Тот морочит народ: переодетый «призраком» начинает «священнодействовать» во время соборного намаза в мечети, объявляет шейхом убийцу Кандаура, шаманит, заставляя светиться могилу отца приглянувшейся ему девушки. Темный народ и верит, и не верит этим чудесам, так же как он не способен еще понять всего смысла речей Семена.

Кульминация романа — организованное эфенди священное шествие, во время которого должно произойти «чудо»: новоиспеченный «шейх» Кандаур явится народу, совершив за время от утреннего до полуденного намаза путь до Мекки к могиле пророка и обратно. С ним должна явиться душа пророка, в знак особого благоволения к аулу.

Автор дает большую массовую сцену. Богачи и эфенди пы-

⁹² Цитаты даются по кн.: Х. А. Аппаланы, *Къара кюбюр*, Черкесск, 1958.

таются не только обмануть народ, укрепить свою власть над ним, но и разделаться с врагами — направить толпу на «неверного» Семена и на тех, кто «потерял свою веру»: Темурку, Бийнёгера и их сторонников. Семен и его друзья разоблачают богатея. Но народ, хотя и не поддался призыву эфенди, еще не поддерживает Семена и его товарищей. Народ пассивен. И все же Семен верит, что «посеянное упало на благодарную почву и скоро даст ростки».

Семена и его товарищей арестовывают, бросают в тюрьму, подвергают допросу и избиениям. На этом раз силы реакции одержали победу. Семен, старик Темурка и карачаевская молодежь, оказавшись в тюрьме, осмысливают причины своего поражения и думают о дальнейших путях борьбы.

Ни арест, ни побои не сломили духа борцов. Они готовы к продолжению борьбы. Хотя лучшие аулчане брошены в тюрьму, лишены возможности непосредственно влиять на умы земляков, тем не менее остановить революционизацию сознания народа уже невозможно. События, развертывающиеся за стенами тюрьмы, в ауле, подтверждают это.

Большинство покосов вокруг аула принадлежит князю Каншаубию. Маленькие клочки покосных угодий бедняков вклипываются в его земли. Управляющий князь не дает им воды для полива из общинной оросительной системы. А когда бедняки отводят все-таки воду на свои поля, он избивает их и затем отдает под суд. Подкупленные судьи решают дело в пользу бия. Часть бедняков горит возмущением и протестом и вспоминает слова Семена, Канамата и Темурки. Другая же часть, поддавшись уговорам либерала — учителя Ташалдара, пытается «добром» договориться с князем. Но когда становится ясно, что помирить овцу с волком невозможно, народ приходит к осознанию необходимости решительной и активной борьбы.

В то же время Канамат со своими товарищами освобождает арестованных из тюрьмы, выступая здесь как борец за общее дело. Оправившийся после ранения пристав с помощью местных властей развивает бурную деятельность для поимки «государственного преступника» Семена и «разбойника» Канамата. Народ отказывается помогать им, видя в тех, кто скрылся в горах, своих заступников, свою надежду на освобождение.

Развязка романа — нападение полицейских и их пособников на пещеру в горах, где скрываются беглецы.

Моральная победа на стороне Семена, Канамата, Бийнёгера и их товарищей. Им удалось спастись, они будут продолжать борьбу. В эпилоге мы видим, как Семен собирается в дорогу, туда, на Север, в Россию, «где он сейчас нужен и откуда придет к горцам освобождение».

Таким образом, автор изобразил различные стадии и формы борьбы карачаевского народа за освобождение — от стихий-

ного протеста одиночек до первых организованных выступлений. Он старался показать трудный и в то же время стремительный рост революционного сознания карачаевского народа, находившегося под властью невежества и предрассудков, классового, национального и политического гнета.

Сама атмосфера революционной борьбы и процесс вызревания революционного сознания у бедноты, отдельные линии и положения романа Х. Аппаева свидетельствуют о том, что автор не прошел мимо традиций горьковской прозы и его всемирно известного романа «Мать». Композиция «Черного сундука» многопланова. Основную сюжетную линию составляет борьба двух враждебных социальных групп. Это, как мы говорили выше, с одной стороны, карачаевская беднота и рабочие рудника, а с другой — бии, бан, эфенди, пользующиеся поддержкой военной администрации.

Ряд дополнительных сюжетных линий и вставные новеллы, повествующие о судьбах как главных героев, так и второстепенных персонажей, не нарушают композиционной целостности произведения, хотя и придают ему некоторую дробность и мозаичность. Для романа характерно обилие остро драматических и романтических ситуаций, многие из которых носят авантюрно-приключенческий, а иногда и сказочный характер. Все это так или иначе связано с фольклорной традицией, чрезмерная приверженность к которой порою мешает реалистическому отражению действительности.

Сюжетно-композиционная структура романа подчинена одной идее. Это придает всему произведению четкую социальную направленность. Борьба неизбежна, жить по-старому дальше нельзя. Отношение к освободительной борьбе определяет расстановку сил в романе, резкое разделение персонажей на два лагеря. В одном лагере мы видим бая Кыямыта, бия Капшаубия, эфенди Мухаммат-Амина, старшину Биймырзу, пристава Апанаса и их приверженцев — Мыртазу, управляющего Тогузака — и тех, кто объективно им помогает, играет им на руку, — учителя Ташалдара, Абдул-Кадыра и других. Эта группа образов дана в основном в сатирическом плане. Автор обнажает их антинародную сущность, взаимную ненависть этих хищников и то, что только страх перед народом и стремление держать его в узде заставляют их объединиться. Аппаев показывает их историческую обреченность и временный характер одерживаемых ими побед. Власть, основанная на обмане, на насильи, на хищничестве, становится все более шаткой.

В другом лагере — угнетенные труженники. Среди них есть люди забытые, темные (Шамаил, Хамит, Джантемир), есть люди активные, смелые, готовые постоять за свое человеческое достоинство (Канамат, Бийнегер, Касым, Аслан, маленький Ибрагим), и есть сознательные борцы-революционеры (Семен).

В этом лагере все более растет классовое сознание, выше и чище становится моральный облик, крепнет солидарность, растет активность. Автор так развивает образы этой группы, что уже сразу чувствуется, что этим людям принадлежат будущее и подлинная победа.

Аппаев использует различные и многообразные выразительные средства для характеристики своих персонажей.

Изображая врагов народа, он берет типичных представителей основных социальных сил дореволюционного Карачая. Для создания образа каждого из них он находит своеобразные краски.

В социальной характеристике бая Кыямыта, владельца черного сундука и самого влиятельного человека в ауле, значительную роль играют описания быта, убранства его дома:

Бархатные ковры, волчьи и беличьи шубы, длинные полки уставлены фарфоровой посудой... Русские чиновные гости не могут оторвать взгляда от противоположной стены. И в самом деле, чего только там нет: различной формы кинжалы с золочеными рукоятками, серебром и золотом инкрустированные сабли, старинные горские ружья, роги для пороха. На другой стене парчовые платья, золоченые тюме и кямары⁹³, украшенные галунами и золотым шитьем кафтаны. Над изголовьем кровати... портрет царя Николая, завешенный с боков шелковым шарфом...

Изображая богатство Кыямыта, автор тут же подчеркивает его скупость. В этой разукрашенной кунацкой пикто не живет. Ее открывают только для гостей, и в нос им ударяет сырой, затхлый запах. Имея новый, крытый жестью, большой дом, Кыямыт живет в старой сакле, где коптит лампа без стекла.

Портрета Кыямыта автор по существу не дает, лишь несколько деталей: «грузный старик, похожий на пятиведерную бочку», с неизменной палкой в руке, с «ногтем на мизинце, напоминающим ястребиный коготь». Не внешний облик героя важен для писателя. Важнее его поступки, его отношение к людям. Черты стяжательства и хищничества наиболее полно раскрываются именно в них. Он наиболее активная фигура среди тех, кто противостоит народу. Именно он начинает преследовать Канамата, и ненависть бая растет по мере того, как имя пастуха окружают ореолом народного заступника. По его наущению арестовывают Байдымат. Он подкупом, хитростью, играя на уважении к своему возрасту и на родственных чувствах, стремится завербовать себе сторонников среди деревенской бедноты. Он открывает свой черный сундук каждый раз, чтобы укрепить власть богачей: на его деньги, извлеченные

---

⁹³ Кямар — нарядный женский пояс, сделанный из серебряных (часто с позолотой) пластинок.

оттуда, эфенди завербовал «шейха» Абдул-Кадыра с его «чудесами». Этот человек ничего не предпримет без прямой выгоды для себя, даже «не ответит на приветствие того, кто здоровается с ним на улице, если не надеется что-нибудь урвать» у него. Даже веру он использует в своих корыстных интересах. Характерная деталь: ключ от кунацкой, где хранятся его богатства, он носит на поясе вместе с четками.

Поэтому и к батракам своим, к людям, зависящим от него, он относится как к источнику наживы, безжалостно обманывает их и унижает. «Людям, которым по договору должен был платить шерстью за стрижку овец, он при расчете подсовывал очесы. Жившие прежде у Кыямыта батраки в один голос утверждают: у самого на пастбищах полно скота, а он заставлял воровать из чужого стада, чтобы наполнить вечерний казан... Темурке, подпустившему телят к коровам, Кыямыт сжег руку в горячей золе.

Звериную жестокость по отношению к слабым передал Кыямыт и своему сыну Кандауру, который выгнал с коша Темурку, не уплатив ему за год, и убил батрака Хамита.

Большую роль в изображении характера Кыямыта играет внутренний монолог и прямая речь. Человек умный и хитрый он до тонкостей обдумывает свои действия, обсуждает их со своими единомышленниками: эфенди, Каншаубием, старшиной Биймырзой, и лишь заранее уверившись в успехе дела, он его начинает.

Аллах, коли захочет дать, так даст сполна, обеими полными горстями. Не влезь этот слонтяй Биймырза — и медаль бы мне одному досталась, и сына моего Апанас возле себя пристроил бы на какую-нибудь должность... Эх, не догадался я сам вчера перед уходом спросить Апанаса, чем могу услужить... Пусть даже и не арестуют Канамата... Все равно, как узнает о случившемся — сердце у него разорвется, а не узнает — так женится на девице, доставшейся прежде старику, и станут дни его чернее ночи от позора... Как ни верти, с какой стороны ни посмотри, — все мне на пользу. Потому видно и сказано: счастливому счастье арбой валит, а у несчастного, если даже добро в руки ему само плывет, — кровь из носу льет. Мое счастье ко мне арбой валит, а у этого голодранца Канамата с моей помощью кровь из носу побежит... Очень кстати и той в честь приезда пристава сегодня ночью: заманим сюда дочь Темурки под этим предлогом и отдадим в руки Апанасу. Никому не доверю, своими руками отведу и скажу: «Вот тебе подарок!»... Обрадуется же мой друг Апанас. А мне радости будет больше всех, когда медаль заблестит на моей груди! Надо ковать пока горячо. Теперь не зевай, Кыямыт, добыча перед тобой — да не прольется кровь у тебя из носа!

Так размышляет Кыямыт, намереваясь погубить Канамата. Свою ненависть к беднякам Кыямыт не скрывает, назы-

вая их «голодранцами», «водяными змеями», «разбойниками», «голью перекаточной». Но как он меняется, пресмыкаясь перед властью имущими. Например, при встрече с приставом Апанасом унижается, льстит: «Да стаю я твоей жертвой...», «Склоняю голову мою под защиту золотых пол твоей одежды...». Он целует ноги царя Николая на портрете и Апанаса — в плечо.

Не меньшее значение, чем прямая речь и внутренний монолог, имеет взаимная характеристика персонажей. В массе своей люди аула понимают, что такое Кыямыт, признают его всеислие («Что ему... он один стоит всего аула») и ненавидят его («они многих, таких, как мы, свели в могилу, ободрав шкуры, обглодав кости»), «собачьим отродьем», «взбесившимся старым волком», «змеей», «лисой», «крокодиллом» называют его простые люди.

Пристав же доволен таким верным слугой царя, ведь на него можно положиться во всех действиях против непокорной бедноты.

В авторской речи мало субъективно-оценочных эпитетов и сравнений, но по духу своему они перекликаются с тем, что говорит о Кыямыте народ («повернулся к Токалу с лисьей улыбкой...», «Кыямыт прислушивается и присматривается, как привыкший лаять сторожевой пес обнюхивает, обегая вокруг, загон...», «хоть и стар, но чует выгоду, подчищает все, как метла...»). В целом авторская речь при характеристике Кыямыта выдержана в спокойно-повествовательной манере, лишена внешней тенденциозности и элементов гротеска. И тем не менее образ бая получился сатирическим.

Художественные средства, которыми пользуется автор, создавая образы паразитирующего мусульманского духовенства, несомненно идут от традиций антиклерикальных сказок карачаевского фольклора и анекдотов о Насра Ходже. Особенно это проявляется при изображении эфенди Мухаммад-Амина и «шейха» Абдул-Кадыра. Эфенди написан в духе народных традиций, как лицемер и хитрец. «В развешиваемся черном аба⁹⁴, с раскачивающимися четками в руках... возводя очи горе или скромно опуская их долу», всем своим внешним видом, поведением он стремится внушить людям мысль о святости своей персоны. Народ всегда издевался над обжорством, развращенностью и алчностью духовенства, и Аппаев в своем романе дает эпизоды, очень близкие мотивам народных сказок. Так, например, в одной из сцен эфенди вместе с Абдул-Кадыром пьет вино и объедается свининой, а затем объявляет Абдул-Кадыра шейхом. Эта сцена — своеобразная обработка сюжета известной сказки «Эфенди и могила шейха». Столкнув эфенди с мошенни-

---

⁹⁴ Аба — одежда духовных лиц, свободного покроя накидка с прорезьями для рук.

ком и показав, как они быстро находят общий язык, автор романа как бы ставит знак равенства между ними. Абдул-Кадыр по существу — отражение истинного лица эфенди: «Удивительно, как похожи бывают друг на друга все святые люди», — произносит эфенди, увидев себя в Абдул-Кадыре, как в зеркале.

Эфенди не только в мечети именем Аллаха постоянно защищает интересы богачей и утихомиривает народ, но и в разговорах со своими единомышленниками Кыямытом и Абдул-Кадыром он лицемерит, изъясняясь в духе своих проповедей. Даже перед ними он желает выглядеть святым и непогрешимым. Однако друзья знают цену его речей и обнажают подлинный их смысл: «Ваша братия слишком болтлива. Я понимаю, ты хочешь сказать, что пророк, выйдя в дальнюю дорогу, пил на привалах со своими спутниками николаевскую водку», — с едкой насмешкой прерывает Абдул-Кадыр речь эфенди, пустившегося было со стаканом водки в руке рассуждать о благочестивой жизни пророка Мухаммада. Кыямыт откровенно бросает в глаза эфенди: «Про тебя говорят, что, когда баи дерут шкуры с бедняков, ты помогаешь им своим Кораном».

В образе Мухаммат-Амина автор вскрывает паразитическую сущность духовенства, защищающего интересы богачей, использующего слово пророка в интересах своего класса. Это эфенди подает мысль о необходимости найти шейха, чтобы умиротворить народ, и сам отыскивает для этой миссии мошенника Абдул-Кадыра. Он организует «чудеса», объявив святым убийцу Кандаура; он, разжигая религиозный фанатизм, пытается натравить толпу на Семена; он дает обещанной Абдул-Кадыром Файруз яд, чтобы замести следы, а затем собирает ее семью за похоронные и поминальные обряды.

Стремясь держать народ в узде, он буквой Корана ограждает самые реакционные обычаи, изыскивает возможности отвлечь аул от нежелательных для богачеев дум. Так, когда волнение достигает в ауле наибольшего напряжения, он пытается разрядить эту накалившуюся атмосферу варварским зрелищем. Воспользовавшись сурой Корана, предписывающей суровое наказание разведенным, возобновившим свои супружеские отношения без разрешения эфенди, он ложно обвиняет Джантемира и Тауджан в педозволенной связи. И по его велению бедной женщине состригают волосы и провозят ее по всему аулу на осле.

Интересно, как последовательно автор лепит образ эфенди. В начале — через его внутренние монологи и диалоги с единомышленниками, затем представляет его «двойника», потом избличает его устами русского рабочего Семена и его друзей горцев и наконец показывает, как открывается подлинное лицо эфенди даже для самых забитых и темных людей аула, кото-

рые, хотя и редко, но уже начинают думать о справедливости, Так, например, бедняк Джантемир размышляет:

Стоит эфенди захотеть, как он сразу находит, что Аллах или пророк говорили так-то. Небось нашел способ скрыть проделки шейха с Файруз: да! ей испить дуа, она и скончалась. Выходит, захотел — и нашел нужное дуа! Вот только одного не понимаю: на самом ли деле все это написано в книгах? Если и вправду книга говорит, что вот эту Файруз, которая тайно грешила с Абдул-Кадыром и забрюхатила, следует из рук эфенди напоить дуа, чтобы скрыть ее позор, тогда выходит, любую подлость можно прикрыть этими книгами? Но, наверное, в книгах все это есть, иначе откуда эфенди могли бы знать столько уловок и хитростей? Если б я совершил столько подлостей, сколько они совершают за одни сутки, я бы давно был брошен в зыйдан⁹⁵ и там бы сдох.

В характеристике мнимого шейха, мошенника Абдул-Кадыра, используются традиции восточных плутовских сказок и анекдотов, которые автор социально заостряет. Интересна в этом смысле вставная новелла-рассказ Абдул-Кадыра о своем прошлом. В тюремной камере воры азартно играют в карты, дерутся и по предложению Абдул-Кадыра начинают рассказывать истории своих жизней. Обе вставные новеллы — рассказ Абдул-Кадыра и одного из воров — иллюстрируют истину, что нищета, голод, социальное неравенство часто толкают людей на путь преступления, обмана и объективно восстанавливают их против носителей социального зла. Так, например, Абдул-Кадыр, окончив рассказ о воровских своих похождениях и о суде, на котором присутствовала жена городничего в браслетах, подаренных ей Абдул-Кадыром, возмущенно заключает: «Нет у них совести! Так вот и я теперь решил сделаться шейхом и стать умным подлецом!»

Однако автор не оправдывает Абдул-Кадыра, не идеализирует его как жертву общественного строя. Алчность, хитрость, цинизм, аморальность Абдул-Кадыра роднят его с властью имущими. Так во многом традиционный для фольклора образ получает новое осмысление, новую социальную окраску, подчеркнута его антидемократическая сущность. С образом Абдул-Кадыра в сюжет романа влетается авантюрно-приключенческая линия. Авантюрное приключение занимает чрезмерно большое место, что создает некоторую диспропорцию в развитии основного конфликта и нарушает представление о времени действия.

Рисую образ князя Каншаубия, автор широко использует конкретно-исторические детали быта карачаевских князей-биев. В обстановке его дома подчеркнуты не только богатство и знатность, но и черты приобщения к европейскому быту, что свиде-

⁹⁵ Зыйдан — подземелье, тюрьма.

тельствует о его стремлении показать себя человеком достойным уважения не только со стороны аулчан, но и русского начальства: обеденный стол в кунацкой накрыт белой льняной скатертью и уставлен самыми разнообразными винами в сосудах различной формы. Блюда вносит служанка в белом вышитом передничке. Традиционное карачаевское блюдо, которое ставилось перед самым почетным гостем, — отварная баранья голова — украшена зеленью. Жена бия занимает гостей, сидит с ними за одним столом.

В противоположность баю Кыямыту и во внешности бия, и в его манере вести себя подмечены сословные черты: говорит он медленно, сидит степенно и непременно в почетном окружении стариков, всегда появляется в окружении родственников и прилебателей.

Под этой личиной достоинства и благородства Каншаубия скрывается его жестокость и сословная спесь. Чтобы показать это, автор использует две вставные новеллы, выдержанные в стиле хапара: рассказ Темурки о своем отце, крепостном Каншаубиев, и рассказ Харшума о том, как Каншаубий принял бедняков, пришедших к нему «бить челом».

Каншаубий — воплощение всеислия биев в карачаевском ауле, что наиболее ярко раскрывается в эпизоде с поливом покосов, когда именем князя на участки бедняков не дают воды, избивают крестьян, заставляют их работать на князя. Царские чиновники и местный суд встают на защиту его интересов.

В раскрытии образа Каншаубия, воплотившего в себе типичные черты горской сословной знати, автор достиг большого реалистического мастерства. Этот образ сыграл свою роль в борьбе с сословными предрассудками, еще имевшими место в Карачае в 30-х годах.

По-иному изображен пристав Апанас. Здесь уже гораздо большую роль играет внешняя характеристика героя: Аппаев дает портрет пристава, его манеру вести себя, его одежду:

Возле окна в шитом золотом чибкене с новенькими блестящими погонами на плечах, попыхивая трубкой, сделанной серебряных дел мастером-кумыком, играя серебряной кистью темляка сабли, зажатой между ног, облокотившись о стол, ондит пристав, словно наседка, распластавшая крылья. Он, видно, частенько заглядывает в рюмку: курносый тупой нос его цветом напоминает свежеспеченную свеклу, с которой содрали кожицу. На дряблых щеках паутина красных прожилок. Из глазниц сверкают два зеленых стеклышка. Ворот черного шелкового бешмета, сшитого искусными руками горянки, впивается в шею, и толстый подбородок словно старается вылезти вперед, дальше носа.

Этот акцент на внешности, полный отказ от такого средства характеристики, как внутренний монолог персонажа, объясня-

ются тем, что, с одной стороны, автор стремится создать образ человека недалекого, тупого и алчного, а с другой стороны, тем, что сам автор имел довольно приблизительное представление о внутреннем мире людей подобного типа.

Апанас прежде всего изображен как олицетворение царской власти на местах, среди «инородцев». В описании его внешности и манеры поведения Алпаев исходит из традиционных народных представлений о чиновной администрации на Кавказе. Прием гротеска здесь преобладает:

Пристав увидел старшину и, даже не проглотив половину пирога, засунув в рот, вскочил, преградил ему дорогу, поднес кулак к самому его лицу, издавая при этом странные звуки носом — рот был набит, — а потом, кое-как проглотив полпирога, зарычал, как старый пес, брызгая в лицо Биймырзе слюной и кусочками хычына: «Для чего я тебя, долгоухого ишака, поставил старшиной? Где?.. Где арстанты?..».

Речь его насыщена оскорбительными словами и угрозами. В ней преобладает тон приказа, окрика: «Я разорю ваши „орлиные гнезда“...», «Я сгною вас в тюрьме...», «Порублю ваших беглых разбойников...» и т. п. Весь его облик свидетельствует о низменности натуры этого обжоры, пьяницы и развратника, в корыстных интересах использующего свою почти неограниченную власть над местным населением. «Словно ястреб, высматривающий с дерева, какую бы птичку ему задушить, Апанас, не отрываясь, смотрит на девушек», — пишет автор. «Старый волк, он с удовольствием полакомится курдючком ягненка... Ха-ха-ха, вот обрадуется друг Апанас!» — цинично ухмыляется про себя Кыямыт, задумав отдать в руки Апанаса понравившуюся ему Байдымат.

Всем ходом событий в романе автор раскрывает общность интересов царского самодержавия, представителем которого в ауле является Апанас, и карачаевской верхушки. Поэтому, уничтожая «крамолу», пристав совершенно не желает замечать те беззакония, которые чинят богачи в ауле. Народ видит его напыщенную глупость. «...Вот бы осенью зарезать барана, такого жирного, как Апанас. Одного сала хватило бы на целый год», — иронизирует над ним Канамат. «Надутым индюком» неоднократно называет его автор.

Без излишней детализации, несколькими меткими штрихами рисует автор эпизодические образы владельца рудника Веры, управляющего рудником, помощника пристава и его жены. Они презирают «азиатов» и в то же время не прочь поживиться за их счет. Так же даны и конторские служащие, издающиеся над Темуркой.

Нетрудно заметить, что в изображении этой группы персонажей автор использует различные сатирические приемы, кото-

рые он черпает то из фольклора (значащие имена, гиперболизация отрицательных черт), то из русской классической литературы (интерьер, портрет, саморазоблачение).

Автор своеобразно включает в развитие сюжета образы различных угнетателей народа — они как бы поочередно выдвигаются на первый план: в начале романа бай Кыямыт, затем эфенди Мухаммат-Амин и мошенник Абдул-Кадыр, а затем князь Каншаубий. И через весь роман проходит образ царского пристава.

Иными художественными средствами пользуется Х. Аппаев, изображая людей из народа. Наиболее интересны в этом отношении образы Канамата, Темурки и Семена.

Образ Канамата написан в романтическом стиле, характерном для народных песен об абреках, воплощает народные представления о прекрасном и героическом, олицетворяет лучшие черты национального характера. Прекрасен его внешний облик:

Видно, лицом он походил на мать... Бедно одет, но на тоях, в состязаниях, в играх глаза всех присутствующих с невольным восхищением останавливаются на нем. Лоб снежной белизны, длинные, тонкие, словно пером прочерченные, темные брови, немного прустные черные глаза, волевой подбородок, чуть выдвинутый вперед, усы и бородка, мягкие, как пух вороненка.

Он смел и мужествен, но автор не ограничивается показом его отважных поступков (столкновения с Кыямытом, приставом, старшиной, уход в абреки; освобождение возлюбленной, а затем ее отца, Семена и товарищей из тюрьмы). Он дает подробное описание тяжелой жизни своего героя и рисует характер, сложившийся в этих обстоятельствах:

Несмотря на то что он вырос в тяжелых условиях, можно смело сказать, что едва ли найдешь такого мягкосердечного, чистого помыслами человека, как Канамат. Увидев беззащитного в горе или в обиде, он никогда не пройдет мимо, чтобы не помочь ему. Без его участия на кошу не предпринимают ни одного дела, всем он готов помочь, обо всех готов позаботиться, особенно о стариках и детях.

Активная любовь Канамата к обездоленным и жертвам несправедливости делает его шародным заступником, непримиримым к таким носителям социального зла, как Кыямыт и пристав.

Об истоках этого романтического характера дает представление хапар — рассказ Канамата, напоминающий эпизод из «Дубровского» Пушкина и одновременно перекликающийся со сказаниями об абреках. Канамат рассказывает о бедняке, который в его присутствии горько жаловался на то, что «этот разбойник Канамат» его ограбил. Канамат находит того, кто

под его именем занимается разбоем, и возвращает бедному его достояние.

Следует сказать, что тема абречества, широко бытовавшая в дореволюционной горской поэзии, в конце 20-х — начале 30-х годов продолжает занимать довольно значительное место в зарождающейся литературе народов Северного Кавказа. Достаточно вспомнить романтический образ Каймета в рассказе адыгейского писателя Тембота Керашева «Абрек» и сравнительно большое внимание, уделявшееся в очерках и рассказах писателей Чечни и Дагестана знаменитому Зелымхану, чтобы стало понятным то чувство, с которым автор в своем романе обратился к образу Канамата.

Речь Канамата характеризует его как человека умного и вдумчивого, чуткого к прекрасному, поэтичного. Канамата и Байдымат во время бегства застают затмение луны. Байдымат верит древнему поверью о том, что луну глотает семиголовое чудовище Джелимауз, когда сторожевые псы засыпают. Она сожалеет, что нет под руками медного таза, чтобы грохотом разбудить этих псов. И тут Канамат выражает сомнение в правдоподобности поверия, приводя свои доводы. В речи Канамата обнаруживается поэтичность и страстность его природы, любовь к преданиям и песням своего народа. В его уста вложена старинная песня охотников «Апсаты». Ему принадлежит клятва тысячелетнему Эльбурсу:

Твоей высотой, туманами, опускающимися на твои вершины, вечными льдами, сковавшими тебя, ледниками, над которыми птица не пролетит, следами сирот, бородами старцев клянусь, за эти насилия я отомщу.

Его язык образен и народен в подлинном смысле этого слова:

Какие могут быть у меня новости: ночью волком, днем собакой брожу. Кыямыт расставил своих ищеек, расставил ловушки, где только может ступить нога человека; я же, наталкиваясь на ищеек, огрызаюсь, обхожу месга, где ловушки. Вот так и живу.

Образ Канамата и связанная с ним сюжетная линия навеяны народной песней об абреке Канамате. Приведенные выше строки из его речи прямо перекликаются со строками песни о Канамате.

Канамат изображен Аппаевым прежде всего как человек-труженик, которого только насилия и преследования вынудили идти в горы и взяться за оружие. В этом смысле характерен эпизод, когда Канамат спускается с гор к аулу. Измученный вынужденным абречеством и долей изгнанника, оторвавшись от привычного труда, Канамат переживает свое положение, как

тяжелый сон. Запахи ночного аула, воспоминания детства, картина молотбы пробуждают горечь в его душе, руки его тоскуют по привычной работе.

Образ Канамата тесно связан с поэзией родных гор, родной природы. Недаром покинув аул, удалой охотник устраивается, как дома, в пещере, где гнездились орлы.

Но в характере Канамата появляются и новые черты, которые не были раскрыты в народной песне об абреке Канамате. В романе — это и мужественный борец против угнетателей, и человек благородный, способный на большую любовь, верную дружбу. Любовь его к Байдымат возвышенна, поэтична и дана в романтическом ключе: он, как рыцарь, вступается за честь девушки и все больше видит в ней не только возлюбленную, но и товарища в своей трудной жизни. Здесь отразилось новое отношение к женщине, возникшее уже после революции.

Народный герой действует не в одиночку. Он стремится объединить людей для борьбы, повести их за собой. Но как это осуществить, подсказывает ему русский рабочий Семен. Благодаря Семену, его разъяснениям растет классовое сознание Канамата и понимание им путей борьбы с угнетателями. Канамат преодолевает национальную ограниченность, в нем растет чувство солидарности с другими тружениками и угнетенными.

Характерно, что, когда автор говорит о Канамате, речь его патетична, так же как речь самого героя.

Если в образе Канамата Аппаев изобразил народного героя, народного заступника, силу, наиболее активную в напряженной классовой борьбе, то в образе Темурки он обобщил черты тех карачаевских батраков, у которых процесс восприятия новых революционных идей был сопряжен с мучительным преодолением устоявшихся взглядов и предрассудков. Истоки этого образа мы находим в карачаевском фольклоре. Много для художественного осмысления этого типа сделала карачаевская поэзия конца 20-х — начала 30-х годов (поэма «Шамай прежде и теперь» Д. Байкулова).

По контрасту с условиями жизни бая Кыямыта, бая Кашаубия изображает Аппаев жилище Темурки, где царит безысходная нужда. Домик Темурки напоминает старушку, согнувшуюся от болей в пояснице.

...Он покосился и готов, кажется, рухнуть; чинили его не раз, однако со всех сторон он разрушается, а в двух местах сквозь крышу просвечивает небо; если же ночью взберешься на старый, скрипящий, словно несмазанная арба, сундук, то можешь, лежа на спине, сквозь отверстие в крыше пересчитать звезды. В дождливые или снежные ночи человек, лежащий на деревянной кровати (на ней всегда спит Темурка, когда он бывает в ауле), натягивает на себя старое одеяло, из которого вылезают, словно дождевые черви, шер-

стяжные нитки, или опасается от дождя под старой козлиной шкурой, служащей намазльком⁹⁶. Под кроватью — яма для картофеля, но пустая. Темурка свои чабыры⁹⁷, сделанные из шкуры, снятой с головы, выстилает перед сном мягкой соломой и ставит перед кроватью.

Эти контрасты условий жизни богачей и Темурки углубляются картинами каторжного труда, полуголодного существования Темурки, проходящего в вечном унижении, способном лишить человека чувства собственного достоинства. Писатель всячески стремится подчеркнуть человечность своего героя и таких же, как он, бедняков, их умение насладиться теми скудными радостями, которые доступны этим людям. Деспотизму и гнетущей атмосфере в семье Кыямыта автор противопоставляет взаимное уважение, любовь, трогательную заботу друг о друге в семье Темурки. Отец и мать понимают, какое большое счастье приносит Канамату и Байдымат их взаимная любовь, доверяют чистоте и красоте их чувства, стремятся помочь им.

И хотя Аппаев реалистически изображает нищенскую, беспросветную жизнь одной из самых бедных семей аула, мрачность этих картин смягчается душевным теплом, сочувствием автора и светлым юмором.

Сам Темурка, старый человек, пробатрачивший всю жизнь на баев и вечно не выбивавшийся из нужды, наделен незаурядными чертами: склонностью к глубоким раздумьям над собственной судьбой и судьбой окружающих его людей, тонким чувством восприятия красоты родных мест.

Аппаев дает образ Темурки в стремительной духовной эволюции, раскрывает типичные противоречия в сознании темного, забитого батрака и процесс преодоления их. В начале романа Темурка предстает перед нами пассивным, покорным воле Аллаха, освятившего несправедливость на земле. Он добросовестно и честно работает на хозяев. Постоянная нужда, бесправие и зависимость от произвола хозяев, проповеди эфенди выработали у Темурки философию долготерпения, покорности, фатализм, веру в святость собственности, в незыблемость власти имущих. Не удивительно, что такие пословицы и поговорки, как «Никто не сойдет в могилу, не испытав посланного ему судьбой», «Страдаем на этом свете, но утешаемся тем, что, как говорят эфенди, на том свете нам будет хорошо», «Аллах сам свидетель их насилий и в один прекрасный день воздаст им сторицею», избилуют в речи Темурки. Но горькая обида на свою судьбу и бессильная ненависть к угнетателям закрадываются в душу батрака. Чаша терпения переполняется, когда за попытку защитить Хамита Темурку оскорбляет Кацдаур, и он

⁹⁶ Намазлык — коврик для молитвы.

⁹⁷ Чабыры — обувь из сыромятной кожи.

вынужден почевать на улице, покинув кош. Ночью старика ужалила змея, а наутро Кандаур выгоняет его, отказавшись даже расплатиться с ним. Проклиная в душе баев, ощущая всю безвыходность своего положения, Темулка способен лишь сетовать на свою судьбу: «Свинья — пестрая она или черная — все одно свинья... Среди баев нет хороших». Он как всегда уповаает на милость Аллаха, что вызывает насмешки Кандаура: «Иди к Аллаху. Он даст тебе скота в вознаграждение. Как бы богат Аллах ни был, но если начнет раздавать скот таким, как ты, он за два года останется при пустом дворе».

Оскорбленный, охваченный противоречивыми чувствами Темулка спускается в родной аул. Несчастья одно за другим сыплются на его голову: богачи после попытки обесчестить его любимую дочь Байдымат бросили ее в тюрьму. И тут впервые в душе Темулки просыпается сомнение во всеисилии и справедливости Аллаха. «Я выучил Коран, но с того дня, как научился шнуровать чабыры, и до преклонного возраста не знаю ни одного спокойного дня; говорят, несчастнейшая из древесных пород идет на коник⁹⁸, — так и я — знай, гну спину на байских кошах», — возражает Темулка жене, которая хотела бы, чтобы их сын Ибрагим изучил Коран и стал служителем веры. В своем горе Темулка стремится найти опору и поддержку у таких же бедняков, как и он сам. Однако они не в силах помочь ему и не знают, как избавиться от того, что гнетет их. Темулка вынужден отдать сына в батраки, а сам уйти работать на рудник.

Вначале необходимость идти на рудник означала для него крайнюю степень падения: «До преклонных лет батрачил я на мусульманских баев, а теперь, — ведь проживу немногим больше прожитого, — попытаю и северных баев». На руднике Темулка получает первый урок пролетарской солидарности: «меднопуговичные» встречают его там издевательствами, но рабочие делятся с ним последним куском хлеба и видят в нем не «азиата», а такого же угнетенного труженика, как они сами. И Темулка рассказывает дома горцам: «Где только я ни жил, но человека лучше, чем этот русский парень, сидящий возле меня, я не встречал. Он на руднике так тепло обошелся со мной, как не обошлись бы и родные мать, отец. Мусульмане, подобные Кыямыту, да будут жертвами подметкам его сапог, хотя он и иной крови, иной веры».

Речи Семена открывают Темулке глаза на необходимость объединения и активной борьбы против богачей. Темулка приводит Семена в свой дом, собирает молодежь.

Народ аула по-разному относится к словам Семена о том,

---

⁹⁸ Коник (в мельничном устройстве) трясет корытце, из которого сыпается зерно.

что трудовому люду надо объединиться и вести активную борьбу против богачей. Одни сомневаются в правде, которую им несет чужой по вере и языку человек; они не верят, что он способен понять их горести и беды и помочь им. Другие боятся совершить грех, посягая на «чужое» добро. Третьи мечтают прежде всего освободиться от гнета царских приставов, старшин, считая всех русских главными виновниками всех бедствий в родных горах.

Когда же Темурка вместе с Семеном попадает в тюрьму после попытки разоблачить Кыямыта и Мухаммат-Амина перед народом, он начинает осмысливать причины не только своего положения, но и нищенской жизни бедняков-односельчан. Он вспоминает судьбу отца и многих живших до него, историю родного народа и поет старинную песню «Хасаука» в доказательство того, что «и до прихода приставов... и ночи, и дни одинаково были мрачны для бедного черного народа... а с тех пор как горами завладел царь, он вместе с баями сел на нашу шею, и теперь нам совсем дышать нечем...».

После знакомства с Семеном вера Темурки в справедливость Аллаха еще более поколебалась. Человек, по Корану считающийся «гяуром» («неверным»), оказывается настоящим другом ему и его землякам. Следующий удар по вере Темурки был нанесен тогда, когда эфенди объявил святым байского сына Кандаура — убийцу батрака Хамита. И, наконец, когда эфенди требует расправы над арестованными, Темурка навсегда расстается с верой в бога. Эфенди предстает перед стариком в своем истинном облике, и потрясенный Темурка восклицает: «Какой же глупой скотиной я был, что двадцать лет вместе с этой змеей в человеческом облике совершал намаз, верил в его рассказы!» Темурка умирает с верой в то, что молодые пойдут дорогой, указанной Семеном, и придут к победе.

Духовная эволюция Темурки во многом напоминает нам развитие сознания Пелагеи Ниловны из романа Горького «Мать»: то же преодоление пассивности, покорности, религиозных предрассудков, а главное — рост активной любви к человеку, от простого стремления защитить себя до желания видеть всех счастливыми.

Реалистически написанный образ Темурки отличается от романтического образа Канамата. Значение его в том, что он отражает процесс пробуждения революционного сознания у самых забитых, угнетенных, бесправных, которые прожили долгую жизнь и, казалось бы, не смогут найти в себе силы для активного протеста. В условиях ожесточенной борьбы за коллективизацию в Карачае образ Темурки должен был сыграть большую воспитательную роль, помочь беднякам и середнякам найти свое место в борьбе за социалистическое переустройство деревни.

В раскрытии идейного замысла романа значительную роль

играет образ русского рабочего Семена. Создавая его, автор пытается показать соединение революционных идей со стихийным протестом масс и рост интернациональной солидарности трудящихся. О Семене мы узнаем впервые со слов Кыямыта, рассказывающего, как «русский босяк» мутит народ. Затем мы видим его глазами Темулки: этот «симпатичный рабочий» проходил мимо с буханкой черного хлеба под мышкой, когда старик разыскивал контору рудника. Происходит символическая сценка. Входя в контору, Темулка по привычке оставляет чабыры за порогом, а чиновники бросают их в грязь, где возятся свиньи, зная, что мусульманин побрезгает подойти к «нечистым» животным. Темулка, оскорбленный гнусной выходкой чиновников, терзается и не знает, что предпринять. К удивлению Темулки, Семен не только не присоединяется к их издевательствам, но приносит ему чабыры, приводит на шахту, знакомит с рабочими и показывает, как надо работать. Этот поступок Семена заставил Темулку по-новому взглянуть на тех, кого называют «неверными».

Семен — носитель революционного сознания пролетариата, и это раскрывается прежде всего в его разговорах с Темулкой и аульной беднотой. Его речь — это речь партийного пропагандиста, который раскрывает перед горцами закономерности и пути классовой борьбы. В романе есть намеки на то, что этот человек не случайно попал на рудник, что он прислан сюда для ведения подпольной партийной работы. Недаром пристав охотится за ним, как за государственным преступником.

В своей пропагандистской работе Семену приходится объясняться с людьми, говорящими на другом языке, сталкиваться с целым рядом сложных, специфических для горской действительности моментов: с религиозной нетерпимостью, национальной ограниченностью, с неразвитым классовым сознанием, с недоверием и враждой ко всем русским (так, в сознании Байдымат сначала все русские — это ненавистные приставы апанасы). Поэтому ему, Семену, приходится говорить простыми словами об очень сложных вещах, убеждать языком фактов, разоблачающих несправедливость и ложь угнетателей. Классовая правда, носителем которой он является, пробивает себе дорогу сквозь тьму предрассудков и стену недоверия. Он завоевывает доверие, любовь и уважение бедноты: Ибрагима, Темулки, Канамата, Байдымат и др. Семен и сам искренне привязывается к ним. В последней главе мы видим, как горцы с любовью готовят его в дорогу.

Образы этих представителей народных масс даны в романе крупным планом. Их судьбы прослеживаются на протяжении всего романа, вплетаясь в основную сюжетную линию — линию развития революционного сознания народа.

Наряду с этим в романе есть ряд сюжетных линий, связанных с второстепенными и эпизодическими персонажами. В них

либо сжато излагается история целой человеческой жизни (например, Тауджан и Джантемира), либо освещается драматический момент судьбы человека из народа (например, Хамита или Файруз). Рассказы об отдельных людях как бы вливаются в русло повествования о народной жизни, основные этапы которой раскрываются в массовых сценах, отражающих постепенную эволюцию сознания простых людей. Это было значительным шагом в развитии карачаевской художественной литературы, так как массовые сцены в поэмах А. Уртенова «Сафият» и Д. Байкулова «Шамай прежде и теперь» не несли такой идейной нагрузки, хотя и были живо нарисованы.

В начале романа мы видим ряд бытовых зарисовок из жизни аула: встречу пристава, «чудесное» явление «шейха». Весьма колоритна картина тоя в одной из начальных глав романа. Здесь в качестве неперемных зрителей сидят на куче бревен древние старцы. Одни приглядывают невест для своих сыновей или внуков, другие просто пришли посмотреть на веселье. На земляной крыше сакли виднеется группа женщин. Они закрыли лица платками, очевидно для того, чтобы не узнали их. А вот и танцующие. Пять-шесть молодых людей все время отбивают харс. Вот наскуча, видно, этим занятием, один из них решается выйти в круг. Бедняга, он «походит в своих лохмотьях на пук соломы». Девушки в золотых тьюме, в атласных платьях и шитых башмачках отворачиваются от него. И тогда либо выходит в пару с ним девушка в ситцевом платьишке, либо, не дождавшись пары, он, прикрывая голые красные колени, пятится на место, и вновь принимается отбивать харс.

Но вот входит в круг, гордо вскинув голову, расправив грудь, парень в серой черкеске с наборным серебряным поясом и в бухарской шапке. В пару к нему выходит либо гармонистка, либо девушка из золотошапочных. Харсчи поднимаются и бьют в ладоши стоя. Алымчи⁹⁹ палкой очерчивает просторный круг. Над головами танцующих раздаются выстрелы. Из пухлого, как подушка, бумажника парень достает и протягивает алымчи екатеринишку — выкуп за свою пленницу — девушку.

Как можно заметить, в этой сцене на первом плане те, кто стоит на верхних ступеньках социальной лестницы. Беднота по существу не дифференцирована: мы видим просто кучку бедно одетых робких людей, которых непрерывно оттирают от танцующих. Но уже здесь с уст некоторых бедняков (Бийнёгера, Касыма и др.) срываются насмешливые реплики в адрес богачей. Но в целом бедняки в этой сцене лишь статисты и целиком подчиняются распоряжающимся на тое разряженным молодцам из богатых семей.

По-иному выглядят бедняки в сцене священного шествия, яв-

---

⁹⁹ Алымчи — распорядитель тоя.

ляющейся кульминацией романа. Здесь уже выделяется группа молодых и самых смелых, которые пришли с Темуркой и Семеном. Между этой группой и аульной знатью происходит столкновение. Эфенди пытается натравить участников шествия на Семена, Темурку и их группу. Но в этот момент Бийнёгер обращается к эфенди с вопросом, каким образом убийца Кандаур мог стать шейхом. Народ притих. Автор передает смятение, нерешительность людей, готовых вот-вот подняться. «Народ, смешавшись, волновался и топтался на месте, словно быки на молотье». В этой сцене на первый план выдвигаются уже люди из народа — Бийнёгер, Семен, Темурка, эпизодическая фигура «женщины в ситцевом платье с разорванным воротом», вступающей в спор с «женщиной в расшитой золотой тесьмой беличьей шубке». Из ее уст звучат не только насмешливые замечания в адрес богачей, но и призывы не поддаваться их обману.

В конце романа в массовых сценах, изображающих судебную тяжбу между крестьянами и Тогузаком, представляющим на суде интересы бия Қаншаубия, мы видим, как выросло сознание простых людей, которые уже возвышают голос в защиту своих прав.

Когда управляющий Тогузак обозвал бедняков «псами», люди «загалдели, начали толкаться, угрожающе загудели, словно пчелы, потревоженные незнакомым человеком, начавшим качать мед». Среди них выделяются крупным планом новые лица (Шамаил, Аслан, Таулан и др.), новые эпизодические персонажи (Исмаил, Идрис, Харшым). «Из толпы выскочил кто-то низенький, в коричневой черкеске, с горящими глазами, и, размахивая правой рукой, словно собираясь драться, сказал: „Не мы, а ты собака. Разжирел ты у собачьего корыта Қаншаубия, перегородил воду, как дракон, и иссушил клочки нашей земли с ладонь величиной“». Следом раздаются слова возмущенного крестьянина Аслана, которому Тогузак сломал руку: «Ни судья, ни закон не берут под защиту бедняка, когда его пожирают богатые... Пошли отсюда, если нужен суд, то ничто нас не рассудит лучше кольев, выдернутых из плетней...».

Батрак Таулан гневно обличает либерально настроенного учителя, уговаривающего крестьян мирно договориться с князем Қаншаубием: «Я уже состарился и прожил свой век, но ни в этом доме, где вершат суд, ни в правлении ни разу не видел ни правды, ни справедливости. И судьи, и власти на стороне того, у кого толстый карман. Что может с меня взять чиновник? Старую шубу? Да он побрезгает сделать из нее чучело».

Писатель тонко передает различные настроения народа, еще сомневающегося в возможности одержать победу над богатыми. После вынесения приговора в пользу князя толпа раздваивается. Одни идут «бить челом князю» за свое же добро. Их пока большинство. Они следуют за Шамаилом. Это в основном те,

кто обременен семьями, кто боится открытой борьбы, арестов, преследований. И только небольшая группа идет за Асланом, призывающим силой отстаивать свои права.

Люди стоят, бросая взгляды то на Аслана, то на Шамаила. Вот они качнулись в сторону Шамаила. Потом, взглянув на стоящего в стороне Аслана, грудь которого при дыхании высоко поднималась, словно кузнечные меха, качнулись в его сторону. Так они волновались некоторое время, словно пена на воде, и наконец толпа раскололась надвое и разлилась по обе стороны дороги. Большинство пошло за Шамаилом. Они двинулись за ним, от смущения не поднимая голов. Аслан, закусив до крови губы, с горсткой товарищей скрылся из виду.

В этой сцене автор выступает как непосредственный свидетель и участник событий, как человек из народа, чьи симпатии на стороне бедняка Аслана. И мы уже не только видим представителей народа со стороны, но как бы проникаем в их внутренний мир, видим ход их мыслей.

Но после того как князь Каншаубий отказался удовлетворить просьбу крестьян не препятствовать поливу их участков и оградить их от произвола управляющего Тогузака, среди простых людей исчезает разногласие. Они убеждаются в правоте Аслана, в правоте арестованных Канамата и Семена. «Чем терпеть подобные насилия изо дня в день, лучше стать волком. Туда шагнешь — бий по морде бьет, сюда — бай жмет, тянет из тебя жилы, ищешь защиты у властей — ты же виноват. Чем так жить — лучше умереть. Вечно что ли нам жить? Суждено человеку родиться, суждено ему и умереть. Бойся не бойся — все одно, один конец», — говорит бедняк Идрис.

Народ, таким образом, начинает понимать, что для него есть один путь — путь сплочения и активной борьбы за свои права. Поэтому, когда пристав требует от аула поимки Канамата, Семена и их товарищей, скрывающихся в горах, народ наотрез отказывается.

К концу романа автор выдвигает народ на передний план, стремится глубже показать процессы, происходящие в его сознании: рост классовой активности, солидарности, преодоление слепой веры в заповеди Корана и бескорыстие духовенства, преодоление национальной ограниченности.

Ярко выраженное стремление народа к активной революционной борьбе за свои права, которым заканчивается роман, вносит в развязку и эпилог оттенок широкой перспективности и подлинный оптимизм. Хотя внешне события разворачиваются неблагоприятно для тружеников-бедняков, чувствуется, что борьба будет продолжаться и народ победит. В этом смысле символична заключительная сцена романа, напоминающая нам последнюю страницу романа Фадеева «Разгром». Как там Ле-

винсон, выехав из леса с остатками разбитого отряда, окунается в море света, видит голубое небо, бескрайние поля, работающих на току людей и думает о необходимости собрать все силы, чтобы продолжать борьбу, так и здесь Канамат, Семен и их товарищи после боя выходят в просторную долину из темной пещеры, которая столько времени служила им верным убежищем.

Роман Аппаева интересен не только своеобразием сюжетного построения, но и богатством стилистической фактуры. Реалистическое изображение действительности в нем естественно и органично сплетается с элементами романтики, идущей от традиций народно-поэтического творчества. Есть в нем и отчетливо выраженная публицистическая струя, связанная с образом русского революционера Семена. Роману присуще богатство интонации: патетика, юмор, сатира и тонкий лиризм.

Автор выступает не только как умелый бытописатель, как мастер психологических характеристик. В произведении существенное место занимают пейзажные зарисовки, несущие различные эмоциональные и социально-психологические функции. Так, например, два пейзажа, один в начале, другой в конце романа, помогают раскрытию основной его идеи — идеи неизбежности победы трудового народа, который рано или поздно вырвется из оков рабства. Во второй главе дается картина горного аула, что заперт в ущелье, как в «каменном сундуке»:

Спотыкаясь и обгоняя друг друга, вырываются из-под вечных снегов освобожденные горные воды, гулко и стремительно падают потоками вниз, сливаются в глубокой теснине ущелья и несутся дальше к морю, чтобы влиться в него.

...Как войдешь в аул, так прежде всего слух твой поражает смешанный слитный гул Кубани и сосен на склонах гор. Как бы чуток ни был твой слух, ни за что не сможешь отделить шум реки от гула сосен... Посмотришь сверху на аул — широкие, раскрытые небу дымари, поднимающиеся над земляными крышами, напоминают дымящиеся жерла пушек... Человек чужой, оказавшись здесь впервые, чувствует себя так, словно попал в каменный сундук: долина невелика, с четырех сторон окружена высокими горами. Стоит только людям, здесь родившимся и прожившим жизнь, выехать из аула, как им чудится, будто уехали они за тридевять земель и едва ли смогут найти дорогу обратно. Поэтому, видно, некоторые так и состарились, не выезжая из этого ущелья никуда!

Этому описанию противостоит символический пейзаж, раскрывающийся перед Канаматом, Семеном и его товарищами, когда они выходят из пещеры.

Есть в романе пейзажи — предварения событий. Так, например, дается картина засушливого лета перед эпизодами, изображающими тяжбу крестьян с Каншаубием из-за воды. В по-

давляющем большинстве, в особенности перед драматичными эпизодами, эти пейзажи-предварения приобретают символический характер. Они окрашены в мрачные тона, вносят настроенные тревоги, на них лежит отсвет надвигающейся трагедии, смятенных чувств. Таков горный пейзаж перед сценой убийства Хамита:

Сегодня день особенно пасмурный. Белые облака, словно тонким слоем ваты, закрыли половину неба. Свинцовые тучи на западе, гонимые ветром, теснятся у вершин... Эльбрус сдвинул брови, сердито нахмурился, обволок свою вершину дождевыми тучами, словно лохматой серой овчинной шапкой.

Тревожное настроение усиливается символическим параллелизмом:

Войдя в лес, услышав пение птиц, перелетавших с ветки на ветку, парень достал из фукава берестяную дудку, завернутую в рваную рубаху, и стал наигрывать. Играла свои мелодии дуда Хамита, щебетали и пели птицы. Выжидая себе добычу, раскачивался, как на качелях, на ветке березы ястреб. Беззаботно чистили под крылышками пичуги, прислушиваясь к звукам дуды. Вдруг ястреб, шумно рассекая воздух крыльями, пулей настиг одну из них и унес. Хамит, самозабвенно наигрывавший, сидя на старом пне, услышал шум и поднял голову: два перышка, дрожа в воздухе, медленно опустились ему на колени с ветки, откуда только что раздавалось пение птиц.

В символику пейзажа вплетаются народные приметы надвигающейся беды:

Северный ветер завыл сильнее в дымаре, и старушке показалось, что это воеет пес. Она выглянула наружу и крикнула: «Пошел вон, проклятый! Вой в своем дворе, чтобы он сгинул!». Только вернулась она в дом, вой раздался снова. Выглянув второй раз, старуха увидела, что под порывами ветра клонится почти до земли верхушка молоденькой яблоньки, одиноко растущей во дворе. Тревожась, как бы ветер не сломал деревце, она вошла в дом и услышала зов: «Анам!». Наклонилась над внучкой и успела лишь принять ее последнее дыхание. Выл и выл ветер, погасив лучинки в светце.

Есть в романе и пейзажи-заключения, где автор как бы одухотворяет природу и делает ее судьей над происходящим. Таким пейзажем завершается глава об издевательствах над Тауджан и Джантемиром:

Сияющее солнце, словно содрогаясь от этого черного насилия и спеша спрятаться, озарило последними лучами грудь леса и скрылось за острыми прегибами лар...

Авторской речи и речи героев присущи параллели между миром природы и человеческими характерами и отношениями. Порой Х. Аппаев использует пейзаж по принципу контраста, для усиления драматического эффекта. Так дается изображение сияющего весеннего дня над могилой Файруз:

Ветер утих и настал теплый день. На ветке шиповника, растущего в кешене¹⁰⁰, раскачивается синица. Она то заливается песней, то проворно чистит грудку. Возвещая конец зимы, выглядывают из-под сухой прошлогодней травы подснежники...

Пейзаж в романе выступает как средство поэтизации народной жизни и образа человека-труженика. Х. Аппаев не мыслит себе жизни народа в отрыве от природы. Простые люди наделены тонким восприятием природы, ей поверяют они свои горести, в ней черпают силы, у нее учатся мудрости. Люди, враждебные народу, настолько поглощены своими низменными делами, чувствами и мыслями, что стали слепы и глухи к прекрасному миру, окружающему их.

Таким образом, пейзаж в романе выступает как одно из действительных средств раскрытия идейного содержания. Это совершенно новое для карачаевской литературы явление.

Поэтизация природы вносит субъективно-оценочный момент во все изображаемое, придает произведению лирическую окрашенность и черты национальной самобытности.

Национальный колорит усиливается благодаря тщательно выписанному интерьеру и деталям быта. Описания построек, убранства жилищ, предметов обихода, различных обрядов (тоев, похорон, традиционных жертвоприношений после уразы¹⁰¹), народного врачевания и этикета, использование поверий и примет создают неповторимую атмосферу произведения.

Своеобразие социально-психологической проблематики романа, широкое и мастерское изображение быта, нравов различных слоев населения, характеров, типичных именно для дореволюционного Карачая, и оригинальный язык, образность которого связана с привычным кругом народных представлений,— все это придает ярко выраженный национальный характер роману Х. Аппаева. Вместе с тем освещение сложных проблем истории карачаевцев с позиций социалистического мировоззрения, критический подход к изображению жизни и быта в прошлом, сам духовный облик автора, типичного представителя советского общества 30-х годов, творческое освоение лучших традиций русской советской литературы позволили Х. Аппаеву создать подлинное произведение социалистического реализма.

¹⁰⁰ Кешене — надземный склеп.

¹⁰¹ Уразы — мусульманский пост.

Из молодежи, вступившей в литературу во второй половине 30-х годов, необходимо назвать имена Махамета Урусова, Тохтара Борлакова, Османа Хубиева. Это люди, выросшие уже при Советской власти. Их творческий облик формировался в годы завершения строительства социализма, когда карачаевская литература достигла уже значительных успехов. Молодежь усваивает опыт предшествующего поколения литераторов Карачая, учится на их ошибках и завоеваниях, работает с ними бок о бок. Примером такого содружества может служить совместная работа Д. Байкулова и М. Урусова над переводами произведений Пушкину к столетию со дня смерти великого русского поэта.

Махамет Урусов (1916—1942) зарекомендовал себя с первых шагов как талантливый переводчик, тонко чувствующий гибкость, ясность, красоту пушкинского стиха. Высокие достоинства переводов Урусова были обусловлены рядом причин: во-первых, М. Урусов был талантлив как поэт; во-вторых, он был двуязычным поэтом (хорошо владел и родным и русским языками); и, в-третьих, он брался за переводы тех вещей, которые были близки ему по тематике, по настроению, по мысли, по манере. Так создает он переводы стихотворений «В Сибирь», «Памятник», «Кобылица молодая, честь кавказского тавра», «Что ты ржешь, мой конь ретивый», «Утро», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Обвал», «Кавказ», «Бесы», «Анчар».

В 1939 г. вышел в свет сборник оригинальных произведений М. Урусова «Джырла» («Песни»), объединивший его стихи 1936—1939 гг. В «Песнях» М. Урусова сразу видно, какую роль сыграли в формировании поэта обращение к Пушкину, работа с Д. Байкуловым и активный интерес к родному фольклору. Произведения, написанные до 1937 г.: «Къызыл аскерчини джыры» — «Песня красноармейца» (1934 г.); «Карачай» (1935 г.); «Джанъы джашаугъа» — «К новой жизни» (1936 г.); «Сени багъалы атынъ» — «Твое дорогое имя» (1937 г.), — еще декларативны, в них много образов, уже ставших штампом или неорганичными для темы (так, Серго Орджоникидзе — человек с «львиным» сердцем и «сладостными речами», «звезда, освещающая мир в черную ночь», «солнце на земле вечной весны», «светильник» и т. п.). Но подкупает в этих стихах искреннее желание поэта говорить о современности возвышенно и ярко («Знамена красным светом озаряют белоснежные горы», «Дым заводов поднимается над ледниками Кавказа», «Молнии освещают тесные ущелья»).

После 1937 г. поэт обретает свой голос. В стихотворении «Микоян-Шахар» (1938 г.), написанном на русском языке, автор обнаруживает тонкий дар певца родного края, умение дать поэтический рисунок с зорко подмеченными деталями,

Махамет Урусов

стремление отойти от декларативности, передать патриотическое чувство образно и лирично:

В убогой сакле бледным светом
Горел, дымясь, костер кизячный,
И сизый дым, играя с ветром,
Клубился в воздухе прозрачном.

Стада со склонов гор спускались,
Костры мерцали среди лесов,
Унылым стоном раздавались
В ущельях песни пастухов.

Тропинку узкую теряя,
Свой путь чабан в горах искал,

В ответ глядели, улыбаясь,
Лишь стодянные очи скал.

Все тихо. В пещере костер уж потух,
И злые собаки обходят овец,
Да часто, проснувшись, усталый пастух
Из ржавой кремневки пускает свинец.

Деревья шумели, вершиной качая,
И мирно гуляли волы на бугре,
Да вился дымок, мошкару разгоняя,
И ветки сухие прещали в костре.

Да в бурке, омытой холодной росой,
Измученный путник дремал,
Да ветер, поднявшись ночью порою,
Остынувший пепел со стойбищ сдувал.

Он дремлет. Усталые взоры его
Грустною думою полны.
Сливаются сонные мысли его
С далеким шумом волны ¹⁰²...

Река, шум которой доносится до слуха путника, начинает рассказывать о новой жизни, возникшей на ее берегах; элегический тон сменяется мажорным, светлеют краски.

Склонность к пейзажной лирике раскрывается полнее в стихотворении «Хурла кёл» («Озеро Хурла»). Это озеро в представлении народа связано с необычайно поэтичной легендой, повествующей о бедном чабане Аймуше, все силы, вся любовь, все мысли которого были отданы овцам. В награду за это волшебная овца дарит ему огромную отару. И, разбогатев, Аймуш женится, меняется его нрав: он гордится своей богатой одеждой, свысока смотрит на брата, меньше заботится, а порой и грубо обращается с животными. Волнуется стадо: забывчив неблагодарный Аймуш. Волшебная овца все чаще стоит над озером Хурла и блеет, будто подзывая кого-то. Стал появляться из озера белый красавец баран с золотыми рогами, и однажды ночью от грубого окрика Аймуша прыгнул он в озеро, а следом за ним — и овцы Аймуша. Только веснами появляются на волнах Хурла белые хлопья, и люди говорят, что это линяет под водой отара Аймуша.

М. Урусов саму легенду не передает, но она естественно возникает в сознании читателя и настраивает его на особое вос-

---

¹⁰² «Литературный сборник (Стихи и рассказы)», Ворошиловск, 1939, стр. 92.

приятие повествования о новой жизни — в плане сравнения прошлого с настоящим. Мы видим в стихотворении озерный пейзаж, картину мирных колхозных будней, изобильную землю и бесчисленные отары, как бы вернувшиеся к жизни из озера Хурла, чтобы вознаградить людей за их самоотверженный и вдохновенный труд.

Там, где кончается сосновый бор, меж холмов
На прекрасной равнине лежишь ты, Хурла,

И ложится на тебя тень высокой, густолиственной березы.
В тебе, как в зеркале, отражаются стройные сосны,
Растущие по твоим берегам,
Снуют в твоих водах стайки рыб.
Близ твоих берегов, по балкам, отрогам,
На солнечных полянах, покрытых цветами,
Разбросаны колхозные коши.
Ранним утром встают пастухи,
Выгоняют коров на росу, доят их,
Дружно бьют топоры дровосеков —
Падают, треща, сухие деревья.
Чабаны, отбив ягнят,
Гонят стадо на пастьбу,
От утренней росы до вечерней бродят они по лугам.

Развели огонь в очагах,
И вьется дым из дымоходов кошей,
Слышно кваканье лягушек в мочажиннике
Да тихо шелестит камыш ¹⁰³...

Так естественно развивает М. Урусов на материале современности фольклорную традицию поэтизации человеческого труда, труда скотовода. Преклонение перед красотой народного творчества выражается у М. Урусова непосредственно: он переводит на русский язык одну из интереснейших старинных лиро-эпических песен балкарцев и карачаевцев «Бийнёгер». Работая в Карачаевском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы, М. Урусов многое сделал для сбора, обработки и популяризации сокровищ карачаево-балкарского фольклора.

С самого начала восхищение новой жизнью горцев, умелыми руками человека, украшающего землю, переплетается в творчестве М. Урусова с мужественной готовностью отстаивать независимость и завоевания своей страны от посягательств лю-

¹⁰³ Подстрочные переводы из М. Урусова цитируются по кн.: М. Орусланы, *Джырла*, Микоян-Шахар, 1939. Здесь стр. 10, 11.

Колокольным набатом по ущельям и скалам
Ржанье твое разнесется.

Взовьешься, будто выросли крылья,
Взроешь копытами землю.
Мне недолго собраться на смертельную схватку:
Схвачу золоченую сбрую,
Оседлаю тебя, мой гнедой конь с белой звездочкой во лбу,
Седлом, украшенным золотым галуном;
Сняв черную бурку с серебряной застежкой,
Белый башлык с кисточкой золотой,
Приторочу их к седлу,
Вдену ногу в стальное стремя,
Вскочу на твою могучую спину
И желтым соколом полечу на битву с врагом ¹⁰⁶.

Твердая вера в свои силы и богатырскую мощь советского народа рождена сознанием, что труженики страны сделают все необходимое для победы над врагом.

В советской литературе предвоенных лет было довольно распространено обращение к историческим фактам, свидетельствующим о мужестве и героизме родного народа. Писатели стремились подготовить современников к грядущим испытаниям, так как обстановка в мире становилась все более напряженной. Махамет Урусов переводит на русский язык историческую народную песню «Хасаука». Мотив борьбы горцев против царизма воспринимается в новых условиях более широко и по-новому — как готовность народа драться до последней капли крови за социалистическое отечество.

Мысли и чувства немногочисленных, но зрелых стихотворений М. Урусова волнуют своей искренностью, естественностью, благородством и красотой.

Война прервала его творчество почти в самом начале. Этот человек жил так, как писал: едва разразилась война, он ушел на фронт и в 1942 г. погиб в битве за Родину. Один из его боевых друзей писал из-под Белгорода:

Мой друг Махамет Урусов пробыл со мной на фронте около двух лет. Мы познакомились еще в Карачае, в начале войны, и потому в армии стали дружны, как братья. Я мало видел людей столь застенчивых, скромных, правдивых, как Махамет. Он изумлял нас, читая новые стихи на русском языке. Мы не забудем его, талантливого поэта и нашего друга ¹⁰⁷.

Тохтар Борлаков (1914—1942). Стихи поэта развивают мотивы, характерные для карачаевской литературы 30-х годов.

¹⁰⁶ М. Орусланы, *Джырла*, стр. 5—7.

¹⁰⁷ Архив КЧНИИ.

Он воспеваёт социалистическое отечество, партию, её вождей, ленинский комсомол, родной Карачай. Ряд стихотворений поэт посвятил оборонной теме: «Чекчи Заурну Зариятха письмосу» («Письмо пограничника Заура к Зарият»), «Ананы сёзю» («Слово матери»), «Призывникни джыры» («Песня призывника») и др.

Дружба народов вдохновила его на создание таких произведений, как «М. Ю. Лермонтову», «Сулейману Стальскому», «День поэзии» (Пушкину). В них раскрывается мысль о духовном единстве разноплеменных народов страны социализма, где сокровища знания и культуры стали достоянием всех.

Однако многие его стихи, как и многие другие поэтические произведения тех лет, представляют собой елейное славословие, иллюстрацию к сталинской цитате, изобилуют прописными истинами, а между тем поэт несомненно искренен в своих высоких чувствах, о чем свидетельствуют встречающиеся в его стихах яркие образы («эскадрильи самолетов, как журавлиная цепь, пролетают над вершинами снеговых гор»; «как хлопья снега, закрывают парашюты безграничное небо»; «дороже любви, слаще меда» поэту долг перед отчизной).

Обращаясь к своему перу, Т. Борлаков находит слова, волнующие читателя и в наши дни:

Стань мечом в моих руках в тот день,
Когда это будет нужно Родине,
Чтобы поразить врага
На его же земле!¹⁰⁸

Т. Борлаков, защищая Родину, погиб в 1942 г. под Сталинградом.

Осман Хубиев (1918 г.). Свой путь в литературе О. Хубиев, учившийся на педрабфаке вместе с М. Урусовым и Т. Борлаковым, тоже начал со стихов. Печатается он с 1934 г. Первые его стихи «Къызыл Аскер» («Красная Армия») помещены в газете «Къызыл Къарачай». В 1936 г. вышел первый сборник его стихов «Комсомол джырла» («Комсомольские песни»).

Наибольшей популярностью пользовалось стихотворение О. Хубиева «Партизан къабыр» («Могила партизана», 1939 г.):

Где ручьи разбиваются с силой
И теряются с плачем во мгле, —
Одинокая чья-то могила
На высокой гранитной скале.

¹⁰⁸ Подстрочный перевод по кн.: Т. Борлакъланы, *Насыблы джашлыкъ*, Мижоян-Шахар, 1939, стр. 12.

Ветер, словно полою черкески,
Развевает холодный туман.
Над могилою плачет по-детски
Почерневший, засохший бурьян.
Кто же опит в этой мирной могиле?
Кто расскажет нам повесть о нем?
Облака над могилою застыли
И на землю спустились дождем...
    Может, в день роковой, непогожий,
    Пробираясь тропою меж скал,
    Одинокий случайный прохожий
    Со скалы почерневшей упал?
Может, кто-нибудь, в счастье не веря,
Темной ночью с тоскою блуждал,
Может, в лапы голодного зверя
Неудачный охотник попал?
    Может, кто-нибудь, мезтью гонимый,
    Под покровом спустившейся мглы,
    Прячась, полз под камнями незримо
    Мимо этой высокой скалы?
Не охотник, не путник усталый...
Здесь в кровавом двадцатом году
Потерял свою жизнь под кинжалом
Боевой партизан Асланук¹⁰⁹.

(Перевод В. Торопецкого)

Но гораздо важнее для истории карачаевской литературы первые шаги О. Хубиева в прозе. Он начинает там, где остановился Х. Аппаев — обращается к послереволюционной действительности, воссоздает живые черты современника. В этом помогла О. Хубиеву его работа корреспондентом в газете.

С 1936 г. отрывками печатается в газете его повесть «Абрек», рассказывающая о пастухе-карачаевце Абреке, его тяжелой работе на кошах богачей до революции, о росте классового сознания батрака, об участии его в гражданской войне и борьбе за установление Советской власти в Карачае. Абрек — активный участник строительства новой жизни в послереволюционные годы, его судьба прослежена до начала коллективизации. Абрек — это уже новый для карачаевской прозы тип человека-борца и организатора, своими руками создающего новую жизнь.

Стремясь глубже понять нового героя, Осман Хубиев много ездит по кошам, живет там вместе с колхозными животноводами и пишет ряд очерков о людях современного Карачая. На

¹⁰⁹ «Литературный сборник (Стихи и рассказы)», стр. 63.

горном пастбище Бичесын, где находились коши сорока семи колхозов, он помогает выпускать стенную газету «Малчы» («Животновод»), организует вокруг нее молодежно-комсомольский актив, много сил отдает подготовке к областной и краевой олимпиаде художественной самодеятельности. Здесь рождаются его очерки «На Бичесыне» и «Анзорчук». Последний посвящен двенадцатилетнему мальчику-пастушонку Анзору, появившемуся на свет на коше и ни разу не побывавшему даже в ауле. Анзор Гочияев в состязании победил всех певцов Бичесына и получил первый приз. О. Хубиев сумел с большой любовью рассказать в своем очерке об этом одаренном ребенке, как бы воплотившем в себе талантливость своего народа.

Как мы видим, карачаевская литература во второй половине 30-х годов крепнет и развивается. Поэты и писатели настойчиво овладевают мастерством. Социалистический реализм естественно становится методом этой литературы, которая с первых дней своего рождения была подлинно партийной по духу. Ей недоставало лишь глубины историзма, широты революционно-гуманистического взгляда на человека (что, впрочем, было недостатком не одной карачаевской литературы) и художественной зрелости в изображении действительности. В 30-е годы карачаевская литература успешно преодолевает эту «болезнь роста» и становится верным оружием в деле воспитания человека нового общества.

В 1941 г. выходит сборник «Ата джурт ючюн алгъа!» («Вперед, за Родину!»), где писатель старшего поколения Даут Байкулов выступил рядом с начинающей поэтессой Халимат Байрамуковой, призывая весь советский народ к защите социалистического отечества:

Объединяйтесь все! Не отставайте!
Взрослые, дети, старики —
Все беритесь за оружие.
Положите конец замыслам фашизма.
Отдайте фронту все, не жалейте своего добра,
Если понадобится, отдайте за Родину
И жизнь свою ¹¹⁰.

Поэты писали о своей непоколебимой вере в то, что фашизм будет разгромлен и народы Европы соберутся, чтобы судить Гитлера.

---

¹¹⁰ Подстрочный перевод по кн.: «Ата джурт ючюн алгъа!», Микоян-Шахар, 1941, стр. 5.

ЛИТЕРАТУРА 50-х—НАЧАЛА 60-х ГОДОВ

ЗНАЧЕНИЕ XX СЪЕЗДА КПСС В ИСТОРИИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА И ЕГО КУЛЬТУРЫ

В июне 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. На защиту социалистического Отечества поднялся весь советский народ. Сознание справедливости вооруженной борьбы с фашистским агрессором, безраздельная любовь к Родине и ненависть к врагу, уверенность в конечной победе воодушевляли наших людей. Ни один народ многонационального Советского государства не остался в стороне от великой битвы. Россия и Украина, Белоруссия и Прибалтика, Средняя Азия и Кавказ отправляли своих сынов на фронты Великой Отечественной войны.

В первые же дни войны вступил во всенародную борьбу с фашизмом и карачаевский народ, мобилизовавший все свои силы для помощи фронту. Лучшие люди Карачая вступили в действующую армию добровольцами. Они сражались бок о бок с русскими и горцами Северного Кавказа в конном корпусе генерала Доватора. Ушли на фронт в самом начале войны женщины-карачаевки: Кочура Чотчаева, Шерифат Токова, Зоя Куатова, Зухра Эркенова, Халимат Эбзеева, Шахидат Кульбекова, Фатима Чычханчиева и многие другие.

Война — это величайшее для народа бедствие и испытание его верности своей социалистической Родине — еще более крепко объединила советских людей в их общем стремлении разгромить врага, обеспечить победу самоотверженным трудом в тылу.

В августе 1942 г. враг оккупировал часть территории Северного Кавказа. Во власти оккупантов оказался и Карачай. По высокогорным дорогам к перевалам, открывавшим путь к Закавказью, к нефти и к морю тянулась империалистическая Германия.

Около пяти месяцев продолжалась оккупация. В Карачае развернулось партизанское движение, в котором участвовали и женщины-карачаевки (Залихат Эркенова, Балдан Болатова и др.).

Бесчеловечно расправлялись фашисты с партизанами. В бою у аула Новый Карачай погибли Зекерья Эркенов и Исмаил Акбаев. Их командир Михаил Исаков был тут же расстрелян. В Кисловодске было расстреляно 284 человека и среди них Исмаил и Идрис Глоовы. Из аула Верхняя Теберда фашисты увели мать и сына — Нанью и Алия Канаматовых, Намыслы Халилову — жену революционера Саида Халилова, убитого контрреволюционерами в 1921 г., и расстреляли их в городе Микоян-Шахаре. Замучена и расстреляна была Залихат Эркенова.

Зверства гитлеровцев особенно усилились, когда наметился перелом в ходе войны — к началу их разгрома под Сталинградом. Жестокость фашистов вызывала все большую ненависть, все более упорное сопротивление народа.

Литераторы Карачая вносят свою лепту в борьбу с фашизмом. Они сражаются на фронтах Отечественной войны (Халимат Байрамукова, Осман Хубиев), а Махамет Урусов, Тохтар Борлаков, Исса Каракотов, Даут Байкулов гибнут в боях за Родину.

Зимой 1942 г. фашисты были разгромлены под Сталинградом. В январе 1943 г. под натиском наших войск гитлеровская армия оставила Северный Кавказ. Началась работа по восстановлению разрушенного и разоренного гитлеровцами хозяйства области.

Однако новое, тяжелое испытание постигло карачаевцев в ноябре 1943 г., когда карачаевский народ был выселен в районы Средней Азии и Казахстана.

Среднеазиатский период жизни народа продолжался по 1957 г. Хотя вся культурно-политическая жизнь карачаевцев была заторможена, они жили одними интересами, одной жизнью со всем советским народом. В начале 50-х годов карачаевцы уже участвуют и в культурной деятельности советских республик, поступают в вузы, работают в научных учреждениях.

В годы войны высококвалифицированные научные силы сосредоточились в городах Средней Азии — Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе. Это способствовало развитию научной мысли и исследовательской работы в области истории, языка и литературы народов Азии, а также в подготовке местных кадров. Именно с этим периодом связана интенсивная работа проф. К. К. Юдахина, проф. И. А. Батманова, канд. филолог. наук М. И. Богдановой, ленинградского проф. П. Н. Беркова и других ученых в Киргизии.

Трудно переоценить плодотворность личных контактов ученых, представителей разных народов и культур в совместной работе. В своем стремлении изучить духовные богатства больших и малых народов ученые не могли обойти историю и культуру карачаевцев и балкарцев. Например, П. И. Балтин, много сделавший за последнее десятилетие в области карачаевской филологии, начинает заниматься языком, фольклором и литературой карачаевцев в стенах Киргизского пединститута, он начинает трудоемкую работу по составлению полного словаря карачаевского языка в те годы, когда подобный труд казался совершенно бесперспективным. В 1943 г. П. И. Балтин приступает к созданию карачаево-балкарско-русского словаря, а проф. И. А. Батманов в своем исследовании фонетики и грамматики киргизского языка обращается в целях сопоставления к явлениям карачаево-балкарского языка, принадлежащего, как и киргизский, к тюркской языковой группе.

Карачаевская литература понесла большие потери: в боях погибли Махамет Урусов, Магомет Борлаков, Исса Каракотов, Даут Байкулов.

К счастью, вернулся с фронта и включился в жизнь писательской организации Киргизии балкарский поэт Кайсын Кулиев. Уже тот факт, что в братской республике жил и работал поэт, который писал на языке карачаево-балкарском, общался со многими киргизскими поэтами и переводил их, был сам по себе весьма знаменателен. Фигура Кайсына Кулиева — живое воплощение традиций родной литературы. Огромное его дарование в послевоенные годы стремительно развивается, словно наверстывая упущенное, и вскоре он занимает видное место в первой шеренге поэтов братских народов. В покрытом пеплом костре карачаево-балкарской литературы он оказался тем пламенеющим угольком, от которого занялся огонь ее нового возрождения. Ничто не могло поколебать ни веры Кайсына Кулиева в коммунистические идеалы, ни его оптимизма. Он твердо говорит, что и сам и его народ всегда останутся советскими людьми и, что бы ни случилось, оторвать его народ от советского народа, от социалистической Родины невозможно:

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно.

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя придавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали

Мы все, кто грешен был или безгрешен,
Перед бедой не распростерлись ниц,
И справедливость, как листья орешин,
В мечтах и снах касалась наших лиц¹.

(Перевод Н. Гребнева)

Конечно, не обошлось и без потерь. Талантливый и тонкий лирик и певец Исмаил Семенов, представитель старшего поколения карачаевских писателей, в сознании которого еще не окрепло новое мировоззрение, не выдержал испытаний и лишений этого трудного времени. Он потерял веру в торжество справедливости, начал искать утешения в религии, пытаясь обрести в ней духовную опору, источник стоицизма для себя и для своего народа. Горечью и беспросветным отчаянием полны его песни этих лет.

Место литературы в духовной жизни народа в эти годы занимает фольклор, в котором находит отражение все то, что волнует карачаевцев в этот период: и война, и нелегкая трудовая жизнь тыла. Драматизма, борьбы противоречивых чувств и настроений исполнена песенная лирика, в которой разрабатывается тема утраченного, но забываемого родимого края.

Переселение народа порождало естественное стремление сохранить национальные традиции, родной язык, защитить целостность живого национального организма, что приводило к таким крайностям, как консервация некоторых национальных предрасудков.

В эти годы в карачаевском фольклоре, с одной стороны, создаются произведения, в которых отразились общие для всего советского народа, характерные для военных лет темы, идеи, настроения. Эти песни насыщены чувствами патриотизма, ненависти к врагам, мотивами готовности к борьбе за независимость советского народа. В этом плане особо следует отметить песню о герое партизанского движения в Белоруссии Османе Касаеве, песни «Аскерчи джаш» («Воин»), «Аскерчи джашлагъа» («Ребятам-бойцам»), «Булбулчукъ» («Соловушка») и многие другие. В песнях-плачах (кюу) народ говорит о несчастье, принесенном войной. В ряде песен, созданных в Средней Азии, рассказывается о том, как трудились люди на новых землях, о хлопковых полях, плантациях сахарной свеклы, о работе на женефе. И в них не иссякает лирическая, юмористическая струя, возникают сатирические образы лодырей и белорушек («Теньлериме» — «Сверстникам»; «Кемечик» — «Кораблик»; «Наным» — «Душенька» и др.).

С другой стороны, в некоторых произведениях карачаевского фольклора звучали мотивы незаслуженного страдания, горячего

¹ Кайсын Кулиев, *Раненый камень*, М., 1964, стр. 8.

желания вновь почувствовать себя равноправным, отражалось стремление осмыслить причины происходящего. В них возникают картины переживавшихся в ту пору трудностей, образ любимого отчего края.

Но в целом фольклор поддерживал мужество народа, вселял в него оптимистический взгляд на будущее. Вера в справедливость не угасала в сердцах карачаевцев. Народ трудился в колхозах и совхозах на богатой земле Средней Азии рядом с русскими, казахами, узбеками, киргизами и не сомневался в том, что возвратится в родные места, что ему вернут его доброе имя.

■

XX съезд КПСС положил начало качественно новому периоду в жизни карачаевского народа. Он устранил допущенную по отношению к народу несправедливость. И это нашло свое выражение в фольклоре².

Уже до восстановления автономии карачаевского народа ЦК Коммунистической партии Киргизии, Узбекистана, Казахстана, где были поселены карачаевцы в 1943 г., принимают действенные меры по привлечению карачаевцев к практической работе в партийных и государственных учреждениях, к активному участию карачаевской интеллигенции в культурной жизни республик. Делаются первые шаги по восстановлению процесса культурного и литературного развития этих народов. Министерство культуры Киргизской ССР подготавливает издание политической, художественной, сельскохозяйственной, политико-просветительной литературы на чеченском, ингушском, карачаевском и балкарском языках, в частности четырех сборников на чечено-ингушском и карачаево-балкарском языках, а также переводов лучших произведений карачаевской литературы на русский язык.

Правление Союза писателей Киргизской ССР организует секции чеченской, ингушской, карачаевской и балкарской литературы.

Подготавливаются научные кадры из карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей. Предусматривается обучение детей и издание учебников на родном языке.

И уже в 1956—1957 гг. появляются первые после пятнадцати лет перерыва сборники балкарских и карачаевских лите-

---

² См. материалы фольклорной экспедиции 1963 г. Алиева Р. Т. и Гочияевой С. А. Хранятся в архиве КЧНИИ.

раторов³, составленные в основном из произведений довоенного периода. Выходят и новые стихи. Это — первые шаги в обращении к традициям и достижениям довоенной карачаевской литературы. Вокруг редакций республиканских газет (например, «Советская Киргизия», где работали балкарцы Ж. Залиханов, М. Кульбаев, Х. Хутуев), группируются литераторы, среди которых наряду с писателями старшего поколения, возвратившимися с фронта (Керим Отаров, Осман Хубиев, Халимат Байрамукова и др.), появляются новые фигуры (Азамат Суюнчев и др.).

Подлинными возможностями для дальнейшего развития национальной культуры и литературы были созданы лишь в результате тех конкретных мероприятий партии и правительства, которые были направлены на восстановление автономии карачаевского народа. Как признал XX съезд, массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а было одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов ленинской национальной политики нашей партии.

ЦК КПСС и Советское правительство осуществили ряд мер по реабилитации выселенных народов и вовлечению их в активную производственную и общественную жизнь. Но эти меры признавались недостаточными, так как, во-первых, они не решали задачи полной реабилитации этих народов и восстановления их равноправия среди других наций Советского Союза; во-вторых, при большой разобщенности и отсутствии автономных объединений не существуют необходимые условия для развития этих наций, их экономики и культуры.

Учитывая эти обстоятельства, а также усилившееся после XX съезда КПСС среди карачаевцев и балкарцев стремление к возвращению в родные места, Советское правительство принимает решение о восстановлении их национальной автономии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. восстановлена автономия карачаевского народа и создана объединенная Карачаево-Черкесская автономная область.

Возвращение в родные места вызвало огромный энтузиазм и прилив творческой энергии у карачаевцев.

Создаются все условия для возрождения карачаевской культуры и литературы, для роста кадров национальной интеллигенции: открывается педагогический институт, на базе Черкес-

---

³ «Джилтинле. Къарачай джырчылары кюулер», Алма-Ата, 1957; «Бизни сёзюбюз. Малкъарлы поэтлини жырлары бла назмулары», Фрунзе, 1957; «Бирге жырлайыкъ. Репертуар сборник», Фрунзе, 1957; Керим Отаров, *Жола*, Фрунзе, 1956; Ж. Залиханов, *Сюйген журтум (Жырла бла намузла)*, Фрунзе, 1957; «Таза джжорекден (къарачай поэтлини джырлары бла намузлары)», Фрунзе, 1957.

ского научно-исследовательского института языка, литературы, истории создается Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт и расширяется его деятельность. Подготавливаются научные кадры в вузах и исследовательских институтах АН СССР. Выходят из печати оригинальные исследования, посвященные грамматике, истории языка, а также первые работы по истории карачаевской литературы.

С 1957 г. вновь начинает выходить газета «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай»), которая с августа 1959 г. переименована в «Ленинни байрагъы» («Знамя Ленина»). Вновь, как и на заре развития советской карачаевской литературы, писатели группируются вокруг редакций газет, выступают со стихами, песнями, коротенькими рассказами, очерками. В 1957 г. выходят первые коллективные сборники, в которых публикуются в переводах на русский язык произведения карачаевских литераторов рядом с произведениями абазинских, ногайских, черкесских писателей.

Вместе с писателями старшего поколения — Османом Хубиевым, Халимат Байрамуковой — активно участвуют в литературной жизни представители нового поколения — Азамат Суюнчев, Дахир Кубанов, Азрет Семенов, Бергер Батчаев, Хусей Джаубаев, Назир Хубиев и др.

ОЧЕРК

После возвращения карачаевцев в родные края усиливается их интерес к событиям и героям революции в Карачае, литература стремится как бы восполнить пробелы в отражении жизни карачаевского народа в период Отечественной войны и в период пребывания в Средней Азии, возродить и развить культурные и литературные традиции, сложившиеся в 30-е годы. Появляется целый ряд очерков и статей о первых карачаевских революционерах и советских общественных деятелях, о героях Великой Отечественной войны. Тот материал, который в других литературах освещался в годы Отечественной войны, в карачаевской литературе как бы возрождается. Журналисты стремятся создать образы героев-карачаевцев, плечом к плечу со всем советским народом мужественно сражавшихся против фашистских захватчиков. Есть в этом закономерная черта, роднящая карачаевскую литературу со всей многонациональной советской литературой, в которой идет процесс восстановления исторической правды, воскрешаются имена полузабытых и неизвестных героев.

Героическое участие карачаевцев в Отечественной войне после 1943 г. в прессе (за исключением очерка Евгения Кригера «Всадник в броне», посвященного Герою Советского Союза

Богатыреву Харуну Умаровичу) в свое время не получило отражения. Очерки о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., написанные в конце 50-х годов, характеризуются тем, что они отображают окрепшее чувство советского патриотизма. Обострению чувства советского патриотизма способствовало и то, что в местах бывших сражений знали и любили воинвокарачаевцев. Например, в Белоруссии в городе Гомеле воздвигнут памятник командиру 121-го партизанского отряда капитану артиллерии Осману Касаеву. В памяти белорусов-партизан из отряда Аскера Бархозова живет эпизод захвата в плен немецкого генерала.

Карачаевская публицистика последнего периода ставит своей задачей ответить на запросы сегодняшнего дня, помочь народу в создании материально-технической базы коммунизма. Карачаевские литераторы обращаются к образам людей труда: животноводов, доярок, полеводов, работающих на свекловичных и кукурузных полях, рабочих промышленных предприятий Карачаево-Черкесии.

В некоторых очерках выражается мысль, что пребывание в Средней Азии значительно обогатило опыт работников сельского хозяйства, и этот опыт сказался на достижениях сельскохозяйственного производства Карачаево-Черкесии. В этом смысле интересен очерк Алибека Байрамкулова «Совхоза бѐлюмлю тамадасы» («Управляющий отделением совхоза») ⁴, в котором изображен новый тип колхозного руководителя, заботливо воспитанного директором хлопководческого совхоза «Пахта-Арал» в Средней Азии орденоносцем, Героем Социалистического Труда Александром Семеновичем Орловым. Очерк показывает, какова сила морально-политического единства наших людей, прочность дружбы, которая сложилась между народами за годы Советской власти. Карачаевцы работали не щадя своих сил и завоевали уважение и любовь товарищей по труду.

А. С. Орлов был очень внимателен и заботлив по отношению к труженикам с Кавказа, невзирая на подозрительность и нарекания тех, кто не давал себе труда осмыслить указания партии и правительства о правильном отношении к переселенцам и правильном их использовании в тот тяжелый для страны период.

Добрая трудовая слава, завоеванная карачаевцами в Средней Азии, осталась жить в памяти их товарищей по работе, дружба, возникшая в тяжелые годы, не оборвалась с отъездом карачаевцев в родные места. Доказательством этого может служить одно из многочисленных писем, пришедших в Карачай в 1957 и в последующие годы из Киргизии, Казахстана, Узбекистана. В одном из них мы читаем:

---

⁴ См. «Къызыл Къарачай», 20.VI.1957.

«...За время совместной жизни с нами карачаевцы показали себя как народ трудолюбивый, отдающий все силы для укрепления и роста нашего великого советского отечества. Они своим трудом очень помогли росту тех республик, в которых жили. И мы не сомневаемся, что карачаевцы и на Кавказе, куда они вернулись, будут так же стараться помогать Родине своим трудом и займут ведущее место в животноводстве...» — так писали в августе 1957 г. колхозники колхоза имени Жданова Ленинпольского района Фрунзенской области Киргизской ССР⁵.

Тема труда в карачаевской публицистике тесно связана с постановкой проблем коммунистической морали, с вопросами воспитания советского человека. Карачаевские очеркисты пишут о передовиках производства, о сложном и не всегда легком процессе формирования коммунистического сознания и преодоления косности, предрассудков, вредных обычаев. В этом смысле особенно показательна книга очерков «Алчыла» («Передовики») ⁶, изданная Карачаево-Черкесским книжным издательством к XXII съезду КПСС. Большинство очерков в этой книге посвящено труженикам села. О животноводах и полеводах Карачаево-Черкесии написали Халимат Байрамукова («Шекер таулары бири» — «Одна из сахарных гор»), Хусей Тохчуков («Коммунист урунуу кьой кьошу» — «Кош коммунистического труда»), Ханафи Эбзеев («Балбу», «Таулу кьыз» — «Горская девушка»), Джагафар Гочияев («Теберди ёзенде» — «В Тебердинском ущелье»), Осман Хубиев («Бизни Нина» — «Наша Нина», «Сабанчы» — «Полевод», «Тамчы-Башы») и другие.

Наиболее удачными и интересными с точки зрения жанрового своеобразия представляются нам очерки Ханафи Эбзеева «Горская девушка» и очерки Османа Хубиева «Зухра», «Наша Нина», «Тамчы-Башы».

Автор «Горской девушки» концентрирует свое внимание на тех моментах в жизни героини, которые определили ее характер, ее судьбу. 22 июня 1941 г. отец Разият ушел на фронт. Девочке тогда было всего восемь месяцев, и мать ее — Мукуят, «стянув потуже пояс», взяла на себя все заботы о семье. Далее Х. Эбзеев не рассказывает о трудных годах войны, об оккупации, о переселении в Среднюю Азию и о жизни там. Мы встречаемся уже с тринадцатилетней Разият, когда она, окончив семилетку, начинает работать дояркой на молочной ферме совхоза «Биликуль» в Казахстане. Окружающие, глядя на хрупкую девочку, сомневаются в том, что она сможет работать наравне со взрослыми. «Девочка, как же ты будешь доить коров? Шла

⁵ См. «Къызыл Къарачай», I.VIII.1957.

⁶ «Алчыла. Очеркле», Черкесск, 1961.

бы ты лучше играть в куклы», — говорили ей. Она же молчала, но про себя твердила упрямо: «Посмотрим, кто на работе окажется ребенком».

Несколько штрихов — «онемевшие пальцы», «припухшие суставы», «поясница не разгибается» — рассказывают о состоянии девочки, впервые взявшей за нелегкий физический труд. И то, что она сумела победить свою слабость, превозмогла первые трудности на своем пути и стала лучшей дояркой, говорит о силе воли девочки, о ее большом человеческом достоинстве, не позволившем ей сойти с того пути, который она избрала.

Характер Разият в очерке развивается и обогащается на наших глазах. Основная часть очерка посвящена тому периоду, когда молодая доярка, вернувшись в родные горы, отдает все свои силы и весь свой опыт тому, чтобы помочь народу быстрее зажечь счастливой жизнью. Мы видим, как сильно развито в ней чувство коллективизма, как внимательна она к товарищам по работе, как щедро делится опытом и непримирима к недостаткам, как смело идет она навстречу трудностям и преодолевает их.

Высокое чувство гражданского долга, присущее Разият, выражается в том, что, следуя примеру Валентины Гагановой, она переходит с хорошо оплачиваемой, более почетной и освоенной уже работы доярки в телятницы, потому что этот участок тянет ферму назад.

Естествен и закономерен приход Разият в комсомол: именно такие целеустремленные, волевые и активные люди должны быть в авангарде строителей коммунизма.

В очерке Эбзеева есть элементы беллетризации — небольшие, но яркие пейзажные зарисовки. Непринужденно и живо льется авторская речь, уснащенная народной фразеологией:

«Горные аулы» — обо всех аулах, расположенных в Тебердинском и Кубанском ущельях, можно сказать, что они горные, однако, с одной стороны, это определение не дает точного представления о них. «Каждый аул по-своему свежует барана», — говорит пословица. Есть, действительно, многое, что отличает один аул от другого. Возьмем, к примеру, аул Сары-Тюз⁷. Сары-Тюз... Очевидно, аул был так назван в давние времена, так как теперь он кажется сплошным фруктовым садом. Прямые, как стрела, улицы протянулись вдоль и поперек аула и разделили его на кварталы. По какой бы улице ты ни пошел, всюду зеленым шатром нависают ветви деревьев, отягченные плодами.

Утренний ветерок едва колышет листочки деревьев, и чистый воздух, наполненный ароматом плодов, вливается в твою грудь. Светает. Бледнеют звезды. «Счастливый аул, счастливые люди, отдыхайте спокойно», — убаюкивает своим ровным шумом Кубань⁸.

⁷ Сары-тюз — в переводе на русский язык означает «Желтая равнина».

⁸ «Алчыла. Очеркле», стр. 35.

Несколькими штрихами Эбзеев умеет создать портрет героев, раскрыть главное в их характере. Писатель оттеняет и женственность Разият, и ее молодую энергию, и то, что она как хозяйка ступает по родной земле.

Не перегруженный статистическими данными, подробными описаниями технологического процесса, весь обращенный к образу героини очерк Эбзеева позволяет ему сказать коротко и ярко о многом.

В очерке Эбзеева, как и в очерках других авторов 50—60-х годов о карачаевских женщинах-труженицах, по-новому изображается горянка. Если мы сравним эти очерки с произведениями литераторов Карачая 30-х годов, например А. Уртенова, то мы увидим, что и в то время речь шла о духовном раскрепощении женщины, о защите ее человеческого достоинства, об освобождении ее от домостроя и о необходимости вовлечения в общественно-полезный труд наравне с мужчиной. Но героинь, участвующих в этом труде, литература 30-х годов не дала. Очевидно, сама жизнь еще не позволяла писателям делать серьезные обобщения.

В современном же очерке образ женщины-труженицы становится одним из ведущих, одним из главных. И это не случайно.

В период Отечественной войны, когда мужчины ушли на фронт, на плечи горянки легли все тяготы семейной и общественной жизни. По существу впервые женщина-карачаевка, морально уже подготовленная к широкому участию во всех областях жизни, силой обстоятельств приобщается к различным сферам человеческой деятельности и проявляет себя самым лучшим образом. В массе своей горянка преодолевает пассивность и покорность, которые воспитывались в ней веками, начинает видеть, что достоинство женщины состоит не только в том, чтобы быть хорошей хозяйкой, хранительницей домашнего очага, воспитательницей детей, но и в том, чтобы быть первой в труде и за это пользоваться уважением общества. Горянка стремится к активной трудовой деятельности, к знаниям, к расширению своего кругозора.

Эти черты современной карачаевки с особенной любовью и вниманием отображает Осман Хубиев в таких, например, очерках, как «Зухра», «Наша Нина», «Тамчы-Башы». Рисуя облик своих героинь Зухры и Нины, писатель углубляет традиционное понятие женственности. Своими очерками он как бы утверждает, что женщина, овладев профессиями, которыми прежде занимались у карачаевцев только мужчины, не теряет при этом своего обаяния, своей душевной теплоты, тонкости и чуткости — словом, всего того, что входит в понятие женственности. И наоборот, эти качества в сочетании с самоотверженностью в труде и общественной активностью вызывают к женщине еще

большее уважение и любовь. Духовное раскрепощение горянки дает ей возможность преодолеть скованность в проявлении своих душевных качеств, делает характер ее более ярким, впечатляющим.

Большая заслуга Османа Хубиева заключается в том, что он со свойственным ему теплом, тактичностью, задушевностью воспекает эту новую женственность, обаяние в современной карачаевке.

В очерке «Тамчы-Башы» он рисует бригаду девушек, работающих в трудных условиях высокогорного пастбища, где раньше трудились только мужчины. Но даже здесь девушки не огрубели, не потеряли своей мягкости, своего обаяния. Эти черты проявляются в их отношениях с чабанами, животноводами, помогают сплочению коллектива и его лучшей работе.

Героиня очерка «Люаза», зная, что «молоко у коровы на языке», умеет найти подход к чабанам, и именно ее женское обаяние заставляет их вкладывать всю душу в работу.

Каждое утро, когда выгоняют скотину со стойбища, Люаза шутливо обращается к чабану «Ты огорчишь меня, если коровы ко времени дойки не придут с полным выменем». Чабан, круто натягивая поводья коня, отвечает совершенно серьезно: «Да я, Люаза, готов рвать траву руками для твоих коров, только бы не видеть тебя огорченной».

Писатель в очерк элемент обобщения — подчеркивает героичность повседневного труда молодых горянок и то новое, что отличает современную девушку от ее предшественниц в недалеком прошлом.

Никто не станет утверждать, что Люаза или ее подруги совершают необыкновенно героические поступки. Однако, видя, как они, несмотря на постоянные дожди и сплошные туманы, работают на пастбищах высоко в горах, вдалеке от своих домов, и еще затемно бегут доить коров, как обжили они коши, скажешь: «Нет, это не прежние карачаевки-девушки, что стеснялись и боялись самих себя. Это расторопные, смелые девушки, которые не отступят ни перед какими трудностями, возьмутся за любое, даже мужское дело, образованные, умные, с широким кругозором. Если еще не так давно люазы нам встречались изредка, теперь они есть в каждом районе, в каждом совхозе, на каждой ферме. Это они помогают добиваться благосостояния народа, и народ не забудет их труд!»

Наряду с очерками обобщающего характера, рассказы-вающими о жизненных судьбах передовых людей или поднимающими проблемы современной духовной жизни человека, появились очерки, на страницах которых ставится ряд остро актуальных вопросов. Эти очерки, помогающие распространять опыт передовых животноводов и полеводов, способствуют вы-

полнению решений партии по вопросам сельского хозяйства. В этих очерках мы не встретим подробного рассказа о людях, здесь главное внимание направлено на популяризацию передового опыта. Таковы очерки Ханафи Эбзеева «Коммунист» о животноводческой бригаде Сейпула Борлакова из совхоза «Учкуланский», «В Тебердинском ущелье» Джагафара Гочияева, «Полевод» Османа Хубиева о полеводе Хасане Кубанове и его бригаде, «Одна из сахарных гор» Халимат Байрамуковой об освоении культуры сахарной свеклы карачаевскими полеводцами.

Но и в этих очерках возникает, хотя и в общих чертах, характерный облик современного карачаевского труженика с его трудовой сметкой, настойчивостью в достижении высоких показателей, с душой щедрой и открытой, человека, стремящегося передать людям «секрет» своих успехов и в то же время скромного, не устающего учиться новому, постоянно изыскивающего резервы повышения производительности труда. Мы ясно видим и возросшую культуру труда и усиливающуюся связь производства с наукой, т. е. новые черты в организации трудового процесса.

Сборник «Алчыла» включает то лучшее, что было сделано публицистами Карачая в осмыслении новых явлений и примет действительности и порождаемых ею в людях замечательных качеств.

Современный очерк начинается две совершенно новые для карачаевской литературы темы — тему современного карачаевского рабочего и тему интеллигенции 50—60-х годов. Первой внесла свой вклад в разработку этих тем Халимат Байрамукова. Ее очерк «Джолну аллы» («Начало пути») ⁹ посвящен молодому рабочему заводу холодильного оборудования Ханафи Тулпарову. Халимат Байрамукова подчеркивает приметы новых, коммунистических отношений на производстве и в семье. Рассказывая о трудовой биографии героя, Х. Байрамукова обращает внимание не только на трудолюбие Ханафи, его усердие, постоянную работу над собой, но и показывает, как благотворна для Ханафи дружеская помощь его старших и более опытных товарищей, как в душе человека вырастает гордость за коллектив, в котором он работает, стремление не уронить честь предприятия, быть достойным его славы.

Халимат строит очерк так, чтобы воссоздать тип человека, чья производственная, общественная и семейная жизнь — органичное целое и основана на новых, коммунистических принципах. Ведь такой герой может послужить примером для других. Если повествование о производственной стороне жизни Ханафи несколько «суховато, порой даже анкетно, то строки, посвя-

⁹ «Алчыла. Очеркле».

ценные отношению Ханафи к жене и маленькому сыну, оваяны лиризмом, поэтичностью, теплотой. Ее герой не стыдится открыто проявлять свою нежность и заботу о жене и ребенке, он не считает зазорным помогать жене по хозяйству, потому что хочет, чтобы у нее оставались время и силы для учебы.

В очерке «Цех коммунистического труда» Халимат Байрамукова рассказывает о коллективе одного из цехов Черкесской обувной фабрики. Интересен здесь образ инженера Александры Александровны Никитиной, которая, следуя примеру Гагановой, оставила хорошо оплачиваемую и спокойную должность, перешла на работу мастера в отстающий цех. Она стремится организовать коллектив на выполнение заданий семилетнего плана. Цепь мероприятий (начиная с наведения порядка в цехе, регулярного выпуска стенгазеты, оборудования доски почета, борьбы с нарушениями дисциплины до сплочения партийно-комсомольского и профсоюзного актива, организации общественного контроля на производстве, внедрения передового опыта, перехода на хозрасчет) привела к тому, что для каждого работника цех стал так же дорог, как родной дом. Повысилось чувство ответственности за каждого члена коллектива, появилось стремление овладеть помимо своей основной специальности несколькими смежными. Коллектив превратился в дружную рабочую семью, цех стал передовым на фабрике и заслуженно получил звание цеха коммунистического труда.

Так Халимат Байрамукова показывает новый тип руководителя, новое отношение к труду, формируемое самой жизнью.

Отмечая достижения карачаевского очерка, нельзя, однако, не обратить внимания на то, что ему не хватает критической остроты. Ведь нет сомнения, что героям очерков не все легко удается в работе, и показ активной их борьбы против недостатков, показ процесса преодоления трудностей позволил бы полнее, глубже и ярче обрисовать характер современного человека, возбудить в читателях общественную активность, непримиримость к недостаткам. Так, например, Алибек Байрамкулов в очерке «Таза джюрекден» («От чистого сердца») заставляет своего героя мимоходом, вскользь, робко выразить пожелание о создании нормальных бытовых условий для чабанов. И вместо того чтобы заострить на этом внимание, автор спешит возвратиться к прерванному рассказу об успехах животноводов и чабанов. Авторы очерков часто забывают, что они должны не только воспитывать положительным примером, но в то же время помогать конкретным людям, конкретным предприятиям в их борьбе за улучшение условий труда.

В связи с этим замечанием хочется особенно отметить очерк Магомета Хазгериева «Тынгысыз» («Беспокойный»), напечатанный в газете «Қызыл Қъарачай» 5 января 1958 г. С теплым юмором и большим уважением в нем рассказывается о старике

колхознике, которого односельчане прозвали Тынгысыз — Беспокойный. В характере этого старика присущее труженику уважение ко всему, что создано человеческими руками и мыслью, проявляется в его отношении к общественной собственности.

Старик непримирим к небрежности, к разгильдяйству, к недобросовестности и бесхозяйственности. Для Тынгысыза не существует мелочей: натерта холка у коня или обломан рог у барана — он не успокоится, пока не заставит нерадивого помочь беде. Его односельчане рассказывают: еще в молодости, в первые годы коллективизации примчался как-то Шаухал (таково настоящее имя старика) на скотный двор и наткнулся на брошенное ведро с продавленным боком. Распушив всех и прихватив ведро с собой, он зашагал по улицам аула и, останавливая каждого встречного, показывал ведро и разносил нерадивых и бесхозяйственных людей. С тех пор так и пристала к старику меткая кличка Тынгысыз. Вначале Шаухал обижался, что его так называют, а теперь уже мало кто помнит его настоящее имя, да и сам он почти забыл его, потому что прозвище звучит не как насмешка, а как дань уважения к его общественной активности.

Его энергия, напористость, боевой темперамент, чистота помыслов и бескорыстность, основательность и справедливость его критики, а не только традиция уважать старшего по возрасту заставляют людей прислушиваться к его словам, признавать публично свои недостатки и стараться изжить их.

Тынгысыз не читает нравоучения с глазу на глаз, а всегда апеллирует к широкой общественности, честит виновников при всем народе, воспитывая в каждом чувство личной ответственности за все, что происходит вокруг. Тынгысыз — это совесть колхоза, люди понимают и любят старика. Благодаря страстному, заинтересованному отношению к миру и к людям, благодаря своей активности Тынгысыз, кажется, обладает неиссякаемой жизненной энергией и непреходящей душевной молодостью.

Не случайно очерк о Тынгысызе появился в 1958 г., после пленума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства, тогда же, когда вышел в свет, например, роман Е. Мальцева «От всего сердца», герой которого — колхозник Егор Дымшаков — человек думающий, страстный, непримиримый к недостаткам, активно борющийся против всего, что мешает дальнейшему развитию социалистического сельского хозяйства.

Тынгысыз, с одной стороны, сродни Егору Дымшакову, тому типу людей, которые составляют соль земли и на которых опирается партия в своей каждодневной практической деятельности. С другой стороны, теплый юмор, с которым обрисован характер Тынгысыза, невольно заставляет вспомнить деда Шу-

каря из «Поднятой целины» М. Шолохова. Автор очерка сумел удачно соединить положительный пример и критику недостатков. К сожалению, подобная тенденция не нашла пока что развития в карачаевском очерке.

При знакомстве с лучшими очерками карачаевских писателей невольно отмечаешь небольшие, но яркие пейзажные зарисовки, выразительные портреты героев, эмоциональный язык, к месту приведенные поговорки, пословицы и афоризмы, непосредственность выражения авторского «я», позволяющие передать творческую индивидуальность писателя.

В то же время карачаевские очеркисты должны освободиться от увлечения статистическими данными, от детальных описаний технологии производства, от голой фактографии и стремиться к глубоким обобщениям, не забывать о том, что очерк — это действенное оружие в борьбе за коммунизм, за воспитание нового человека. О том большом значении, какое придают очерку партия, правительство и советская общественность, свидетельствует высокая оценка книги В. Пескова «Шаги по росе» (Москва, 1964).

Как уже отмечалось, писатели-очеркисты обращаются к теме карачаевской интеллигенции, осмысливая проблемы современного этапа развития культуры в СССР. В последние годы в очерках нашло отражение стремление возродить культурные традиции, сложившиеся в 20—30-е годы, и вспомнить имена тех, кто много сделал для развития культуры Карачая, и тех, кем вправе гордиться карачаевский народ. Так появляются очерки об Умаре Джашуовиче Алиеве, общественном и политическом деятеле периода революции и гражданской войны, большом ученом, авторе блестящих исторических трудов, которые читаются как художественные произведения. Из его публицистики и научных исследований в области истории, этнографии, филологии до сих пор черпаются сведения о культурной жизни Северного Кавказа первого двадцатилетия Советской власти. Трудно переоценить значение для культурной революции на Северном Кавказе работ Горского института, руководимого в 20-е годы Умаром Джашуовичем Алиевым, и поэтому рассказ о нем и о его деятельности был не только общественной реабилитацией имени одного из славных сынов карачаевского народа, но и способом оказать благотворное воздействие на карачаевскую молодежь.

В подобных очерках, явившихся в карачаевской литературе отражением политики партии, направленной на ликвидацию последствий культа личности, развивается идея дружбы наро-

дов СССР, их культурных взаимосвязей и взаимовлияния. Образ Умара Джашуовича Алиева говорит о плодотворности влияния русской и молодой советской культуры на формирование советской карачаевской интеллигенции.

Итак, с одной стороны, авторы стараются продемонстрировать плодотворность ленинской национальной политики, в результате которой вырастают деятели всесоюзного масштаба, такие, как У. Дж. Алнев.

С другой стороны, заметно стремление авторов очерков воссоздать пути культурных взаимосвязей карачаевского и русского народов. Публицисты обращаются к более отдаленным временам — концу XIX — началу XX в. Появляются очерки К. Лайпанова, С. Лайпанова и Е. Польской¹⁰ об Исламе Крымшамхалове, одном из первых карачаевских просветителей, чья связь с деятелями русского просветительства ныне достоверно установлена.

Писатели-очеркисты рисуют облик нашей современницы — представительницы советской интеллигенции. Так, в очерке Сета Лайпанова «Актриса — дочь карачаевского народа»¹¹ автор прослеживает путь талантливой актрисы Зои Хаджилаевой к вершинам мастерства, который она прошла в Казахстане. Зоя Хаджилаева неоднократно награждалась правительством республики грамотами и ценными подарками. Казахская киностудия в кинофильме «Народные таланты» (декабрь 1956 г.) запечатлела игру и пение Зои. В 1956 г. З. Хаджилаева была принята в студию Казахского академического театра оперы и балета имени Абая и пела в казахских операх «Биржан и Сара», «Дударай». В ее обширном репертуаре песни на карачаевском, узбекском, татарском, азербайджанском, грузинском, каракалпакском, казахском, киргизском, чешском языках.

Статья Лайпанова полна гордости за первую актрису-карачаевку, чей талант был замечен и любовно взращен в Казахстане. Судьба Зои Хаджилаевой — живое воплощение дружбы советских народов, тесного переплетения их судеб, их культуры.

Для плодотворного развития карачаевской культуры большое значение имели такие очерки, как очерк Геммы Гебенова, одного из старейших активных деятелей культурной революции в Карачае 20—30-х годов, посвященный карачаевской народной музыке и народным музыкальным инструментам¹², много-

---

¹⁰ Къ. Лайпанланы, С. Лайпанланы, *Ислам Тебердичи*, — «Ленинни байрагъы», 19.1.1964; Е. Польская, *Поэт, художник, просветитель*, — «Молодой ленинец», 14.1.1964.

¹¹ С. Лайпанланы, *Къарачайны артист боллукъ къызы*, — «Къызыл Къарачай», I.VIII 1957.

¹² Г. Гебенланы, *Къарачай музыканы юсюнден*, — «Къызыл Къарачай», 19.1.1958.

численные статьи о проблемах развития карачаевского литературного языка в связи с развернувшейся на страницах газеты «Ленинни байрагъы» дискуссией о карачаевском алфавите и орфографии¹³, статьи о карачаевской литературе и литературной критике и о лучших представителях карачаевской интеллигенции, чья жизнь и деятельность были отданы беззаветному служению народу. Здесь нужно упомянуть очерк Магомета Хазгериева «Замечательная дочь карачаевского народа»¹⁴ о заслуженной учительнице РСФСР Хабибат Аджиевой, очерк Хусея Тохчукова «Подлинный героизм» о враче П. М. Баскаеве¹⁵.

Приходится заметить, однако, что очерки о жизни карачаевской интеллигенции, о проблемах, волнующих ее, о ее роли в общественной жизни Карачаево-Черкесии занимают сравнительно небольшое место в публицистике, так же как, впрочем, и во всей современной карачаевской литературе. Причины этого, возможно, следует искать в том, что такую тонкую и сложную сферу человеческой деятельности, как труд ученого, актрисы, врача, карачаевская литература еще никогда не делала предметом художественного изображения. Это имело какое-то оправдание в тот период, когда кадры карачаевской интеллигенции были еще немногочисленны, а литераторы не умели показать во всей сложности внутренний мир человека умственного труда, да и время ставило перед писателями другие острые социально-политические и морально-идеологические проблемы, связанные с упрочением Советской власти и социалистическими преобразованиями в стране, т. е. проблемы, ответы на которые народ искал прежде всего в произведениях советской литературы.

Но сейчас неизмеримо вырос уровень карачаевских читателей. Это люди, в большинстве своем имеющие десятилетнее и, как минимум, семилетнее образование и благодаря овладению русским языком получившие доступ к произведениям русской и зарубежной классической и современной литературы, к произведениям литератур братских народов. Следовательно, неизмеримо возросли эстетический вкус читателей и требования, предъявляемые к литературе. Все это обязывает писателей не-

---

¹³ См. «Къызыл Къарачай», номера с 12 декабря 1957 г. по 22 января 1958 г.

¹⁴ М. Хазгерийланы, *Къарачай халкъны белгили къызы*, — «Къызыл Къарачай», 2.II.1958.

¹⁵ Хусей Таулуланы (Тохчуков Х.), *Керти тулларлыкъ*, — «Ленинни байрагъы», 24.III.1963; 27.III.1963.

престанно совершенствовать художественное мастерство, глубоко и всесторонне осмысливать духовную жизнь современника и отображать ее во всей полноте и многообразии.

Карачаевский очерк находится еще на той стадии своего развития, когда не представляется возможным провести резкую грань между собственно художественным и документальным очерком. Но закономерное движение его к определенной жанровой самостоятельности позволяет уже сейчас обратить внимание карачаевских писателей на неиспользованные ими многообразные возможности этого жанра. Ведь очерк, обладая самостоятельной художественной и познавательной ценностью, в то же время подготавливает появление в литературе крупных эпических произведений о современности.

ПОЭЗИЯ

Те карачаевские поэты, чье творчество определило общую картину развития карачаевской поэзии 50-х — начала 60-х годов, вступили в литературу еще в 30-е годы. Но война, оккупация, а затем переселение в Среднюю Азию задержали их творческий рост, и в полную меру их талант развернулся лишь после исторического XX съезда. Такие поэты, как О. Хубиев и Х. Байрамукова, именно в это время, будучи уже духовно зрелыми людьми, как бы вновь обретают поэтический голос. Все то, чем живет карачаевская литература, карачаевская поэзия, получило в творчестве Х. Байрамуковой наиболее полное и художественно завершенное выражение. Формируется и новое поколение карачаевских литераторов. В литературу вступают Азамат Суюнчев, Назир Хубиев, Азрет Семенов, Бергер Батчаев, Хусей Джаубаев, каждый из которых издал за последние несколько лет один-два сборника стихотворений.

Интересными стихотворениями заявляют о себе Юсуф Каракотов, Альберт Батчаев, Сослан Байчоров. Но их выступления в печати носят эпизодический характер и не дают пока достаточных оснований для размышлений о характере их поисков, о своеобразии их дарования.

Осман Хубиев

Роль общественной и литературной деятельности Османа Хубиева¹⁶ для объединения и активизации сил карачаевских

¹⁶ О жизни и довоенной литературной деятельности О. Хубиева см. в разделе «Поэзия второй половины 30-х годов».

писателей и поэтов в 50—60-х годах равноценна роли Азрета Ургенова в 30-е годы. В его творчестве мы видим живую преемственность традиций довоенной поэзии, но вместе с тем и черты современного, более высокого этапа развития карачаевской литературы.

С 1941 г. Осман Хубиев сражается на фронте. После Отечественной войны учительствует в Средней Азии, а по возвращении в Карачай работает литературным консультантом Карачаево-Черкесского отделения Союза советских писателей, ведет большую организаторскую работу, воспитывает литературную молодежь, много пишет¹⁷.

В 50—60-е годы в творчестве Османа Хубиева серьезное место начинает занимать художественная проза. Его повесть «Аманат» становится знаменательным событием в литературной жизни последних лет (мы будем говорить о ней в разделе, посвященном карачаевской прозе). Но в разносторонней деятельности своей Осман Хубиев по-прежнему поэзии отводит почетное место.

Глубоко веря в силу и доходчивость поэтического слова, Осман Хубиев ведет доверительный разговор с читателем. Его поэзия дает ясное представление об истоках его вдохновения, раскрывает нравственные и творческие принципы поэта, его человеческий облик.

Первый сборник послевоенных стихов О. Хубиева на русском языке, произведения которого затем вошли в сборник «Ант» — «Клятва» (1963), не случайно назывался «Время»¹⁸. Присущее Осману Хубиеву и выраженное в его стихах острое ощущение времени, его стремительного и неудержимого движения, сразу дает понять, что перед нами человек, достигший зрелости, способный мысленным взором объять прошлое и настоящее, заглянуть в будущее, а поэтому четко представляющий свою роль в жизни, свою цель и настойчиво добивающийся ее осуществления.

Османа Хубиева не пугает ни надвигающаяся старость, ни неизбежность смерти. Он со спокойной мудростью философа думает не о них, а о том, как внести свою лепту в прогресс человечества, сделать осмысленной и нужной свою жизнь. Программным в этом смысле является его стихотворение «Бир бараза» («Одна борозда»). Устремляясь мечтой в будущее, Осман Хубиев представляет неузнаваемо изменившийся лик земли, новые человеческие отношения и нового человека. Показывая причастность к этому прекрасному будущему каждого честного труженика — своего современника — он утверждает, что в чу-

¹⁷ См. его статьи, посвященные вопросам литературной учебы в газ. «Жъызыл Къарачай», 5.V.1957, 8.V.1957, 5.VI.1957, 4.I.1958.

¹⁸ Осман Хубиев. *Время (Стихи)*, Черкесск, 1957.

десном грядущем есть доля всякого, кто провел хотя бы одну борозду на земле.

В гражданских и философских мотивах сборника «Клятва» отразился оптимизм материалиста, верящего в мудрость законов мироздания, в то, что прогрессивное светлое всегда пробьет себе дорогу, что человечество, сметая со своего пути все низменное, корыстное и злое, неуклонно идет к совершенству, выраженному в коммунистическом идеале («Заман» — «Время», «Кёксюл къала» — «Серая башня»).

Победа добра, справедливости, красоты, братство трудящихся всей земли так же неизбежны, считает Хубиев, как наступление утра, и не случайно он открывает свой сборник стихотворением «Тань атды» — «Утро наступило».

В связи с этим органична в поэзии Османа Хубиева тема Коммунистической партии («Биргенъебиз, партия» — «С тобою, партия»; «Алчыбыз» — «Вперед ведущая»), возглавляющей борьбу всех народов за счастливое завтра. Преданность партии интересам народа является источником его патриотизма и чувства дружбы к братским народам, к труженикам, к честным и добрым людям всей земли.

Поэтому так естественно увидеть в сборнике стоящими рядом в одном разделе стихотворение «Ата джуртум» («Мое отечество»), в котором выражена любовь ко всему, что носит имя «Россия», стихотворение-монолог «Азгек»¹⁹, овеянное нежностью и обращенное к родному ущелью, с которым связаны светлые воспоминания о детстве, и стихотворение «Ала-Тау», рисующее среднеазиатский пейзаж, передающее любовь и благодарность поэта своей второй родине — Киргизии, приютившей его народ в годину испытаний.

Духовная зрелость поэта, целеустремленность его творчества сказались уже в самом построении сборника «Клятва». Здесь после первого раздела, знакомящего нас с мироощущением поэта и источником его творческого вдохновения, следуют четыре раздела. В первом из них, называемом «Къара кюнде къанатым» — «Крыло мое в черный день», поэт как бы обращает свой взор к недавнему прошлому, к годам Отечественной войны. В трех последующих он пишет о людях нашего времени, с задушевностью и теплотой подмечая все лучшее в них и беспощадно обличая все то, что мешает приближению коммунистического завтра.

В первом разделе в отрывке из поэмы «Сен къутхардынь» («Ты спас»), в стихотворении «Ачыулу джылла» («Горькие годы»), в балладе «А кыыз, сауду» («А кыз²⁰, он жив»), в стихо-

¹⁹ Азгек — название местности в Теберде, где расположены высокогорные летние пастбища

²⁰ А кыз — традиционное в Карачае обращение женщины к женщине.

творении «Джангыз кябыр» («Одинокая могила») преобладают эпические тенденции. Так как Хубиев — сам участник Отечественной войны, то его картины военной жизни, образы бойцов нарисованы реалистически ярко, динамично. Он умеет живописать словом и увлекательно повествовать о событиях. Время безусловно наложило свою печать на разработку темы войны в поэзии Хубиева. Если в стихотворениях «Полтава» и «Вперед», написанных, очевидно, в годы войны, поэта интересовали сами события и факты, то ныне для него важны те лучшие человеческие качества, которые с особой силой проявились в советских людях в суровой битве с врагом и с тех пор стали для поэта той высокой меркой, с какой он подходит к современнику.

В этом разделе сборника звучит благородная мысль о том, что оставшиеся в живых не имеют права утрачивать то высокое и прекрасное, что выработалось в характере советского человека в тяжелые годы войны, — это было бы оскорблением, предательством памяти павших.

Хубиев непременно хочет раскрыть всю глубину важнейшего принципа социализма — принципа интернационализма и дружбы народов, которые были проверены огнем войны и еще более окрепли в послевоенные годы.

Рисую образ русского солдата Лебедева, спасающего на поле боя карачаевца Азамата (поэма «Ты спас»), и рассказывая о гибели в Заполярье, в бою под Печенгой, карачаевца — матроса Хызыра Хачирова, Хубиев черпает материал из их биографий. В этих стихах Хубиева звучат очень характерные мотивы карачаевской поэзии 60-х годов — мотивы торжества законов социалистического общежития и нерушимости единства советских народов.

Такое решение темы позволяет ощутить дыхание XX съезда и тот значительный перелом, который произошел в жизни страны.

Нам кажется знаменательным, что раздел назван по стихотворению «Крыло мое в черный день». Основная часть его — песня пограничника, обращенная к любимой, — напоминает нам популярные песни «Катюшу», «Любушку», «Дан приказ — ему на запад» и др. В ней мы слышим также отзвук «Песни об Умаре» (жена Умара Айшат поспешила на поле боя, чтобы отереть кровавый пот со лба и закрыть ему глаза), но вместе с тем образ возлюбленной в стихотворении Османа Хубиева — тоже названной Айшат — это образ современной девушки, которой боец завещает отомстить за него в бою, если он погибнет. Так в образной форме О. Хубиевым воплощен смысл народного афоризма «Женщина — крылья мужчины». Мы видим, что наряду с поэтизацией высоких чувств любви к Родине и братства советских народов, с воспеванием мужества, героизма, безза-

ветной мужской дружбы и верности, спаянной кровью на фронтах, наряду с прославлением павших героев О. Хубиев поет любовь, дающую ему силы в черный день.

Характерно, что именно это стихотворение в значительной мере предвосхищает мотивы его прозы. Поэт как бы полемизирует с теми, кто еще недавно обеднял духовный облик советских людей, искусственно разделяя общественное и личное в их жизни. Осман Хубиев утверждает их неотрывность, взаимопроникновение и взаимообогащение. В какой-то степени это можно рассматривать как намеренное противопоставление идее революционного аскетизма карачаевской поэзии 30 х годов. Вспомним, как начинается одно из программных стихотворений Азрета Уртенова:

...Не до развлечений
на тоях,
не до девушек-красавиц
моим песням...
Дорогой мой
читатель!
Я борюсь
с классовым врагом,
лишь победив врага
и похоронив его,
я сложу песню
про свои высокие горы!

Осман Хубиев как бы утверждает, что пришло время и для этих песен. Здесь можно усмотреть не только желание поспорить со своим предшественником и учителем в поэзии, но и отражение существенных перемен в мироощущении советского человека, происшедших за последние годы. Если капиталистические отношения разрушают личность, порождая крайний эгоцентризм, если эпоха разрушения старого мира и интенсивной закладки фундамента нового общества требует от личности известного самоотречения, то эпоха развернутого строительства коммунизма знаменует начало наиболее полного расцвета духовной жизни каждого члена общества. Эта закономерность находит свое отражение во всей советской литературе последних лет. Партийные решения не только теоретически обосновывают эту закономерность, они намечают те конкретные пути, которые должны привести к созданию новой гармонической личности.

Осман Хубиев, с его острым ощущением времени, активной целеустремленностью в будущее, полнее кого бы то ни было в карачаевской поэзии разрабатывает проблемы, связанные с воспитанием нового человека. Напомним, что анализируемый

сборник поэта называется «Клятва». Одноименное стихотворение открывает третий раздел. В нем поэт формулирует свое моральное кредо, определяющее его позицию в борьбе за нового человека:

Справедливостью и верной дружбой
Поклянемся вечно дорожить.
Нет у нас почета тем,

Кто только

Для себя старается прожить.
Жизнь — чудесна.
Как весна — чудесна.
Не свернем мы с верного пути.
Счастье и свобода — это братья,
Нас вперед зовущие идти.
Пусть трудиться честно будет каждый
Там, где он полезен

Как нигде.

Не обидит больно, даже в гневе,
Мать родного сына своего.
Матери-Отчизне поклянемся
Жить с народом лишь

И для него.

Поднял к свету нас Великий Ленин
И, отдав нам силы все свои,
Научил не ползать на коленях,
Он учил нас

Дружбе

И любви.

Пусть же будут навсегда священны
Не адаатов хитрости и месть,
Что мешают нам,

А благородство,

Молодость,

Товарищество,

Честь.

Мы везде — в работе

И в тревоге,

Будем жить, мой друг,

А не дрожать.

Перед жизнью этой поклянемся

Клятвы,

Нами данные,

Сдержать! ²¹

(Перевод В. Гнеушева)

²¹ «Слово о братстве. Сборник стихов поэтов Карачаево-Черкессии», Ставрополь, 1963, стр. 40.

Глубокая партийность поэзии Османа Хубиева с особой силой сказывается в разработке нравственных проблем, в открытой дидактичности его поэзии. Для Османа Хубиева нет мелочей в вопросах морали. От главного — отношения человека к труду («Сый» — «Почет») — до «тонкостей» взаимоотношений между свекровью и невесткой в карачаевской семье («Бирча борчду» — «Равно должны»), — его волнует все. Он отстаивает верность в любви («Былаймыд этиб кьоярынъ?» — «Ты и со мною так поступишь?») и требует от человека скромности, разумности и достоинства («Къуру чырай» — «Пустой красавице»), высмеивает тех, кто всюду вносит раздор («Къазауат» — «Война»), издевается над лжесловием и упрямством («Энди сен да ийнанма» — «Теперь и ты не верь»; «Буруш» — «Упрямец»; «Джалынсыз от» — «Огонь без копоти»), учит человека не останавливаться на полпути («Созулгъан иш» — «Невыполненное дело»). Поэта волнует мировосприятие современника, поэтому так симпатична ему молодость, неразлучная с духовной бодростью и весельем, остротой ощущения счастья («Джюрек» — «Сердце», «Кёз кьысды» — «Он подмигнул»; «Боран» — «Буран»). О. Хубиев умеет уловить тонкие порывы юной души. Например, в стихотворении «Акъ кегюрчюн» («Белый голубь») мы видим мальчишку, с трепетом восторга следящего за полетом своего голубя в небе. Ребятишки, завидуя ему, предлагают продать птицу, но он возмущенно отказывается. «Это — счастье, а счастье не продается», — говорит поэт в заключении, точно передавая неосмысленное ощущение ребенка.

Молодость — это пора надежд, человек стоит в начале большого пути, перед ним открывается множество дорог, и надо выбрать достойнейшую. Поэтому мотив дороги, образ путника, идущего к своей цели, органичен для устремленной вперед поэзии Хубиева («Джолла» — «Дороги», «Джолоучу» — «Путник»).

К большей части стихов Хубиева можно поставить эпиграфом название пятого раздела книги «Кемликге тёмзе» («Будь нетерпим к недостаткам»). Откровенность дидактизма поэзии Хубиева здесь проявляется в полной мере. Однако это не назойливое поучение, не высокопарное морализирование. Поэт спокойно и мудро делится с читателем своими мыслями, основанными на жизненном опыте. Он старается доказать справедливость своих сентенций убедительными примерами. Неотразимое впечатление на читателя производит его искренняя убежденность в справедливости того, что он говорит, его спокойствие и внутреннее благородство. Так, например, ополчаясь против беспринципности, Осман Хубиев использует мотив одного из анекдотов о Насра Ходже и в притче «Сен да тюзсе» («Прав и ты») изображает двух спорщиков, которые обращаются с просьбой рассудить их к проходящему мимо со своим спутником Насра

Ходже. Тот, выслушав обоих, объявляет правым и того и другого. И когда его спутник, удивленный, возмущается таким странным приговором, Ходжа отвечает ему: «Прав и ты». Пусть же у нас не будет таких ходжей, которые, испугавшись языкастых и зубастых, глядят по голове и правых, и виновных, — вот мораль, заключающая притчу Хубиева.

Против хитрого пустословия, прикрывающего корыстные цели, направлен анекдот в стихах «Энди сөн да инанма» («Теперь и ты не верь»), также использующий фольклор о Насра Ходже.

Назидательная поэма «Алакёз» рассказывает о судьбе девушки, опрометчиво связавшей свою жизнь с вралем, бездельником и пьяницей, чьи льстивые речи и обманчивая внешность вскружили ей голову. Ошибка Алакёз не случайна: бросив школу, она только и мечтала о замужестве. Поэма живо напоминает нам народный хапар — не претендующий на обобщение бытовой рассказ, заканчивающийся авторским нравоучением.

Близки к жанру хапара и дидактические рассказы в стихах «Мурат» и «Мачеха». Первый высмеивает отца, владеющего лишь одним «методическим средством» воспитания — ремнем.

Примером небольшого стихотворного памфлета могут служить стихотворения «Буруш» («Упрямец»)²², «Гурушха» («Обида»).

Интересны стихотворения Османа Хубиева, приближающиеся по своему жанру к басне. В стихотворении «Рубанок» простой инструмент олицетворяет особенно ценимую Хубиевым черту человеческого характера — непримиримость ко злу, ко всем «шероховатостям» нашей жизни:

Многие слабы духом и забывают тебя,
Тебя не ценят,
Не нравится им твой стиль,
Потому что ты не подлаживаешься ни к кому
И не подмасливаешься ни к кому.
Работая без устали, ты удаляешь со стружкой
Каждый изъян — ржавчину, плесень, выпрямляешь кривизну,
Ты необходим во всяком деле,
Ты враг несправедливости — так строгой же чище²³.

В стихотворении «Быки» мостовые опоры олицетворяют широкие народные массы, чей труд — основа жизни общества.

Откровенная дидактичность поэзии Хубиева обуславливает такое своеобразие его поэтического языка, как афористичность: он пересыпает свою речь пословицами, поговорками, кры-

²² См. сб. «Слово о братстве», Ставрополь, 1963, стр. 41.

²³ Осман Хубийланы, *Ант. Назмула, джырла, поэмала*, Черкесск, 1963, стр. 210.

латыми народными словами, делая своим оружием в воспитании нового человека вековую мудрость народа. Наиболее ярко это своеобразие стиля Хубиева проявилось в стихотворении «Алаймыды?» («Не так ли?»), представляющем собой цепь афоризмов:

Ливень льет недолго,
Умный не бросает слов на ветер.
От того, кто хвастает,
Не жди помощи.
Кто не закален, тот и летом околеет.
Бурная река не уйдет далеко,
Она обмелеет, не снесет груза.
Червивое яблоко рано созреет,
До времени упадет.
Из-под снега пробьется подснежник,
Но погибнет от легкого ветра²⁴.

Порой даже трудно отделить афоризм Хубиева от народного.

Поэзия Османа Хубиева глубоко современна, но вместе с тем она является естественным продолжением, углублением и развитием традиций карачаевского фольклора и довоенной поэзии. Осмысление воспитательной роли литературы он приемлет от литературы 30-х годов и развивает, углубляет его в соответствии с новыми историческими условиями.

Азрет Эбзеев

Азрет Локманович Эбзеев родился в 1910 г. Продолжительное время работал учителем, затем в обкоме комсомола. С 1934 г. сотрудничал в редакции газеты «Къызыл Къарачай». Во время Великой Отечественной войны он ушел на фронт. Стихи Азрета Эбзеева периодически появлялись на страницах газеты, включались в школьные хрестоматии. Опытный журналист А. Эбзеев не отдается целиком поэзии, но с 1957 г. его стихи все чаще публикуются в газете «Ленинни байрагъы», а в 1962 г. выходит сборник его стихов «Таулада эртден»²⁵ («Утро в горах»).

²⁴ Там же, стр. 143.

²⁵ Эбзеланы Азрет, *Таулада эртден*, Черкесск, 1962.

В сборнике А. Эбзеева, в таких его разделах, как «Ленин и партия», «Во славу моей родной земли», «Миру мир», собраны в основном стихи, посвященные Ленину, Коммунистической партии, советскому человеку. Здесь преобладают патетические интонации одической поэзии, свойственные ей величественные образы и возвышенные эпитеты («Салам болсун сениңе, партия» — «Привет тебе, партия»; «XXII съездге» — «XXII съезду»; «Сыйлы Москва» — «Дорогая Москва»).

Публицистичность стихов А. Эбзеева, стремление автора откликнуться на события общественной жизни («Биринчи космонавт» — «Первый космонавт»; «Куба, тюле джанъыз» — «Куба, ты не одна») заставляют вспомнить карачаевскую поэзию 20—30-х годов с ее абстрактными образами-символами золотого дерева, грязной пяты, ржавых цепей, черного тумана, пауков-кровососов и т. д. В публицистических стихах поэта особенно ощутимо влияние творчества Азрета Уртенова, в пейзажной лирике и в поэме «Хызырны тайчыгъы» («Жеребенок Хызыра») — Иссы Каракотова и Махамета Урусова. Однако если сравнить его лирическое стихотворение «Салам туугъан джерлериме» («Привет местам, где я родился»), в котором он как бы всматривается истосковавшимся и любящими глазами в каждую черточку жизни родных ущелий, со стихами И. Каракотова и Д. Байкулова, посвященными городу Микоян-Шахару, то нетрудно заметить, что картина горного края, нарисованная Эбзеевым, — это уже подлинное полотно жизни Карачаево-Черкесии. В небольшом стихотворении поэт мысленно охватывает пройденный путь, словно бы подводит итог прошлому, и отмечает все новое, радующее сердце патриота. Стихотворение окрашено глубоким волнением человека, много лет бывшего в разлуке с родным краем.

К сожалению, первые три раздела сборника Азрета Эбзеева редко оживляются стихами, которые непосредственно передают чувства поэта, носят печать его личности, что особенно заметно при сопоставлении их с пятым разделом сборника — «Инары».

Если в одических стихах Эбзеева это в какой-то мере искупается остротой, злободневностью тематики, то в пейзажной лирике это приводит к простому перечислению красот природы, не объединенных в целостное поэтическое произведение ни мыслью поэта, ни его переживанием, навеянным родным ландшафтом.

Однако надо заметить, что ни в карачаевском фольклоре, ни в творчестве поэтов 20—30-х годов пейзажная лирика не получила достаточного развития. Можно назвать всего несколько стихотворений, среди которых особое место занимает «Кавказ» И. Каракотова, преисполненное подлинной поэтичности и потому до сих пор необычайно популярное. Не случайно известный

балкарский поэт Кайсын Кулиев считает «Кавказ» самым совершенным произведением карачаевской довоенной поэзии.

Если поэты 30-х годов, признавая это стихотворение для себя образцом, тем не менее не продолжили начатое Каракотовым, то в 50—60-х годах жанр пейзажной лирики получает большое распространение. Это можно объяснить как общим расширением тематического диапазона карачаевской поэзии, обусловленным возросшим духовным уровнем поэтов, так и обострившимся после разлуки с родиной чувством любви к отчужденному краю. Конечно, поскольку этот жанр по существу только начинает разрабатываться в карачаевской поэзии, поэтам не сразу все удается (об этом можно судить по стихам Эбзеева и других карачаевских поэтов, о которых пойдет речь ниже).

Если говорить о настоящих удачах в сборнике Эбзеева, то следует остановиться на разделе «Инары».

Инар — это один из жанров народной лирики, представляющий собой песню, преимущественно любовного содержания, состоящую из ряда четверостиший, которые напоминают русскую частушку, построенную на параллелизме.

Сравнив интонацию инаров Эбзеева с несколько официальной интонацией его публицистических стихов, мы сразу ощущаем изящество, безыскусственность мелодии стиха и образов, живо воскрешающих традиции народной лирики:

Меж нами горы и Черное море —
Протяну-ка я шелковый мост.
Ах, мой милый в Одессе —
Пойду к нему по этому мосту.
Золотой рыбе в Кубани
Велю я проплыть в море,
И когда милый мой придет купаться,
Пусть поцелует его за меня.

Любовь так сильна,
Что растопит льды на высоких горах,
И Черное море, расступившись,
Откроет нам дорогу друг к другу.

(«Ант этгенме сакъларгъа» —
«Поклялась я ждать») ²⁶

Нельзя, конечно, утверждать, что нет ничего общего между поэтическим стилем гражданской и любовной лирики Эбзеева. Так, например, характерное для поэта пристрастие к нанизыванию образов и распространенных определений проявляется в обоих случаях и заставляет вспомнить черты восточной поэ-

---

²⁶ Здесь и далее цитаты по кн.: Азрет Эбзеланы, *Таулада эртден*, Черкесск, 1962.

зии («Привет тебе, партия»), воспринятые поэтом, видимо, через карачаевскую поэзию 20—30-х годов и укрепившиеся в годы пребывания в Средней Азии. Если в гражданской лирике это придает его стихам необходимую торжественность, патетичность, то в любовной лирике мешает непосредственности и индивидуальности выражения чувств, как, например, в стихотворении «Сени ариулугъунъ ушайды» («Красота твоя подобна...»):

Красота твоя похожа
На распускающийся в марте подснежник,
На весну, озаряющую землю,
Пробуждающую жизнь.
Красота твоя подобна
Полной луне, восходящей ночью,
Обильному лету с поспевающими полями,
Зреющими плодами.

Чистые и благородные любовные переживания в инаре «Я поклялась тебя ждать» изливаются в несколько наивном, но страстном монологе влюбленной девушки-колхозницы, обращенном к ее милому, который служит в армии.

Удачно найденная композиция создает юмористический эффект инара «Кёксюл паркда» («В голубом парке»). Изображенное встает перед нами как бы в двух планах: один передает стремительно возрастающее нетерпение юноши, который ожидает любимую, другой — реальные приметы пролетающей ночи.

Обе линии развиваются как бы параллельно, потому что юноша витает в облаках и не замечает ничего вокруг себя. Неожиданная развязка, в которой эти две линии соединяются (когда нетерпение юноши достигает своего апогея, он вдруг замечает, что наступило утро), и вносит комический элемент.

Проанализировать этот инар Эбзеева интересно потому, что на его примере видно, как творчески поэт использует фольклор. Здесь возникает как бы синтез двух жанров — инара и любовной сюжетной народной песни. Стихотворение Эбзеева имеет законченный сюжет, но вместе с тем большинство четверостиший построено как в инаре (две первые строки разворачивают один план стихотворения, а две последние — второй, составляя параллелизм).

Вот, например, как строится традиционный инар:

Возле реки белая утка —
Вода — ее отрада;
Говоря по правде,
Сладость жизни — в любви.

А вот как строятся четверостишия в инаре Эбзеева:

Ветерок колышет деревья
И улетает к югу.
От любовного томления
Изявляет молодое сердце.

Звезды в небесах, как влюбленные парочки,
Перемигиваются лукаво.
А парень с сердцем, переполненным любовью,
Ничего не замечает вокруг.

Кольцом вокруг месяца, словно накинув на него фату,
Остановилось облако.
Весь во власти ожидания
Следит он за входом в парк...

Хочется отметить эту счастливую творческую находку Эбзеева, на которую натолкнула его скорее всего интуиция художника. Своеобразный и органичный в смысле национальной специфики жанр, открытый им для карачаевской литературы, как мы видим, предоставляет поэтам-лирикам интересные художественные возможности и безусловно требует теоретического осмысления.

Азамат Суюнчев

Поэт родился в ауле Джегута в 1923 г. Был на фронте во время Отечественной войны. В Средней Азии работал учителем в сельской школе и в 1949—1956 гг. выступал на страницах газеты «Правда Южного Казахстана» со статьями, очерками и стихами. Вернувшись на родину, он сотрудничает в районной газете «Ленини джолу бла», затем переходит на преподавательскую работу и в настоящее время заведует учебной частью одной из вечерних школ города Карачаевска. 28 апреля 1957 г. А. Суюнчев опубликовал в газете «Къызыл Къарачай» стихотворение «Къарачай шахарыма» («Городу Карачаевску»). С тех пор он регулярно выступает в периодической печати и в поэтических сборниках со стихами, очерками и литературно-критическими статьями. Его стихи опубликованы на русском языке в коллективных сборниках поэтов Карачаево-Черкессии «Наша юность» (1957 г.), «Горный поток» (1958 г.) и «Слово о братстве» (1963 г.).

В 1959 г. Азамат Суюнчев издал сборник стихов «Къобанны мынчакълары» («Бусы Кубани»). В нем собраны главным образом стихи 1956—1957 гг. Основная их тема — тема возвращенной, вновь обретенной родины. Поэт видит прямой свой

долг в том, чтобы своим творчеством положить хотя бы один кирпич в фундамент заново начинающейся жизни родного народа («Борчум» — «Мой долг»).

Не говоря прямо о тех испытаниях, которые пришлось пережить карачаевцам, поэт сумел передать в своих стихах благодарность партии, восстановившей ленинские нормы партийной и государственной жизни, национальной политики. Он пишет стихотворение «Алтын къалада» («В золотом дворце»), где рассказывает о посещении Кремля. Самый факт, что ворота Кремля распахнуты перед ним, что он может вместе с представителями других братских народов войти в святая святых — в комнату, где жил и работал Ленин, — воодушевляет А. Суюнчева. Этот факт, по словам поэта, знаменателен для любого советского человека и вдвойне — для Суюнчева, карачаевца. Поэт остро ощущает живое течение истории, нерушимость устоев социалистического общества. Как ярчайшее доказательство этого, заставившее зазвучать все струны его души, лежит перед ним карта первых лет Советской власти, на которой рукой Ильича там, где находятся предгорья Эльбруса, написано синими чернилами: «карачаевцы». Поэт без смущения рассказывает о радостном и гордом восклицании, вырвавшемся из его груди при виде этой карты: «Вот, я — карачаевец! Это нам дал Ленин автономию и счастливую жизнь».

Немое, но красноречивое свидетельство ленинской мудрости, его внимания к малым народам, населяющим бескрайнюю Советскую Страну, его заботы об их счастье, его веры в них дает остро ощутить все величие и закономерность перелома, наступившего в судьбе карачаевского народа после XX съезда. Одно слово, написанное Лениным, снимает с души поэта груз обид, недоразумений, сомнений недавних лет, еще более укрепляя его глубокую веру в идеалы социализма, в естественность и неизбежность торжества справедливости, веру, которая никогда не умирала в сердцах людей. Поэтому заключительные строфы стихотворения, выражающие благодарность Ленину и утверждающие его бессмертие, звучат с такой беспредельной искренностью и любовью.

Это стихотворение Азамата Суюнчева — одно из лучших в современной гражданской лирике Карачая. Его делают таким ясным, законченность мысли, сила и искренность выражения чувств. Заслуга поэта в том, что он непосредственно и ярко сумел передать первую горячую радость своего народа, вызванную возвращением в родимый край.

Торжество справедливости еще больше укрепляет в душе поэта чувства советского патриотизма, дружбы народов, заставляет еще острее осознать себя частицей того великого целого, что носит имя Союз Советских Социалистических Республик («Ата джуртум» — «Мое отечество»). Ничто не в силах

оторвать его от социалистического Отечества, плотью от плоти которого он себя ощущает:

То, что вошло с кровью, уйдет только вместе с душой, —
Так необъятна моя любовь!
Пусть без остатка принадлежит тебе все, что я
способен сделать в жизни!

Если наступят черные дни,
Если вспыхнет костер войны и охватит меня пламенем,
Я буду биться с врагом за тебя, дорогое Отечество,
Пока душа не расстанется с телом²⁷.

В своих стихах Азамат Суюнчев выступает от имени народа, выступает как хозяин, возвратившийся в родной дом. Он спешит произнести «салам» родному краю, оглядеться, навести порядок, начать исполнять свои обязанности гражданина — словом, вступить в свои права. Об этом он пишет в стихотворном послании студентам-карачаевцам, завершающим учебу в городах Средней Азии, призывая их упорно овладевать знаниями, чтобы, вернувшись на родину врачами, учителями, инженерами, они могли принести ей пользу своим трудом («Къарачай студентлеге письмо»).

По мыслям и мироощущению характерно дружественное обращение поэта с приветствием к Кабардино-Балкарии в день четырехсотлетия ее добровольного присоединения к России. По хорошему горскому обычаю, воздав хвалу доброму соседу, он завершает стихотворение алгышем «Къабартыны уллу къуанчы на» («Кабарде в день ее великой радости»).

Азамат Суюнчев прославляет героических сынов своего народа, сражавшихся за социалистическое Отечество в период войны, — ведь им еще не отдали должного! Он пишет стихотворение «Герою Советского Союза Богатыреву Харуну». Положенное на музыку, оно стало необычайно популярной песней. Слагая славу доблестному воину, командовавшему танковым полком, поэт не ставит своей целью подробно рассказать о боевой биографии Харуна Богатырева. Он воспевает его доблесть, несокрушимую силу наступательного порыва его подразделений:

Ты прорвался через Днепр и Дунай
И ушел далеко по дорогам войны,
Когда твой танк шел в бой —
Земля дрожала, грохотало небо.

---

²⁷ Здесь и далее цитаты по кн.: Азамат Суюнчеваны, *Къобанны мыхчакълары*. Назмула, Черкесск, 1959.

Поэт кончает свою песню выражением уверенности в том, что героический пример Харуна породит новых батыров.

В противоположность песне о Богатыреве стихотворение, посвященное Иссе Каракотову («Исса»), погибшему на Смоленщине в 1942 г., больше напоминает нам фольклорный плач. Здесь уже заметно стремление воссоздать детально и облик Иссы, и конкретные факты из его боевой биографии, и обстоятельства его гибели. Прославление Каракотова-воина неразрывно сплетается со словами восхищения им как поэтом. Азамат Суюнчев, проникая в сущность гражданского и поэтического темперамента Иссы Каракотова, находит меткое сравнение, помогающее выразить всю тяжесть этой утраты для карачаевской поэзии: «Пуля вражеского снайпера, избрав того, кто вдохновлял бойцов, разбила алмазную жилу песни!»

Выразив свою ненависть к войне, отнимающей у народа лучших и талантливейших его сынов, Суюнчев утверждает бессмертие имени «солдата, служившего народу своими песнями и своей жизнью».

Действительность подтвердила слова А. Суюнчева. Народ называет именем Иссы Каракотова улицы и школы своих городов; его образ хранят книги, музеи и картины, он живет в сердце народа, отпечаток его творческой личности лежит на всей современной карачаевской поэзии и, в частности, весьма осязателен в пейзажной лирике Азамата Суюнчева.

В своих произведениях А. Суюнчев как бы заново открывает для себя неповторимую красоту родной природы. Он пишет стихотворение «Кавказ», в котором горные цепи ассоциируются с хороводом горских девушек, взявшихся за руки в танце абезек²⁸. В этом стихотворении, так же как и в стихотворениях «Карачай», «Озеро Кара-Кель», «Городу Карачаевску», поэт, у которого дыхание захватило от радости встречи, способен лишь созерцать восхищенно окружающую его красоту, чтобы утолить истосковавшийся по родине взор. Здесь, так же как в пейзажной лирике Азрета Эбзеева, нет еще поэтической мысли, придающей целостность картине, много искренней патетики. Но порою автор риторичен, слишком щедр на пышные сравнения и эпитеты.

Это поэтическое несовершенство исчезает в стихотворениях «Ташкёпюрде» («В Каменномосте») и «Туугъан элим» («Аул, в котором я родился»). В них родной пейзаж уже пробуждает в поэте чувства и мысли, связанные с собственной судьбой, с судьбой своего народа. Ранним утром мы входим вместе с поэтом в его родной аул, оглядываемся окрест, проходим по двору и саду и останавливаемся возле яблони под окном отчего дома. И здесь в монологе поэта, обращенном к яблоне, пе-

²⁸ Абезек — парный народный танец.

ред нами раскрывается душа певца, движение его мысли. Яблоня выросла из семечка, брошенного в землю детской ручкой, и сейчас она гордо поднимает вверх пышную крону, усеянную белоснежными, как курмач, цветами, сулящими богатый урожай. Ствол ее уже не тоньше, чем стан поэта. Поэт сравнивает судьбу дерева со своей: он тоже вырос, приобрел знания и жизненный опыт, и теперь, когда он, так же как она, прочно стоит на земле родного аула, ему хочется сделать свою жизнь такой же нужной и плодотворной для людей, как жизнь этой яблони.

Как мы видим, в этом стихотворении уже нет беспредметного любования красотами природы. Человек как бы слился с нею, вобрав в себя те неповторимые штрихи ее, которые больше всего говорят его сердцу. Вот здесь пейзажная лирика Азамата Суюнчева и приобретает «лица необщее выражение».

Еще более удачно стихотворение «В Каменномосте», в котором нет авторских размышлений, но образно переданы чувства, состояние поэта:

Проходя мимо, долго стою я у моста.
Широкая Кубань здесь попадает словно в темницу.
Гляжу я на воды ее —
Взлетают каскады серебряных брызг,
То воем, то звуками гармонии несется из-под моста
Шум необъезженной дикой Кубани.
Как зимний буран, бурлит она, разбиваясь, играя,
И лижет грудь могучих камней.
Вырвавшись от них, она растекается спокойно
по простору ущелья,
И мгновенно изменяется ее облик:
В зеркальную гладь ее поверхности
Смотрятся вершины гор. Удивительно! —
По одну сторону небольшого моста — покой.
По другую — буран. Не могу оторвать глаз!

Творческие удачи Азамата Суюнчева («В золотом дворце», «В родном ауле», «Иссе Каракотову», «В Каменномосте») связаны с углублением лирической струи в карачаевской поэзии в целом, со все более гармоничным сочетанием в ней субъективного и объективного начал. Поэты все чаще находят оригинальные решения темы, большие общественные вопросы и явления пропускают сквозь призму своей души, своего жизненного опыта, своего поэтического темперамента. Интересно в этой связи рассмотреть некоторые стихи молодых поэтов, чьи сборники появились в начале 60-х годов.

Поэзия молодых. В 1960 г. выходит сборник стихов Назира

Хубиева «Мать»²⁹, в 1961 г.— книга Азрета Семенова «Горы и горец»³⁰, в 1962 г.— «Ты моя жизнь» Бергера Батчаева³¹, в 1963 г.— сборник «Слово отца» Хусея Джаубаева³².

В каждом из сборников есть стихи, свидетельствующие о несомненном таланте их создателей, о способности раскрыть перед читателем неповторимый мир чувств, мыслей, образов и звуков, живущих в душе поэта.

Со страниц книг Назира Хубиева и Хусея Джаубаева веет свежестью молодости, ее бодрым жизнерадостным мироощущением, нежностью и чистотой.

Теплом сыновнего чувства дышат стихи Назира Хубиева, посвященные матери. Мысль поэта обращается к детству. Вот он видит домик в ауле, вокруг которого бушует вьюга, и молодую женщину, склонившуюся над колыбелью малыша. Он вспоминает первые свои шаги, когда мать, вводя его в мир, раскрывала перед ним красоту родных гор. А теперь, вдалеке от матери, он представляет, как она, уже старенькая, сидит на завалинке, терпеливо и трепетно ожидая встречи с сыном. Нежная грусть поэта подчеркивается сравнением матери с ласточкой, которая хлопотала возле птенцов, кормила их, оберегала и вот осиротела, когда они разлетелись из гнезда. В этих стихах уже ощутима индивидуальность поэтической интонации Н. Хубиева—нежность, чуткость, чистота, мягкая доброжелательность к человеку. Эта интонация характерна не только для стихов, посвященных матери («Ана» — «Мать»; «Тау элде» — «В горном ауле»; «Джумшакъ къолла» — «Добрые руки»; «Сютюнью джылыуу» — «Тепло твоего молока»), но и для стихов, посвященных детям («Пионер Махмут»; «Сабийге» — «Ребенку»; «Джанкъозла» — «Подснежники»; «Чемерчик» — «Маленький умелец»).

С самыми дорогими для поэта образами матери, ребенка и возлюбленной органично связаны и образы весны, зореньки, березки, ощущение утренней свежести, тишины. Мы чувствуем это в стихотворении «Акъ къайынчыкъ» («Белая березка»):

Потускневший месяц заходит,
Встает весеннее утро —
Ты одиноко стоишь
На зеленом берегу.
Рассеивается туман,
Открываются горы —
Трепетом радости
Охвачена ты.

²⁹ Назир Хубийланы, *Анам*, Черкесск, 1960.

³⁰ Азрет Семенланы, *Тау бла таулу*. *Назмула*, Черкесск, 1961.

³¹ Бергер Батчаланы, *Сенсе джашауум*. *Назмула*, Черкесск, 1962.

³² Хусей Джаубаланы, *Атамы сёзю*, Черкесск, 1963.

Проснувшись навстречу утру,
Соловей запел песню счастья
В твоих ветвях,
А с высоты воздушного океана,
Не мигая, не отрываясь,
Глядит на тебя
Звезда.
По крутой скале
Стекает, сверкая,
Журчащая змейка воды.
И тихий воздух, и белые вершины
Алеют,
Возвещая зарю.
Серебром за сверкала роса
На твоей листве.
Стойкая березка,
И прохладный ветерок,
Едва колеблющий воздух,
Льнет к тебе,
Не в силах расстаться.
И ночью, и днем
Твой образ со мной.
И в бури, и в грозы
Была ты со мной.
С тобой мои клятвы,
С тобой мое сердце.
О тебе я тоскую,
Жажду увидеться вновь.
Зеленая, нарядная,
О чем-то шепчась с ветерком,
Ты зовешь меня,
Меня,
Меня одного.
Вместе с весной,
Наступившей для меня,
Вместе с солнцем,
Засиявшим для меня,
И ты зацвела для меня,
Украшая родной аул.
Вот и солнце
Разлило тепло по горам,
Обняло землю,
А я слагаю тебе песню в горах,
Без усталости твержу твое имя.

Стихи Хусея Джаубаева более собранны, энергичны и зрелы. Поэт не только чувствует, но и мыслит в своих стихах,

стремится заглянуть в себя, сформулировать свои взгляды на жизнь, на творчество. Интересна разработка патриотических мотивов в его лирике. Он находит яркие образы и убедительные слова, чтобы сказать о необходимости тесной связи каждого с жизнью своей родины, своего народа:

Орел любит небо.
Взмыв в высоту,
Он с наслаждением
Стрелой бросается вниз.
    Но если небо дает орлу
    Простор для полета,
    То разве не земля
    Дала полету силу?!
Пусть орел любит небо,
Но на земле он родился,
И, вверх взлетая,
Он отталкивается от земли.
    Так и человеку
    Силу дает народ,
    Достигнув высокой цели,
    Всем ты обязан ему.

Любовь к народу рождает такие стихи Джаубаева, как «Атамы сёзю» («Слово моего отца»), в котором он прославляет карачаевский язык — хранитель истории и мудрости народной. Поэт гордится хорошими обычаями народа, так как видит в них проявление высоких моральных качеств горца («Сюеме адетибизни» — «Люблю наш обычай»).

Уже по стихам этого сборника чувствуется многообразие красок и интонаций поэзии Джаубаева. Так, горделивая патетика стихотворения «Люблю наши обычаи» сменяется драматической интонацией стихотворения «Кёрген эдим» («Я видел»), в котором поэт клеймит войну, разоряющую семейный очаг, как птичье гнездышко.

Тут и элегические мотивы «Сен кыйналма» («Ты не терзайся»), появляющиеся при сравнении разлуки любящих с отлетом журавлей. В этом стихотворении прозрачность, ясность чувств находит точное и образное выражение: «Я не могу не вернуться,— говорит влюбленный,— потому что наша любовь чиста, как твоя слеза».

Следом за этим элегическим стихотворением идет «Чалкычыкъ» («Косонька»), живо напоминающее нам по интонации, по образам «Песнь косаря» А. Кольцова.

Стихи Джаубаева в известной мере рационалистичны. Поэт не любит туманных намеков, нераскрытых иносказаний, символов, пышных фраз, затемняющих смысл сказанного, стре-

мится быть предельно простым и ясным. Так, он пишет стихотворение «Сен а...» («А ты...»), в котором отвергает ряд ставших уже шаблоном пышных сравнений: они не потребуются ему для объяснения девушке, что она самый дорогой его друг. Всякое поэтическое иносказание, каждый символический образ он тут же раскрывает в четкой мысли, как, например, в стихотворении «Белеуютлюк» («Обманчивая красота»):

В огороде нашем заалел шиповник,
Так и тянется рука ягодку сорвать,
Красота такая, будто нет подобной,
Но, увы и ах, съедобна только кожа.
Разве нет людей таких,
Похожих на шиповник наш?
На зависть сложены, красивы,
А что касается души — гроша не дашь!

Судя по первому сборнику, талант Хусея Джаубаева многообещающ. У поэта есть то хорошее стремление к самостоятельности мысли, чувства, ясности и красочности поэтического выражения, которое может дать в будущем хорошие плоды.

В сборнике Бергера Батчаева «Ты моя жизнь», названном по одноименному лирическому стихотворению, главное и лучшее — не любовная лирика, а юмористические и сатирические стихи. Поэту следовало бы обратить внимание именно на эту сторону своего дарования. Ведь даже в любовной лирике весьма ощутим критический склад его таланта, как, например, в стихотворении «Кесинъе къайт» («Вернись к самой себе»). Батчаев подтрунивает над любимой, которая выщипывает брови, подмазывается, приплетает искусственные косы и также искусственно и кокетливо ведет себя, вместо того чтобы пользоваться естественными дарами молодости.

Мягким юмором дышит стихотворение «Джокъ айтмадынъ» («Ты ничего не сказала»): девушка не отвечает на пылкие любовные излияния и комплименты, молчит и не отвечает на упреки, просьбы и мольбы. Но молчит и тогда, когда парень, схватив ее и посадив перед собой на седло, мчит ее на коне в свой аул.

Сатира Батчаева (второй раздел сборника) своеобразна. Жанр, в котором работает Батчаев, скорее всего можно назвать басней. Он высмеивает свекорыстие мнимого друга («Эки тень» — «Два друга»), высокомерие и неблагодарность («Чага бла сабакъ» — «Тяпка и кукурузный стебель»), тщеславие («Гугурук» — «Петух»), глупость («Сакълаучу кишдик» — «Сторожевой кот»), несправедливость («Бёрюню аўзуу къанды» — «Пасть волка всегда в крови»).

Батчаев не только клеймит человеческие пороки, но и стре-

мится к позитивному воздействию на читателя. Так, например, в басне «Тяпка и кукурузный стебель» и «Къара суучукъ» («Родничок») поэт учит уважать труд, беречь то, что добыто ценой больших усилий:

С великим трудом,
Просачиваясь по капле,
Пробивается родничок,
И чистой, прозрачной струей
Стекает по камням.
А неподалеку от него
Без труда, без усилий,
Без разбора собрав
И дождевую, и снеговую воду,
Шумно, хвастливо
Мутный и бесполезный сейчас,
Бежит поток.
Но усталый,
Жаждой томящийся путник,
Благодарно склонившись,
Принимает ртом
К роднику.
Я хочу,
Чтоб мы с вами стали похожи
На этот родник.

(«Родничок»)

В сборнике Азрета Семенова «Гора и горец» поэт предстанет перед нами прежде всего как певец, чья жизнь связана с отчим краем, но отнюдь не замкнута в ущельях Карачая. Духовный мир Азрета Семенова широк. Он знает, что капля его труда вложена и в величайшие достижения советской науки и техники. Ведь это она помогла забросить советский вымпел на луну, взлететь в космос, укротить атом («Илмутъа» — «Науке»; «Келечи айгъа» — «Посланец на луну»; «Аманат») и вырастить хороший картофель, который можно с гордостью послать на выставку («Есдюр» — «Выращивай»). Для поэта ценность человеческой личности — будь это простая колхозница или умелый хирург — определяется прежде всего трудом. В стихотворении «Аджалны бурну салыныб къалды» («Смерть осталась ни с чем») он пишет о чудодейственности труда:

Желтый лист снова стал зеленым,
Вновь зажурчал иссякнувший родник.
Врач вновь вдохнул жизнь в твое тело,
И смерть осталась ни с чем.

Даже думая о девушке, которая станет его женой, поэт мечтает, чтобы она была похожа на героиню волшебных сказок, способную своими умелыми и неутомимыми руками превратить землю в сахар, овечью шерсть — в шелк, иголку — в корову, строчки — в знания. В стихотворении «Топуракъдан шекер этгенни» («Превращающую землю в сахар») мы ясно ощущаем тесную связь поэзии Азрета Семенова с традициями фольклора, с народными идеалами и мудростью. В его стихах мы находим неоднократное обращение к прошлому, попытки в сегодняшней жизни отыскать приметы интересных обычаев предков. Он рассказывает о старом семейном обычае испытывать умение и сноровку будущего зятя в работе (стихотворение «Кюеу» — «Зять»). Это живая жанровая зарисовка «соревнования» будущего зятя с братьями невесты в дойке овец. Парень работает старательно, но сначала надаивает меньше всех. Насмешки градом сыплются на него: и на курицу-то, что увязла в мешке с шерстью, он похож, и на слепого коня, которого тянут на ярмарку продавать, и выглядит-то он так, будто съел натощак зеленую грушу, и скор и поворотлив, как двухколесная арба на скачках:

И камень лопается, если его то дождь мочит,
то солнце печет,
И дерево падает, если его подрубить —
Не выдержал скромный парень,
И предложил, чем тратить столько слов,
Смерить сначала, кто сколько надоил молока.

И когда только его ведро оказалось полным до краев, «будто долг отдавать», кто-то обронил: «Не мели языком много, а откусывай побольше».

Народные пословицы, поговорки, меткие словечки органичны в стихах Азрета Семенова. Естественна и поэтическая обработка слов нартов в стихотворении «Болурму» («Можно ли так»).

Если Хусей Джаубаев декларирует свою приверженность к хорошему народным обычаям, то Азрет Семенов воспринимает их как нечто само собой разумеющееся. Однако с обычаями, принижающими достоинство человека, он борется («Берне и калым» — «Приданое и выкуп») поэтическим словом. Хорошему же автор учит. Так, в стихотворении «Не чурайся» он отчитывает парня, который, почти не зная девушки, едва она ему приглянулась, попытался ее похитить. Но только он успел ее посадить в машину и затянуть «Орайда»³³, как сбежались люди, освободили девушку, а незадачливого претендента на

³³ «Орайда» — торжественная свадебная песня.

ее руку отправили в милицию. Вот этому опрометчивому парню и рассказывает поэт вполне серьезно о том, как надо по хорошему народному обычаю, по законам сегодняшнего дня выбрать невесту, завоевать ее сердце и достойно довести дело до свадьбы.

В поэзии Азрета Семенова находят свое отражение не только народная психология, народная мудрость, традиции народного творчества, но и любовь к безыскусственной песенной мелодии, бережное, любовное отношение к родному языку, умение заставить каждое слово заиграть звуками и красками, заключенными в нем. Вот характерный образчик мелодичности и звукописи в стихе Семенова:

Джери — къара топуракъ,
Сууу — таза чокъуракъ.
Хансы — гелеу, чапыракъ.
Тиги — къаты къакъыракъ.
Кириш къая, къююн чат,
Тюшде кёрген оюнчад.
Кюлюмсюреб кёк чевет
Джерге джашил нюр тегед.
Джайы-салкъын, къышы-шош,
Мында турмайд киши бош.
Джазы — эртде, къачы — кеч.
Кёзюнь къарай эсе кеч!

(«Джингирик»)

Однако гражданская лирика молодых поэтов страдает подчас декларативностью. Многие стихотворения их, приуроченные к торжественным датам, написаны в довольно шаблонной манере. О них можно сказать все то, что было сказано о гражданской лирике Эбзеева, хотя у молодых менее ощутимы традиции 30-х годов. Стихи, которые были бы отмечены неповторимым живым чувством, свежей поэтической мыслью и оригинальной образностью, — всем тем, что характерно, например, для стихотворения «В золотом дворце» Азамата Суюнчева, «Ленин джашагъан юйде» («В доме, где жил Ленин») Халимат Байрамуковой и др. — не часты.

Их пейзажная лирика нередко страдает описательностью, а любовная — традиционностью композиции и образной ткани, что в значительной мере обусловлено художественной незрелостью поэтов, их неумением выразить собственное видение мира.

Мы пытались показать то лучшее и своеобразное, что присуще творчеству поэтической молодежи Карачая. Есть все основания надеяться, что с ростом их жизненного опыта, с углублением мира их мыслей и чувств будет расти и крепнуть их поэтическое мастерство.

ПРОЗА

Развитие карачаевской прозы в 1957—1964 гг. свидетельствует о том, что, невзирая на все испытания, а отчасти, быть может, и вследствие этого, значительно выросли историческое самосознание карачаевского народа, его духовные силы и культурный уровень. Благодаря интенсивному и плодотворному развитию карачаевской литературы до войны сложились те традиции, которые послужили одним из живых источников, питающих возрождающуюся литературу. Осман Хубиев и Халимат Байрамукова — вот два имени, которые олицетворяют живую преемственность между литературой 30-х годов и современной. Их деятельность в области прозы явилась тем зачином, который был необходим в 1956—1957 гг.

Для Халимат Байрамуковой и Османа Хубиева как бы подступом к созданию беллетристики была работа очеркиста. Об этом свидетельствуют их произведения, появившиеся на страницах коллективных сборников³⁴. В разделе, посвященном очерку, мы старались показать элементы беллетризации в изображении жизненных ситуаций, в обрисовке характеров, в пейзажных зарисовках, в стремлении к определенному индивидуальному стилю. Все они, конечно, были подчинены агитационно-пропагандистским целям, преследуемым очерком вообще, но уже свидетельствовали и о желании писателей выйти за рамки публицистического жанра и шагнуть к художественному изображению действительности.

Характерно, что в эти годы наряду с рассказами «Люаза», «Бир кюн сыртда» («На плато») С. Лайпанова появляются отрывки из крупных произведений Халимат Байрамуковой («Шош таула» — «Тихие горы») и Османа Хубиева («Аманат»). Именно писатели старшего поколения, имеющие литературный и жизненный опыт, обращаются к более крупным жанрам. Сборник «Биринчи атламла» («Первые шаги») был в основном посвящен военной теме («Аманат», «На плато»). Современное осмысление этой темы в сборнике как бы подчеркивалось тем, что в нем помещено в переводе Хусея Тохчукова одно из лучших произведений советской литературы — «Судьба человека» Михаила Шолохова. Углубление гуманизма и демократизма советской литературы после XX съезда, таким образом, отразилось пока еще не прямо в творчестве карачаевских писателей, а опосредствованно, через перевод и восприятие знаменательного произведения литературы русской.

В раскрытии военной темы в карачаевской прозе, так же как и в поэзии, намечается в общем-то плодотворная тенден-

³⁴ См. «Биринчи атламла. Къарачай джазыучуланы хапарлары бла башха тилден кечюрюлгенле», Черкесск, 1958.

ция обращения к подлинным историческим фактам, лицам, стремление восстановить объективную истину, поднять до художественного обобщения конкретные исторические факты (мы уже знаем, что эта тенденция идет еще от карачаевского фольклора и от литературы 30-х годов). В таком плане написан, например, рассказ Сеита Лайпанова «На плато», в основе которого лежит несомненно подлинное событие — попытка партизан, действовавших в Карачае, связаться с наступающими на Северокавказском фронте советскими войсками. Этот рассказ находится на грани военного очерка: автор повествует о достоверном событии — отважном рейде и героической гибели двух партизан. Если здесь пока трудно говорить о писательском мастерстве рассказчика, то безусловно нельзя не отметить его художественного чутья, подсказавшего такой отбор фактов, в котором уже заключен элемент художественного обобщения.

В сборнике «Первые шаги» была помещена незаконченная повесть Халимат Байрамуковой «Шош таула» («Тихие горы»). Она написана в традициях карачаевской прозы 30-х годов и рассказывает о горькой судьбе бедняка Бузоу, дочь которого — Сапият бросилась со скалы, потому что отец согласился на ее брак с богатым стариком Хангерием, имевшим уже одну жену и пятерых детей. От аналогичных произведений 30-х годов эта повесть отличается более живым и углубленным изображением психологии бедняка-крестьянина: очень хорошо передано писательницей то состояние духовного оупения и оцепенения, до которого доводит человека жизнь, полная непосильного труда, нищеты, материальной зависимости. С подлинным драматизмом прозвучала в этом отрывке и тема горестной судьбы женщины-горянки до революции.

Отрывок из повести Халимат Байрамуковой интересен и с точки зрения этнографической. В нем эмоционально-впечатляюще воспроизведен во всех деталях похоронный обряд, бытовавший у карачаевцев.

Повесть осталась незаконченной, но Халимат Байрамукова, видимо, не собирается возвращаться к этому произведению. Ее больше волнует современная действительность.

Характерная черта современной карачаевской прозы — бережное и любовное отношение к традициям литературы 30-х годов, стремление осмыслить их и развить дальше. Это выразилось в таком необычном литературном явлении, как роман Дахира Кубанова «Голос в горах»³⁵, о котором речь пойдет ниже. Возрождению этих традиций в значительной мере способствовало и переиздание в 1958 г. романа Хасана Аппаева «Черный сундук». Яркость изображения народной жизни в романе Аппаева, его социальная направленность, красочность языка —

³⁵ Дахир Къобалланы, *Таулада тауш*, Черкесск, 1963.

все это сделало произведение образцом для нового поколения карачаевских прозаиков, стимулом для их творческих дерзаний в области крупных прозаических жанров. И не случайно уже в 1961 г. выходит в свет большой роман Османа Хубиева «Аманат», в 1963 г. — роман Дахира Кубанова «Голос в горах», в 1964 г. закончена большая лирическая повесть Х. Байрамуковой «Джылла бла таула» («Годы и горы»).

Кроме тем Великой Отечественной войны и дореволюционного прошлого карачаевские прозаики разрабатывают морально-бытовые темы [рассказы «Къара чебкен» («Черное платье»), «Тышырыу ну хапары» («Вторая жизнь», 1959 г.), «Джашым Эльдар» («Эльдар — мой сын»), «Сапар» и «Къартла» («Старик», 1963 г.) Халимат Байрамуковой и рассказ Барисхан Хатуевой «Далекая подруга» (1963 г.)]. Все эти произведения построены на конфликте между старым и новым в сознании и взаимоотношениях людей. Одни рассказы драматичны, как, например, первый рассказ Х. Байрамуковой, в котором свадебное платье становится символом унижения человеческого достоинства женщины и жестокого глумления над ней алчных родичей мужа. Старинный обычай одаривать родных мужа (берне) поднимает в их душах столько алчности, злости, зависти, жестокости, что в конечном счете это приводит к разрушению счастья любящих и к гибели героини рассказа — Салимат. И если мать, поведавшая своей дочери-школьнице историю прабабкиного платья, сама еще в какой-то мере чтит его и даже прочит его к свадьбе своей дочери, то в душе девочки просыпается возмущение и отвращение к бархатному платью, на котором остались невидимые следы человеческих слез и горя. Девочка сжигает платье. Это естественное и властное требование ее души. Сила традиции, которая еще держит в плену сознание матери, уже не существует для девочки, она вызывает в ней активное противодействие.

В рассказе «Вторая жизнь» мы видим историю духовного роста героини, которая от религиозности, покорности судьбе, страха перед жизнью и от пассивности приходит к обретению подлинного мужества и стойкости, к осознанию необходимости активной борьбы со злом, со всем тем, что мешает человеку быть счастливым. Ее учит этому сама жизнь и учит сурово. Гибнут на фронте ее муж и сын, убита во время бомбежки дочь. В душе героини происходит перелом: без всякой боязни за свою жизнь она перерезает, сматывает и забрасывает в реку телефонный провод.

Несмотря на пережитую трагедию, героиня находит в себе силы начать жизнь заново, построить новую семью. И эту свою вторую жизнь она готова защищать всеми силами. Перед нами предстает человек, обретший веру в себя, веру в то, что он хозяин своей судьбы. В образе Сурат, в ее духовной эволю-

ции отразился характерный сдвиг в психологии женщины-горянки — преодоление чувства женской незащитности перед жизнью, внутреннее самоутверждение как общественной личности.

Этот же процесс отразился и в рассказе «Эльдар — мой сын» Х. Байрамуковой. Героиня рассказа Шерифат изживает в своей душе власть предрассудков, заставивших ее, насильно увезенную девушку, примириться со своей участью, жить с нелюбимым мужем, терпеть его измены, грубость, самовлюбленность, его нежелание видеть в ней человека. Обрести духовные силы для протеста, для разрыва постылых ей уз помогает любовь к приемному сыну Эльдару: когда муж требует, чтобы она отдала мальчика в детский дом, Шерифат, вступив в борьбу за мальчика, по существу борется за свое счастье. А поскольку ничто, кроме ее собственной душевной слабости, не мешало ей, она и одерживает победу в этой борьбе.

Юмористическую окраску носят рассказы «Старики» и «Сапар» Х. Байрамуковой и «Далекая подруга» Барисхан Хатуевой.

В ужасном смятении Айшат — мать только что вернувшегося с действительной службы паренька Сапара («Сапар»). Ее сын то обед приготовит, то помоем посуду, то принесет воды, то постирает и погладит и, о ужас, сегодня на вечеринке на гармошке играет³⁶. Ведь все это совсем не мужские дела. Не дай Аллах, чтобы кто-нибудь узнал: ведь тогда ни одна девушка не захочет на него посмотреть. И когда старая Айшат приходит уже в совершенное отчаяние, она с удивлением обнаруживает, что в глазах людей это не только не позорит сына, а, наоборот, возвышает его.

В таком же забавном положении оказываются и старики Шамай и Келемет («Старики»), которые, полагаясь на незыблемость родительского авторитета, вздорят по поводу свадьбы своих детей, тогда как молодые уже решили свою судьбу.

Напрасно старая Айхан в рассказе «Далекая подруга» Б. Хатуевой прячет письма к внуку от русской девушки и подыскивает ему невесту-карачаевку, напрасно она идет к мулле и отдает ему за два новенькую шелковую сорочку внука и такую же новенькую десятирублевку. Никакое два не заставит Энвера разлюбить голубоглазую москвичку Галю, разлюбить далекую подругу. Внук женится на русской девушке. Душевная доброта и благожелательность одерживают верх над предрассудками в душе бабушки Айхан.

Все эти рассказы исполнены подлинного гуманизма. Мы видим в них, что человек становится чище, благороднее, что естественные порывы его души не подвластны устаревшим канонам.

---

³⁶ У карачаевцев было принято, чтобы на гармошке играла женщина.

нам. Он как бы духовно распрямляется, обретает внутреннюю свободу, раскрывая лучшие стороны своей натуры. В специфической национальной форме и образах здесь предстает перед нами общий для всех советских людей рост исторического самосознания личности. В этих рассказах отчетливо видны те сдвиги, которые произошли в действительности, и то новое, что появляется в связи с этим в карачаевской прозе последнего десятилетия по сравнению с прозой 30-х годов. Если прежде литература ставила вопрос о раскрепощении сознания человека от социальных предрассудков и невежества, то теперь в центре внимания — духовный рост современника, изживание остатков старой морали в его мировоззрении.

Говоря о малых жанрах карачаевской прозы, можно отметить еще один, новый по сравнению с 30-ми годами момент, который роднит литературу Карачая со всей советской литературой последнего десятилетия. Еще в 1957 г. в газете «Къызыл Къарачай» (16.X.1957) появился небольшой рассказ Саида Лайни (Сеит Лайпанов) «Люаза». Рассказ этот косвенно начал в карачаевской прозе тему возвращенной родины. Автор повествует о своей встрече с маленькой девочкой по имени Люаза у родника, недалеко от того места, где прежде стоял отчий дом. Глаза девочки заставляют его вспомнить первую свою юношескую любовь — школьную подругу Зурият, свои неловкие и робкие попытки найти путь к ее сердцу и маняще мелькнувший огонек ее ответного чувства. Война, а затем переселение в Среднюю Азию развели их по разным дорогам. Элегическим раздумьем о сложности жизни, о превратностях человеческих судеб заканчивается рассказ:

Я убедился, что хотя человек, казалось бы, сам ищет и находит свое счастье, есть, однако, законы жизни, которые предопределяют человеческую судьбу. Где-то глубоко в тайнике сердца запрятал я образ Зурият. Жизнь удивительна, самую тяжелую рану она залечивает со временем, оставляя только рубец. И моя рана, хотя и источила много крови, зарубцевалась. Много такого вошло в мою жизнь, о чем я раньше и не помышлял.

Рассказ Сеита Лайпанова, написанный от первого лица, проникнут большой непосредственностью и теплотой, позволяющими отнести его к лирической прозе. И, как показало время, он не был случайным явлением в карачаевской литературе, а отражал общий процесс углубления психологизма в карачаевской поэзии и прозе. В 1962 г. опубликован рассказ Халимат Байрамуковой «Айран»³⁷, а в 1964 г. — «Гырджын»³⁸. В обоих этих

³⁷ Х. Байрамукова, *Айран*, — «Известия», 30.XII.1962; «Дружба народов», 1963, № 3.

³⁸ «Ленинни байрагъы», 18.VII.1964. Гырджын — кукурузный хлеб.

рассказах опозитизирован труд человека. Плоды нелегкого труда символически обобщены в исконно горских образах гырджына и айрана, священных для карачаевца. Халимат Байрамукова слагает гимн в их честь. Она готова разделить и хлеб и молоко со всеми честными тружениками земли:

Говорят, что мы, карачевцы, красивый народ, и это, говорят, от ежедневного питья айрана. Карачаевцы долголетний народ. И это, говорят, от айрана... Вот если бы сесть где-нибудь на углу многолюдной московской улицы и каждому прохожему поднести хотя бы кофейную чашечку айрана — нате, пейте, пожалуйста, живите долго, дольше, чем положено.

Но Халимат Байрамукова беспощадна к тем, кто кощунственно пренебрегает дарами земли и человека. Героиня рассказа «Гырджын» навсегда изгоняет из своей души образ любимого, потому что он не умеет ценить огромный человеческий труд, вложенный в каждое кукурузное зернышко. И нет искусственности в этом конфликте — с таким благородством и искренностью выражено в рассказе чувство героини, понятное каждому, кто когда-то голодными детскими глазенками следил, как материнская рука делит на равные кусочки хлеб:

Мне снился странный сон: я на самой вершине земного шара. Я радостна, счастлива. В руках у меня громадный, величиной с земной шар гырджын — румяный, пышный, теплый гырджын. Неужто от его тепла тают вокруг льды?! Мимо меня идут люди, такие же радостные и счастливые, как я. Я отламываю и даю каждому по кусочку от моего громадного гырджына: «Кушайте, пожалуйста, в этом гырджыне есть труд мой и моих друзей, в нем есть зернышко счастья».

Люди, улыбаясь, берут, а мой гырджын от этого не становится меньше. Мой Аллах! Я увидела среди людей того, кто причинил боль моему сердцу, кому я причинила боль, дав пощечину. Рука моя с ломтиком гырджына замерла в воздухе. Отведя руку, я говорю: «Гырджын может есть лишь тот, кто его почитает».

Символическое значение образов гырджына и айрана многогранно у Байрамуковой. Они неотрывны от понятия ее родины Карачая, от жизни ее народа. А вместе с тем поэтесса видит в них и то, что рождает естественное братство людей труда, людей широкой души, свободной от собственнических чувств. Простые, но главные общечеловеческие ценности приобретают для нее свой изначальный смысл, извращенный в классовом обществе, пережитки морали которого еще гнездятся в сознании людей. Не случайно поэтесса отвергает сравнение хлеба с золотом: нельзя сравнивать вечное с преходя-

щим. Еще нет слова, которое бы смогло выразить все, что значит для человека хлеб.

В этих рассказах Халимат Байрамуковой налицо все характерные признаки современной лирической прозы: основное внимание здесь устремлено не на разработку сюжета рассказа — он не имеет существенного значения. Основной же композиции здесь является эволюция эмоций, мыслей поэтессы в связи с избранной темой. Отсюда многообразие эмоциональных оттенков, гибкость, непринужденность синтаксиса, сильно приближающегося к живой разговорной речи.

Все это, несомненно, обогащает возможность карачаевской прозы, карачаевского литературного языка, помогает более интенсивному оформлению творческой индивидуальности писателя.

Мы отмечали в предыдущих главах характерную черту литературного процесса в Карачае, проявившуюся уже в произведениях 30-х годов, — стремление к художественному исследованию и осмыслению судеб родного народа. Такая тенденция к художественному воплощению национальной истории, истории классовой борьбы и становления революционного сознания народа в значительной степени явилась фактором, определившим развитие лиро-эпической поэзии и прозы. Этот процесс в 30-х годах завершился рождением романа Хасана Аппаева «Черный сундук», отобразившего жизнь карачаевских аулов в канун первой русской революции, нарастание классовых противоречий, проникновение революционных идей в массы и рост сознания трудящихся Карачая.

В послевоенные годы задача освещения революционного прошлого народа не только не потеряла своего значения, но даже приобрела особую остроту: надо было осмыслить преемственную связь героизма поколения 40-х годов, одержавшего победу над страшным в своей бесчеловечности врагом — немецким фашизмом, с революционным и гражданским порывом поколения отцов, подготовившего революцию и победу в гражданской войне.

Перед литературой встала задача показать характер советского человека борца, строителя и воина в историческом его развитии. И в этом смысле советская литература обогатилась такими выдающимися произведениями, как, например, дилогия Константина Федина «Первые радости» (1945) и «Необыкновенное лето» (1947—1948).

Однако темы революции, гражданской войны и установления Советской власти в годы культа личности не всегда осве-

щались с подлинным историзмом. В исторической науке тех лет преуменьшалась роль народных масс в революции и гипертрофировалась роль личности Сталина, что нашло отражение и в литературе («Хлеб» А. Толстого, «Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского и др.). В многочисленных исследованиях, посвященных классическому произведению советской литературы роману А. Серафимовича «Железный поток», ни словом не упоминалось об историческом прототипе Кожуха — легендарном командире Таманской Армии Е. Ковтюхе, который в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» тоже фигурировал под именем Кожуха.

Если к тому же учесть, как труден был доступ к историческим документам, как строго ограничивался отбор фактов, имен и как в общем-то сглаживались, замалчивались сложные политические ситуации, конфликты первых лет Советской власти, то можно себе представить неизбежность того субъективизма, бесконфликтности, схематизма, лакировки, которыми были отмечены многие обращенные к истории произведения тех лет.

В младописьменных литературах народов СССР, в частности в литературах Северного Кавказа, последнее десятилетие характеризуется появлением крупных прозаических произведений на темы революции, гражданской войны и становления Советской власти. Можно упомянуть такие романы, как «Слово арата» Салчака Тока (кн. 1—2, Москва, 1957), «Махач» Ибрагима Керимова (Махач-Кала, 1959), «Мюрид революции» М. Мамакаева (Грозный, 1963) и др.

В карачаевской литературе до войны единственной попыткой поднять эту тему была пьеса «Ахмат-Батыр» А.-К. Батчаева, написанная в героико-романтическом стиле народной драмы и не претендовавшая на реалистическое осмысление истории.

После XX съезда КПСС карачаевская литература уже на ином уровне обращается к осмыслению этой темы, и ее усилия совпадают с усилиями других литератур народов Северного Кавказа, близких ей по исторической судьбе и этническим особенностям.

В 50—60-х годах появляется ряд повестей, романов, посвященных борьбе трудящихся горцев за социальное освобождение, становлению их революционного сознания. Так, в романе чеченского писателя С. Арсанова «Когда познается дружба» (Грозный, 1963) повествуется о кануне Великой Октябрьской социалистической революции. Автор показывает, как под влиянием русских революционеров Дмитрия Ивашина, Марии Ульяновой, Тараса Редько прозревают герои романа Арсби и Бено и становятся участниками революционных событий.

Дахир Кубанов

О рождении революционера «из низов» ведет речь осетинский писатель Д. Мамсуров в романе «Поэма о героях» (Москва, 1960). Борьбе за власть Советов в Кабарде, за социалистическое переустройство жизни посвящает роман «Чудесное мгновение» (Москва, 1961) кабардинский писатель А. Кешоков. Достоинство этого романа не только в живом и ярком изображении народной жизни, народных характеров, социальных противоречий и роста революционного сознания масс. Здесь А. Кешоков не был первооткрывателем. Главная заслуга писателя заключается в том, что он смело и с подлинным историзмом сумел поставить сложнейшую, специфическую для политической жизни Кабарды тех лет проблему шариатистского движения под предводительством Катханова.

Мы не будем останавливаться на подробностях,— сошлемся на прекрасный анализ В. Гоффеншефера в статье «Народ

предстал перед своей судьбой»³⁹, но подчеркнем один момент, отмечаемый автором статьи: подлинно исторический роман вызревает внутри социально-бытового, «рамки художественной хроники и историко-бытового повествования начинают расширяться, и произведение приобретает характер историко-революционного романа». Добавим, что эта особенность формирования исторического романа типична для северокавказских литератур, хотя и проявляется с разной степенью интенсивности, и что это одна из знаменательных закономерностей развития реалистической прозы младописьменных литератур.

В ряду произведений, которые в сущности начинают разворачивать художественное полотно истории революционной борьбы народов Северного Кавказа, следует рассматривать и роман «Голос в горах» молодого карачаевского писателя Дахира Кубанова. Интересно и не совсем обычно для литературного процесса то, что Д. Кубанов счел своим долгом, как он пишет в предисловии, «написать художественное произведение, по сюжету связанное с ранее написанным замечательным романом» (имеется в виду роман Х. Аппаева «Черный сундук». — А. К.). Нет смысла дискутировать на тему о правомерности решения продолжить, развить замысел чужого, незавершенного произведения. В самом этом факте сказались, очевидно, молодость карачаевской литературы, наличие еще глубокой и тесной связи с традициями устного народного творчества. Так же как Х. Аппаев, писатель не столько озабочен выявлением своей индивидуальности, сколько стремится средствами эпического сказа дать художественную летопись истории своего народа. Сумел ли Д. Кубанов обогатить замысел Х. Аппаева, продолжить его работу на более высоком художественном уровне? На этот вопрос мы постараемся ответить анализом этого романа.

Роман начинается как раз с того периода общественно-политической жизни страны, к которому подошел вплотную Хасан Аппаев. Здесь отражены события начиная с 1906 г. — период столыпинской реакции и нового революционного подъема, первой мировой войны и Февральской революции, эпоха Октября, пражданской войны и установления Советской власти на Кавказе. В романе действуют знакомые нам по роману «Черный сундук» лица: Канамат, Бийнёгер, Мелехан, Байдымат, Ибрагим, старшина Биймырза, бай Кыямыт, эфенди Мухаммат-Амин, бий Каншаубий и др. Внимание Кубанова, как и автора «Черного сундука», задерживается на событиях, происходящих главным образом в аулах Карачая, расположенных в верховьях Кубани и Теберды. И здесь стержень романа составляет конфликт между народом и враждебными ему си-

³⁹ «Новый мир», 1961, № 11, стр. 234—244.

лами — феодально-байской верхушкой, духовенством и чиновной администрацией, здесь также развивается идея роста классового и революционного сознания карачаевцев.

Первая, наибольшая по объему часть романа Д. Кубанова в основном рассказывает о судьбе его главного героя — хаджирета Канамата, о его родных и друзьях. Повествование Х. Аппаева продолжено в духе народных историко-героических песен о Канамате и Кара-Муссе, использованы их сюжетная основа и элементы психологической характеристики героя. Реалистически рассказывается о поимке Канамата, о суде над ним в Ак-Кала, о попытках героя бежать. Мы видим Канамата на золотых приисках в Сибири, куда он сослан на каторгу, узнаем о его бегстве и о возвращении к родным горам. Как и в песне о Кара-Муссе, мы встречаем героя в одной из русских станиц Предкавказья, откуда он смотрит на родные горы, лелея в душе радость предстоящей встречи с ними, храня жажду мести.

Уже в этой части ощутимы новые приметы времени. Расстановка сил на арене классово-борьбы 1906—1915 гг. претерпела значительные изменения. Шире стал круг борцов, в связи с этим появляются в романе образы людей из народа, помогающих Канамату скрываться (Хасанбий и его сын Азрет). Растет солидарность тружеников, в революционную борьбу наряду с рабочими рудника вступают крестьяне-горцы, на их стороне — сочувствие беднейшего казачества, входящего в состав регулярных казачьих частей, присланных в аул (Санин, Чирков, Никитин). Активнее становится протест. Он выражается не только в стремлении защищать свои права смелым словом, но и в прямой расправе с озверевшими угнетателями (убийство Кандаура Даутом и Хасаном), и в вооруженных выступлениях и стычках с ними.

Кубанов дает почувствовать и изменения в политике царизма по отношению к населению национальных окраин империи. Политика мелких подачек, кнута и пряника требовала чиновников умных, дипломатичных, и на страницах романа появляются новые персонажи, пополняющие лагерь врагов народа, сменяющие прямолинейных, недалеких и грубых солдафонов, подобных приставу Апанасу и старшине Биймырзе.

Один из таких персонажей — самоуверенный, педантичный Иван Карлович Рейзер, жандармский офицер, прибывший из Петербурга, придумывает довольно хитрый план поимки «преступников», скрывающихся в горах. Но когда он пытается осуществить этот план, он сталкивается с возмущением и сопротивлением крестьян.

Бий Каншаубий испуган угрозами и требованием Канамата, потому что чувствует за его спиной поддержку бедноты, чье активное недовольство все сильнее колеблет почву под ногами аульной верхушки.

В Большой Станице, в отделе атамана, понимают его страх перед нарастающим гневом народа и на посту старшины заменяют Биймырзу самим Каншаубием, а пристава Апанаса — неким Лариным, который внешне мягок, тактичен с народом, отказывается от массовых репрессий и преследований беглецов, но вместе с тем продолжает делать все, чтобы обезглавить народное сопротивление — выловить самого Канамата. Облик нового пристава вырисовывается из следующего отрывка:

Человек в черном костюме снял высокую шляпу, похожую на ведро, и, коснувшись рукой белого воротничка, что-то коротко сказал стоящему рядом Биймырзе.

Собравшиеся, неприязненно следившие за ним, почувствовали, как эта неприязнь исчезла и на сердце стало спокойно, когда он снял шляпу и положил ее на стол. У человека в черном костюме оказался высокий красивый лоб, добрым и мягким был его взгляд. Старики вышли вперед и, словно согнувшись под тяжестью своих белых бород, опершись грудью о палки, всем своим видом выразили общее желание выслушать его. Человек в черном костюме, видя это, неторопливо, спокойно обратился к народу:

— Джамагат, по приказу атамана я назначен приставом Карачая. Я не могу быть в ответе за то, что здесь происходило до меня. Но, чтобы впредь во вверенных мне аулах не случилось ничего подобного, я велел освободить заключенных, вашим людям, которые ходят в хаджиретах, я разрешаю возвратиться домой и жить спокойно. Всем, кроме Канамата.

Знакомый нам полос выкрикнул из толпы:

— А в чем же его вина?

Те, кто стоял возле пристава, пришли в замешательство, но сам он нисколько не смутился. Спросив у Биймырзы, что крикнули, он ответил народу:

— Канамат убил Кандаура. Всюду, куда простирается власть и закон царя, убийца несет кару за свое преступление. Кроме того, я хочу напомнить, что перебивать человека и у карачаевцев, и у русских считается невежливым. Разве я неправ, джамагат? — обратился он к старикам.

И стоявший впереди своих сверстников огромный седебородый старик обернулся к собравшимся.

— Этот человек прав. Ведите себя спокойнее, люди.

Народ, услышав голос старика, успокоился и замолчал, словно в рот воды набрал. Приободрившись, новый пристав продолжил:

— Перед законом царя все равны. Ему должны подчиняться и вы, и я. Правда, не все у нас еще хорошо. Но чтобы стало лучше, нам с вами надо действовать сообща. Я со своей стороны, вернувшись в отдел атамана, буду добиваться, чтобы в карачаевских аулах открыли еще школы, постараюсь наладить торговлю; дороги, как мне кажется, нехороши — и об этом позаботимся. Но и вы со своей стороны должны ценить все хорошее, что делается для вас, и исполнять свой долг перед законом. В ауле с нынешнего дня не должно быть никаких волнений.

Видя внимание народа и торжествуя, что их замысел осуществляется ус-

пешно, новый пристав и эфенди Мухаммат-Амин, обменявшись взглядами, улыбнулись. Пристав добавил:

— Моя фамилия Ларин. У кого будет нужда во мне, либо приезжайте в Ак-Кала, либо пишите прошение и передайте через старшину аула. Карачаевцы, как и другие народы Великой Российской империи, — верные подданные царя. Надеюсь, что и ваш аул не запятнает чести Карачая.

Характерно, что уже не рассчитывая на поддержку масс, не надеясь на то, что посулами, угрозами, подкупом, наградами можно вооружить народ против «смутьянов», правящие круги выискивают теперь озлобленных, корыстных и темных юдиночек, таких, как охотник Джанкёз. Лишь этот человек готов стать предателем и тайным наемным убийцей Канамата.

Во второй части романа рамки охвата действительности значительно раздвигаются, соответственно пополняется система образов, шире и глубже становится кругозор героев. Кроме аулов и горных кошей Карачая, кроме рудника и резиденции пристава Ак-Кала, читатель вместе с героями попадает в Большую Станицу, где находится отдел атамана; на русско-австрийскую границу, где стоит конная дивизия, готовая погрузиться в эшелоны и двинуться на Петроград для подавления революции; в станицу Бешлеевку, где зреет контрреволюционный мятеж под предводительством генерала Шкуро. Именно в этой своей части роман приближается к историко-революционному жанру.

Линия Канамата здесь уже с первого плана оттесняется бурными событиями гражданской войны. После бегства с каторги Канамат скрывается в горах, а затем во время революции командует партизанским отрядом и гибнет в борьбе с врагом. Художественный вымысел и исторически достоверные ситуации здесь тесно переплетены. Событийная канва в этой части романа в значительной мере достоверна, тогда как герои, за исключением генерала Шкуро, вымышлены, хотя некоторые из них у карачаевского читателя могут вызвать аналогии с подлинными лицами. Таков, например, эпизодический персонаж Сагид, который помогает скрываться бежавшему с каторги Канамату. Упоминание о том, что Сагид учился в Петербурге, а по возвращении в Карачай занимался просветительской и революционной деятельностью, вызывает в памяти образ Саида Халилова, организатора первой партийной ячейки в Карачае, принимавшего активное участие в борьбе с контрреволюцией за установление Советской власти. Он был убит из-за угла в 1921 г. Образы братьев — революционеров Шахыма и Таулана — возможный намек на братьев Шахыма и Таукана Алиевых, последний из которых, судя по имеющимся историческим исследованиям, принимал активное участие в борьбе за Советскую власть и был обезглавлен врагами.

К сожалению, горцы-большевики в романе обрисованы бегло и отнюдь не играют в нем той роли, которую сыграли революционеры Карачая в жизни своего народа. Мы встречаемся с Сагидом, когда Канамат возвращается на родину, с Шыхымом и Тауланом — когда они помогают ему скрываться; затем видим всех троих в штабе ревкома Большой Станицы (подразумевается Баталпашинск — ныне Черкесск), где они участвуют в разработке плана военных действий против Шкуро, засевшего с бандой в станице Бешлеевке, а потом встречаем их на заседании окружного ревкома в Большой Станице, где решаются вопросы о вооружении рабочих рудника и организации партизанского отряда в горах.

Правда, эти персонажи появляются в главах, отображающих узловые моменты революции в Карачае. Но их работа на местах, работа с людьми, их жизнь и духовный облик — все это в романе не отображено. Это в значительной мере ослабляет элементы историко-революционного жанра.

Солидарность угнетенных тружеников разных народов царской России, которая, как показал Аппаев в романе «Черный сундук», начала крепнуть задолго до 1917 г., в произведении Д. Кубанова перерастает в единство борцов против сил старого мира. На смену рабочему-революционеру Семену в романе Кубанова приходят большевики, продолжающие его дело в условиях революции и гражданской войны. Это Артюхин, возглавляющий рабочих рудника и создающий там первый в Карачае очаг Советской власти; это председатель Окружкома Пономарев, который руководит всей борьбой против контрреволюции в бывшем отделе атамана; это красный командир Борисенко, чей отряд является на месте основной вооруженной силой, призванной противостоять деникинцам, банде Шкуро и горской контрреволюции. Правда, все эти фигуры эпизодичны.

В противоположном лагере из персонажей, встречающихся в романе «Черный сундук», на первый план выдвигается фигура бия Каншаубия, чей ум, изворотливость, словесная принадлежность и богатство делают его душой горской контрреволюции. Это несомненно фигура типичная, но было бы натяжкой видеть в нем черты реального лица — подполковника Мырзакула Крымшамхалова. Ни в биографии, ни во внутреннем и внешнем облике, ни в «должности», ни в конкретных действиях мы не находим у них ничего общего, кроме разве эпизода, когда Каншаубий после разгрома пытается уйти со всей семьей через перевал в Закавказье.

Есть в романе несколько предпринятых Каншаубием тактических маневров, аналогичных крымшамхаловским, но они скорее были подсказаны автору некоторыми специфическими особенностями социально-бытового уклада Карачая и психологией народа, чем позаимствованы из действий этого лица. Так, Кан-

шаубий, как и Мырзакул Крымшамхалов, делает ставку на помощь белой армии и интервентов и, искусно играя на патриархально-родовых связях, сильных еще в народе, пытается перетянуть на свою сторону большинство. Собрав своих единомышленников, он обращается к ним со следующей речью:

...С низовьев вести невеселые. Если мы не возьмемся за ум и будем сидеть сложа руки, нам вряд ли приведется еще повеселиться на играх: взбесившееся простонародье растопчет нас... Ясно, что нам одним не справиться с мужичьем, поднявшимся в России, если к ним присоединятся еще и наши голодранцы. Мы должны, и это в наших силах, оделать все, чтобы оказать помощь белой армии, находящейся поблизости от нас. Нужно вооружить всех людей, готовых встать по первому нашему зову. В этом деле нам большую помощь могут оказать эфенди. Все вы знаете, что большевики — неверные, кляфыры. В разговорах с народом надо основательно внушить ему это, и тогда он разом примет нашу сторону. Стоит нашему народу присоединиться к белой армии — и большевики не войдут в наше тесное ущелье. Судя по тому, что говорит Эльмырза, Англия и Америка шлют войска и оружие, чтобы не отдать Кавказ Советам. Для нас это большая радость... Первым делом завтра нужно выделить надежных людей, которые погонят скот вниз. Оттуда они привезут оружие, приготовленное для нас приставом и генералом Хрюковым. Я думаю, через три-четыре дня у нас будет достаточно оружия, чтобы вооружить наших людей. Но прежде необходимо очистить аул от смутьянов.

Каншаубий достаточно умен, чтобы в опасный момент воздержаться от прямых репрессий, и предлагает всех ненадежных мобилизовать в белую армию:

Нынче в этом взбаламученном мире народ шарахается из стороны в сторону. Если мы будем ступать умело — он пойдет за нами, если же оступимся — он пойдет к нашим врагам. Это ясно всякому. Народ неплохо относится к тем, кого мы хотим убрать с пути. Вот и подумайте сами: если мы наденем на них кандалы и отправим в крепости, как отнесутся к этому в аулах? Мы оттолкнем людей от себя, и никакой пользы для себя не извлечем.

Мне кажется, что нам следует справиться снаряжение и коней, посадить на них всех ненадежных, кого я здесь перечислил, и от имени пристава отправить их в белую армию. Нет сомнения, что, как только они окажутся там, их близкие тоже будут за белых.

Итак, здесь есть авторская заявка на изображение исторически конкретных, сложных и специфических для Карачая ситуаций периода гражданской войны. Но подлинного реализма и проникновения в психологию героев мы в романе не найдем. Писатель лишь бегло и поверхностно освещает события, порой переводя повествование в романтико-приключенческий план, как в пьесе «Ахмат-Батыр» А.-К. Батчаева. Так, например, разрушение хитроумного плана Каншаубия дается

в чисто авантюрном плане: Ибрагим, брат жены Канамата, его товарищ с детских лет, прошедший через империалистическую войну, является в аул в форме белогвардейца, увешанный георгиевскими крестами. Он быстро входит в доверие Каншаубия, и тот, как в сказке, поручает ему сопровождать в Ак-Кала скот и провиант, собранный для белой армии, а также на сильно мобилизованных горцев. Ибрагим «сопровождает» все это в партизанский отряд Канамата.

Несмотря на засилье белых в горах, на рыскающие повсюду деникинские отряды, несмотря на объявление казавата (этот последний козырь горской верхушки) и колебания народа, партизанский отряд Канамата совершает чудеса — врывается в аул, сжигает виселицу, дом Кыямыта, быстро устанавливает Советскую власть.

Бай Кыямыт погибает во время пожара, распластавшись на том самом черном сундуке, который символизировал в романе все злое, угнетавшее и ожесточавшее народ. Бий Каншаубий со всей семьей попадает на перевале в руки Канамата и его друзей и слышит из его уст насмешливую карачаевскую поговорку: «Не всегда лодка плывет на пароходе; бывает, что и пароход на лодке поплывет».

Нельзя отказать автору в известной занимательности сюжета. Но надо прямо сказать, что стремление к занимательности сделало его произведение менее значительным. Несмелая попытка пойти дальше достижений карачаевской литературы 30-х годов, развить на современном уровне ее лучшие традиции удалась писателю лишь в той части романа, где он самостоятелен, где ясно ощутимы первые приметы историко-революционного жанра.

Проанализировав роман, приходишь к выводу, что традиции Х. Аппаева и литературы 30-х годов в известной мере сковывали фантазию Кубанова, следование форме романа Аппаева мешало писателю подняться до современного уровня литературы, до требований современного читателя.

Когда речь пошла о революции, гражданской войне, о людях, борющихся за установление Советской власти в Карачае, т. е. о событиях, многие из современников и участников которых еще живы, писатель должен был избрать единый принцип изображения действительности: или строго следовать фольклорной основе и приемам Аппаева, которые довольно естественно уживались с авантюрно-приключенческими элементами, не умалявшими социального значения романа «Черный сундук», или же пойти по пути реалистической трактовки фольклорных мотивов (что автор и делает с линией Канамата вначале), которая позволила бы органично слить конкретнo-исторический материал с романтикой самих фактов борьбы за Советскую власть в Карачае. Половинчатость автора в решении

этого вопроса и является основным недостатком романа. И все же, несмотря на то, что роман Кубанова не свободен от недостатков, он представляет собой интересное явление в карачаевской литературе уже потому, что отображает одну из наиболее ярких и значительных страниц истории карачаевского народа и знаменует первый шаг на пути формирования историко-революционного жанра в карачаевской прозе.

Осман Хубиев

Другое крупное произведение современной карачаевской литературы — роман Османа Хубиева «Аманат» (первая книга вышла в 1959 г., вторая — в 1961 г., третья — закончена в 1964 г.).

Писатель задался целью создать широкое полотно, изображающее карачаевцев в период Отечественной войны и на современном этапе строительства коммунизма.

Экспозиция романа рисует выпускной вечер в карачаевском педучилище. Мы видим молодежь, стоящую на пороге самостоятельной трудовой жизни, молодежь энергичную, радостную, доброжелательную к миру. Среди тех, кто слушает напутственную речь директора Ахмата, мы видим героя романа Хасана, его любимую — Балдан, их друзей и товарищей. Они смеются, танцуют, поют, вновь и вновь переживая годы, прошедшие в педучилище. А на следующий день, когда большинство уже собралось разъехаться по домам, приходит известие о том, что началась война. Хасан и его друзья, охваченные патриотическим порывом, решают пойти на фронт добровольцами, хотя они еще и не достигли мобилизационного возраста. Такова завязка сюжета.

Автор не торопит события. Хасан еще по существу мальчик. Он должен согласовать свои решения со старшими, с родителями. Писатель, подробно рисуя весь ход этих семейных советов, в которых так или иначе участвуют и ближайшие родственники, и соседи, знакомит нас с людьми разной психологии, разного мировоззрения. Мы видим здесь мать Хасана — Джандет, сердечную, умную женщину, которая и гордится решением сына, и боится за него, потому что старший сын Азрет уже в армии, и кто знает, не сложится ли судьба так, что она со стариком переживет своих детей. Тут присутствует их соседка — молодая женщина Сапият, муж которой уже служит в армии, а она сидит дома, не работает, да еще и сетует на то, что колхоз плохо помогает ей, жене военнослужащего, и мечтает лучше устроиться за широкой мужской спиной. Здесь же и дядя Хасана — пожилой Хаджибекир, в прошлом зажиточный хозяин, имевший батраков, судившийся и рядившийся с ними из-за заработка, привыкший жить как ему легче и удобнее. Он

настроен скептически, он против того, чтобы Хасан шел на фронт: «От поветрия и от паводка беречься надо, а эта война хуже и того, и другого. Эта война — огонь, в огромный костер разгорится. Вот я и говорю: не бросайся в огонь — сгоришь, как бабочка».

По-иному думает Мусса — отец Хасана. Он хорошо понимает, как изменилась жизнь карачаевцев, как широко стали мыслить люди и как они осознают свой долг перед всей Советской родиной, а не только перед семьей и родными ущельями. Он возражает Хаджибекиру:

Сейчас дети мудрые. Когда мы были молоды, что нам была за забота до государственных дел? Лишь бы желудок был набит да тело было бы прикрыто, а если бы мы и вздумали заботиться, кто бы слушал наши советы? Брат не должен в беде бросать брата... миром легче беду встречать!

Юношескому представлению о войне противостоит та суровая ее правда, которая ведома старикам. Не испугать молодежь, а подготовить к тем испытаниям, которые ее ожидают, должны слова старого Аслана:

Дорогие мои, конечно, мы их победим... Но понимаете ли вы, сколько выдержки, какая сила понадобится для этого? В мире нет ничего страшнее войны. Она несет с собой голод, смерть, разорение. Среди тех, кто живёт трудом своих рук, днем с огнем не найдешь человека, который хотел бы воевать. Война — это смерть. А кто хочет смерти?! Но надо уметь быть врагу врагом, иначе не жди пощады. Если народ поднимется дружно, нет силы, которой бы он не сломил. Тут и мизинец понадобится. Мы — и карачаевцы, и черкесы, и осетины — должны плечом к плечу защищать свою страну. Если враг сегодня войдет к русским — в Ленинград и на Украину, — завтра он войдет в Карачай, в твой дом. Вот почему те, кто хочет оградить от врага свой дом, свой аул, свой народ, не должны медлить, должны показать себя джигитами в бою с врагом.

Хасан был готов показать себя джигитом в бою. В приподнято-романтическом настроении уезжает он из родного аула. Это настроение не покидает его, пока он учится в Моздокском военном училище и рвется на фронт. Известие о том, что его брат Азрет тяжело ранен в бою и спасен его товарищем Соколовым, подогревает его мечту о героической схватке один на один с врагом. И лишь жестокая бомбежка, с трудом отбитая танковая атака фашистов и гибель многих товарищей показывают ему будни войны. Романтическое представление о войне улетучивается, как дым. Суровая действительность впервые дает юноше жестокий урок. Так заканчивается первая книга романа «Аманат».

Во второй книге автор стремится показать те места, куда забросила карачаевцев война. Мы видим роту, в которой сра-

Осман Хубиев

жается на Украинском фронте Хасан, попадаем в партизанский отряд, действующий в Белоруссии неподалеку от Могилева. Во главе отряда — карачаевец Аскер Бархозов. Затем автор переносит нас снова в Карачай, где люди работают не покладая рук, внося свой вклад в дело победы, помогают семьям фронтовиков, собирают бойцам посылки.

Но вот наступает черный день, когда в горы приходят фашисты. И Осман Хубиев показывает всенародный характер сопротивления, ненависть к гитлеровцам, возмущение их зверской жестокостью. Затем следует известие о переломе в битве под Сталинградом и об освобождении от фашистского ига пяди за пядью нашей земли, затем бои под Львовом, наступление в Германии, взятие Берлина. Рота Хасана участвует в штурме рейхстага вместе с другими соединениями, а когда над рейх-

стагом взвывается красное знамя, карачаевец Таукан вместе с другими бойцами радостно размахивает автоматом из окна поверженной цитадели фашизма.

Во второй книге романа «Аманат» Осман Хубиев использует подлинные факты, свидетельствующие о героизме бойцов-карачаевцев в Отечественной войне. На фактическом материале построена в основном сюжетная линия, рассказывающая о действиях партизанских отрядов Аскера Бархозова и Османа Касаева в лесах Белоруссии. Осману Касаеву, командиру партизанского полка, погибшему в 1944 г., поставлен в Могилеве памятник, о нем сложена песня в Белоруссии. Аскер Бархозов был награжден орденом Красного Знамени и получил звание майора за похищение немецкого генерала, возглавлявшего карательный отряд. Об этом рассказывается в одной из глав романа.

Многие подлинные факты и лица упоминаются и в главах, рисующих картины гитлеровской оккупации Карачая. В этих главах наряду с уже знакомыми нам персонажами — матерью и отцом Хасана — Джандет и Муссой, Хаджибекиром и Асланом — появляются новые герои — тебердинцы Тохдар, Сослан, Умарчик. Автор передает атмосферу тревоги, настороженности в аулах, когда советские войска начинают отступать к перевалу, стремление людей уйти в горы, не оставаться под властью фашистов.

С этим общим настроением контрастирует поведение Хаджибекира. Он и не собирается трогаться с места. В его эгоистической душе нет ненависти к поработителям родного края. «Змея, которая меня не жалит, пусть живет хоть тысячу лет», — говорит он. Закономерно, что он прислуживает фашистам, оправдывает их и уговаривает людей смириться перед силой. «Эгоизм всегда сопряжен с трусостью», — подчеркивает автор. Человек, дорожащий более всего своей шкурой, примирится со злом, лишь бы сохранить свою жизнь.

Но таких, как Хаджибекир, выроdkов — единицы. Большинство же народа даже не допускает мысли о каком-либо приятии власти врага и верит в то, что фашизм будет разгромлен, и оказывает ему всяческое сопротивление. Мальчик — подпасок Умарчик, живущий на коше вместе с Асланом и Муссой, сознательно заводит в партизанскую засаду немецкий карательный отряд.

На страницах романа появляется образ молодого карачаевца Сослана, который учился в Ленинграде. Когда немецкий комендант пытается использовать Сослана в качестве проводника, он отказывается наотрез. Сослан бесстрашно пробирается из аула в аул, собирает сведения и при помощи радики сообщает их на Большую землю. В рассказах людей, которые выслушивает Сослан, передается множество подлинных фактов того периода (расправа над партизанами Исманлом Глоовым,

Михаилом Исаковым, коммунистами Нану и Али Канаматовыми, Намыслы Халиловой, появление листовок, которые расклеивает в Сары-Тюзе, по-видимому, Залихат Эркенова, грабеж и издевательства фашистов над населением).

То обстоятельство, что автор, повествуя о событиях, пропускает их через судьбу и сознание Сослана, придает действию романа концентрированность, компактность, дает возможность лаконично показать всенародный характер борьбы с оккупантами, рассказать о ненависти народа к фашистам, о духовной стойкости и несгибаемости советского человека.

Но вместе с тем, поскольку в романе фигурируют в основном рядовые бойцы народного сопротивления, а руководители его даже не упоминаются, создается впечатление, что сопротивление в Карачае не имело центра, головы, что в нем больше жертв, чем победителей.

Война принесла с собой и смерть родных, и разорение отчей земли. Но люди не опустили руки, они снова работают, помогают фронту. В дни испытаний люди духовно выросли. Мать Хасана Джандет освободилась от колебаний между чувством долга и материнской любовью, она понимает теперь, насколько прав был сын, когда он, как ей казалось, безрассудно бросился в бой. Настоящим мужчиной, воином стал Хасан. Когда на подступах к Берлину среди захваченных пленных он увидел карачаевца, который предательски остался у немцев, Хасан уже не молчит смущенно, как некогда перед Хаджибекиром. «У тебя нет права возвращаться в Карачай», — бросает он в лицо парню, которого готов убить собственной ружьей.

Если Джандет склонна еще в какой-то мере переложить вину Хаджибекира на фашистов, которые, как она говорит, смешали «кровь и гной», то в душе Хасана нет места прощению предателей.

Таким образом, в романе Османа Хубиева мы видим, быть может, не совсем полную, но широкую и в основном правдивую картину Карачая в период Отечественной войны. Однако в конце романа писатель не избежал известной лакировки действительности, упрошения ситуаций и психологических конфликтов. И это произошло потому, что он умолчал о том, что вскоре после освобождения от оккупантов в ноябре 1943 г., когда большинство карачаевцев находилось на фронтах, народ был выселен. Герои же романа, получающие письма от родных и близких, как будто бы и не знают об этом, и автор нигде об этом даже не упоминает. Многие из карачаевцев воевали до конца войны, но разве могли они не знать и не думать об этом событии, разве не делает им чести то, что, несмотря ни на какие испытания, они героически сражались с врагом до победы.

Основная идея романа «Аманат» — идея дружбы народов Советского Союза, кровного единства их интересов, мыслей и

чувств, идея боевого побратимства. Отсюда и название романа — «Аманат», значение которого ближе всего передается на русском языке словом «побратим».

Когда Хаджибекир, отговаривая Хасана идти на фронт, ссылается на то, что его старший брат уже в армии и этого вполне достаточно для одной семьи, старый Мусса отвечает: «Ну что ж, тем более... Брат не должен оставлять в беде брата». И эти слова звучат символически. Речь идет не только об Азрете и Хасане, речь идет о братстве русского, карачаевского и других народов.

Ни автор, ни герои ни в коей мере не преувеличивают роли своего маленького народа в Великой Отечественной войне. Недаром старик Аслан, говоря о необходимости для всех народов Советского Союза сжаться в единый кулак, чтобы нанести сокрушительный удар врагу, вспоминает поговорку: «Тут и мизинец нужен». И хотя на переднем плане романа Османа Хубиева находятся фигуры карачаевцев, никаких чрезвычайных заслуг, по сравнению с другими народами Советского Союза, никакой особой роли им не приписывается.

Герои-карачаевцы сражаются плечом к плечу с русскими, украинцами, белорусами, азербайджанцами и другими. В повести появляется образ капитана Соколова, человека мужественного, справедливого, самоотверженного, спасшего в бою с фашистами старшего брата Хасана Азрета. В дальнейшем его боевой путь идет рядом с Хасаном, как общее горе они переживают известие о гибели Азрета. Их боевое побратимство и дает название произведению.

Почти с первых страниц романа до эпизодов взятия Берлина мы видим азербайджанца Бабаева, горячего боевого парня, сражающегося в одном строю с Хасаном. Белорус Иван Иванович и его дочь Мария прячут в своем доме бежавшего из фашистского концлагеря Аскера, затем вместе с ним уходят в партизаны.

Раненый Тохдар, когда начинается отступление наших войск, приходит из госпиталя домой и приводит оттуда трех сестер-евреек. Семья Тохдара прячет девушек и удочеряет их (действительно, Бронислава, Мария и Минна Гейдман были спасены таким образом семьей Шамаила Холамлиева). С ужасом и возмущением узнает народ о расправе над евреями, о «зверстве, подобного которому не видели за все времена вершины Теберды». Все преступления фашистов навечно врезаются в память народную.

Для героев романа карачаевцев жить, трудиться, воевать и умирать рядом с сынами и дочерьми других народов Советского Союза так же естественно, как человеку дышать. В этом гражданский пафос романа. И то, что герои его — рядовые воины (Хасан, например, лишь в ходе войны становится коман-

диром роты, Аскер Бархозов и Осман Касаев — командиры сравнительно небольших партизанских частей), в то время как О. Хубиев мог поставить в центре повествования прославленного командира танковых войск Героя Советского Союза Харуна Богатырева, свидетельствует в первую очередь о стремлении автора подчеркнуть всенародный характер участия карачаевцев в Отечественной войне.

Третья книга «Аманат» рассказывает о современном Карачае, о его людях. Действие разворачивается в одном из совхозов. Ряд этических и социально-бытовых проблем, характерных как для жизни всего советского общества, так и для современного Карачая, ставит здесь автор. Нравственный рост человека, сложный процесс становления нового и изживания остатков старого в сознании и быту изображает писатель, развивая несколько сюжетных линий.

Стержень этой части романа — конфликт между стремлением народа к счастью, материальному изобилию, к чистоте и благородству человеческих отношений, к полноте раскрытия возможностей каждого и всем тем, что стоит на пути к коммунизму — с последствиями культа личности и урона, нанесенного войной, с предрассудками, пережитками адата и шариата, извращающими естественные человеческие отношения и нормы поведения, стяжательскими и паразитическими настроениями.

Конфликт этот очень современен и раскрывается подчас в национально-специфических формах. Однако организовать сюжет Осману Хубиеву по-настоящему не удалось. Есть попытка объединить события, связав их «с производственным конфликтом» — борьбой за рост производительности труда на животноводческой ферме совхоза. Председатель райисполкома Джандыу навязал работникам фермы завышенные обязательства. Зная, что они невыполнимы, старый Мусса, заведующий фермой, пишет письмо в райисполком, требуя пересмотреть эти обязательства.

Однако завышенные обязательства остаются в силе и положение дел на ферме не изменяется, а Муссу снимают с должности. В конце парторг совхоза Умар пишет об этом же письмо в Обком. Конфликт по существу не завершен и не разрешен. В чем же дело? Ведь в конце концов писатель мог бы дать ему благополучное завершение. А может быть, не хотел?

Что мешает животноводческой ферме совхоза наладить дела? Оказывается многое, с чем не так просто бороться, что не так просто одолеть. Вот мы как бы участвуем в работе собрания, где присутствуют председатель райисполкома Джандыу, парторг совхоза Умар, зоотехник Таусолтан, заведующий клубом Бузджигит, старый Мусса, пастухи и доярки.

Весьма колоритен Джандыу, отождествляющий себя с районной властью, думающий, что руководить — это повелевать

и стоять над людьми. Он не считает нужным разбираться в истинном положении вещей, в реальных возможностях фермы. Для него важнее сообщить начальству крупные показатели, хотя бы они и были дутыми. Разговаривая с людьми, он демагогически играет на их высоких чувствах и самолюбии и не понимает, что люди видят его насквозь. Джандыу вынужден при народе сохранять видимость уважения к мнению Муссы, как старшего по возрасту, но его фальшь очевидна: всем ясно, что уже здесь, на собрании, он подготавливает почву для снятия с работы «беспокойного» старика. Более того, обыгрывая традиционные церемонии на деловом собрании, он снимает его остроту и ставит людей в такое положение, что им даже неудобно прямо и резко высказаться и они предпочитают отмалчиваться или поддакивать здесь, чтобы потом, когда будет уже бесполезно, высказать друг другу все, что они действительно думают о делах на ферме. При такой ситуации берут верх подхалимы, льстецы и карьеристы вроде Бузджигита, которому ничего не стоит встать, ударить себя в грудь и от имени молчаливо присутствующих заявить: «Мы надоим! Мы выполним!». После патетического выступления этого демагога никто, кроме Муссы, не решается отстаивать свое мнение. Поддакивает Джандыу и Бузджигит и зоотехник Таусолтан («если бы пастухи лучше пасли, а доярки бы лучше выдаивали коров, то, конечно, мы могли...»), хотя ему лучше, чем кому-либо другому, понятна нереальность навязанных ферме обязательств. Выступление же парторга совхоза Умара лишено твердости.

Уже из этого эпизода ясно, что руководство, в котором переплелись методы, идущие от культа личности, и демагогическая игра на традициях народного этикета, не идет на пользу делу. Однако изжить этот стиль не так просто.

Другая характерная фигура — директор совхоза Таулан. Мы видим его, когда он едет на горное платбище Бийчесын, упрямо гоня свою машину вверх по крутому склону, хотя проще и безопаснее проехать туда на лошади, как ему советуют все. Человек энергичный, деловой, Таулан вместе с тем грубоват и излишне самонадеян. Что за дело ему до тонкостей работы? Для него главное — удои. Разговор Таулана с людьми на Бийчесыне тоже получается односторонним. Он диктует, а работники, понимая, что возражать Таулану бесполезно, не перебивают его и молчат, хотя у каждого из них есть соображения насчет того, как улучшить дела. Главный порок Таулана как руководителя в том, что он все еще смотрит на людей, как на винтики в механизме. Ни интереса к личности человека, ни желания помочь людям (он, например, не заботится о создании сносных условий для доярок — даже при непогоде они работают под открытым небом) у него нет. Не умеет Таулан ценить людей, дорожить ими (он готов снять с работы опытного

Муссу). И, конечно, ему невдомек, что его отношение к людям — это одна из причин слабой работы животноводческой фермы.

Осман Хубиев видит не только пороки плохого руководства, не соответствующего современным задачам. Он показывает, что в личной жизни людей, в их духовном облике есть немало такого, что необходимо изживать. Довольно естественно сплетается с производственным конфликтом и конфликт в семье зоотехника Таусолтана. Из взаимоотношений между Таусолтаном, его матерью Берхан, его женой Тауджан, лучшей дояркой на ферме, можно понять причины его общественной пассивности, нерешительности, беспринципности.

Его мать Берхан (имя ее буквально означает «давай») — воинствующая носительница старых взглядов на труд, на ответственность, на взаимоотношения в семье. Надменная, властная, самовлюбленная старуха, следящая за своей внешностью, общественный труд не считает трудом. Работой она называет лишь то, что надо сделать в ее доме, на ее огороде, для ее личной пользы. То, что ее невестка — лучшая доярка на ферме, для Берхан пустой звук: «Пусть она будет так счастлива. Если она доит коров, так не моих, а совхозных. Идите ищите благодарности за это у Таулана». В ответ на возражение Таусолтана, что за прогул его жену могут уволить с работы, она выкрикивает: «Провались они!.. „Выгонят!“ „Выгонят!“.. Что вы меня оба пугаете этим? Как же мы прожили свой век, даже не зная, что значит ходить на работу? И чего вы боитесь? Ну и пусть выгонят на здоровье, я и ухом не поведу. Коли мы не погибли, и вы не умрете».

Собственнический инстинкт Берхан проявляется не только в отношении житейских благ. Ей свойственно полное непонимание общественных ценностей: «Ради Аллаха, оставь. Если совхоз твой, попробуй-ка, возьми совхозного барана да заколи для своего гостя или подбрось своей корове хотя бы навильник совхозного сена — тогда я посмотрю, каково тебе придется, небось выдубят тебя, как шкуру для чабыров». Она как собственница относится и к своему сыну и тем более к своей невестке, она способна разрушить их семью не раздумывая. В ее характере, въедливом, скандальном, злопыхательском, есть много общего с характером Кабанихи. Она цепляется за неписанные каноны адата и шариата, буквально изводя Тауджан, выросшую в семье, свободной от деспотизма устаревших обычаев. Неладья в семье и в отношениях с мужем мешают Тауджан не только работать в полную силу, но и просто жить.

Отсюда понятен нам и характер Таусолтана, мужа Тауджан, на которого повлияли, с одной стороны, время и люди нового склада, окружающие его, учеба и общественная жизнь, а с другой — воспитание в семье, давление Берхан, чей деспотизм и злая воля в какой-то мере надломили волю Таусолтана.

Он колеблется между этими двумя полюсами не только в своей личной жизни, но и в общественной деятельности. И счастье, что рядом с ним оказывается такая сильная девушка, как Тауджан, которую нельзя сломить и которая со всей силой своей любви борется за Таусолтана, за их общее счастье, взывая к его совести советского человека и коммуниста. Так, она требует от него, чтобы он прямо ответил на вопросы, которые вообще для человека наших дней покажутся по меньшей мере странными: Можно ли произносить имя мужа и имена его родственников? Можно ли не делать берне его матери, коли приносить ей целиком свой заработок? Можно ли при матери разговаривать с мужем, участвовать в семейных советах или же это бесстыдство? Имеет ли она право самостоятельно купить то, что считает нужным для дома, для себя?

На все эти вопросы Берхан ответила бы «нет» и сочла бы их просто неприличными. Таусолтану приходится сказать «да, можно», хотя такой ответ дается ему нелегко. Для Тауджан же эти слова озарили все вокруг радостью.

Нет, чудес внезапного перерождения с героями Османа Хубиева не происходит. Медленно, трудно, во внутренней борьбе идет изменение их психологии, и не сразу это дает свои плоды. Пока что на страницах романа мы видим лишь первый отпор, который решается дать Таусолтан матери. Это лишь начало борьбы против ее взглядов не только в собственном доме, но и там, где он сталкивается с ними в общественной жизни. Так без всяких колебаний помогает Таусолтан вывести на чистую воду жулика Базарбия, укравшего яблоки в совхозном саду, и возмущенно говорит, что нужно бороться не только с хищениями, но и с равнодушием к общественной собственности.

Однако еще далеко не героем современности предстает перед нами Таусолтан в последующем эпизоде: придя к захворавшему парторгу совхоза Умару и услышав, как жена Базарбия Сапият называет жену Умара «невестка», он с опаской подумывает о том, не связаны ли родственными узами эти семьи, и не осмеливается рассказать об истории с яблоками.

Не только Таусолтан с трудом, по капле изживает ту рабскую психологию, которую воспитала в нем мать и которая приносит немалый вред его работе, его общественной деятельности. Но и парторгу совхоза Умару (чья внутренняя жизнь недостаточно полно раскрывается в романе) приходится преодолевать в себе известную инертность, слепое подчинение тем, кто наверху, боязнь самостоятельно мыслить и вступать в активную борьбу за то, что нужно людям и справедливо. Именно эти качества души не позволили ему с самого начала побоевому поддержать Муссу, а затем, когда старика снимали с заводования фермой, постоять за него. Правда, Умар писал в Обком, и в конце книги мы узнаем, что Мусса восстановлен на

работе. Однако автор не показывает нам ни мыслей, ни чувств Умара, ни тех фактов, которые заставили его стать активным.

«Болель» Умара иного происхождения, нежели у Таусолтана. Этот человек еще не осознал по-настоящему тех новых требований, которые предъявляет жизнь партийному работнику. Именно к Умару, как и ко многим другим героям романа, относятся слова учительницы Балдан, жены Хасана: «Что с того, что справедливость восстановлена, если мы сами ее нарушаем. Не умеем пользоваться свободой, которую нам дали».

Обе рассмотренные сюжетные линии органично связаны между собой и позволяют автору изобразить довольно широкий круг действующих лиц: это и непосредственно заинтересованные во всем происходящем Мусса, Таусолтан, Тауджан, Джандыу, Бузджигит, Таулан, и члены их семей — Хасан, его жена Балдан, Берхан, жена Муссы, Джандет, жена Умара Любовь Петровна, и другие совхозные активисты, как, например, знатный свекловод, депутат Верховного Совета молодая женщина Джигерхан. К сожалению, ее образ декларативен. В Джигерхан воплощены лучшие черты человека нашего времени, однако мы лишь слушаем речи героини, но не видим ее труда, ее жизни, ее борьбы за новое. Поскольку образ Джигерхан не раскрывается в действии, в конфликтах, он воспринимается как безликий рупор высоких идеалов автора романа.

Почти совершенно самостоятельно развивается в произведении сюжетная линия, рассказывающая о семье Базарбия и Сапият, о судьбах Мурата, первого мужа Сапият, и их детей.

Базарбий работает заготовителем. По специфике своей работы он не имеет почти никакого отношения к делам совхоза, кроме того что состоит в нем на партийном учете и производит закупки скота у рабочих. Жена его Сапият не работает вообще. У нее двое маленьких детей от Базарбия и, кроме того, уже взрослые пасынок и падчерица Кушджегер и Эркехан, да еще Залимхан — сын от первого мужа.

Дом Базарбия — полная чаша: ковры, плюшевые скатерти, шелковые одеяла, легковая машина. Но счастья в этом доме нет. Казалось бы, сбылось желание Сапият — ее муж без конца тащит в дом вещи, у него полно денег, он сует их даже детям как игрушки. Но он не уважает Сапият, груб с нею и с детьми, изводит ее своими попреками, портит Залимхана, втягивая его в свои явно нечистые, как понимает это Сапият, комбинации. И у Сапият поэтому ни к чему не лежит душа, все валится из рук — в доме ни покоя, ни порядка.

Стяжательство Базарбия не имеет границ. Страсть к обогащению как бы поглощает его чувства отца, мужа и просто честного человека, а ведь он тоже воевал в Отечественную войну, был ранен. Хотя Базарбий свое поведение оправдывает тем, что он делает все ради семьи, по существу он-то и губит ее.

Сын его Кушджетер работает в совхозе шофером, мечтает об учебе, о счастье с любимой девушкой — черкешенкой Цуцей, и в его душе нет к отцу иных чувств, кроме осуждения. Дочь Эркехан ушла из дому, живет в городе, работает и учится, с семьей отца у нее нет ничего общего.

Базарбий оказывает дурное влияние на своего пасынка Залимхана. Тот нигде не работает, лишь развозит отчима по его делам и, получая от него деньги, ведет пустую, бездумную жизнь совхозного стилияжки. Залимхан — неглупый парень. В душе он любит мать и жалеет, что причиняет ей огорчения, но слишком безволен Залимхан, чтоб отказаться от легкой жизни, и это приводит его к несчастью. Выполняя приказание Базарбия, Залимхан везет в Ростов на продажу взятые в совхозе обманным путем яблоки. Там его задерживают и составляют акт. После того как мошенничество Базарбия раскрылось, тот, озверев, выгоняет Залимхана из своего дома, сунув ему деньги, и вскоре Залимхан, купив на эти деньги мотоцикл, попадает в катастрофу, едва не стоившую ему жизни.

Когда проделка Базарбия с яблоками получает широкую огласку, Таусолтан замечает, что такая жадность человека к добру не приводит. И действительно, семья Базарбия разваливается, самого его снимают с работы и выгоняют из партии, а имущество его, по-видимому, будет конфисковано как приобретенное на нетрудовые доходы.

После долгих колебаний уходит от Базарбия Сапийат: вернулся на Родину ее первый муж — Мурат, которого все считали погибшим во время войны, тогда как он, попав в плен, не найдя в себе мужества вернуться на родину сразу после войны, долгие годы скитался за границей.

Мурат возвратился опустошенным человеком, с преждевременно одряхлевшей душой. Судя по его рассказам, все те годы, которые он пробыл вдали от родины, он не жил, а существовал. Лишь мечта о возвращении, воспоминания о жене и сыне скрашивали его дни. Ограниченность мировоззрения, отсутствие любимого дела, душевная депрессия как результат оторванности от Родины и народа, ощущение себя парией, чужаком в отчем крае приводят к тому, что он целиком отдается воспоминаниям, не желая ничего делать. И понятны в связи с этим его слова, которые он произносит, вернувшись домой и узнав, что Сапийат вторично вышла замуж:

Кто покинул дом, того, говорят, покинуло и счастье. Они отпустили меня не потому, что пожалели. Нет. Потому что, когда высосут мед, выбрасывают воск. Так выбросили и меня. Я уже знаю, что такое ад: что хорошего увидишь, если на двадцать лет обречен бродить вдали от своего аула, от своей родины и, простите меня за нескромность, в тоске по семье, позабыв о том, что ты человек, а не скотина. Я вернулся на Родину, мое жела-

ние исполнилось. Думал, что возвращаясь в свой дом, надеялся, что Аллах меня пощадит... Но, как говорится, и беглец, и преследователь — оба взывают к Аллаху. Возможно, у нее и не было другого выхода, как вы говорите. По себе знаю, тяжело приходится тому, кому ума не хватает. Как же мне теперь быть? Что вы скажете? Неправда, неверно, что я был убит тогда... Умер я сегодня...

Сапият пытается наладить заново жизнь с Муратом. Воспоминания о прошлом счастье, образ прежнего Мурата, живущий в ней, зарождают в ее душе надежду на то, что с ним она вновь почувствует себя человеком, обретет человеческое достоинство, взаимопонимание и счастье. Но надежды эти рушатся: Мурат стал совсем другим человеком. Пребывание в Турции не прошло для него бесследно. Как истый мусульманин, он совершает пятикратную молитву, пытается заставить молиться и Сапият. Он не хочет, чтобы она работала, попрекает ее прошлым, не хочет видеть в своем доме ее детей от Базарбия. И Сапият уходит от Мурата, забрав своих маленьких девочек. Уходит в это же время от отца Залимхан и поселяется с матерью. Уходит Сапият в самостоятельную, достойную человека жизнь завершается роман.

По своему конфликту и по идее эта сюжетная линия не выпадает из общего замысла третьей части «Аманат». Но она не связана органично с основной сюжетной линией, а как бы примыкает к ней по чисто «территориальному» признаку — события происходят в том же ауле.

Несколько искусственна и та связь, которую пытается осуществить Осман Хубиев между содержанием первых двух книг и последней книгой своего романа. Здесь, как мы видим, на первый план выдвигается фигура старого Муссы — отца Хасана, а сам Хасан играет роль, более подходящую для отца. Он по сути не участвует в разворачивающихся событиях, а лишь наблюдает их со стороны, рассуждая и советуя. Он свято хранит память о суровых годах войны, о боевых друзьях, не теряет с ними связи (так, в романе изображен приезд в аул его боевого побратима Соколова). Но опять-таки все это не придает динамичности развитию сюжета, не отражается на эволюции характеров героев в этой части романа.

Все это, конечно, наносит урон целостности и общему художественному уровню произведения Хубиева. И тем не менее необходимо подчеркнуть острую современность последней части романа, психологическую глубину в разработке поставленных в ней социально-политических проблем, верность жизненной правде и высокую коммунистическую идейность книги.

По существу речь идет не просто о повышении производительности труда на животноводческой ферме некоего совхоза. Это произведение заставляет задуматься над общим процес-

сом создания материально-технической базы коммунизма на современном этапе, процессом, который неотрывен от нравственного облика его строителя. У каждого из героев книги свое представление о счастье. Рушатся ложные теории счастья у таких людей, как Базарбий, Сапийат, Залимхан, Мурат, Берхан. У других представление о счастье достаточно верное, но одно-стороннее. Но полнее всего идеал счастья раскрыт в словах Джигерхан. Когда ее муж, готовящийся защитить диссертацию на соискание степени кандидата медицинских наук, шуточно начинает соблазнять ее благами городской жизни, Джигерхан говорит, что счастье не в том, чтобы

жить в городе, носить шляпки, ходить в театры, иметь квартиру с балконом, не в бархатном диване: «Мне кажутся прекрасными те места, к которым тянется сердце, та работа, которую я люблю, и жить я хочу там, где я смогу проявить все, что есть во мне лучшего, хотя, ты знаешь, мне одинаково нравятся и театры, и полосы посевов, и свекловичные плантации. Я из тех, кто любит работать и умеет дорожить тем, что заработано в поте лица.

К духовному росту, к полноте раскрытия творческих возможностей личности зовет книга Османа Хубиева. Народ стоял свое право на счастье в битве с жестоким врагом. Сейчас он своими руками строит это счастье.

Начало нового этапа развития карачаевской литературы обозначено четко. Его ознаменовали решения XX съезда КПСС. Несомненно, что изменения в политической атмосфере страны после этого исторического съезда создали условия для стремительного возрождения и развития национальнoй культуры и литературы Карачая.

Бережно сохраняя лучшие традиции литературы 20—30-х годов, карачаевские писатели, чей духовный и культурный уровень поднимался вместе с ростом исторического самосознания всего советского народа в годы Отечественной войны и в послевоенный период, развивают эти традиции на новом, более высоком уровне, в тесном взаимодействии со всеми советскими национальными литераторами.

В очень короткое время получают развитие не только такие оперативные жанры, как очерк и поэзия. Стремясь глубже проникнуть в духовный мир современника, писатели создают повести и романы. Появление таких произведений крупных жанров — одно из больших достижений современной карачаевской литературы, свидетельство творческой зрелости литераторов, пытающихся полнее выразить свою концепцию современности. Связанное с этим углубление историзма карачаевской литературы находит отражение и в возникновении элементов жанра

историко-революционного романа внутри социально-бытового романа. Это явление, как уже отмечалось, характерно для ряда младописьменных литератур Советского Союза.

Карачаевская литература не остается в стороне от процесса углубления психологизма. Появляется тенденция к созданию лирической прозы. Особенно этот процесс ощутим в поэзии, где схематизм лирического характера и шаблонность его образного выражения все более уступают место полному, глубокому и всестороннему раскрытию творческой индивидуальности поэта. Пристальное внимание к духовной жизни современника в ее сложности и эволюции проявляется не только непосредственно, в авторском повествовании, но и в создании типических характеров, в более углубленной, многогранной психологической характеристике их. Наибольших успехов карачаевская литература достигла в постановке и решении нравственных проблем современности, тогда как в разработке социальных проблем все еще дают себя чувствовать отголоски теории бесконфликтности и иллюстративность.

Один из отстающих участков литературного фронта Карачая — драматургия. Попытка создать карачаевскую национальную труппу при областном театре окончилась неудачей, хотя у труппы начал уже складываться свой репертуар из пьес карачаевских писателей 30-х годов (пьеса Ш. Эбзеева «Огурлу» восемьдесят раз прошла в области при полных аншлагах), и переводных пьес, и молодой талантливый коллектив энтузиастов, воспитанный в театральных вузах страны, распался.

Идейное развитие и эстетическое обогащение карачаевской литературы на современном этапе — яркий пример ускоренного развития младописьменных литератур в условиях коммунистического строительства. И очень важным фактором дальнейшего плодотворного движения вперед карачаевской литературы является то, что на современном этапе она перестает быть достоянием лишь национального читателя. В лице талантливой поэтессы Халимат Байрамуковой карачаевская литература выходит на всесоюзную арену. Признание таланта карачаевской поэтессы всесоюзным читателем — стимул для дальнейших творческих усилий литераторов Карачая. Оно придает им большую уверенность и сознание необходимости идти в ногу с современностью, быть на уровне лучших достижений советской литературы.

ХАЛИМАТ БАЙРАМУКОВА

Я стихом никого не стараюсь
удивлять или потрясать.

Я сама всему удивляюсь —
Оттого-то и стала писать.

(Перевод Н. Матвеевой)

Халимат Байрамукова родилась в 1917 г. в Большом Карачае, в ауле Хурзук. Окончила среднюю, а затем фельдшерско-акушерскую школу. С 1935 г. стала работать литературным сотрудником в областной газете «Къызыл Къарачай». За первым стихотворением «Долорес Ибаррури», опубликованным в 1936 г. на страницах этой газеты, последовали как живой отклик на события дня юбилейные статьи о жизни и творчестве классиков русской литературы, литературные портреты русских советских писателей, переводы из А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Хетагурова, В. Маяковского и др. В 1939 г. Х. Байрамукова написала одноактную пьесу о любви «Эки джюрек» («Два сердца»). В художественном отношении пьеса была малоудачной, да и по тематике не соответствовала общей направленности предвоенной карачаевской литературы, в которой преобладали гражданские, патриотические мотивы.

Когда началась Великая Отечественная война, Халимат выступила с призывными стихами в сборнике карачаевских поэтов «За Родину!». В первый же год войны поэтесса добровольно ушла на фронт. «Люди знали, что идет смертельная схватка с коварным врагом, и они шли на фронт, ибо только это подсказывала совесть. И я счастлива сознавать, что в трудные для моей Отчизны дни я была среди тех, кто защищал ее», — говорит Халимат.

1957 год поэтесса считает счастливейшим в своей жизни: в этом году она вернулась вместе со всем народом в родной Карачай, в этом же году в числе участников декады литературы и искусства Карачаево-Черкесии она приехала в Москву. С трибуны исторического Колонного зала Дома Союзов Халимат обратилась к москвичам со взволнованным поэтическим словом:

Пусть я не видала ни разу столицы —
Роднее отцовского дома она.
Так путник спешит к роднику, чтоб напиться
Воды, что и в полдень свежа, холодна ¹.

(Перевод А. Яльмарова)

Этот год был плодотворным для Х. Байрамуковой. Она участвует в сборниках «От чистого сердца», «Искры», «Сердце прет», «Споём вместе!» и др.

В 1959 г. вышла книга ее стихов «Любимые горы» ². Тематический диапазон произведений довольно широк: здесь есть стихи о партии, о Родине, о дружбе народов.

В стихотворении «Ленин джашагъан юйде» («В доме, где жил Ленин») поэтесса рассказывает о посещении квартиры Ленина в Кремле. При взгляде на скромную обстановку, на самые необходимые вещи домашнего обихода — потертый сундучок, зонтик, солонку — Халимат Байрамукова невольно сравнивает их с сегодняшней обстановкой советских людей. В любом доме теперь больше достатка, больше заботы об удобствах. В квартире вождя все говорит о его скромности, неприязнательности, о том, что вся его жизнь была в заботах о народе. И сегодня люди пожинают плоды того, что сделал для них Ленин.

Поэтесса старается найти точные слова, чтобы выразить свои ощущения, свои мысли и, главное, суметь объяснить, каким просветленным, внутренне облагороженным уходит человек из Кремля, постигнув, что подлинное величие не нуждается в пышности и украшениях. Человека прославляют плоды, результаты больших трудов.

Глубокий обобщающий смысл заключен в последней строке стихотворения: «Выходишь отсюда, и хочется ступить поленински». Поэтесса имеет в виду высокую красоту человеческого облика, жизни и деятельности В. И. Ленина, которые стали образцом для коммунистов и каждого советского человека.

Чувство духовной общности со всеми народами, населяющими социалистическое Отечество, созданное Лениным, делает особенно глубоким и цельным патриотизм поэтессы. Для нее, как и для других карачаевских поэтов, любовь к Родине означает любовь к родным горам, к карачаевскому народу, неотделимую от любви ко всему социалистическому Отечеству («Наше Отечество», «Москва»).

Тема дружбы народов находит оригинальное поэтическое

¹ Халимат Байрамукова, *Люблю я жизнь*, Черкесск, 1957.

² Х. Б. Байрамукъланы, *Сюйген тайларым (назмула бла джырла)*, Черкесск, 1959.

Халимат Байрамкуова

воплощение в таких стихотворениях, как «Ана» («Мать», известное в русском переводе под названием «Наша мать») и «Ушакъ» («Беседа»), в которых она решает проблему взаимоотношений русского и национальных языков в жизни народов нашей многонациональной страны.

В стихотворении «Наша мать» поэтесса рассказывает о большой карачаевской семье, в которую четыре сына приводят четыре разноязыких невестки: русскую, черкешенку, осетинку, гречанку. Невестки хороши собой, трудолюбивы, с уважением относятся к свекрови, но та в отчаянии: как же ей разговаривать с ними, как ей поддержать порядок в доме, если они не понимают друг друга? И тогда сыновья в шутку, но с серьезным видом изъявляют готовность расстаться с женами и от-

править их обратно по домам. Это предложение возмущает старую женщину:

— Охальники! —
Сказала я им в гневе.
— Вы что,
Мой дом хотите развалить?
А разве мой язык не так же древен,
Зачем же мне четыре все учить?
Как этим словом вы не поперхнулись,
И вам не стыдно
Мне смотреть в глаза! —
Они тут виновато отвернулись,
А у меня в глазах дрожит слеза.
— Чему не быть, того не говорите,
Попробуйте-ка всех их разогнать!
Тогда и сами
Дома не живите,
И больше я для вас тогда не мать³.

(Перевод А. Яльмарова)

Забываясь о том, чтобы сохранить и укрепить семью, старая женщина начинает тайком учить русский язык, а ее невестки — карачаевский. И все устраивается к лучшему.

За бытовым планом стихотворения легко угадывается его широкий общественный смысл, и образ матери ассоциируется с образом Родины, любовь которой к своим детям — членам большой дружной семьи — всегда помогает найти с ними общий язык.

При высокой оценке той роли, которую приобрел в жизни советских народов русский язык, у Халимат Байрамуковой нет и тени нигилистического отношения к языкам, на которых развиваются национальные культуры. Она выступает против бессмысленного и безграмотного употребления заимствованных слов, против засорения языка. Так, в стихотворении «Беседа», используя макаронический стих, Х. Байрамукова пародирует речь двух невежд, коверкающих родной язык, вставляя совершенно не к месту и без необходимости русские слова. Как поэтесса, которая привыкла бережно относиться к языку, она справедливо усматривает в этом не только отсутствие национально-го самоуважения, но и уважения к русскому языку.

Патриотическое чувство продиктовало Халимат Байрамуковой стихи на военную тему. Большинство из них написано, очевидно, еще во время Отечественной войны, но публикуются

³ См. «Ясные дали. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1959.

они, так же как стихи Османа Хубиева и Азамата Суюнчева, лишь в конце 50-х годов. Некоторые стихотворения имеют агитационно-призывный характер («Сыйлы борч» — «Почетный долг»; «Сен фронтха болушамыса?» — «А ты помогаешь фронту?»).

Но есть и стихи другого плана — строки, окрашенные лирическим переживанием женщины-воина. В них мы чувствуем характерное для поэзии Халимат сочетание мужества и женственной мягкости и теплоты, полнее всего проявляющихся в материнском начале женской любви. Таковы стихотворения «Фронгда кече» («Фронтная ночь»), «Джукъла къойнумда» («Спи на груди моей»).

Военный цикл сборника естественно завершается темой борьбы за мир. Халимат пишет стихотворение «Бизни тѐлю» («Наше поколение»), в котором раскрывает роль своих сверстников в истории родной страны и выражает уверенность в несокрушимости этого поколения, прошедшего через горнило войны и ныне отстаивающего дело мира.

Художественно осмысляя тему войны, поэтесса создает и небольшое лирическое стихотворение — жанровую зарисовку «Джашчыкъ бла кишдикчик» («Мальчик и котенок»), в котором передает атмосферу мирного времени.

Уже в этом сборнике появляется стихотворение в характерном для творчества Халимат Байрамуковой жанре философского раздумья, выражающего ее жизненное и поэтическое кредо.

Размышления над книгой киргизского акына Токтогула о смерти и бессмертии приводят ее к идее бессмертия народа, так как плоды трудов одного поколения наследуются и умножаются трудами новых поколений, вступающих в жизнь. Это порождает оптимизм поэтессы, сознание, что и ее труд, ее жизнь сливаются с подвигом всего советского народа, борющегося за осуществление вековой мечты человечества — коммунизма.

Раздумывая над смыслом человеческого существования, Х. Байрамукова обращается к образу Джамили Бухиред — алжирской патриотки, казненной за самоотверженную борьбу против французских колонизаторов. «Что человеку жизнь без борьбы? И можно ли назвать ее жизнью?!» — восклицает поэтесса.

Одно из наиболее ярких проявлений жизнеутверждающего начала поэзии Халимат Байрамуковой — ее стихотворение «Суюме джашауну» («Люблю я жизнь»). Поэтесса восхищена красотой окружающего мира, верит в то, что мир создан для счастья человека, что люди должны жить на земле как братья, своим трудом украшая землю. Человек, по мысли Халимат Байрамуковой, должен так же естественно и щедро творить

нужное и прекрасное, как творит природа. Потребительское отношение к жизни совершенно чуждо поэтессе, для нее жизнь — это борьба, это труд, труд во имя людей:

Я смерти не боюсь
И встречу ее без страха.
Но что оставлю в жизни после себя,
Чтобы помянули имя мое?! —
Вот такая мысль преследует меня неотступно...

Раздумья о смерти и бессмертии, о смысле человеческого существования тесно связаны у Халимат с размышлениями о человеке, о взаимоотношениях людей. Лирика Халимат не бесконфликтна. Поэтесса понимает, что есть еще в человеческих отношениях злоба, зависть, клевета, неискренность, подлость и предательство, мешающие людям жить. Но вспоминая горе, которое причинили ей недруги («Тюз адамла» — «Честные люди»), она сохраняет светлый взгляд на жизнь, потому что на ее пути встретилось несравненно больше людей честных и добрых, приходивших ей на помощь в трудную минуту. Именно эти люди, по словам поэтессы, являются «воздухом, водой, солью земли». «Делай свое дело и помни, что они рядом с тобой», — говорит она, обращаясь к своему читателю.

Из строк ее стихотворений «Тенъиме» («Другу») и «Керти тенъ» («Настоящий друг») возникает облик Человека — прямого, неподкупного, верного в беде, сдержанного в проявлении своих чувств, но щедрого на их доказательство. Халимат Байрамукова связывает эти черты характера друга с его высокими гражданскими помыслами и идеалами.

Душевная деликатность и обостренное чувство человеческого достоинства заставляют Халимат Байрамукову подчеркнуть еще и такие детали в образе Человека, который рисуется ее воображению, как умение, не скупясь, делиться своей радостью с окружающими, умножая тем самым их радость, и умение с достоинством переносить свое горе, не показывая своих чувств, не перекладывая его на плечи других. Эти качества в Человеке восхищают поэтессу не только потому, что она жизнелюбива и хотела бы передать читателю свое радостное мироощущение, но и потому, что она отрицает жалость как чувство, унижающее человека, а несдержанность в выражении горя считает проявлением эгоизма:

В свой трудный день хочу я быть одна,
Чтоб не отягощать других заботой.
В свой легкий день со всеми быть должна,
Его, как хлеб и соль, пусть делит кто-то.
В свой трудный день я испытать хочу,

Что выдержу, на что найду управу,
В мой легкий день ищу пути, ищу,
Чтоб трудных дней число для всех убавить⁴.

(Перевод И. Лиснянской)

Стихотворения Халимат Байрамуковой философичны. Ее занимают многие вопросы человеческого бытия, человеческой сущности, однако нельзя сказать, что произведения этого сборника отличаются особой глубиной мысли. Они воспринимаются как естественное стремление поэтессы обобщить свой жизненный опыт, поделиться им с читателем. Отсюда у Халимат тон доброго советчика, а не морализатора, и в этом смысле дидактичность ее стихов отличается от неприкрытой назидательности карачаевской поэзии 20—30-х годов, а позиция друга, советчика — от сознательно избранной Османом Хубиевым роли наставника.

В этом первом сборнике поэтесса только начинает задумываться над назначением своего творчества, но в общих чертах ее гражданские идеалы, ее морально-эстетические критерии обозначаются здесь уже совершенно отчетливо.

Талант Байрамуковой, как можно заметить, отличается необыкновенно естественным сочетанием мужества и женственности. Сама жизнь поэтессы и ее поколения наложила свой отпечаток на ее дарование, породила ее активность, трудолюбие, выдержку, ее умение не бояться трудностей и вступать, если нужно, в борьбу с ними наравне с мужчиной. Словом, в ее поэтическом облике мы обнаруживаем наиболее яркие черты героического характера нашей современницы, с которыми неразрывно связаны сила, тонкость и глубина чувств женщины-подруги, возлюбленной, матери. Следует отметить неиссякаемый интерес Х. Байрамуковой к анализу этих качеств в себе самой, постоянное стремление осмыслить, понять их истоки, их истинную ценность, осознать, что это — достоинство или недостаток женской натуры?

В переломные эпохи истории, когда стремительно меняется духовный облик человека, когда старое вынуждено отступать под напором нового, как это происходило в данном случае в мировоззрении женщины-карачаевки, вполне понятен такой интерес к самоанализу, к осмыслению сплава традиционного и нового, который возник в собственной душе поэтессы. В большинстве стихотворений сборника «Любимые горы» еще нет той непосредственности в выражении субъективного начала, которая позволила бы говорить о полноте проявления творческой индивидуальности Байрамуковой. Часто размышление преоб-

---

⁴ Х. Байрамукова, *Исповедь*, М., 1965.

дадает над эмоциональностью. Лишь немногие стихи окрашены личным переживанием. Таковы, например, стихи «Туугъан кюнюнъе» («Твой день рождения»), «Сен тюшюрлюксе мени эсинъе» («Ты будешь меня вспоминать»). В первом стихотворении, посвященном пятинадцатилетию сына, Халимат Байрамукова сумела с грустью и материнской гордостью выразить мысли о величии роли женщины — начала всех начал, вечного источника жизни на земле. Символом всепоглощающего материнского чувства становится в ее стихах образ ласточки, выходящей возле своего гнезда в непрестанной тревоге за птенцов. Точка зрения поэтессы на роль женщины и семью делает понятным пафос ее стихотворения «Ты будешь меня вспоминать», в котором звучит уверенность, что никакие мимолетные увлечения, никакие легкие «радости» жизни не смогут заменить для настоящего человека тепла семейного очага, радости отцовства, любви к женщине-другу и матери своих детей. Более того, Халимат сомневается в том, что человек, бросивший свою семью, презревший душевные страдания своего ребенка, может быть настоящим гражданином своей страны («Туталыкъ тюдю халкъны» — «Он не сможет быть гражданином»).

Свои интимные переживания, свои сокровенные мысли поэтесса не таит от мира, глубоко убежденная в том, что счастье или несчастье одного человека имеет столь же личное, сколь и общественное значение.

Ореол, которым окружает Халимат Байрамукова образ женщины-матери, тот высокий пьедестал, на который она возносит родоначальницу семьи, идет от древних традиций народа.

Хорошие семейные традиции, издавна бытовавшие у карачаевцев: уважение к старшим, культ женщины-матери — вполне достойны того, чтобы быть сохраненными и в наше время, — как бы говорит своими стихами Халимат Байрамукова.

Используя крылатые слова, бытующие у карачаевцев, Халимат Байрамукова пишет свою балладу «Юч сѣз» («Три слова»), где три мудрых завета отца («Не пускайся в дальний путь после захода солнца», «Называй красивым то, что мило твоему сердцу», «Повремени, не действуй по первому побуждению») помогают сыну его Аслану избежать всяческих бед, уберечь заработанных овец, сохранить собственную жизнь и жизни сына и жены.

Понимание дружбы, любви и семьи в поэзии Халимат Байрамуковой неотрывно от ее общественно-политических убеждений. С их позиций поэтесса высмеивает пережитки в быту и сознании людей, отмирающие обычаи. Поэтому в своих стихах она выступает против слепого следования традициям, против формального семейного этикета и тех норм поведения в быту, которые уже изжили себя. Таково стихотворение «Қолхоз къыз» («Девушка-колхозница»). Халимат Байрамукова воспе-

вает истинно ценные качества героини: трудолюбие, сноровку, ее веселый нрав, искренность и умение постоять за себя, цельность ее натуры, которые во много раз перевешивают «добродетели», почитавшиеся в старину, а некоторыми людьми и сейчас:

Я пойду не за того, кто калымом хвастает,
А за того, кто в работе искусней меня.
А свекрови своей я постараюсь угодить:
Вместо берне принесу я ей много трудней.
А золовку свою я в звено приведу,
Вместо платья с себя дам ей тятку в руки.
И молчать я не смогу...
И в углу не потуплюсь.
Такова я,
Кому не нравлюсь — не возымет меня,
А там, где я буду невесткой,
Вот увидите, будут рады, —

говорит красавица.

Образу этой современной девушки Байрамукова в стихотворном анекдоте «Бизни келин» («Наша невестка») противопоставляет тип женщины, которая за соблюдением формальных правил старого этикета прячет свое невежество, недоброжелательность к людям, грубость, вздорность, как под свадебным покрывалом скрывает свое уродливое лицо.

Так же противопоставляет поэтесса светлому образу любящей матери, мудрой хранительницы семейного очага, тип болтливых, сварливых, нерадивых, злоязычных старух, которые, вместо того чтобы поддерживать порядок и согласие в доме, перемывают в компании таких же сплетниц косточки своих невесток («Сепараторда» — «У сепаратора»). Естественно, что никакого уважения эти женщины не заслуживают, несмотря даже на почтенный возраст.

Можно сказать, что дебют карачаевской поэтессы оказался удачным. Стихи ее первого сборника звучат глубоко современно, причем особенно актуальны те из них, которые трактуют этические нормы жизни современников. Эстетический идеал поэтессы неотрывает от ее нравственного идеала, и поэтому она воспевает в своих стихах труд, общественную активность человека, его жизнелюбие и доброту, чистоту и благородство его помыслов, его мужество перед лицом испытаний. Нравственная красота облагораживает внешний облик человека, утверждает поэтесса, тогда как всякое проявление низменных чувств и побуждений способно обезобразить даже красивое лицо, и поэтому она подвергает сатирическому осмеянию все низкое в людях.

Халимат Байрамукова уже своим первым сборником стихов завоевала определенное место в истории карачаевской литературы: в поэзии 20—30-х годов неповторимая духовная жизнь человека не раскрывалась во всей присущей ей глубине, многогранности и сложности, нравственные проблемы решались прямолинейно и лишь в непосредственной связи с проблемами политической борьбы. Впервые в карачаевской литературе, именно в поэзии Халимат Байрамуковой, проявилась тенденция к непосредственному, полному и глубокому выражению поэтического «я», интерес к перипетиям собственной духовной жизни, который отразил возросшее самосознание советского человека. Правда, в первом сборнике эта тенденция только намечается, и о ней свидетельствует своеобразие интонации: почти отсутствуют пафос, резкие тона; преобладают скорее полутона — элегичность, неторопливые философские раздумья, задушевная теплота, мягкий юмор. Ее поэзия уже изживает те элементы революционного аскетизма и самоограничения, которые были присущи поэзии А. Уртенова. В этом смысле творчество Халимат Байрамуковой соприкасается с характерной тенденцией всей советской поэзии, наметившейся после XX съезда КПСС.

Уже в этом сборнике очевидны талантливость поэтессы, ее стремление найти разнообразные и оригинальные решения и интонации в разработке ведущей темы. Так, например, тема женщины-матери раскрывается то в лирическом монологе — обращении поэтессы к сыну («Твой день рождения»), то в аллегорической жанровой зарисовке ласточки, выходящей возле своего гнезда («Кёгюрчюнчюк» — «Ласточка»), данной в несколько идиллических тонах, то в небольшом стихотворном рассказе о новой советской семье («Наша мать»), окрашенном теплым юмором. Меланхолическая интонация, рождающаяся в маленьком монологе девушки-фронтовички, обращенном к далекому возлюбленному («Фронтвая почь»), сменяется нежностью непритворного мотива колыбельной («Джукъла кьой-нумда» — «Спи на груди моей»), а затем — спокойно-горделивыми интонациями стихотворного размышления («Иссе Каракотову»).

Поэзии Халимат Байрамуковой чужды замысловатые метафоры, ее поэтический язык прост и скромно, она умеет дать живую, динамичную зарисовку, найти яркий и выразительный штрих, характеризующий образ, передать живой диалог.

В этом сборнике она чаще обращается к эпическому, нежели лирическим средствам выразительности.

Следующий шаг в творческой эволюции Халимат Байрамуковой — поэма «Залихат»⁵, замысел которой поэтесса долго

⁵ Халимат Байрамукъланы, *Залихат. Поэма*, Черкесск, 1963.

вынашивала в своей душе (о чем с большой впечатляющей силой сама рассказывает во вступлении к поэме). В этой поэме проявились и желание поэтессы прославить имя одной из героических дочерей карачаевского народа, и несомненное ее духовное родство с Залихат — своей сверстницей, товарищем по борьбе с фашистами:

Ложилась спать — и ты являлась
И становилась предо мной,
Всю ночь с тобою неразлучна,
С тобой встречала я рассвет.
Была в пути —
Ты сокращала мне дорогу,
Была мне спутницей,
Вдохновляла и ободряла.
И когда твой образ заполнил
Все мое сердце,
Когда я поняла, что не писать
Не могу,
Я решилась. Рука потянулась
К перу.
Но не знала я,
Что затянется (труд мой) на столько лет.
Много раз, бывало,
Я бралась за перо
И вновь откладывала.
Много раз, принимаясь писать,
Я останавливалась
В нерешительности.
Обе мы из одного
Ущелья,
Хотя и не из одной семьи,
Не из одного аула.
Обе мы из тех,
Кто вырвался из ржавых оков,
Кто расцвел в советские дни.
Кто же лучше меня мог знать тебя,
Твои чувства, твои мысли?

Работа над поэмой продолжалась с 1960 по 1963 г. Писательница много раз переделывала и отшлифовывала текст своего произведения, стремясь с наибольшим поэтическим совершенством воплотить образ героини.

В основу поэмы легли подлинные исторические факты из борьбы партизанских отрядов с фашистскими оккупантами в Карачае в 1942 г. Кроме эпизодов из биографии карачаевки Залихат Эркеновой — отважной партизанки, героически боров-

шейся за свободу Советской Родины и трагически погибшей от рук оккупантов, на страницах поэмы рассказывается о судьбах жителей, ставших жертвами в период оккупации: Намысла Халиловой, Идриса Глоова, Надежды Кецеровой, Ефима Косьмина.

Поскольку в изображении героини и событий писательница старается придерживаться исторически достоверных, документальных данных, можно утверждать, что она идет от традиции историко-героической песни, так широко бытовавшей в карачаевском фольклоре.

Порою связь с историко-героической песней раскрывается непосредственно, как, например, в главе «Партизанские тропы», где лирическое отступление об Архызских горах живо напоминает нам патетику плача об Умаре. Нагнетание трудностей, препятствий, встающих на пути партизан, приводит к эпической гиперболизации самих образов. Традиционный многосложный стих в «Партизанских тропах» придает повествованию торжественное, эпическое звучание. Так же как в исторических песнях, в поэме есть элемент сатирического гротеска в обрисовке врага.

Непосредственное обращение к читателю («Подождите!», «Взгляните!», «Послушайте!») и щедро рассыпанные риторические вопросы и восклицания («Когда взрыгает сердце, и слепой прозреет!», «Кто знает, откуда берется эта сила!», «Да будут все ночи такими для врага!») в какой-то мере воспроизводят манеру речи народного сказителя и певца, которому эти приемы помогали поддерживать живую связь с аудиторией.

Естественность, с которой звучат в произведении Байрамуковой монологи героев и диалоги, также во многом обусловлена тем, что монологи и диалоги были широко распространенным и хорошо разработанным в героических песнях приемом психологической характеристики.

Но традиции не держат поэтессу в плену. Органически усвоив их, она приходит к созданию историко-героической поэмы, жанра ранее в карачаевской поэзии не существовавшего.

Каковы же отличительные черты этой поэмы?

Во-первых, развернутый и разработанный в деталях сюжет произведения, разветвленная система индивидуализированных образов, чего не было в предельно лаконичных и обобщающих событиях и характерах исторических фольклорных песнях.

Во-вторых, образ автора-повествователя. Композиционно поэма отличается стройностью и законченностью. Она обрамлена лирическим вступлением и заключением автора, который рассказывает о возникновении замысла и о цели поэмы — прославить героиню, выразив тем самым чувства народа к своей дочери:

Народ не забывает того,
Кто защищает его в дни испытаний,
Кто оберегает стариков, детей, родной очаг.
От имени народа,
Склонившись у твоего надгробия,
Приношу я свое творение тебе.
Если написанное о тебе
После меня вырастет с гору
И мое творение, оставшись под ней,
Превратится в прах,
Пусть этот прах станет пищей цветам,
Чтоб тенью твоей прикрыли они
Дорогую могилу от знойных лучей.
Не ищу я большей награды за свой труд.

Внутри этого композиционного кольца заключено одиннадцать глав, развертывающих сюжет поэмы, развитие линий которого прерывается лирическими отступлениями. Экспозиция (первая глава, названная «Спокойные дни») рисует полную поэзии картину мирной жизни в горах. Поэтесса точно, красочно и живо воспроизводит во всех деталях один день своей юности. Вот стайка девушек, встав с рассветом, отправляется в горы по ягоды. Прекрасный горный пейзаж — бездонная синева неба, сияющее солнце, гроздь спелых красных ягод на горячих замшелых камнях, жгучий холодок родниковой воды, бархатный ковер высоких зеленых трав, смех, шутки, болтовня, игры, — все это принадлежало тогда ей, пишущей сейчас поэму. Но разве все это точно так же не принадлежало Залихат? Разве не было и в ее жизни такого же до мелочей похожего дня? Здесь образ лирического героя сливается с образом героини поэмы: «Обе мы из одного Ущелья, Хотя и не из одной семьи, Не из одного аула. Обе мы из тех, Кто вырвался из ржавых оков, Кто расцвел в советские дни. Кто же лучше меня мог знать тебя, Твои чувства, твои мысли?»

Контрастом к наполненной птичьим гомоном, запахом цветов, ароматом ягод, счастьем молодости мирной трудовой жизни, ярким краскам горного пейзажа является вторая глава поэмы, названная «Черные дни». Черная тень войны легла на горные аулы: здесь хозяйничают гитлеровцы. Мы видим одинокую женщину у очага. Черная печаль стоит у порога, от нее нельзя запереться на запор, скрутить ей голову. Шипят и обугливаются сырые поленья в очаге — нет тепла, нет света. В отверстие дыма глядит мрачное небо. Бесконечные скорбные думы, тяжелые, как звенья цепи, свисающей над очагом. Страшные дни наступили для народа и для старой матери Залихат — Хауа, такие дни, когда «живые завидуют мертвым». Но горе не сломило старую женщину, она старается гордо держать

голову, ибо знает, что нет другого спасения, кроме борьбы со злом. Тут читатель узнает о том, что юдин из сыновей Хауа погиб на фронте, другой пропал без вести, а Залихат, оставив маленькую дочку, ушла партизанить в горы.

Такова завязка поэмы. Уже в ней подчеркивается массовый характер героизма советских людей в Отечественной войне. Залихат изображается как плоть от плоти своего народа, она — яркое и действенное выражение стремлений большинства. С ней рядом не только товарищи по оружию, не только те, кто находится на фронте, но и несломленная воля ее матери, соседей по аулу и тех, кого пытаются в фашистской тюрьме, и, наконец, мысленно, рядом с Залихат та, кто рассказывает читателю о ее подвиге.

А дальше мы знакомимся с самой Залихат, становимся свидетелями боевых эпизодов из ее жизни: сражения в горах, боя за мельницу, которым руководила Залихат. Острота борьбы все возрастает, фашисты получают приказ во что бы то ни стало схватить Залихат или убить ее. После трудной разведки в горах Залихат попадает в руки гитлеровцев. Именно теперь, когда мужество и душевная стойкость героини, ее матери, ее товарищей по тюрьме испытываются в страшных пытках, на допросах, действие достигает кульминации. Страстный монолог Залихат перед гестаповцами, полная достоинства и мудрости речь ее матери свидетельствуют о том, что никакие силы не в состоянии одолеть их волю к борьбе, их непримиримость к врагу.

Два лирических отступления (одно в начале девятой главы и второе — в одиннадцатой) как бы выделяют кульминацию поэмы. В первом из них поэтесса размышляет о том, «почему одни сильны духом, а другие слабы». Она приходит к выводу, что причина этого в умении любить и ненавидеть. Именно оно «рождает мужество и храбрость в человеке»:

Если за все, что дорого ему,
Он не пойдет в огонь и в воду,
Не говори, что он любить способен.
Защищая то, что любит,
Позабыв о себе,
В трудный день он не спрячется в тень, он будет
мужества примером,
Опорой своему народу.

Во втором отступлении поэтесса утверждает, что многое было дорого Залихат: мать, муж, маленькая дочурка, все радости жизни, но это ее личное счастье неотрывно от счастья Родины, народа, от новой, светлой жизни, принесенной Октябрем, и потому

Измученная, избитая, поседевшая,
Потерявшая человеческий облик, неузнаваемая Залихат
Осталась собой.
Прежними остались ее душа,
Ее любовь к Родине, к партии,
Ее безграничное мужество.

Развязка идет почти следом за лирическим отступлением: Залихат вместе с товарищами, желая дорого отдать свою жизнь, умереть в бою с врагом, стоя на краю приготовленной для них могилы, хватают лопаты, бросаются на своих палачей и гибнут, изрешеченные пулями.

Эпизод поэмы — «Счастье вернулось в горы» — сделан в эпистолярной форме. Дочь Намыслы, погибшей вместе с Залихат, пишет письмо на фронт мужу Залихат, рассказывает о ее подвигах и гибели. Разделяя с ним его горе и рассказывая о том, как возвращаются люди родного края к своей привычной жизни после освобождения, она старается укрепить в нем мужество, гордость за тех, кто отдал жизнь за счастье своего народа, и тем самым воодушевить его на новые подвиги.

В образной системе поэмы Х. Байрамуковой, естественно, главная роль отведена героине поэмы. Характер ее разработан глубоко и разносторонне. Автор рисует ее и как необычайно смелого и нестигаемого борца с врагом, и как женщину-мать, жену и любящую дочь. Поэтесса показывает Залихат не только в действии — в схватках с врагом, в походе, на привале, в фашистской тюрьме, — но и раскрывает ее духовный мир. Так, вслед за воспоминанием Залихат о том, как она добилась, чтобы ее взяли в партизанский отряд, идет внутренний монолог героини, обращенный в глухую ночь перед уходом в горы к спящей дочурке. Борьба материнских чувств с гражданским долгом в душе Залихат ничуть не снижает образа героини. Это делает ее живым человеком, близким и понятным читателю, а победа над собственным смятением еще яснее показывает силу ее духа:

Ухожу от тебя я, дитя мое,
Но оставляю тебе горячую
кровь своего сердца.

Пусть опные стальное сердце
Бьется в моей груди.
Придется ли мне
Обнять тебя вновь?
Или чужие приласкают
Вместо меня?
Когда ты вырастешь
И станешь большой,
Ты сама разберешься,

Где добро и где зло.
И поймешь,
Почему оставила мать
Тебя в грудные дни.

Нежность ее сердца, любовь ко всему живому не иссякают и в тяжелых, огрубляющих душу условиях смертельной борьбы с врагом. Вот видит она перед началом боя в прорези пулеметного прицела сверкающий в утренней свежести хрупкий алый цветок. Прелестью и беззащитностью своей он напоминает Залихат ее дитя, и перед тем, как нажать на гашетку, она на какой-то миг отводит дуло пулемета в сторону.

Вот мы вместе с мужем Залихат читаем ее письмо, нежное и решительное, воодушевляющее его и требующее откровенности, потому что она хочет разделить с ним всю тяжесть фронтовой жизни: ведь Залихат не из тех, кто умножает горести ближнего, а из тех, кто перекладывает часть их на свои плечи.

Вот Залихат, увидевшись с матерью в тюремном дворе, стремится успокоить ее, поддержать в материнской, да и в собственной душе надежду на спасение. Ее жизнелюбие ни на минуту не позволяет ей примириться с мыслью о смерти, склонить голову перед смертью и перед фашистами. Именно поэтому у нее никогда не опускаются руки: она может выйти один на один против танка со связкой гранат в руке и, будучи уже на краю могилы, броситься с лопатой на палачей.

Рисуя образ своей героини, поэтесса умело использует различные выразительные средства. Она не дает описания внешности Залихат. Мы видим героиню то усталой после перехода, то измученной допросами и побоями. Лишь однажды автор бегло набрасывает портрет героини: не столь красивое, сколь миловидное лицо, волосы цвета меда, высокая худощавая фигура — такой возникает Залихат перед мысленным взором мужа, получившего от нее письмо на фронте.

Живое авторское повествование о чувствах и мыслях Залихат:

Под громадной сосной
с обломанной вершиной
Сидит Залихат
на берегу реки.
Болят натертые сапогами
ноги.
Ноет молодое тело.
Но не до этого Залихат:
Во стократ тяжелее сердечная боль
При мысли о родной земле,
Стонущей под сапогом врага... —

перемежается монологами молодой женщины, диалогами между нею и другими героями поэмы.

Пейзажная зарисовка помогает нам глубже проникнуть в мир ее чувств:

Темно, хоть глаз выколи.
Черная ночь, кажется, готова
Своей тяжестью раздавить землю.
Порой она — защита,
Порой — ловушка.
И как узнать, что ждет тебя
Этой ночью —
Радость или горе
Приготовила она?!

Но полнее всего душевный мир героини раскрывается в лирических отступлениях, вносящих элемент обобщения, философского осмысления изображаемых событий и характера героини:

Ой, Архызские горы! Кудрявые леса!
На зеленых ветках медовые ягоды!
Сколько верных людей — сколько смелых партизан,
Сколько живых душ, жаждущих жить,
Нашло прибежище в вашей тени,
Оставляя кровавые следы на ваших склонах,
Врачуя раны целебными травами,
Одевая мертвых в саваны из конского щавеля,
С тоской следя то меркнувшим, то загорающимся взглядом
За вольно парящим в небесах орлом.
Над ними нависали враждебные облака,
Прохладой веяло от горных склонов,
Звенел в ушах шум голубой воды,
Над пропастями гордо, как изваяние, застывали олени...
Так зачем же сходили в темную мопилу мужи,
Покидая этот прекрасный мир?!
Потому бьются без устали эти мужи,
Чтобы не достался этот прекрасный мир врагу.
Ни замшелая скала,
Ни гнилой пенек,
Да что говорить — даже ядовитая трава,
Которая губит скот,
Не должна достаться врагу.
Загради же своим телом путь ему!
Залихат — одна из таких мужественных,
И каждый ее товарищ — горный лев!

Эти лирические отступления, как эхо в горах, отражают и многократно увеличивают эмоциональный накал переживаний героини, передавая тот почти легендарный ореол, которым окружено ее имя в сердце родного народа.

Не так широко, хотя и не менее выразительно, дан в поэме и образ матери Залихат — старой Хауа. Мы уже встречались с ней, когда автор рассказывал о горе одинокой старой женщины, у которой всех близких отняла война. И вновь мы видим ее, преисполненную человеческого достоинства, ясной мудрости, любви к людям, когда она предстает перед гестаповцами, а потом прощается с дочерью. Поэтесса изображает ее скупыми и точными штрихами, наделяя такими неповторимыми чертами, которые делают этот образ живым. Такой мы видим Хауа в сцене с гестаповцем, предлагающим ей предать родную дочь, и в сцене ее сборов в дорогу, и в раздумьях в пути:

Кровь прилила к похудевшему лицу Хауа
И, беззащитная, как былинка, она,
Сняв ниточку со своего платья, ответила ему:
«Знай, что твои слова так же ничего не значат для меня,
Как эта ниточка», — и сдунула ее на фашиста.
«Можешь казнить, можешь повесить,
Но какая мать предаст своих детей!»
В ту же ночь к утру
Собралась Хауа в дорогу
В надежде повидать
Свою дочь.
В руках у нее
Чинаровая палка,
За спиной котомка,
Идет она, бедняжка, одна-одинешенька
Вниз по ущелью Кубанскому,
Сторонясь большой дороги.
Не замечает Хауа
Золотой красы осенней родного ущелья —
Сердце ее полно тревоги...

В изображении Хауа преобладают такие художественные средства и приемы, как описание интерьера, детальная передача внешности, манеры поведения, лаконичная, но колоритная языковая характеристика образа.

Все черточки, все детали, из которых складывается образ Хауа, настолько типичны для пожилой женщины-горянки, что он поднимается до широкого обобщения, еще более подчеркнутого лирическим отступлением поэтессы, обращенным к матери:

Дорогая мама, сладостная моя!
Ты словно крепость, отраждающая детей своих,
Одна рука на колыбели,
Другая — в работе,
Недосыпая ночей,
Недоедая куска,
Растила ты дочерей,
Вспоила сыновей
Своим молоком.
Дети твои
Никогда не забудут тебя.
Любовь к Отечеству,
Как любовь к матери,
Когда жизнь отдаешь без сожаления
В нужный день за него,
Бошла с молоком твоим
В их кровь и в их душу.
Тысячу и еще тысячу раз
Низко кланяюсь тебе,
Великая мать!

Это лирическое отступление напоминает нам широко известное отступление о руках матери в романе А. Фадеева «Молодая гвардия».

Образ матери ассоциируется у поэтессы с образом Родины. И эта ассоциация очень органична и закономерна для Х. Байрамуковой.

Надо заметить, что остальные персонажи менее удались поэтессе. Эпизодические по своей роли в сюжете, они охарактеризованы в самых общих чертах и, за исключением соседки Хауа, лишены каких-либо индивидуальных примет.

Лиризм пронизывает все повествование. Мы постоянно чувствуем присутствие автора и его страстное отношение ко всему происходящему. Лирическая непосредственность, тенденция к которой наметилась уже в первом сборнике Байрамуковой, здесь более ощутима. Никогда до этого так образно и так откровенно не рассказывала она о себе, о своем восприятии мира, как в первой главе поэмы «Спокойные дни». Лирические раздумья Халимат Байрамуковой становятся здесь логичнее и шире, нежели в первом сборнике. Они складываются в целостную систему вокруг темы войны: поэтесса анализирует истоки народного патриотизма, историю роста и укрепления чувства любви к родине в душах людей и, наконец, характер его проявления в годину испытаний.

Можно сказать, что поэма «Залихат» развернула и завершила военную тему в творчестве Х. Байрамуковой. Патетика поэмы рождена стремлением поэтессы воздать должное героизму

своего народа. Участие в войне поголовного большинства мужского населения Карачая и многих его славных дочерей (Зухры Эркеновой, Зои Эркеновой, Шерифат Токовой, Кочуры Чотчаевой, Зухры Куатовой, Халимат Эбзеевой и др.), судьба которых часто была схожа с судьбой Залихат, чьи мысли и чувства были также высоки и достойны советского человека, для Байрамуковой служит живым подтверждением преданности ее народа социалистическому Отечеству.

Становится понятным, почему в начале 60-х годов, когда в некоторых произведениях русской советской литературы о войне проявляется тенденция к дегероизации (например, повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр!» и т. п.), а в других — преимущественное внимание направлено на изображение будней войны, подчеркнута обыденность героизма (у Бакланова в «Пяди земли», у Бондарева в «Последних залпах» и др.), Халимат Байрамукова, которая раньше чуждалась патетики, впервые именно в этой поэме заговорила с подлинным пафосом.

В этой поэме Байрамукова не только развивает тенденции, намечившиеся в ее раннем творчестве, она предстает здесь как зрелый мастер стиха. Новое для ее творчества — та яркость и экспрессия, с которой она рисует батальные сцены в поэме. Как бы подводя итог войне в своем творчестве, отдавая этой теме весь жар своей души и всю пылкость своего воображения, Халимат одновременно обретает способность шире и тоньше воспринимать окружающий мир — в ее творчество входят богатейшие картины кавказской природы, неотрывные от дум и чувств поэтессы и ее героев: природа вместе с ними скорбит, радуется, как бы участвует в их борьбе, становится свидетелем их бессмертной славы:

Лишь войдешь ты в селенье Даусуз,
Чудной радостью наполнится твое сердце —
Будто выросли у тебя крылья
И обрел ты богатырскую силу.
А налево от узкого мостка
Поведет тебя дорожка к Архызу,
Словно по мелким ступеням,
Рассказывая тебе легенды о минувшей жизни.
Поднимет она тебя под самые облака,
Где, кажется, ты сможешь их достать рукою.
Упираясь в небо, стоят кругом тебя
Горные леса,
И солнце опалает вершины деревьев.
Шумят потоки в ущелье,
Жемчугами сверкает роса
На высоких луговых травах.

Одна за другой сменяются эти картины,
 Радуга взор твой,
 Развлекая тебя.
 И ты сожалеешь,
 Что дорога подходит к концу.
 То отдыхаешь здесь,
 На самой вершине природы,
 То шагаешь беззаботно, как ребенок,
 И с упоением глядишь
 На шелковые травы летних пастбищ.
 А в лесах? В них мрак, завалы,
 Чашобы такие,
 Что и птице не пролететь.
 Рассекают их лишь водопады,
 На что-то гневающиеся, свивающиеся в клубок,
 Бесстрашно падающие с крутизны.
 Оставляя следы свои навеки
 В этих местах, устремляются они в долгий путь
 На широкие равнины.
 И везут они с собой
 Древние легенды чудного Архыза,
 Поют они славу
 Героям горского народа.

Огромное значение для дальнейшего творческого роста поэтессы имела ее учеба в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве в 1961—1962 гг. Два года, целиком отданные творчеству, учебе, работе над собой. Среда поэтической молодежи, которую волновали самые острые, самые актуальные проблемы советской поэзии, знания, полученные на лекциях и творческих семинарах, сама атмосфера литературной Москвы — все это позволило Халимат критически осмыслить свой предшествующий поэтический опыт, понять слабые и сильные стороны своего дарования и начать целеустремленно развивать лучшие черты своего таланта.

Она скромно, без ложного самолюбия садится по существу за ученическую парту поэзии, жадно впитывает все, обогащающее внутренний мир, увлеченно экспериментирует в области поэтической формы.

Но самое главное — учеба в Москве помогла ей яснее увидеть, каким путем должна она идти дальше в своем творчестве. И это проявилось в первом же сборнике стихов, выпущенном ею в 1963 г. после окончания Литературного института⁶.

Он вышел на русском языке. Судя по переводам Н. Матве-

⁶ Халимат Байрамукова, *Стихи*, Черкесск, 1963.

евой, Р. Казаковой, Г. Каменной и других, Халимат Байрамукова приобрела в институте не просто друзей, но и союзников по творчеству. Заслуга ее переводчиков в том, что они бережно и любовно представили русскому читателю карачаевскую поэтессу.

Что же нового вносит этот сборник в наше представление о творчестве Халимат Байрамуковой?

Нельзя сказать, что особенно расширился тематический диапазон ее поэзии. К военной теме, к теме любви, семьи, патриотизма, к философским раздумьям в лирике Халимат Байрамуковой прибавилась лишь тема поэта и поэзии. В своей гражданской лирике она впервые выразила свое осмысление культа личности. Вот, пожалуй, все, что касается содержания ее стихов в новом сборнике.

Главное здесь — не темы, а то, что эти темы по-новому раскрываются.

Так, в стихотворении, посвященном Ленину и датированном 1962 г., она говорит:

О Ленине пишут
И ночью и днем,
Один повторяя другого,
А мне так хотелось бы
Молвить о нем
Свое, не чужое слово! ⁷

(Перевод Н. Матвеевой)

Именно стремление и умение произнести «свое, не чужое слово» выдвинуло Х. Байрамукову этой книгой стихов в ряды лучших советских поэтов наших дней. Девизом ее становится маленькое четверостишие:

Песни времени — это
Сердце поэта.
Ну а сердце поэта —
Фильтр времени это.

(Перевод Р. Казаковой)

Дать современность, дать жизнь сквозь призму своей души — этот принцип поэтессы последовательно проводит через все разделы сборника, в стихах которого гражданское и интимно-лирическое начала нерасторжимы. В стихотворении, озаглавленном «Из поэмы», поэтесса утверждает, что сейчас именно так нужно и только так может писать она:

⁷ Халимат Байрамукова. *Исповедь*, М., 1965, стр. 10.

Я знаю, не бессмертны мы,
Но если
Хоть день вы проживете, мои песни,
Скажу, что я не зря жила на свете, —
Ведь я вложила сердце в песни эти!

Иные спросят: «Ну а что нам в нем,
В обычном сердце маленьком твоём?» —

Пускай ответит время им.

Оно ответ свой приготовило давно.

Такое время на земле сейчас,
Что время сердца требует от нас.

(Перевод Р. Казаковой)

Халимат Байрамужова — пишет ли о любви к своему народу или восхищается красотой родного края, задумывается ли над созданной ею книгой или горько иронизирует над неурядицами своей семейной жизни — она вновь и вновь отстаивает право говорить о том, что ближе всего ее сердцу. Так, в стихотворении «Люблю народ мой» она ополчается против тупицы-редактора, заставившего ее зачеркнуть слова, открывавшие сборник ее стихов, под тем предлогом, что следует любить весь мир огромный, а не только свой народ.

Поэтесса утверждает, что правда на ее стороне:

Я влюбилась в маленький народ мой
И через это в целый мир.

(Перевод Н. Матвеевой)

В стихотворении «У Эльбруса» она стремится передать чувство слитности с родной природой, которое как бы водит ее пером и внушает самые точные слова для песни:

Не передашь —
Кругом такое чудо!
Я — слух и зренье,
Снег и синева.
Я только чувство.
Остальное чуждо.
И не мое перо,
И не мои слова.

(Перевод Г. Корина)

И вот если стихи заставят читателя ощутить все то, что чувствует поэтесса, глядя на родной пейзаж, и передадут чи-

тателю трепет ее сердца, тогда и только тогда, утверждает Халимат Байрамукова, это настоящая поэзия:

О, если синим воздухом лесов
Повеет вдруг от этих скромных слов,
И зажурчит, и зашумит река,
Что прибежала с гор, издалека.
И если белизною вспыхнет гордой
Эльбрус двуглавый над тропею горной,
И станет, ветром гор родных дыша,
И молодой, и мудрою душа, —
Тогда, мой друг, читай мои стихи.
Тогда они, наверно, неплохи.

*(«Из поэмы»
Перевод Р. Казаковой)*

Поэтесса не боится говорить от имени своего сердца в стихах:

В книге у меня так много «я»,
Но все эти «я» — пойми! — не я.
Слить в себе десятки тысяч «я»
Или слиться с ними — цель моя.

(Перевод Н. Матвеевой)

Халимат Байрамукова прекрасно понимает всю сложность и ответственность задачи придать своему личному переживанию общественную значимость. Она высмеивает страх перед употреблением личного местоимения, перед этим устоявшимся духом абстрактного коллективизма, нивелировавшего личность. Она пишет юмористическое стихотворение «Мог отец замахнуться своим ремнем» о прививавшейся годами привычке говорить священное «наше» вместо «мое». Эта привычка так вошла в плоть и кровь героини стихотворения, что она, отворяя на рассвете двери неверному мужу, машинально твердит:

Пришел, наконец,
Наш муж, наконец, явился.

(Перевод И. Лиснянской)

Разделы сборника Халимат Байрамуковой как бы соответствуют главам из книги ее сердца.

Первый раздел говорит о самом высоком и о самом дорогом: об устремленности лирической героини к «лучистому» будущему и о творчестве, посвященном ему, о вере в людей и о мудрости, которая приходит с сединой, но главным образом о любви к своей Родине, к своему народу, к партии коммунистов.

Мы видим, насколько тоньше и глубже становится разработка патриотических мотивов в поэзии Халимат Байрамуковой. Она находит все более точные слова для определения тех ощущений, которые охватывают человека в родных горах:

И станет, ветром гор родных дыша,
И молодой, и мудрою душа.

Действительно, первозданность горной природы очищающе действует на человека. Суровая красота и величие гор возвышают, поднимают его над каждодневной суетой, заставляют смотреть на мир шире, философичнее.

Халимат Байрамукова справедливо гордится своим народом, считая, что природа, на лоне которой он живет, наложила отпечаток мужественности, мудрости и прямоты на его национальный характер, унаследованный и поэтессой:

Ты дал своей птице
Могучие крылья
Орлицы.
О край мой любимый,
Чудесный,
Ты дал мне
И голос,
И песни.
Ты дал все, что
Я попросила —
Горячее сердце и силу...

И даже в далекой
Дороге
Со мной
Надежный и строгий,
Мой маленький
Мудрый народ.

Ты трижды любимый
Втройне
Великий
В великой стране.

(«Родные хребты Карачая».
Перевод Г. Каменной)

Однако поэтесса далека от того, чтобы объяснить все лучшие черты народного характера одним лишь воздействием географических условий, и высмеивает туриста, который, восхи-

щаясь величием гор, не заметил, насколько душевное величие горца переросло эти горы.

Как мы видим, в новом сборнике Байрамуковой философские размышления уже уступают место дискуссии, опровержению одних истин и не менее страстному утверждению других, поискам ответов на вопросы, волнующие ее современника. Оказывается, еще многое не решено, многое надо объяснить читателю, многое понять самой.

С этой книги начинается этап поэтического самоутверждения Байрамуковой, свидетельствующий о духовной молодости поэтессы и тем более достойный уважения в зрелом человеке. И невольно задумываешься, где же источник этой молодости? По-видимому, он скрыт не только в самой натуре поэтессы. В первом сборнике Халимат утверждала, что для нее настоящая жизнь немыслима без борьбы, без активного, страстного отношения к жизни. Во втором сборнике это уже стало свойством лирического характера, что ярко сказывается в эмоциональном накале и образной яркости стихов. Сама поэтесса стремится осмыслить постоянно живущую в ней тревогу, кипение мыслей и чувств, неустанный порыв вперед («Что со мной?! Я снова жду ответа», «Что ни утро...», «Никогда у сердца не пыталась»). Она сравнивает свое сердце с быстрым конем, а себя — с джигитом, видя разницу лишь в том, что ей чужда забота джигита о коне: ведь сердцу она не дает ни отдыха, ни срока, понимая, что невозможно отделить жизнь сердца от жизни века:

Что ни утро —
То новые чувства рождаются во мне.
Что ни вечер —
То новые мысли роятся во мне.
Или время спешит,
Увлекая меня за собой?
Или я тороплюсь,
Увлекая его за собой?..

(«Что ни утро — то новые чувства».)

Перевод Н. Матвеевой)

Поэтесса углубляет социально-историческое представление о корнях своего оптимизма. В стихотворении «День и ночь», которое включает первый раздел сборника, Х. Байрамукова выражает свою веру в торжество света, естественного и мудрого порядка вещей. Вот эта устремленность в будущее, вера в то, что никакие силы не могут повернуть историю вспять, чувство духовного раскрепощения, напряженная работа мысли и ощущение неразрывной связи с жизнью, органического единства в душе поэтессы общественного и личного делают кни-

гу Халимат Байрамуковой по-настоящему современной. В ее поэтической индивидуальности отразились черты роста исторического сознания масс, о котором говорится в новой Программе КПСС, принятой XXII съездом. И следующему разделу сборника можно было бы предпослать в качестве эпиграфа известные строки Маяковского:

Это было с бойцами или страной,
Или в сердце было в моем...

Мы найдем здесь и несколько стихотворений из первого сборника, потому что основными в этом разделе являются стихи о двух этапах истории нашей страны, обжегших своим пламенем сердце поэтессы,— о войне и восстановительном периоде, во время которого карачаевский народ находился в Средней Азии.

Мы уже говорили о своеобразном сочетании в таланте Халимат Байрамуковой мужества и женственной мягкости. Силу духа и мужество ей дал не только родной народ, но и испытания, поставленные историей на ее жизненном пути. В этих испытаниях закалилась ее воля, окреп дух, но они же унесли и лучшие годы юности и посеребрили ее косы. Насколько искренне и человечнее пишет теперь Халимат о тяжелых годах, можно судить, сопоставив два одноименных стихотворения — «Наше поколение» в первом и втором сборниках.

В них она отдает должное роли своего поколения в истории страны, поколения, на плечи которого легли война, тяготы восстановительного периода и необходимость каждодневной борьбы за сохранение мира. Рассказав о мужестве, трудолюбии, стойкости своего поколения, Халимат во втором стихотворении говорит и о том, что отняла война у него. Может быть, потому, размышляет поэтесса, что ее сверстники были лишены многих радостей, они умели особенно ценить и каждый день, и каждый час. Суровая романтика жизни этого поколения, страстность его мечтаний не прошли бесследно: именно благодаря ему человек шагнул в космос.

И поэтесса гордится суровой судьбой, выпавшей на долю ее сверстников, гордится тем, что она всегда была в гуще борьбы, на переднем ее крае.

Отзвуки пережитого мы слышим в стихотворении «Меня ни что не сторонилось» и в стихотворении, посвященном Николаю Тихонову, которое начинается словами:

Не плачу, что ветер в горах отшумел,
Дорога во мгле потонула,
Что молодость я запахла в шинель
И плотно шинель застегнула.

(Перевод Н. Матвеевой)

Со щемящим чувством тоски, еще неизжитой до конца боли, оскорбленной человечности говорит поэтесса о крушении веры в Сталина, который был для советских людей воплощением всего самого светлого, самого дорогого, самого передового («Разговор с портретом»):

Горянка я.
Не богомолка я!
Но вот тебе
Молилась в медсанбатах...

(Перевод И. Лиснянской)

«Неправда в правде жить не может!» — бросает она портрету самый страшный укор: ведь ошибки и преступления в годы культа личности удвоили тяготы, легшие на плечи народа. Обвиняя, поэтесса находит точные, разящие сравнения:

Сыпучие пески глаза мне застилают.
Кто сбросил с гор меня,
Как в пропасть лишний груз?
Не знала я тогда.
Теперь я знаю...

Но не война подстерегла меня!
Жгутом на шее затянулись косы —
Кто взял меня
Средь бела дня,
Взял из огня
Да в полымя забросил?..

В пустыне
Я рвала тебе цветы:
Я думала, —
Рука лежит под френчем,
Но камень прел за пазухою ты...

Она находит неповторимый образ для выражения своего горя, своего отчаяния и утрат — сжимающий шею жгут кос. Эти косы, которые она туго-туго заплетает в дни горя и за которыми ухаживает в ожидании дней счастья, успевают побелеть, пока наступает торжество справедливости.

Этот образ красноречивее всяких слов говорит о перенесенных душевных муках. Простить нельзя. Поэтесса понимает, что ее личная трагедия, трагедия ее народа — это часть общих испытаний, выпавших на долю советских людей в годы культа личности Сталина.

Дождавшись торжества справедливости, подтвердившего ее веру в людей, в незыблемость социалистических законов и необратимость процессов истории, Халимат Байрамукова с еще большей силой ощутила любовь к жизни, почувствовала прилив творческой энергии и жажду борьбы за счастье людей. Поэтому с такой искренностью звучат ее слова:

Я никогда никому не отдам
Мой жребий — печальный, счастливый.

Как бы подведя в душе итог прошлому (второй раздел сборника), Халимат Байрамукова обращается к настоящему.

Третий раздел ее книги — это рассказ о добром духе наших дней («Одна ли я, в кругу ль друзей, подруг»). Здесь в полной мере передано радостное мироощущение поэтессы. Молодые, буйные силы бьют в ее душе ключом, рвутся из ее уст песни. Хозяйкой жизни, творцом жизни ощущает она себя и готова от избытка радости обнять землю, коснуться рукою неба.

Вся образная ткань ее стихов, их интонация, их легкие ритмы передают нам мир эмоций Халимат Байрамуковой:

Лейся, песня, лейся!
Все во мне поет.
Лейся, плачь и смейся!
Все во мне поет!
Все во мне поет!

Всю планету мне бы
Музыкой обнять!
А из песен небо
Новое создать!

Ох, как много песен!
Я схожу с ума!
Может, я из песен
Состою сама?

Лейся, песня, лейся!
Дома не сиди!
Вкруг земли обвейся,
В каждый дом войди.

(Перевод Н. Матвеевой)

Или другое стихотворение:

Иду напевая, иду налегке...
Светло от берез и осин...

Земля, как танцор, на одной ноге,
Кружит на своей оси.

(«Иду напевая...».)
Перевод И. Лиснянской)

И одну за другой отмечает поэтесса на первый взгляд незначительные приметы этого доброго времени, встречающиеся на ее пути: тепло руки, протянувшей ей кружку молока («В одном колхозе»), духовную красоту простых тружеников — своих соседей («Смутно помнится, я это...»), сердечную заботливость разноплеменных друзей по общежитию Литинститута. Х. Байрамукова пишет, что можно еще встретиться и с современным Молчалиным, «умеренным и аккуратным» («Размеренной жизни, как смерти, боюсь»), и с человеком, чье сердце остыло за долгий жизненный путь («Мы встретились после 15 лет»), с лицемерами и льстецами, чьи рабские душонки готовы пресмыкаться перед теми, от кого зависит их благополучие («Два лицемера»). Но от этого лишь возрастает желание жить полнокровной, целеустремленной жизнью, не боясь ошибок и ушибов, чувствуя себя счастливой сегодня и веря, что новое счастье ждет тебя впереди, потому что вокруг больше хорошего, чем дурного («Поезд летит по земной бескрайности»).

Характерно, что в этом сборнике Халимат Байрамукова выделяет в отдельный (шестой) раздел свои юмористические стихи. Юмор поэтессы всегда мягок. В этом смысле у нее есть своего рода поэтическая установка — расплещи свою жизнь до капли, «но запомни: никого не обожги! Не смей!». Порой этот юмор неглубок («Вы бывали на Кавказе?», «Десятый раз идет собрание»), порой он меток («Есть деревья-сплетницы», «Мог отец замахнуться своим ремнем»).

В этом разделе, быть может, интереснее всего интонационная тонкость и многообразие юмора поэтессы — одного из проявлений ее оптимизма, отражение доброго духа времени. Здесь и грустно-тревожные интонации («Скажи, с какой ноги ты встал сегодня?»), и шутивно-испуганные («Боюсь я стать такой старушкой»), и лукаво-торжествующие («Хасанчик ликует»), и насмешливые («Все гости на земле»), и иронические («Я заболела»), и притворно-восторженные («Ну и лампа у меня!»).

Обо всем этом стоит говорить, чтобы показать, как непосредственно и тонко раскрывается перед нами индивидуальность поэтессы.

Следующие два раздела сборника посвящены теме любви, семьи и материнства. Эти темы поэтесса начала разрабатывать еще в первом своем сборнике. Причем в них наиболее

полно раскрыт образ женщины-матери (поэма «Залихат»). Элемент обобщения в стихах первого сборника часто преобладал над элементами индивидуализации.

В новой книге нашло тонкое отражение живое чувство с его неповторимыми оттенками во взаимоотношениях любящих. Между любящими порою встают ревность, обида, недоверие, ложное самолюбие. Их разлучают обстоятельства. И чувства их бывают неравноценными. Любовь поэтессы безгранична, самоотверженна и потому прекрасна («Когда б любовь имела облик зримый»). Ей оскорбительно всякое сомнение. Она сама отдается любви безраздельно, но тем требовательнее она к любимому: сердце отдается только за сердце («Пообещай мне золотой дворец», «Мы сидели, говорили ни о чем»). Именно это цельное, требовательное, большое чувство говорит о зрелости поэтессы, способности осмыслить свое чувство, о ее сложившихся взглядах и принципах. Любовь эта уже не слепая, а «зрячая»: Халимат замечает и холодность любимого («Радуюсь я письмам»), и сетует на его отчужденность («Быть может, век мой и не так уж краток»), и жалуется на самое страшное одиночество — одиночество вдвоем, когда понимаешь, что сердце любимого уже не принадлежит тебе. От этой любви, в которой для поэтессы сплелись боль с радостью, счастье с горем, она не может отречься. Но она мужественно отказывается от самообмана:

Думаешь, я ослепла, любя,
И от ослепшей прячешься?
Я и слепая вижу тебя, —
Зрячесть моя — в незрячести.
Сила твоя — не в силе твоей,
Силой со мной не сладишь ты,
Сила твоя — не в силе твоей,
Сила твоя в моей слабости.

*(«Думаешь, я ослепла, любя».
Перевод Н. Матвеевой)*

Остается горечь сожаления за несбереженные чувства, грусть от того, что пора счастливой любви миновала. Но поэтесса находит в своей душе силы, чтобы жить и чувствовать себя счастливой, потому что есть другое чувство и другая радость, естественно приходящая на смену радостям любви, — это чувство материнства, духовной близости со своим ребенком, желание сделать его сильным и счастливым. Это чувство приносит свои тревоги и горести («Мальчик мой», «Как хорошо мы жили все втроем», «Я тебя одного в тот буран отпустила»). Но с подрастающим ребенком уйдет в будущее лучшая

частица твоей души. И поэтесса мечтает об одном — чтоб никогда ничто не затмило над мальчиком солнца, не погасило на его губах доверчивой улыбки, обращенной к распахнувшемуся перед ним миру.

Как мы видим, в интимных стихах поэтессы бьется то же сердце, какое раскрывается перед нами в ее гражданских, патриотических, философских стихотворениях: сердце мужественное и нежное, страстное и сдержанное, самоотверженное и требовательное к людям, легко ранимое и бесстрашное, отзывчивое и непримиримое, молодое и мудрое. И здесь мы также все время ощущаем присутствие пытливого мысли, постоянный самоанализ, высокую мерку современности, с которой Х. Байрамукова подходит к человеческим взаимоотношениям. Все это характерные приметы современной литературы, типичные черты духовного облика нашего современника.

Заключительный раздел книги Х. Байрамуковой «Стихи» раскрывает тему поэта и поэзии. Он как бы завершает наше представление о творческом облике поэтессы. Нет, она мало говорит о себе как о чернорабочем стиха, она больше говорит о той радости, что дарит ей вдохновение, настигающее ее часто врасплох («О вдохновение, кто тебя поймет»), о своей влюбленности в поэзию, кружащей голову, как хмель («Я всегда от стихов пьяна»).

Ей хочется писать так же, как жить: всем сердцем, в полную меру душевных сил рассказать о красоте земли, воевать, как солдат, против всего нечестного и злого:

Чтобы
Строчка и грела, и жгла —
Не болтать языком,
А кричать языками огня,
Я хочу,
Греть доброе,
Злое сжигая дотла.

(«Так хочу я писать».)

Перевод Г. Каменной

Ей хочется отразить в своих стихах тончайшие движения души, дать яркое образное воплощение почти неуловимому оттенку чувства («Зримым мне хочется сделать незримое»), в то же время выразить общечеловеческое. И она знает: путь, ведущий к достижению этой цели, не в том, чтобы декларировать свою связь с народом, а в том, чтобы жить с ним одной жизнью, одними чувствами, одними мыслями. Как бы бросая вызов эстетам от поэзии, Х. Байрамукова выражает самую сокровенную свою мечту:

Внес ли — мешком, наполненным зерном, —
Мои стихи хоть кто-нибудь в свой дом?
Просторнее ли стали от них узкие
Мои родные улочки Хурзукские?
А кронами деревьев, юных, стройных,
В Кубань глядятся не мои ли строки?
А в поле на колхозной щедрой ниве
Богато колосятся не они ли?
Быть для моей страны всего полезнее —
Значит для меня служить поэзии.

*(«Из поэмы».
Перевод Р. Казаковой)*

Х. Байрамукова самоотверженно служит родной поэзии. И каждый новый сборник стихотворений поэтессы подтверждает ее верность своему эстетическому и гражданскому идеалам. Ее стихи становятся все более открытым разговором с читателем. Движение к полноте раскрытия своего внутреннего мира, стремление ко все более непосредственному общению со своим современником и познанию его духовных интересов составляет отличительную черту последней книги Х. Байрамуковой «Исповедь» (1965 г.), изданной в Москве в переводах одаренных русских поэтесс, близких ей интонацией и теплым тембром задушевного голоса, — Риммы Казаковой, Инны Лиснянской, Новеллы Матвеевой, Ирины Озеровой.

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1917

25 октября (7 ноября)

Великая Октябрьская социалистическая революция.

1921

20 января

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет издает декрет «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской республики». В качестве одного из административно-территориальных округов в Горскую АССР вошел Карачай.

1922

12 января

Председатель ВЦИК М. И. Калинин подписывает Декрет об образовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области.

В 1922 г. в Баталпашинске (ныне Черкесск) организуется Карачаевское национальное книжное издательство.

В Баталпашинске начинает выходить на русском языке газ. «Горская беднота» [с 1924 г. «Горская жизнь» — орган Карачаево-Черкесского оргбюро РКП (б), издавалась до 1926 г.] На ее страницах выступают первые карачаевские писатели — Ислам Карачайлы (Хубиев) и Исса Каракотов. В 1924 г. в газете наряду со статьями на русском языке помещаются материалы на карачаево-балкарском.

1924

19 октября

В Баталпашинске выходит первый номер газ. «Таулу джашау» («Горская жизнь») на карачаево-балкарском языке —

орган Оргбюро Карачаево-Черкесского Обкома РКП(б) и Обл-исполкома.

С 6 января 1929 г. газета переименовывается в «Таулу джарлыла» («Горская беднота») — орган Обкома РКП(б), Исполкома и Совпрофа Карачаевской автономной области — и издается в г. Микоян-Шахаре (ныне г. Карачаевск); с номера 980 от 17 августа 1934 г. газета называется «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай»). Ныне выходит под названием «Ленинни байрагъы» («Знамя Ленина») в г. Черкесске.

В газ. «Таулу джашау» публикуется первое стихотворение Абидат Боташевой «Эгчле, къарангылыкны къояйыкъ!» («Сестры, отринем невежество!»).

16 ноября

«Таулу джашау» публикует песню «Смело, товарищи, в ногу!» в переводе Иссы Каракотова.

В 1924 г. издается сборник стихов И. Каракотова «Джангы шигирле» («Новые песни») — первое книжное издание произведений карачаевской советской литературы.

В этом сборнике помещен «Интернационал» в переводе И. Каракотова.

В Москве выходит из печати учебник «Джангы къарачай элибле» («Новый карачаевский букварь») для начальной школы, написанный У. Дж. Алиевым.

1925

Июнь

В Ростове-на-Дону проходит краевая конференция по вопросам культуры и просвещения горских народов Северного Кавказа, на которой с докладом об основных принципах политики партии в области национальной культуры и просвещения выступил секретарь Северо-Кавказского Крайкома РКП(б) А. И. Микоян.

14 июня

Газ. «Таулу джашау» публикует статью «Джангы шигирле» («Новые песни»), посвященную анализу одноименного сборника стихов на карачаевском языке Иссы Каракотова.

18 июня

ЦК РКП(б) принял резолюцию «О политике партии в области художественной литературы».

23 августа

В «Таулу джашау» публикуется статья, посвященная проблемам создания национальной драматургии.

Август

В аулах Учкулан и Хурзук Учкуланского округа силами комсомольцев ставится драма Геммы Гебенова «Дарфат и Хаулат» — первая пьеса на карачаевском языке.

20 сентября

В газ. «Таулу джашау» опубликовано стихотворение Асхата Биджиева «Къарачай тил» («Карачаевский язык»).

25 сентября

Комсомольцы аула Верхняя Мара в день Международного юношеского праздника ставят пьесу, направленную против словных предрассудков и старых отношений в семье.

1926

26 февраля — 4 марта

В Баку работает первый Всесоюзный тюркологический съезд. С докладом о проекте латинизированного карачаево-балкарского алфавита выступает У. Дж. Алиев — председатель Краевого комитета по латинизации письменности горских народов и член Всесоюзного комитета по латинизации, поэт, один из переводчиков «Интернационала» на карачаевский язык. Съезд принимает решение о переходе с арабского алфавита на латинский.

26 апреля.

Постановлением ВЦИК упраздняется Карачаево-Черкесская автономная область и образуется Карачаевская автономная область с центром в новом, специально по этому случаю отстроенном гор. Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск) и Черкесский национальный округ, преобразованный в 1928 г. в автономную область.

5 мая

Газ. «Таулу джашау» отводит специальную страницу для произведений карачаевских писателей. В ней печатаются «Интернационал» в переводе на карачаевский язык У. Дж. Алиева и его же стихотворение «Окьюу-билим» («Учеба — знание»).

6 мая

В Ростове-на-Дону организуется Северо-Кавказское краевое национальное издательство (Крайнациздат) — отделение Центрального издательства (Центриздат) народов СССР. Во главе Крайнациздата в качестве планирующего и руководящего органа утверждается периодически созываемый расширенный совет в составе следующих товарищей: Мамсуров (председатель), Меркуданов, Кундухов, Сиюхов (от Адыгеи), Хубиев (от Карачаево-Черкесии), Тамбиев (от Кабардино-Балкарии), Мальсагов (от Ингушетии), Дзагуров (от Осетии), Ошаев (от Чечни). Непосредственное руководство деятельностью отделения сосредоточивается в Бюро, в которое вошли Сиюхов, Хуранов, Алиев.

7 мая

В целях планомерного содействия культурному развитию горских народов постановлением Северо-Кавказского Край-

исполкома организуется Крайнацсовет. Председателем президиума Крайнацсовета — постоянно работающего органа — избирается У. Дж. Алиев, членами — Мамсуров, Эльдарханов, Мальсагов, Сиюхов, Ученым секретарем — проф. Б. М. Городецкий.

Май

Выходит из печати словарь Исмаила Акбаева «Орусчадан къарачайчагъа тылмач китаб» («Русско-карачаевский словарь»).

27 июня

В газ. «Таулу джашау» печатается статья «Театр керекди» («Театр необходим») Мухаммата Борлакова, посвященная вопросам национальной драматургии. В статье поднимается также вопрос о подготовке карачаевской труппы с целью основать профессиональный театр.

20 июля

Газ. «Таулу джашау» помещает стихотворение Иссы Каракотова «Бешик джыр» («Колыбельная песня»).

14 сентября

Газ. «Таулу джашау» публикует пьесу Имауддина Гебенова «Къарангылыкъ» («Невежество»).

19 декабря

«Таулу джашау» печатает стихотворение «Октябр байрамы» («Праздник октября») Азрета Уртеннова — первая публикация его стихов.

В 1926 г. выходят в свет книга У. Дж. Алиева «Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае», книга для чтения «Билим» («Знание») Асхата Биджиева.

1927

15 февраля

В «Таулу джашау» на русском языке публикуется статья И. Каракотова «Положение батрачества и полубатрачества в Карачаевской автономной области».

Продолжение в № 100 (127).

3 марта

«Таулу джашау» печатает басню И. А. Крылова «Волк и Кот» в переводе Ислама Тебердичи (Крымшамхалова).

12 марта

Газ. «Таулу джашау» публикует статью балкарского поэта Саида Шахмурзаева, посвященную вопросам становления литературного языка. Автор проводит мысль о единстве карачаевского и балкарского языков, выступает против терминологического разнобоя.

9—13 апреля

В Ростове-на-Дону проходит Северо-Кавказское краевое совещание пролетарских и крестьянских писателей. Совещание об-

ращает внимание общественных организаций и советских органов на «недостаточную помощь (с их стороны) развитию национального творчества у национальностей, впервые начавших свое культурное строительство после Октября» (журн. «На подъеме», 1927, № 3, стр. 35).

4 мая

Газ. «Таулу джашау» публикует статью «Адебият ёсмейди» («Литература не развивается»). Автор выражает тревогу по поводу медленного роста карачаевской литературы и считает необходимым для ее успешного развития привлечение интеллигенции, которая должна выступать на страницах газеты с художественными произведениями, а также с рецензиями и критическими статьями.

9 августа

Проходит собрание инициативной группы по организации Карачаево-Черкесской ассоциации пролетарских поэтов и писателей (Кар.-Чер. АПП).

Во временное правление избираются: Ислам Карачайлы — от карачаевцев, Халил Астежев — от черкесов и Владимир Чернышев — от русских. Кандидатами избираются Абидат Боташева, Магомет Дышекков и Ахмат Кайсынов.

14 августа

В газ. «Таулу джашау» публикуется латинизированный карачаевский алфавит.

16 августа

Проходит общее собрание членов Карачаево-Черкесской АПП. Рассматривается и утверждается план работы на ближайшие месяцы, принимается решение ежемесячно выпускать при карачаевской и черкесской газетах литературную страничку; избирается комиссия для организации вечера ассоциации в межсоюзном рабочем клубе.

21 августа

Карачаево-Черкесское правление АПП через газ. «Таулу джашау» обращается с призывом ко всем членам своей организации заняться популяризацией журналов «Октябрь», «На литературном посту», «На подъеме», а также принять самое активное участие в сборе средств на постройку самолета имени Дмитрия Фурманова.

24 августа

Состоялось собрание членов Карачаево-Черкесской АПП. Читали и обсуждали произведения, посвященные 10-й годовщине Октября.

28 августа

«Таулу джашау» сообщает, что в Карачае находится и проводит кино съемки экспедиция Крайнацсовета под руководством Эльбека Тлатова. Кино съемки ведутся во всех национальных областях края для культурно-этнографического фильма «Совет-

ские горы», посвященного десятилетию Великой Октябрьской революции.

Сентябрь

Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт организует первую музыкально-этнографическую экспедицию в Карачай. Экспедицией руководит Дм. Рогаль-Левицкий. Задачи экспедиции — изучение народного эпоса, составление историко-бытового очерка Карачая.

16 октября

В Кисловодске при клубе профсекретариата Малокарачаевского округа организуется Кисловодско-карачаевская ассоциация пролетарских поэтов и писателей. Ассоциация непосредственно связана с Терской ассоциацией (является ее филиалом) участвует в выпуске литературной странички, выходящей два раза в месяц при газ. «Терек».

В ассоциации — 15 человек, почетным членом ее избирается писатель А. Серафимович, который часто посещает собрания кружка, принимает участие в разборе произведений его членов, дает много ценных советов. Руководитель кружка — М. Нечаева.

7 ноября

В день десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции открыт новый административный центр области гор. Микоян-Шахар.

Карачаево-Черкесская ассоциация пролетарских поэтов и писателей выпускает литературную страничку № 1 — карачаевскую и отдельно черкесскую. На этой страничке публикуются стихи Иссы Каракотова «Ленин» и «Онунчу Октябрь» («Десятилетие Октября»).

В Кисловодске при клубе «Нацмен» (ныне клуб санатория «X лет Октября») организуется драматический коллектив в составе 25 человек. Один из его организаторов и руководителей — Имауддин (Гемма) Гебенев.

18 декабря

«Таулу джашау» печатает статью «Нужно создать карачаевский язык и карачаевскую литературу». Автор статьи Али Хасанов считает необходимым ввести в газете отдел библиографии и публиковать отзывы на книги, ибо вышло уже более 50 книг на карачаевском языке. Ставится вопрос об упорядочении языка, в частности о разработке терминологии.

В 1927 г. вышел из печати на карачаевском языке сборник стихов Азрета Уртенова «Джангы джырла» («Новые стихи»), издан историко-этнологический и культурно-экономический очерк У. Дж. Алиева «Карачай».

Переведена на карачаевский язык книжка «Лесные домики» В. Бианки.

8 марта

Драматический коллектив при клубе «Нацмен» в гор. Кисловодске ставит пьесу Геммы Гебенова «Эски адетле — джолла» («Старые адаты и законы»). На спектакле присутствует писатель А. С. Серафимович.

18 марта

В Микоян-Шахаре открывается первое областное совещание аулкоров газ. «Таулу джашау».

Участники совещания заслушивают и обсуждают доклад В. Чернышева о работе Карачаевской ассоциации пролетарских поэтов и писателей.

12 августа

В «Таулу джашау» выходит литературная страничка № 2 Карачаевской ассоциации пролетарских поэтов и писателей. В ней впервые печатается стихотворение Иссы Каракотова «Кавказ» с пометкой: «Продолжение будет опубликовано в следующей литературной страничке». На карачаевском языке публикуется вторая глава поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» в переводе Асхата Биджиева и стихотворение «Джалчысын сойгъан мурдар» — «Убийца, растерзавший своего батрака» Азрета Уртенюва в первой редакции.

Одновременно в обращении к певцам, сказителям и читателям газеты Правление карачаевской ассоциации призывает уделять больше внимания содержанию произведений, писать не только песни, но и рассказы, собирать и присылать в адрес Ассоциации старые и новые песни, сказания, рассказы, а также давать отзывы на печатаемые в литературных страницах произведения, указывать их недостатки.

Здесь же помещается в переводе на русский язык стихотворение осетинского писателя Дмитрия Кусова «Фатьма», написанное автором к выпускному вечеру краевых курсов горянок в Ростове-на-Дону.

23 сентября

В газ. «Таулу джашау» выходит литературная страничка № 3, где публикуется первое прозаическое карачаевское произведение — рассказ Ислама Карачайлы «Женитьба Хасана».

Октябрь

В Ростове-на-Дону вышел первый номер журнала «Революция и горец» — политико-экономического, литературно-публицистического и историко-краеведческого ежемесячника, органа Северо-Кавказского краевого Нацсовета, Северо-Кавказского краевого комитета нового тюркского алфавита и Северо-Кавказского Краевого Горского научно-исследовательского института. В журнале сотрудничают У. Дж. Алиев и Ислам Карачайлы.

22 ноября

В «Таулу джашау» печатается фельетон Хамида Пастуха «Сегодня пастух Хамид говорит», критикующий недобросовестное отношение работников области к выполнению заданий командировок.

Фельетоны Пастуха Хамида далее публикуются регулярно в течение нескольких лет.

В 1928 г. Краевой Горский научно-исследовательский институт провел в Карачае экспедицию по сбору песенного фольклора.

1929

20 января

В газ. «Таулу джарлыла» публикуется начало рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Акбозат» в переводе на карачаевский язык Али Хасанова. Продолжение следует в № 18 (245), 25 (252).

12 мая

«Таулу джарлыла» помещает статью Хасана Аппаева «Революция, Къарачай эмда класс кюреш» («Революция, Карачай и классовая борьба»). Продолжение следует в номерах 26 (253), 31 (258), 32 (259).

26 сентября

«Таулу джарлыла» печатает стихи Батчаева Абул-Керима «Джангы заводха» («Новому заводу»), посвященные Ростовскому Сельмашу и написанные им 20 августа 1929 г.

26 октября

В газ. «Таулу джарлыла» публикуются статьи Азрета Карт-Джуртлу (Уртенова) «Джумдурукъгъа инанма! Партияны политикасы тюрленмезликди» («Не верь кулаку! Политика партии непоколебима») и фельетон «Басманы ишине «джылы» къараргъан коммунист» («Коммунист, «тепло» относящийся к делам печати»).

18 ноября

В «Таулу джарлыла» публикуется статья «Вполне назревший вопрос». Авторы М. Халилов, А. Кубанов, А. Уртенов считают необходимым выпуск небольшого (1—2 п. л.) социально-политико-экономического и литературно-художественного журнала на карачаево-балкарском языке, с которым слился бы и литературный листок, существующий при газете «Таулу джарлыла».

В 1929 г. выходит из печати: сборник стихов «Эркинлик джилтинлери» («Искры свободы») Азрета Уртенова, пьесы «Къызыл аскерни тамадасы кадетлеге джесирге тышгени» («Красный командир в плену у кадетов») А. Коркмазова, «Эс-

ки адетле — джолла» («Старые адаты и законы») И. Гебенова, «Насыбсыз къарачайлы къыз» («Несчастливая карачаевская девушка») М. Борлакова.

1930

15 февраля

В газ. «Таулу джарлыла» публикуется статья Азрета Уртеннова «Дин халкъны сылхыр этген аракъыды» («Религия — алкоголь, дурманящий народ»), направленная против идеологии мусульманства и служителей мусульманского культа.

Продолжение статьи в номерах 10(310), 12(312).

24 июля

Проходит совещание писателей, читателей газ. «Таулу джарлыла», учителей родного языка и учащихся. Участники совещания ставят вопрос об издании политико-экономического, культурно-просветительного, литературно-художественного журнала на карачаевском языке.

9 августа

«Таулу джарлыла» помещает статью поэта Д. Байкулова, посвященную вопросам формирования карачаевского литературного языка. Автор ее делит карачаевских литераторов на три группы: арабисты, русисты и молодежь, у которой соседствуют в языке элементы арабской книжности и лексика послеволюционных лет.

15 сентября

В газ. «Таулу джарлыла» выходит статья Азрета Уртеннова, разъясняющая, что суть коренизации, проводимой в национальных областях, в частности в Карачаевской автономной области, заключается в том, чтобы усилить государственный аппарат области людьми (безразлично, какой национальности), владеющими карачаевским языком, знакомыми с особенностями жизни и быта этого народа.

5 ноября

В газ. «Таулу джарлыла» печатается стихотворение Азрета Уртеннова «Он юч» («Тринадцать»), посвященное тринадцатилетию Октября.

В 1930 г. издается на карачаевском языке пьеса осетинского драматурга Д. Кусова «Мариам», пьеса И. Гебенова «Бирликде тирилик» («В единении сила»); на русском языке — «Карачаево-балкарская грамматика» У. Дж. Алиева.

1931

8 марта

В «Таулу джарлыла» публикуется песня Даута Байкулова «Таулу къызны джыры» («Песня горской девушки»).

17 марта

«Таулу джарлыла» печатает статью А. М. Горького «Ураган, старый мир разрушающий» в переводе на карачаевский язык.

1 июня

«Таулу джарлыла» публикует статью И. Гебенова, посвященную вопросам развития театра и литературной критики.

Июнь

В Микоян-Шахаре начинает выходить газета для малограмотных «Джарыкълыкъ» («Просвещение»).

18 августа

В газ. «Таулу джарлыла» впервые публикуется стихотворение И. Каракотова «Бакуда нефтни хакъындан» («О бакинской нефти»).

29 сентября

В газ. «Таулу джарлыла» сообщается, что 25 ноября 1931 г. открывается Олимпиада национальных областей Северного Кавказа в Ростове-на-Дону.

7 декабря

На Олимпиаде искусства горских народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону карачаевской группой впервые ставится пьеса «Огъурлу» Ш. Эбзеева.

11 декабря

В Ростове-на-Дону закончилась Олимпиада горских народов Северного Кавказа. Карачаевская делегация награждена Красным знаменем за создание искусства национального по форме, социалистического по содержанию (газ. «Таулу джарлыла», 29.XII.1931.).

В 1931 г. на карачаевском языке изданы книги: сборник стихов «Революцион джырла» («Революционные песни») И. Каракотова, «Насра Ходжаны хапарлары» («Анекдоты о Насра Ходже»), «Диннге къаршычы окъуу китаб» («Антирелигиозный учебник») и сборник «Джангы джырла» («Новые стихи») А. Уртенова, сборник «Джангы джашаутъа джырла» («Стихи за новую жизнь») и рассказ «Бекмурзаны джашауу» («Жизнь Бекмурзы») Д. Байкулова, пьесы «Джахил тышыруу бла окъугъан тышыруу» («Грамотная и неграмотная женщина») А. Боташевой, «Бирликде-тирилик» («В единении сила») И. Гебенова, «Коммуна» Х. Каракотова.

Вышли переводные пьесы, среди которых «Рожденный в яслях», «Два друга», «Новоявленный шейх» осетинского драматурга Э. Тлатова и книга для детей «Элкер» А. Боташевой.

В переводе на карачаевский язык издан рассказ Мамина-Сибиряка «Серая шейка».

1932

23 апреля

ЦК ВКП(б) принимает постановление «О перестройке литературно-художественных организаций».

В 1932 г. изданы на карачаевском языке книги: сборник стихов Х. Бостанова «Джангы ёсюмге» («Новому поколению»), поэма Даута Байкулова «Мариам и эфенди», пьеса М. Акбаева «Къарангылыкъдан джарыкълыкыгъа» («От тьмы к свету»).

1933

В 1933 г. выходят из печати книги: сборник стихов «Джангыча» («По-новому») Д. Байкулова, пьеса А.-К. Батчаева «Ахмат-Батыр».

1934

17 августа — 1 сентября

Работает Первый Всесоюзный съезд советских писателей. От карачаевской писательской организации в качестве делегата с решающим голосом на съезде присутствует Батчаев Абул-Керим.

23 августа

Первому Всесоюзному съезду советских писателей посвящается страница газ. «Къызыл Къарачай». В ней публикуются вступительная речь А. М. Горького на открытии съезда 17 августа 1934 г. и стихи Азрета Уртенова «Инсан джюрекленни инженерлерини съездине» («Съезду инженеров человеческих душ»).

3 сентября

В газ. «Къызыл Къарачай» начинается поэма Азрета Уртенова «Сафият». Продолжение поэмы публикуется в номерах 96(966)—101(971).

В 1934 г. организовано отделение Союза писателей СССР в Карачае.

Изданы на карачаевском языке книги: «Ишчи тенъиме» («Рабочему другу») и поэма «Шамай алгъын бла энди» («Шамай прежде и теперь») Д. Байкулова, «Джырла бла поэмала» («Стихи и поэмы») А. Уртенова.

Дзахо Гатуев составляет и издает в Москве сборник «Поэзия горцев Кавказа» на русском языке. В него входят стихи Асхата Биджиева «Зима», «Колыбельная песня», «Пастухи»,

Иссы Каракотова «Кавказ», «Невеста» в переводах П. Анткольского и О. Колычева.

1935

26 марта

«Къызыл Къарачай» сообщает, что Карачаевское отделение Союза писателей СССР, отметив необходимость действенных форм работы по идеологическому воспитанию трудящихся-карачаевцев, постановило организовать культурный поход в аулы Верхняя Мара и Нижняя Мара. Газета говорит, что в связи с этим создана специальная бригада, в которую вошли поэты и писатели Азрет Уртенев, Даут Байкулов, Гемма Гебенов, Абидад Боташева. Участники бригады должны были разъяснять важнейшие решения партии и правительства, знакомить с призывом ЦК ВЛКСМ собирать и беречь сокровища устного творчества народа, пропагандировать советские песни, а также поставить ряд пьес, направленных против старых обычаев и лодырей, пьес, рассказывающих об ударниках.

Апрель

Бригада выезжает в аул Верхняя Мара. Писатели проводят беседу об уставе сельхозартели, сочиняют на эту тему и ставят пьесу в двух действиях, читают поэмы «Эфенди и смерть» А. Уртенова, «Залихат» Д. Байкулова и стихи.

28 мая

В «Къызыл Къарачае» публикуется статья «Миллет литературы мийикге келтюрюрге» («Поднять на высоту национальную литературу»). Автор, отмечая творческие успехи Уртеннова Азрета, Байкулова Даута, Бостанова Хасана, Каракотова Иссы, Боташевой Абидад, драматурга Гебенова Геммы, в то же время выражает тревогу по поводу бездействия недавно организованного отделения Союза писателей.

21 октября

«Къызыл Къарачай» в номерах 143(1147) — 145(1149) публикует «Песню о соколе» А. М. Горького в переводе Асхата Биджиева.

24 октября

Председатель Исполкома Карачаевского облсовета депутатов трудящихся К. Курджиев приглашает литераторов на встречу с народным поэтом Исмаилом Семеновым и беседу о задачах народных певцов. На беседе присутствуют поэты Азрет Уртенев, Хасан Бостанов и др.

Исмаил Семенов исполняет свою песню «Салам тон» («Соломенная шуба»).

7 ноября

В праздничном номере газ. «Къызыл Къарачай» отводится полная страница карачаевской литературе, где публикуется

статья «Къарачайны халкъ джырчысы» («Народный певец Карачая»), посвященная творчеству Исмаила Семенова, «Песня о Буревестнике» А. М. Горького в переводе Асхата Биджиева.

В 1935 г. выходит из печати первая часть первой книги романа «Къара кюбюр» («Черный сундук») Х. Аппаева, поэма «Залихат» и сборник «Джырла» («Стихи») Д. Байкулова, коллективный сборник стихов А. Уртенова, Д. Байкулова, И. Салпагарова «Насыблы джуртну насыблы тышырыулары» («Счастливые женщины счастливой страны»).

Публикуются переводы «Приключения барона Мюнхаузена» Э. Распе, «Сон Макара» В. Г. Короленко.

В 1935 г. в Микоян-Шахаре основан Карачаевский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

1936

31 мая

В газ. «Къызыл Къарачай» печатается 13-я глава романа Хасана Аппаева «Черный сундук». В предисловии от редакции роману дается высокая оценка.

23 июля

«Къызыл Къарачай» публикует материалы из карачаевского фольклора.

7 августа

«Къызыл Къарачай» печатает отзывы читателей на первую часть романа «Черный сундук» Хасана Аппаева. «Все мы, кто прочитал этот роман, убедились в том, что эта книга явилась первым значительным успехом в истории карачаевской литературы и карачаевского языка. Роман «Черный сундук» Хасана Аппаева подвинул карачаевскую литературу сразу на десять лет вперед», — пишет читатель Чотчаев Барисби в статье «Ждем вторую часть „Черного сундука“».

В статье «О романе „Черный сундук“ и карачаевской беллетристике» Ислам Хубиев (Карачайлы) отмечает, что выход в свет романа — это большой шаг вперед в истории культуры Карачая. «Роман имеет большие художественные достоинства, глубоко современен и актуален, ибо он художественным словом говорит о самых важных, животрепещущих делах, вопросах Карачая».

Ислам Карачайлы одним из главных достижений романа считает то, что автор сумел подойти к освещению исторического прошлого Карачая с партийных позиций.

12 августа

Газ. «Къызыл Къарачай» печатает статью Амины Орусовой, посвященную поэме «Залихат» Даута Байкулова, и статью

Х. Крымшамхалова «Искусство Карачая» о драме «Огъурлу» Эбзеева Шахарбия.

17 августа

«Къызыл Къарачай» публикует стихотворение «Последняя туча» А. С. Пушкина в переводе И. Каракотова.

4 сентября

В газ. «Къызыл Къарачай» («продолжение в номере 92(1242) от 6 сентября») публикуется рецензия Амины Орусовой на книгу «Анекдоты Насра Ходжи» Азрета Уртенова. Книга критикуется с позиций вульгарного социологизма.

18 сентября

В газ. «Къызыл Къарачай» выходит литературная страница, посвященная творчеству молодых. Х. Кърымланы в критической статье о сборнике Османа Хубиева «Комсомольские песни» (1936) отмечает актуальность тематики его стихов, в то же время упрекает поэта за то, что образ комсомольца по-настоящему не показан.

«Къызыл Къарачай» посвящает специальную страницу вопросам литературы. Редакция сообщает, что впредь газета еженедельно будет выпускать литературную страницу, и призывает поэтов, писателей, критиков, а также начинающих писателей принять активное в ней участие.

22 сентября

В «Къызыл Къарачае» публикуется рассказ Османа Хубиева «Ышанъылы тенъ» («Надежный друг»).

24 сентября

В газ. «Къызыл Къарачай» начинает печататься Исмаил Семенов — публикуется его стихотворение «Биз джашауъга керилдик» («Нам жизнь открылась»).

5 октября

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуются отрывки из «Испанского дневника» М. Кольцова в переводе Х. Крымшамхалова.

17 октября

В литературной странице газ. «Къызыл Къарачай» печатаются стихи А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на карачаевском языке в переводе Бостанова Х. и стихи «Джанъызылкъда термилдим» («В одиночестве страдал я») народного поэта и певца Исмаила Семенова.

22 октября

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется рассказ А. П. Чехова «Хамелеон» в переводе Хамзата Крымшамхалова.

20 ноября

Выходит литературная страница газеты «Къызыл Къарачай» с переводами Махамета Урусова из поэзии А. С. Пушкина: «Послание в Сибирь», «Кобылица молодая, честь кавказ-

ского тавра», «Утро», «Памятник», «Зимний вечер», «Что ты ржешь, мой конь ретивый», «Обвал», «Зимняя дорога».

11 декабря

Публикуется в порядке литучебы статья Махамета Урусова «Начинающим поэтам» (газ. «Къызыл Къарачай» номер 129 [1279]).

21 декабря

Печатается статья поэта М. Урусова «Я люблю читать Пушкина». Автор пишет, что он стал понимать Пушкина с той минуты, как прозвучали в школе из уст учителя русского языка стихи великого русского поэта «Кавказ» и «Зимний вечер», что, читая стихи Пушкина, он пристрастился сочинять их и сам. «Какую бы вещь А. С. Пушкина я ни читал, мне хочется вернуться к ней второй и третий раз и что-то сочинить самому. Более других люблю я его поэму „Кавказский пленник“. В каждом произведении своем он верно изображает природу, людей. Стихи его поражают глубиной содержания и гармонией звуков, окрыляют или вызывают грусть, чувство гнева или жалости — словом, не оставляют равнодушным».

26 декабря

В литературной странице газ. «Къызыл Къарачай» публикуются критическая статья А. Орусовой о романе Хасана Аппаева «Черный сундук», статья «А. С. Пушкин — орус поэзияны джюрегиди» («А. С. Пушкин — сердце русской поэзии»), стихотворение «Завещание» Т. Г. Шевченко в переводе Османа Хубиева и статья о жизни и творчестве Т. Г. Шевченко.

В 1936 г. выходят в свет вторая книга романа «Черный сундук» Х. Аппаева, книжки для детей «Айхан бла саутлары» («Айхан и ее посуда»), «Къысчыкъ бла къоянчыкъ» («Девочка и зайчик») Абидат Боташевой, сборник «Джырла бла назмула» («Песни и стихи») Х. Бостанова, пьеса «Урланъан Мурат» («Краденый Мурат») Б. Чотчаева, книга «Насра Ходжаны хапарлары» («Анекдоты о Насра Ходже») А. Уртенова.

Издается альманах «Къарачай совет художество литературасыны юлгюлери» («Карачаевская советская художественная литература»), ч. 1.

В переводе на карачаевский язык выходит книга Дж. Свифта «Путешествие Гулливера».

1937

10 февраля

Выходит Пушкинский номер газеты «Къызыл Къарачай». Редакционная статья — биография А. С. Пушкина. Напечатаны большая статья Тохтара Борлакова «Уллу орус поэт А. С. Пушкинни творчествосу» («Творчество великого русского

поэта А. С. Пушкина»), статья «Сулейман Стальский Пушкинни памятникинде» («Сулейман Стальский у памятника Пушкина») Эфенди Кашиева, статья О. Хубиева «Пушкинни тили» («Язык Пушкина») и стихотворение «К Чаадаеву», поэма «Братья-разбойники» А. С. Пушкина в переводах Д. Байкулова.

12 февраля

В Микоян-Шахаре открывается торжественное собрание, посвященное А. С. Пушкину. После доклада о жизни и творчестве великого русского поэта студенты педрабфака показывают сцены из поэмы «Цыганы», декламируют стихи и отрывки из поэм А. С. Пушкина.

12 марта

«Къызыл Къарачай» дает информацию о том, что на Карачаевском педрабфаке инсценировали первую часть книги Х. Аппаева «Черный сундук».

Март

По решению Карачаевского Облисполкома организован Карачаевский ансамбль песни и танца из 35 человек («Къызыл Къарачай», 1.VIII.1937).

12 июня

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется статья Азрета Уртенова и Хусея Тохчукова «Об орфографии карачаевского языка» (продолжение в № 84 (1359) от 20 июня 1937 г. под названием «Что означает классовый принцип в орфографии?»).

22 октября

В газ. «Къызыл Къарачай» помещается очерк Османа Хубиева «Анзорчук».

26 ноября

«Къызыл Къарачай» публикует главы из повести Османа Хубиева «Абрек».

В 1937 г. вышли из печати две книги романа «Къара кюбюр» («Черный сундук») Х. Аппаева, сборник «Джангыча джырла» («Стихи по-новому») Д. Байкулова, сборник «Джырла» («Стихи») И. Семенова, пьесы «Огъурлу» Ш. Эбзеева, «Дуа тюл, дарман» («Не талисман, а лекарство») И. Текеева, «Эки джюрек» («Два сердца») Х. Байрамуковой.

В переводе на карачаевский язык изданы: «Братья-разбойники», «Избранные стихотворения», «Бахчисарайский фонтан», «Сказки» А. С. Пушкина.

1938

8 мая

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется стихотворение Д. Байкулова «Ехдем Мадрид» («Героический Мадрид»).

18 июня

Номер газ. «Къзыл Къарачай» посвящается творчеству и общественной деятельности А. М. Горького. Публикуются статья Османа Хубиева «Максим Горький», стихи Д. Байкулова «Максим Горький» и Тохдара Борлакова «Халкъ бла дшашайса» («Вместе с народом»).

24 июля

В литературной странице газ. «Къзыл Къарачай» печатаются стихотворение Махамета Урусова «Къурч къылычым» («Моя стальная сабля»).

11 октября

Увидело свет стихотворение Халимат Байрамуковой «Къралыма» («Моей стране») в газ. «Къзыл Къарачай».

22 ноября

Газ. «Къзыл Къарачай» публикует письмо в редакцию о бездействии оргкомитета правления Союза писателей в Карачае.

21—23 декабря

В Микоян-Шахаре проходит областное совещание учителей, писателей и языковедов, посвященное вопросам становления карачаевского литературного языка.

С докладом о плане научных работ на 1939 г. выступает директор Карачаевского научно-исследовательского института Магомед Акбаев.

Институт планирует ежегодные экспедиции по сбору фольклорного материала, издание карачаево-русского словаря и сборника произведений народного певца Карачая Касбота Кочкарова.

24 декабря

Проходит совещание писателей и поэтов Карачая, созванное комитетом правления СП в Карачае. Совещание отмечает, что в последние годы писательская организация пополнилась молодыми литераторами: принят в члены Союза талантливый поэт, переводчик Пушкина на карачаевский язык Урусов Махамет, печатающийся в газете с 1936 г., кандидатами — А. К. Байкулов, Г. Орловский, В. Топорецкий, Тохтар Борлаков.

На совещании составляется план работы оргкомитета на 1939 год:

1. Выпустить в 1939 г. полные сборники произведений пятилетнего народного певца К. Кочкарова, народного певца Исмаила Семенова, сборники стихов Махамета Урусова, Тохтара Борлакова, Даута Байкулова.

2. Организовать в школах литературные кружки, провести литературные вечера.

3. Оргкомитету поручить подготовку и выпуск альманаха на карачаевском языке.

Вместе с тем совещание отмечает отсутствие в Карачае прозы; более или менее качественных пьес, мелкотемье и недолговечность стихотворных произведений, а также и то, что все еще нет произведений с глубоким историко-революционным содержанием.

На совещании говорится и о том, что крайне мало переводятся на карачаевский язык русские классики, и о необходимости для писателей овладевать мастерством.

Совещание призывает писателей создавать образы своих современников — лучших колхозников, стахановцев, передовых комсомольцев и т. д. «Долг карачаевских писателей — создавать высокохудожественные произведения, достойные своего времени».

29 декабря

В «Къызыл Къарачае» в переводах Даута Байкулова публикуются басни И. А. Крылова «Клеветник и Змея», «Листы и Корни».

1939

21 января

«Къызыл Къарачай» печатает стихи народного певца Карачая И. Семенова «Лениннъе» («Ленину»).

27 января

В газ. «Къызыл Къарачай» появляется статья о творчестве народного певца Карачая Касбота Кочкарова. Впервые публикуется его поэма «Айджаякъ» (в сокращенном виде).

29 января

«Къызыл Къарачай» помещает статью Х. Байрамуковой о А. П. Чехове.

30 января

В газ. «Къызыл Къарачай» впервые публикуется стихотворение «Тору атым» («Мой гнедой конь») Махамета Урусова.

19 февраля

Редакция газ. «Къызыл Къарачай» созывает совещание молодых поэтов.

После доклада о задачах советской литературы на современном этапе обсуждались стихи народных певцов Карачая Касбота Кочкарова и Исмаила Семенова, молодых поэтов Тохтара Борлакова, Абул-Керима Байкулова и др.

22 февраля

В редакции газ. «Къызыл Къарачай» состоялась встреча народных певцов Касбота Кочкарова и Исмаила Семенова с молодыми поэтами. Касбот спел свою любимую песню «Айджаякъ» и др., Семенов — свои песни о Ленине, о Чкалове и песню Касбота «Айджаякъ».

В областном доме культуры в Микоян-Шахаре открылась вторая олимпиада. Выступил К. Кочкаров с песней «Айджаякъ».

23 февраля

«Къызыл Къарачай» публикует стихи Лебедева-Кумача «Если завтра война» в переводе Алибека Байрамкулова.

24 февраля

Газ. «Къызыл Къарачай» помещает редакционную статью «Литератураны ёсдюрюге эс бёлюнсюн» («Больше внимания вопросам развития литературы»). Статья обращает внимание на бездействие отделения Союза писателей Карачая, на плохую работу издательства, в планах которого нет ни одного произведения художественной литературы. «Наша страна идет по пути построения коммунизма. Это требует непрерывного роста, развития культуры, литературы. Чтобы поднять культуру трудящихся, вооружить их новой культурой, необходимо заново организовать работу Союза писателей, издательства — таковы неотложные задачи, стоящие перед нами», — говорится в статье.

9 марта

Номер газ. «Къызыл Къарачай» посвящается 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко (1814—1861).

Редакционная статья газеты «Алапат поэт-революционер» («Замечательный поэт-революционер») рассказывает о Т. Г. Шевченко, публикуются стихи Т. Г. Шевченко «Завешание», «Дума» в переводе Османа Хубиева.

11 марта

Литературная страница «Къызыл Къарачая» публикует рассказ А. П. Чехова «Смерть чиновника» в переводе О. Хубиева.

6 апреля

В доме культуры Микоян-Шахара состоялось собрание молодых поэтов и писателей Карачая. Собравшиеся обсудили поэму «Испан къызчыкъ» («Испанская девочка») Даута Байкулова, отметили глубину ее содержания, оценили ее как творческое достижение автора.

22 апреля

«Къызыл Къарачай» помещает статью о развитии печати в Карачае.

24 апреля

«Къызыл Къарачай» публикует юбилейную статью в связи с 375-летием со дня рождения Вильяма Шекспира.

6 мая

«Къызыл Къарачай» печатает поэму Даута Байкулова «Испанская девочка».

21 мая

Газ. «Къызыл Къарачай» начинает публикацию фольклорных материалов экспедиции Карачаевского научно-исследовательского института, добытых в 1939 г.

Впервые обнаружен текст песни «Япон урушха баргъанла» («Ушедшие на японскую войну») о русско-японской войне 1904—1905 гг.

23 июня

Литературная страница «Къызыл Къарачая» печатает песню «Баракъ» (из фольклорных материалов Карачаевского НИИ).

18 июля

«Къызыл Къарачай» публикует материалы о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова в связи с приближающейся юбилейной датой — 125-летием со дня рождения поэта.

Приводится заметка из «Орджоникидзеvской правды», рассказывающая о том, что одна из лучших зарисовок — «Эльбрус» — в альбоме кавказских рисунков Лермонтова сделана в 1837 г. в районе перевала Эпчик (между Учкуланом и Даутом), когда Лермонтов был в Карачае.

1 августа

В газ. «Къызыл Къарачай» помещается информация о переводах произведений карачаевских поэтов и писателей на русский язык.

11 августа

Проходит собрание отделения Союза писателей Карачая, посвященное предстоящему юбилею великого осетинского поэта К. Л. Хетагурова.

Избрана комиссия по подготовке к юбилейной дате в составе Х. Бостанова (председатель), М. Урусова, В. Торопецкого.

16 августа

Информация в газ. «Къызыл Карачай» о подготовке к 80-летию со дня рождения К. Хетагурова.

23 августа

В «Къызыл Къарачае» опубликована информация о книгах, готовящихся к изданию в 1939 г. Среди них — роман Шолохова «Поднятая целина» в переводе У. Б. Алиева и «Кочубей» Аркадия Первенцева в переводе Х. Байрамуковой.

Сентябрь

Широко отмечается 80-летие со дня рождения К. Хетагурова. Впервые на карачаевский язык переведены стихи «Желание», «Додой», «Завещание», «Я не ангел», «Я смерти не страшусь», «У новой могилы», «Осень», «Кому что», «Ласточка», «Песня раба». В переводах принимали участие поэты Халимат Байрамукова, Саттар Арифиллин, Махамет Урусов, Алибек Байрамкулов, Хасан Бостанов.

В Карачае композитор Волков записал и обработал более двадцати мелодий старинных карачаевских песен, а также песен Семенова Исмаила и Кочкарова Касбота. Среди песен — «Хасайка», «Джандар», «Бийнегер», «Аул Хож», «Канамат», «Айд-жаякъ» и др.

Подготовлены для многоголосного исполнения песни «На-

ныкъ», «Таулу къыз», «Бийнёгер», «Айджаякъ», «Аул Хож», а также песня «Микоян-Шахар». Вместе с композитором Волковым работал Гемма Гебенев.

5 октября

Газ. «Къызыл Къарачай» публикует статью, посвященную вопросам развития детской литературы. В ней выражается тревога по поводу отсутствия книг для детей на карачаевском языке и предлагается проведение конкурса на лучшую детскую книгу.

6 октября

Газ. «Къызыл Къарачай» печатает отрывок из поэмы «Мцыри» М. Ю. Лермонтова («...Я мало жил, но жил в плену...») в переводе на карачаевский язык.

8 октября

«Къызыл Къарачай» помещает очерк О. Хубиева о жизни и творчестве К. Л. Хетагурова.

В октябре широко отмечается 125-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Газ. «Къызыл Къарачай» выпускает специальный номер, посвященный юбилею поэта. В областной библиотеке и областном доме культуры подготавливаются выставки книг и рисунков поэта; проводятся юбилейные заседания и вечера, показаны фильмы по произведениям поэта — «Бэла», «Княжна Мэри», «Максим Максимыч».

Стихи Лермонтова «Бородино», «Узник», «Небо и звезды», «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня...», «Зачем я не птица, не ворон степной...» публикуются в переводах Хасана Бостанова, Алибека Байрамкулова, Хамзата Кубанова, Халимат Байрамуковой и других поэтов.

15 ноября

В Микоян-Шахаре выходит первый номер газ. «Ленини джолу бла» («По ленинскому пути») на карачаевском и русском языках — орган Микоян-Шахарского горкома КПСС и райисполкома.

24 ноября

Къызыл Къарачай» публикует рассказ Борлакова Тохтара «Керам и Кемисхан».

Ноябрь

В Карачаевском облисполкоме проходит заседание художественного Совета областного комитета искусства. Принимается решение объявить конкурс на лучшую пьесу с тем, чтобы создать репертуар для передвижного театра.

22 декабря

Областной отдел искусства при облисполкоме объявляет конкурс на лучшую карачаевскую пьесу и публикует условия конкурса в газ. «Къызыл Къарачай».

В 1939 г. издаются сборники стихов М. Урусова «Назмула» («Стихи»), Т. Борлакова «Насыблы джашлыкъ» («Счастливая молодость»), И. Семенова «Назмула бла джырла» («Стихи и песни»).

Выходит в свет «Литературный сборник» (Ворошиловск, 1939). В нем помещаются в переводе на русский язык стихи «Ленину», «Моя отчизна» Касбота Кочкарова, «Псов мерзких стая», «Про радость народа пою» Исмаила Семенова, «Микоян-Шахар» и «Бийнёгер» («Народная легенда») М. Урусова, а также отрывок из повести «Абрек» и стихотворение «Могила партизана» О. Хубиева.

1940

8 января.

В «Къызыл Къарачае» печатается статья, посвященная созданию профессионального театра.

11 января

«Къызыл Къарачай» публикует статью Хасана Бостанова, уполномоченного СП в Карачае, о художественной литературе социалистического Карачая.

26 января

В газ. «Къызыл Къарачай» в разделе «Критика и библиография» помещается рецензия на пьесу Халимат Байрамуковой «Эки джюрек» («Два сердца», 1939 г.).

1 февраля

«Къызыл Къарачай» публикует текст популярной песни М. Исаковского «Катюша» в переводе Халчаева Абул-Керима.

В Микоян-Шахаре проходит совещание писательского актива совместно с уполномоченным ССП в Карачае по вопросам детской литературы. Заслушиваются доклады М. Урусова, Х. Бостанова. О плане издания литературы Карнациздатом на 1940 г. докладывает тов. Узденев.

Докладчики отмечают, что Союз писателей Карачая, Обл.ОНО, издательство уделяют недостаточно внимания детской литературе, а следовательно, и коммунистическому воспитанию детей.

Тов. Узденев сообщает, что в 1940 г. будет издано пять названий детской литературы, из них четыре — переводные и лишь одно — оригинальное карачаевское.

Совещание указывает Союзу писателей Карачая и Кароблнациздату на необходимость быстрее восполнить этот пробел.

4 февраля

«Къызыл Къарачай» публикует сообщение о том, что в 1940 г. Кароблнациздат издаст альманах карачаевских поэтов и писателей. В альманах войдут произведения народных певцов Карачая Исмаила Семенова, Касбота Кочкарова и молодых ли-

тераторов. Объем — 7 п. л. Подготовка альманаха поручена комиссией, в состав которой вошли Махамет Урусов, Даут Байкулов, Гервасий Орловский.

9 февраля

В «Къзыл Къарачае» печатается рассказ для школьников Хасана Бостанова «Науар и Ниночка».

Февраль

Совнарком РСФСР по ходатайству исполкома Орджоникидзевского краевого Совета депутатов трудящихся постановил открыть в Микоян-Шахаре педагогический институт с двумя факультетами — физико-математическим и литературным.

14 апреля

В связи с 10-летием со дня смерти В. Маяковского в газ. «Къзыл Къарачай» впервые публикуются стихи и отрывки из поэм В. В. Маяковского в переводах на карачаевский язык (из поэмы «В. И. Ленин», «Стихи о советском паспорте», «Прощанье», «История про бублики и про бабу, не признающую республику»).

Переводы сделаны поэтами Т. Борлаковым, Х. Байрамуковой, М. Урусовым, Х. Кубановым.

20 апреля

«Къзыл Къарачай» в порядке литературной учебы публикует статью «В помощь начинающим писателям». Статья указывает на необходимость обращения к поэтическому наследию народных певцов, к их художественному опыту.

29 мая

В газ. «Къзыл Къарачай» опубликована статья С. Липкина «„Джангар“ — величайший памятник поэзии калмыцкого народа».

12 июня

В доме культуры Микоян-Шахара проходит вечер поэтов и писателей. В докладе о развитии культуры и литературы Карачая анализируется состояние молодой национальной литературы.

18 июля

Редакционная статья газ. «Къзыл Къарачай» посвящается вопросам становления карачаевского литературного языка.

Исполком облсовета депутатов трудящихся утверждает проект усовершенствованной орфографии, представленный Карачаевским НИИ.

29 июля

В газ. «Къзыл Къарачай» впервые публикуются стихи Османа Хубиева «Къанлы кюнде къанатым» («Крыло мое в кровавый день»).

2 августа

«Къзыл Къарачай» печатает статью о поэзии народного певца Карачая Касбота Кочкарова.

3 августа

Уполномоченный СП Карачая созывает собрание писателей и поэтов. Обсуждаются произведения начинающих поэтов и писателей: поэма «Урлангъан джашчыкъ» («Украденный мальчик») Х. Кубанова, пьеса «Переселенцы» И. Боровкова.

На собрании присутствует поэт Балкарии С. Отаров.

10 августа

В газ. «Къызыл Къарачай» в переводе Махамета Урусова публикуются отрывки из рассказа И. С. Тургенева «Бирюк» (№ 180/1379, 188/1387, 189/1388).

20 августа

«Къызыл Къарачай» помещает рецензию на сборник Х. Бостанова «Песни и стихи» (1940).

5 сентября

«Къызыл Къарачай» публикует «Песню о Буревестнике» А. М. Горького в переводе Махамета Урусова.

23 ноября

В номере газ. «Къызыл Къарачай», посвященном 20-летию Карачая, впервые публикуются дореволюционные народные песни «Хасаукъа», «Къобанланы Элмырза», «Къанамат».

24 декабря

В ауле Карт-Джурт скончался старейший народный певец Карачая, член Союза писателей СССР Касбот Кочкаров.

27 декабря

Открывается собрание Карачаевского отделения СП, созданное для подготовки к 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова, избирается юбилейная комиссия (поэты Д. Байкулов, Х. Байрамукова, В. Торопецкий).

В 1940 г. издаются сборники «Джырла бла назмула» («Песни и стихи») Х. Бостанова, «Джырла бла таурухла» («Стихи и сказки») Д. Байкулова, сборник песен «Насыблы джашау» («Счастливая жизнь») А.-К. Байкулова. Выходит «Альманах» карачаевских поэтов с текстами на карачаевском и русском языках.

Карачаевский научно-исследовательский институт выпускает сборник «Эски къарачай джырла» («Старинные карачаевские песни») и книгу «Къарачай фольклоры» («Карачаевский фольклор»).

На карачаевском языке издаются «Избранные стихи и поэмы» А. С. Пушкина.

1941

10 января

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется статья Халимат Байрамуковой о литературной критике в Карачае.

17 января

«Къзыл Къарачай» печатает стихотворение «Лениннъе» («Ленину») Касбота Кочкарова.

8 февраля

«Къзыл Къарачай» помещает впервые переведенные на карачаевский язык отрывок из поэмы «Хаджи-Абрек» (перевод Х. Байрамуковой) и «Ашик-Кериб» (перевод Т. Борлакова) М. Ю. Лермонтова.

13 февраля

Газ. «Къзыл Къарачай» печатает статью поэта Тохтара Борлакова «Джаш джазычуланы джазгъанларындан» («О произведениях начинающих поэтов»).

В статье ставятся вопросы поэтического мастерства. Автор ее выступает против примитивного понимания поэзии как бездумного версификаторства.

Февраль

Совместное совещание писательской организации Карачая и Карнациздата в связи с исполняющейся в июне 1941 г. столетней годовщиной со дня смерти М. Ю. Лермонтова постановило издать в 1941 г. более 10 п. л. произведений поэта на карачаевском языке (поэмы: «Беглец», «Хаджи-Абрек», «Мцыри», роман «Герой нашего времени», сказка «Ашик-Кериб», стихи «Воздушный корабль», «Спор», «Сон»).

В переводах участвовали поэты Д. Байкулов, Х. Байрамукова, М. Урусов, Т. Борлаков, Х. Кубанов.

1 марта

«Къзыл Къарачай» помещает статью «Поэт-гуманист» о жизни и творчестве узбекского поэта Мир Алишера Навои в связи с 500-летием со дня его рождения.

2 марта

В газ. «Къзыл Къарачай» Тохтар Борлаков печатает критическую статью о творчестве Д. Байкулова, в которой он рассматривает Д. Байкулова как поэта-агитатора периода колхозного строительства. Основным недостатком его поэзии Т. Борлаков называет отсутствие образа современника.

18 марта

По инициативе Отдела искусств Карачаевского облисполкома в Микоян-Шахаре происходит дружеская встреча карачаевских поэтов, писателей и работников искусства с артистами Балкарского драмтеатра.

После встречи артисты показывают участникам VI сессии Карачаевского облсовета депутатов трудящихся драму Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69».

21 марта

Балкарский драмтеатр поставил в Микоян-Шахаре драму Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» в переводе Кайсына Кулиева.

Драма поставлена под руководством народного артиста

РСФСР И. Я. Судакова и артиста МХАТ имени Горького
А. А. Андерса.

27 марта

«Къызыл Къарачай» печатает пьесу А. Закс «Несостоявшийся маскарад» в переводе Халимат Байрамуковой. Действие пьесы происходит в Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. В редакционном примечании сообщается, что первым шагом на пути к созданию национальной пьесы являются переводы с других языков и что одним из таких переводов является публикация в этом номере пьесы А. Закс.

11 апреля

«Къызыл Къарачай» публикует рецензию на книгу «Карачаевский фольклор» (1940 г.).

15 апреля

«Къызыл Къарачай» печатает статью о недостатках и задачах карачаевской литературы.

5 июля

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется в переводе Х. Байрамуковой песня В. Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная!».

19 июля

Выходит в свет «Русско-карачаевский словарь», подготовленный Карачаевским НИИ, тиражом в 5000 экземпляров.

Июль

Поэты Д. Байкулов, А.-К. Байкулов, Х. Байрамукова выступают с такими призывными стихами в газете «Къызыл Къарачай», как «Ата джуртунъ сенден аны излейди» («Отечество ждет от тебя»), «Джауѓа ёлюм» («Смерть врагу!»), «Эзербиз джауну, эзербиз» («Уничтожим врага, раздавим!»), «Тюзлюк ишди хорларыкъ» («Правое дело одержит победу»), «Джауну джер тюбуне сюрюрбюз» («Вгоним врага в землю»).

Август

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуются стихи Д. Байкулова «Джутулур джерге, къобмаз ёрге» («Сгинет он, не поднимется»), А.-К. Байкулова «Джауѓа ёлюм» («Смерть врагу!»).

В 1941 г. издаются «Избранные произведения» М. Ю. Лермонтова на карачаевском языке и сборник стихов, статей и выступлений «Великая Отечественная война советского народа» и «Ата джурт ючюн алѓа!» («Вперед, за Родину!»).

1942

22 февраля

«Къызыл Къарачай» печатает стихотворение Х. Байрамуковой «Махдау тулпарлагъа!» («Слава героям!»).

1 апреля

В газ. «Къызыл Къарачай» печатается стихотворение Х. Байрамуковой «Таня», посвященное Зое Космодемьянской.

1956

Февраль

XX съезд КПСС.

25 июня

В целях успешной партийно-политической работы среди карачаевцев и балкарцев, проживающих на территории Киргизии, а также в целях удовлетворения пожеланий и запросов этих народов, в Киргизии начинает издаваться республиканская газета «Новая жизнь» на карачаево-балкарском языке тиражом в 3000 экз.

1957

9 января

Указом Президиума Верховного Совета СССР восстановлена автономия карачаевского народа — создана объединенная Карачаево-Черкесская автономная область.

11 апреля

Возобновляется издание газ. «Къызыл Къарачай» — теперь органа Карачаево-Черкесского обкома и Черкесского горкома КПСС, областного Совета депутатов трудящихся — и выходит ее первый номер (2046).

19 мая

«Къызыл Къарачай» печатает стихи Расула Гамзатова «Песня горских девушек» в переводе М. Байчорова.

26 мая

Газ. «Къызыл Къарачай» выпускает специальную страницу под заголовком «Наши молодые писатели пишут о счастливой жизни, счастливом труде народа». В ней опубликованы стихи М. Алиева «Минъи тауъга» («Эльбрусу»), С. Лайни (Лайпанова) «Къобанны джагъасында» («На берегу Кубани»), Х. Боташева «Ишлеучюню махдайбыз» («Славим труженика»), А. Байрамкулова «Хош келигиз!» («Добро пожаловать!»), А. Суюнчева «Къара-Кёл», Х. Байрамуковой «Бизни тёлубюз» («Наше поколение»).

30 мая

В драмтеатре Черкесска Областной ансамбль показал программу, подготовленную к всемирному фестивалю молодежи и студентов.

23 июня

В «Къызыл Къарачае» опубликовано стихотворение «Акъ кёгюрчюн» («Белый голубь») О. Хубиева.

Выходит литературная страница «Къызыл Къарачай» со стихами балкарских поэтов Макитова Муталифа «Къарачай къарнашларыма» («Братьям-карачаевцам»), Залиханова Жанакайта «Халкъыма сёзюм» («Слово к моему народу»), посвященными миру, труду, дружбе народов.

7 сентября

«Къызыл Къарачай» начинает публиковать рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» в переводе Хусея Тохчукова.

Продолжение в номерах от 8 и 14 сентября.

15 сентября

В газ. «Къызыл Къарачай» выходит литературная страница, посвященная дружбе, единству, братству народов многонациональной Карачаево-Черкесии. В ней печатаются переводы из произведений черкесских поэтов и писателей Хусина Гашокова и Абдулаха Охтова, абазинских — Кали Джегутанова, ногайских — Фазиля Абдулжалилова и Суюна Капаева.

7 октября

В Колонном зале Дома Союзов открывается декада литературы и искусства народов Карачаево-Черкесии и Адыгеи.

10 октября

В правлении Союза писателей РСФСР состоялось обсуждение произведений карачаевских, черкесских, абазинских, ногайских и адыгейских писателей.

14 октября

Совместное заседание секретариата Правления ССП СССР и Бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР постановило образовать в Черкесске Оргкомитет Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей РСФСР в следующем составе: Фазиль Абдулжалилов (председатель), Хусин Гашоков, Осман Хубиев.

16 октября

«Къызыл Къарачай» публикует рассказ Саида Лайни (Сеита Лайпанова) «Люаза».

12 декабря

Газ. «Къызыл Къарачай» публикацией статьи «Об изменении некоторых букв карачаевского алфавита» начинает широкое обсуждение проекта нового карачаевского алфавита, составленного алфавитной комиссией.

В 1957 г. вышли из печати книги на карачаевском языке: «Бирге джырлайыкъ» («Споём вместе») — репертуарный сборник, вып. 2 (Фрунзе); «Джилтинле» («Искры») — сборник стихов карачаевских поэтов (Алма-Ата); «Джюрек джырлайды» («Сердце поет») — сборник стихов, сост. О. Хубиев.

На русском языке изданы сборники стихов: «Свирель Тембота» Х. Кубанова; «Люблю я жизнь» Х. Байрамуковой; «Время» О. Хубиева; «Наша юность» — стихи молодых поэтов Карачаево-Черкесии.

1958

4 января

«Къызыл Карачай» в разделе «В помощь начинающим писателям» публикует статью Османа Хубиева «Партиягъа тыйышлы джырла джазылсынла» («Слагать о партии достойные песни»). Статья направлена против легковесного решения в творчестве начинающих поэтов такой ответственной темы, как тема партии.

5 января

В газ. «Къызыл Къарачай» опубликован рассказ Магомета Хазгериева «Тынъысыз» («Беспокойный»).

19 февраля

Общее собрание писателей Карачаево-Черкесской автономной области в связи с решением Секретариата Союза писателей СССР об открытии Карачаево-Черкесского отделения избирает руководящий орган отделения — бюро, в состав которого вошли: О. Хубиев, Ф. Абдулжалилов, П. Цеков, В. Михайлов.

Ответственным секретарем Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей РСФСР избран Х. Гашоков.

10 марта

На заседании бюро Карачаево-Черкесского отделения ССП руководителем секции карачаевской литературы избирается О. Хубиев.

3 мая

Скончался карачаевский поэт и переводчик Асхат Биджиев (род. в 1900 г.)

24 мая

Состоялось общее собрание писателей Карачаево-Черкесской автономной области. Присутствуют члены Союза писателей, литературный и журналистский актив.

С докладом о предстоящем съезде писателей РСФСР выступает С. Бабаевский. Содокладчик — ответственный секретарь Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей Х. Гашоков говорит об очередных задачах писателей области в связи с подготовкой к Первому съезду писателей РСФСР.

Делегатами на съезд избираются Ф. Абдулжалилов, Х. Гашоков, О. Хубиев. Создается 15 выездных бригад из писателей и литературного актива области для встреч с читателями в районах области.

23 июня

В связи с подготовкой к Первому учредительному съезду

писателей Российской Федерации областное отделение принимает решение издать общий сборник произведений местных авторов на русском языке «Горный поток».

15 августа

В Черкесске торжественно открывается памятник Пушкину.

16 августа

В Карачаевске состоялся первый послевоенный семинар молодых поэтов и прозаиков. В обсуждении произведений начинающих писателей приняли активное участие члены Союза писателей СССР О. Хубиев, Ф. Абдулжалилов, Х. Байрамукова, Д. Кубанов, А. Суюнчев.

21 августа

«Къызыл Къарачай» печатает на карачаевском языке редакционную статью газеты «Правда» от 17 августа 1958 г. «Высокий долг советского писателя».

17 сентября

«Къызыл Къарачай» посвящает специальную страницу предстоящему съезду писателей РСФСР, публикует статью О. Хубиева о талантливых поэтах Махамете Урусове и Тохтаре Борлакове, героически погибших в Отечественной войне, стихи М. Урусова «Хурла-Кёл», Т. Борлакова «Песня летчика».

28 сентября

«Къызыл Къарачай» публикует страницу дружбы, посвященную творчеству черкесских, абазинских, ногайских, русских писателей. На этой странице помещены статья «Правильно переводить с русского языка», освещающая вопросы перевода поэтических произведений классиков русской поэзии на карачаевский язык, стихи и рассказы А. Ханфенова, Ф. Абдулжалилова, С. Капаева, А. Охтова, Х. Гашокова, П. Цекова, А. Яльмарова, С. Кунова на карачаевском языке.

29 сентября

Карачаевской секцией областного отделения Союза писателей проводится обсуждение сборника старинных карачаевских песен «Эски къарачай джырла» («Старинные карачаевские песни»), составленного Х. Лайпановым и изданного в 1958 г.

В ходе обсуждения выступили А. Суюнчев, О. Хубиев, сотрудники Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института Р. Алиев, Х. Суюнчев.

13—14 ноября

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется рассказ «Къарачебкен («Черное платье») Халимат Байрамуковой.

17 октября

Карачаево-Черкесский обком КПСС и отдел культуры обл. исполкома проводят в Черкесске областное совещание писателей, артистов, художников. Участники совещания обсуждают заслушанный доклад о задачах работников искусства и литературы на современном этапе.

5 декабря

«Къзыл Къарачай» посвящает специальную страницу 400-летию со дня смерти классика азербайджанской литературы поэта Мухаммеда Физули. В переводах на карачаевский язык печатаются статья Р. Расулова «Великий поэт Азербайджана», стихи С. Рустама, А. Кюрчайлы, Н. Бабаева.

7 декабря

В Москве в Большом Кремлевском дворце открывается Первый съезд писателей РСФСР. От Карачаево-Черкесии на съезде присутствуют О. Хубиев, Ф. Абдулжалилов, Х. Гашоков.

13 декабря

«Къзыл Къарачай» печатает редакционную статью «Литература принадлежит народу».

В 1958 г. на карачаевском языке изданы книги: «Джырла бла назмула» («Стихи и песни») и сборник стихов «Хорлам» («Победа») А.-К. Байкулова; «Къара кюбюр» («Черный сундук») Х. Аппаева; «Биринчи атламла» («Первые шаги») (рассказы карачаевских писателей и переводные произведения); «Эски къарачай-малкъар джырла» («Старинные карачаево-балкарские песни») Х. Лайпанова.

На русском языке издан сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии «Горный поток».

1959

31 января

Проходит собрание писателей и литературного актива Карачаево-Черкесской автономной области, на котором с докладом об итогах Первого Учредительного съезда писателей РСФСР и задачах писательской организации области выступил ответственный секретарь областного отделения Союза писателей Х. Гашоков.

7 марта

Газ. «Къзыл Къарачай» начинает публикацию седьмой главы романа «Аманат» Османа Хубиева (Продолжение в номерах 48/2533, 90/2575).

8 марта

«Къзыл Къарачай» публикует стихотворение «Ана» («Наша мать») Х. Байрамуковой.

18—23 мая

Работает Третий Всесоюзный съезд советских писателей. От Карачаево-Черкесской организации в качестве делегата с решающим голосом на съезде присутствует Х. Гашоков.

18 июня

На втором областном смотре художественной самодеятель-

ности коллектив учителей средней школы аула Верхняя Теберда с большим успехом осуществил первую постановку пьесы Дж. Гочияева «Джангъы адетге кенъ джол!» — «Широкую дорогу новым обычаям!»

24 июня

«Къзыл Къарачай» сообщает, что в Карачаевске прошел второй семинар молодых писателей, в работе которого приняло участие более 30 человек. Преподаватель Карачаево-Черкесского госпединститута Кази Лайпанов сделал доклад о становлении карачаевской советской литературы. Оживленно прошло обсуждение произведений молодых авторов. Получили одобрение стихи начинающих поэтов Азрета Семенова, Назира Хубиева и др.

27 июня

Проходит областное собрание писателей Карачаево-Черкессии, посвященное итогам работы Третьего всесоюзного съезда писателей и задачам областной писательской организации.

Докладчик Х. Гашоков и выступающие отмечают, что наряду с заметными успехами в развитии публицистических жанров, в которых находит свое воплощение современная действительность, в целом в творчестве писателей Карачаево-Черкессии есть много серьезных пробелов, нерешенных проблем.

Перед писателями области ставится почетная задача активно участвовать своим творчеством в формировании духовного облика человека коммунистического общества, глубже изучать действительность и создавать серьезные произведения о людях труда, о героических буднях колхозного крестьянства Карачаево-Черкессии, об участниках Великой Отечественной войны, о рабочем классе и интеллигенции области.

2 июля

Под заглавием «Всегда с партией, всегда с народом» «Къзыл Къарачай» публикует сообщение об общем собрании писателей Карачаево-Черкессии, посвященном итогам Третьего Всесоюзного съезда писателей и задачам писателей области.

Доклад делает ответственный секретарь областного отделения СП Х. Гашоков. На собрании выступают Ф. Абдулжалилов, Х. Жиров, Б. Тхайцухов, А. Суюнчев, Л. Бекизова и др.

Выходит литературная страница газ. «Къзыл Къарачай», где напечатаны стихи балкарского поэта Ибрагима Маммеева «Джашынъча джырлайма» («Пою как сын твой»), Абидад Богашевой «Джашауум» («Моя жизнь»), Умара Алиева Младшего «Уку бла юн» («Филин и солнце»), Магомета Ижаева «Къойчуну анты» («Клятва овцевода»), Владимира Сарыева «Къобанны джыры» («Песня Кубани»), перевод басни Крылова «Петух и Жемчужина», сделанный Шерифат Джатдоевой.

В Черкесске проходит совещание писателей и журналистов области. В работе совещания принимают участие представители Ставропольского крайкома КПСС, Карачаево-Черкесского обкома, краевого и Карачаево-Черкесского отделения СП.

11 июля

«Къзыл Къарачай» публикует отрывок из поэмы «Залихат» Халимат Байрамуковой (продолжение в № 165 от 21.VIII.1959).

12 июля

В драмтеатре Черкесска на концерте студентов второго курса национальной студии Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского исполняются отрывок из комедии «Женитьба Фигаро» Бомарше на абазинском языке, отрывок из пьесы узбекского писателя Хамзы Хажим Заде Ниязи «Бай и батрак» на русском языке, «Хирургия» А. П. Чехова на черкесском языке и пьеса «Скупой» на карачаевском языке, представляющая переработку сказочного сюжета для сцены. С успехом выступили молодые актеры Ибрагим Джабаев, Роза Халчаева, Тамара Каппушева, Амбий Аджиев.

16 августа

С 162 (2647) номера газ. «Къзыл Къарачай» («Красный Карачай») выходит под названием «Ленинни байрагъы» («Знамя Ленина»).

29 августа

В газ. «Ленинни байрагъы» публикуется на карачаевском языке рассказ Коста Хетагурова «Охота на туров» (продолжение в номере 172 от 30.VIII.1959). Перевод Османа Хубиева.

17 сентября

«Ленинни байрагъы» перепечатывает в переводе на карачаевский язык редакционную статью «Правды» от 10 сентября «Литература советского народа».

20 сентября

На празднике в Карачаевске колхозники аула Карт-Джурт исполняют на казахском языке казахские песни «Дударай», «Аяджан», «Камажай», каракалпакскую песню «Каракез».

1 октября

Бюро Карачаево-Черкесского областного отделения Союза писателей принимает постановление провести 14 октября 1959 г. торжественное заседание общественных организаций в облдрамтеатре Черкесска, посвященное 100-летию со дня рождения основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова; в целях увековечения памяти поэта и революционного демократа Коста Хетагурова, который жил и умер в Карачае, просить облсовет депутатов трудящихся поддержать инициативу писателей области об издании сборника произведений Коста Хетагурова на карачаевском, черкесском, абазинском и ногайском языках объемом 3 п. л., тиражом 3000 экземпляров; про-

свить облсовет депутатов трудящихся присвоить имя поэта Карачаевской школе-интернату и одной из улиц Черкесска; утвердить план мероприятий по проведению 100-летнего юбилея Коста Хетагурова.

2 октября

В газ. «Ленинни байрагъы» опубликована литературно-критическая статья «Ачыкъ сѣлешейик» («Поговорим откровенно») М. Хубиева об отрывках из произведений и стихах О. Хубиева, Х. Джаубаева и др., опубликованных в газете 23 августа 1959 г.

4 октября

К 100-летию со дня рождения осетинского поэта Коста Хетагурова газ. «Ленинни байрагъы» публикует статью И. Пшибиева «Халкъ назмучу» («Народный поэт»).

8 октября

В газ. «Ленинни байрагъы» выходит литературная страница, посвященная братской дружбе народов Советского Союза.

В ней публикуются стихи балкарского поэта Кайсына Кулиева «Жизнь, люблю я орлиную силу твою», народного поэта Дагестана Расула Гамзатова «Люблю тебя, мой маленький народ», ингушского поэта Джемалдина Яндиева «Мое Отечество», адыгейских поэтов Керимизе Жанэ «У нас такой обычай» и Мурата Паранука «Хорошему другу», абазинского поэта Кали Джегутанова «Пионерская песня», кабардинского поэта Амирхана Шомахова «Хвала старшему», переведенные Назиром Хубиевым, Халимат Байрамуковой, Магометом Чотчаевым, Магометом Хубиевым, Азаматом Суюнчевым.

14 октября

«Ленинни байрагъы» печатает статью Е. Польской «К 100-летию со дня рождения Коста Хетагурова» (на карач. яз.).

15 октября

Выходит специальный номер газ. «Ленинни байрагъы», посвященный 100-летию со дня рождения великого осетинского поэта Коста Хетагурова.

Напечатаны передовица «Народный поэт» о Коста Хетагурове и его стихи «Мать сирот» (перевод Х. Байрамуковой), «Прислужник» (перевод А. Байрамкулова) и очерк Дж. Гочияева «Коста джашагъан элде» («Аул, в котором жил Коста»).

6 ноября

«Ленинни байрагъы» публикует отрывок из поэмы Х. Байрамуковой «Залихат».

12 ноября — 8 декабря

Балкарская труппа Кабардино-Балкарского драмтеатра показывает в городах и аулах Карачаево-Черкесии пьесы «Таулада тань джарыкъ» («Рассвет в горах») И. Боташева и «Къанлы той» («Кровавая свадьба») О. Этезова.

26 ноября

В связи с приближающимся 100-летием со дня рождения А. П. Чехова газ. «Ленинни байрагъы» публикует рассказ писателя «Смерть чиновника» в переводе Х. Байрамуковой.

В 1959 г. изданы: «Джазгъанларыны сайламалары» («Избранные произведения») Д. Байкулова; «Сюйген тауларым» — «Любимые годы» (сборник стихов) Х. Байрамуковой; «Джазгъанларыны сайламалары» («Избранные произведения») А. Уртенова; поэма «Адам хорлайды» («Человек побеждает») К. Коркмазова; «Къобанны мынчакълары» («Бусы Кубани») (сборник стихов) А. Суюнчева; «Аманат» (роман, кн. 1) О. Хубиева.

На русском языке изданы «Ясные дали» (сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии).

1960

15 января

В газ. «Къызыл Къарачай» публикуется очерк Халимат Байрамуковой «Депутат ишлейди» («Депутат работает») о Хабибат Аджиевой, заслуженной учительнице РСФСР, депутате Верховного Совета СССР.

16 января

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова «Къызыл Къарачай» публикует рассказ «Хамелеон» в переводе Алибека Байрамкулова.

22 января

«Ленинни байрагъы» публикует на карачаевском языке рассказ А. П. Чехова «Унтер Пришибеев» в переводе Сеита Боташева.

29 января

В связи со 100-летием со дня рождения А. П. Чехова «Ленинни байрагъы» выпускает специальную страницу, посвященную жизни и творчеству писателя.

Е. Польская в статье «А. П. Чехов в Карачае» рассказывает о том, что летом 1896 г. А. П. Чехов неделю отдыхал в Кисловодске, а 28—29 августа побывал на охоте в горах Карачая. Об этом А. П. Чехов записал у себя в дневнике: «28-го ездил на охоту с бароном Штейнгелем, ночевал на Бермамыте, было холодно и дул сильный ветер». О поездке на Бермамыт свидетельствует и пометка «Бермамыт» в записной книжке А. П. Чехова, относящаяся к 1897 г.

21 февраля

В связи со 125-летием со дня рождения народного певца Касбота Кочкарова «Ленинни байрагъы» публикует статью

«Ленинни ёмюрю джашлыгъын къайтаргъан эди» («Ленинская эра вернула ему молодость») Кипкеева Аслана.

«Ленинни байрагъы» сообщает о том, что учительница средней школы аула Нижняя Теберда Зоя Куатова силами учащейся поставила драму «Сафият» по поэме «Сафият» Азрета Уртенова.

25 февраля

«Ленинни байрагъы» под названием «Мухаммат-Амин афенди бла Абдул-Къадыр „шыыхны“ тубегенлери» («Встреча эфенди Мухаммат-Амина с шейхом Абдул-Кадыром») публикует инсценировку одной из глав романа «Черный сундук» Хасана Аппаева.

28 февраля

В доме культуры курорта Теберда автор романа «Аманат» Осман Хубиев встречается со своими читателями, отвечает на их вопросы и рассказывает о своих творческих планах.

1 апреля

В доме культуры Карачаевска проходит конференция на тему «Литература Карачаево-Черкесии». В работе конференции принимают активное участие писатели области Х. Байрамуква, Х. Гашоков, О. Хубиев, выступают читатели — студенты, рабочие, учителя, молодые поэты.

3 апреля

На страницах газ. «Ленинни байрагъы» начинается публикация одноактной комедии «Тынъысыз джюрекле» («Беспокойные сердца») балкарских драматургов И. Боташева и А. Ярлова.

10 апреля

Первая публикация в «Ленинни байрагъы» стихотворения Азамата Суюнчева «Ленинни хаты» («Почерк Ленина»).

8 мая

«Ленинни байрагъы» перепечатала из белорусской газеты «Во славу» очерк С. Кустановича «Героический сын Карачая», посвященный Герою Советского Союза Осману Касаеву, командиру партизанского отряда, действовавшего в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии.

5 июня

Балкарская труппа Кабардино-Балкарского драмтеатра показала в Черкесске пьесу М. Шхагапсоева «Сын медведя — Батыр».

11 июня

В «Ленинни байрагъы» опубликована статья «Гапалаула» Сента Лайпанова об истории возникновения народной песни «Гапалаула» и ее жизненной основе.

24—30 июня

«Ленинни байрагъы» публикует драму «Сафият», написан-

ную Б. Дудовым и А. Шидаковым на сюжет поэмы «Сафият» Азрета Уртенова.

25 июня

«Ленинни байрагъы» сообщает о том, что в июне состоялось собрание писателей области.

Представитель правления Союза писателей РСФСР детская писательница Е. М. Рязанова в своем выступлении отмечала существенное отставание детской литературы на языках народов Карачаево-Черкесии (кроме двух книжек черкесских писателей Алима Ханфенова и Мухадина Ахметова да нескольких переводов, книг на родных языках для детей в Карачаево-Черкесии нет).

Выступавшие обратили внимание на необходимость тесных творческих связей работников издательства, газеты с писателями. Постановили послать делегатов на семинар по детской литературе, который должен состояться осенью 1960 г. в Краснодаре.

20 июля

«Ленинни байрагъы» публикует отрывок «Джуг молла» («Жадный мулла») из повести «На рассвете» черкесского писателя С. Хатуова.

31 июля — 4 августа

В «Ленинни байрагъы» (номера 152/2956, 153/2957, 154/2958) публикуются главы из второй книги романа «Аманат» О. Хубиева.

10—11 августа

«Ленинни байрагъы» публикует статью «Къалай улу Алпа» («Аппа Калаев») Сеита Лайпанова о народном певце А. Джанибекове.

4 сентября

«Ленинни байрагъы» сообщает о том, что в 7 номере журнала «Женщины мира» на французском, испанском, английском языках напечатаны стихотворение «Наша мать», рассказ «Черное платье» и лирические стихи Халимат Байрамуковой, предложенные ею на конкурс, объявленный редакцией журнала.

29 сентября

Выходит литературная страница газ. «Ленинни байрагъы» со стихами «Заман» («Время»), «Къобан ёзен» («Кубанское ущелье») Х. Байрамуковой, «Былаймыд этиб къоярынъ?..» («И со мною так поступишь?..») О. Хубиева, «Джазаса керти» («Ты пишешь правду») Х. Джаубаева и лирическими миниатюрами в прозе Х. Узденова.

20 ноября

«Ленинни байрагъы» публикует на карачаевском языке рассказ «Не буду помехой» ногайского писателя Суюна Капаева в переводе Джагафара Гочияева.

В 1960 г. выходят из печати: «Гитчени джолу» («Путь Гиче», поэма) А.-К. Байкулова; «Джангыны джарыгы» («Свет нового», пьеса в 2-х действиях) Дж. Гочиева; «Джарыкъ джолда» («На светлом пути», сборник произведений карачаевских авторов); «Сайламала» («Избранное») И. Каракотова; «Анам» («Мать», сборник стихов) Н. Хубиева.

На русском языке издается повесть «Семейный праздник» Б. Хатуевой.

На французском, испанском, английском языках в 7 номере журнала «Женщины мира» публикуются рассказ «Черное платье» и стихотворение «Наша мать» Х. Байрамуковой.

1961

1 января

В газ. «Ленинни байрагы» опубликован очерк Ханафи Эбзеева «Балбу».

4 января

В Карачаево-Черкесском госпединституте в Карачаевске поэты Азамат Суюнчев и Назир Хубиев встречаются со студентами и выступают с чтением своих стихов.

21 января

В клубе завода холодильного оборудования в Черкесске проходит читательская конференция по сборнику произведений писателей Карачаево-Черкесии «Ясные дали».

Выступавшие отмечали достоинства и недостатки повести «Крутые повороты» Ф. Абдулжалилова, недостаточное внимание писателей области к теме рабочего класса, тепло отзывались о рассказах Х. Байрамуковой «Черное платье» и «Вторая жизнь».

Поэты Александр Яльмаров и Алим Ханфенов поделились творческими планами, прочитали свои стихи. Фазиль Абдулжалилов рассказал о том, как он работает над второй книгой повести «Бурный поток».

19 февраля

В газ. «Ленинни байрагы» публикуется очерк «Джолну аллы» («Начало пути») Х. Байрамуковой.

23 марта

«Ленинни байрагы» помещает очерк Османа Хубиева «Зухра».

1 апреля

«Ленинни байрагы» публикует на карачаевском языке статью «Коста Хетагуров» Е. Польской о пребывании Коста Хетагурова на руднике «Эльбрус» в Карачае.

7 апреля

«Ленинни байрагы» в № 69 (3132) публикует начало рас-

сказа «Письмо Асий» Х. Байрамуковой (продолжение в № 70/3133, 71/3134).

22 июня

В газ. «Ленинни байрагъы» публикуется очерк «Маала керек кюн джанларын аямагъанла» («О тех, кто не ведал страха») Х. Байрамуковой об участницах Великой Отечественной войны Халимат Эбзеевой, Шахидат Кульбековой, Фатиме Чычханчиевой, Шерифат Токовой, Кочуре Чотчаевой, Зое Куатовой, Зухре Эркеновой, Балдан Болатовой и отрывок «Техтин» из очерка «Къарачайны уланы-Белоруссияны джигити» («Сын Карачая — Герой Белоруссии») Сеита Лайпанова.

29 июня

Бюро областного отделения СП РСФСР постановило ходатайствовать перед Правлением СП РСФСР направить на выставку в Каир книги писателей Карачаево-Черкесии: роман «Аманат» Османа Хубиева; повесть «Бурный поток» Фазиля Абдулжалилова (на ногайском и русском яз.); «Отец и сын» Хусина Гашокова; роман «Черный сундук» Хасана Аппаева; роман «Зарево» Магомета Дышекова; «Ущелье Бэлы» Абдулаха Охтова; «Избранные произведения» Азрета Уртеннова; «Избранное» Иссы Каракотова; сборник стихов «Любимые горы» Халимат Байрамуковой; сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии «Ясные дали».

6—9 июля

В литературной странице газ. «Ленинни байрагъы» начинается публикация отрывков из книги «Пламя гнева» Л. Аргутинской в переводе Х. Байрамуковой. В них речь идет о партизанской борьбе в 1942 г. на оккупированной территории Карачаево-Черкесии. Один из главных — образ партизанки Залихат Эркеновой.

8 августа

«Ленинни байрагъы» печатает стихотворение «Кавказ» («...Как сладкую песню Отчизны моей люблю я Кавказ!..») М. Ю. Лермонтова в переводе М. Чотчаева.

8 сентября

«Ленинни байрагъы» публикует рассказ «Беспокойный старик» ногайского писателя Суюна Калаева в переводе Х. Байрамуковой.

21 сентября

«Ленинни байрагъы» помещает очерк «Наша Нина» О. Хубиева.

21 октября

В с. Коста Хетагурова (б. Георгиево-Осетинском) состоялось открытие памятника Коста Хетагурову. На митинге присутствовали гости из Адыгеи, Северной Осетии, Южной Осетии, Чечено-Ингушетии, г. Ставрополя.

В 1961 г. увидели свет книги: «Таў бла таўлу» («Гора и горец») — сборник стихов А. Семенова; «Аманат» (роман, кн. 2) О. Хубиева; «Зори Кубани» (сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии); к XXII съезду КПСС издана книга очерков «Алчыла» («Передовики»); «Из истории карачаевской поэзии (очерки поэзии)» П. И. Балтина.

1962

8 февраля

«Ленинни байрагъы» публикует стихотворение «Утро Африки» Патриса Лумумбы в переводе Азрета Акбаева.

11 февраля

Выходит литературная страница газ. «Ленинни байрагъы» с произведениями молодых авторов. («Умут этме кетди да къайтмаз деб» — «Не думай, что не вернется» Сослана Байчорова; сатирические миниатюры Хамзата Узденова; рассказ «Алий бла бёрюле» — «Алий и волки» Магомета Чотчаева).

16 февраля

«Ленинни байрагъы» печатает песню «Ант этеме сакъларгъа» («Поклялась я ждать») на слова поэта Азрета Эбзеева, музыка написана по мотивам народных мелодий С. Панковым.

4 марта

Газ. «Ленинни байрагъы» публикует статью Сеита Лайпанова об истории возникновения народной сатирической песни «Джёрме» и текст самой песни.

17 мая

«Ленинни байрагъы» помещает на своих страницах рассказ абазинского писателя Бемурзы Тхайсучова «Сын Ленина» в переводе Б. Байрамукова.

23 мая

«Ленинни байрагъы» печатает статью «Ислам Къарачайлы» Х. Байрамуковой о жизни и литературной деятельности писателя-публициста 20—30-х годов Ислама Хубиева (Карачайлы).

29 мая

В связи со 100-летием со дня рождения классика азербайджанской литературы поэта-сатирика Мирзы Алекпера Таирзаде Сабира газ. «Ленинни байрагъы» публикует на карачаевском языке статью «Мастер революционной сатиры» Расула Расулова и стихи М. А. Сабира «Не верю», «Этого не будет» в переводе М. Байчорова.

15 июня

В актовом зале педучилища в Черкесске проходит читательская конференция по роману «Аманат» О. Хубиева.

29 июня

В доме культуры Карачаевска карачаевская секция област-

ного отделения СП СССР проводит пятый семинар молодых писателей и поэтов.

«Ленинни байрагъы» публикует поэму «На смерть Пушкина» М. Ф. Ахундова в переводе М. Байчорова.

13 июля

В связи со 150-летием со дня рождения великого представителя азербайджанского просветительства, писателя и мыслителя Мирзы Фатали Ахундова газ. «Ленинни байрагъы» публикует статью «Урунъан халкъны тыйыншылы уланы» («Достойный сын своего народа») Азрета Акбаева.

24 августа

Редакция «Ленинни байрагъы» обращается к читателям с просьбой присылать в газету свои отзывы о произведениях карачаевских литераторов, поскольку с этого номера в ней будут регулярно печататься критические статьи и рецензии на выходящие произведения.

28 августа

Молодая карачаевская группа, состоящая из выпускников Ленинградского института театрального искусства, показывает в г. Черкесске в помещении облдрамтеатра музыкальную комедию «Аршин Мал-Алан» Узеира Гаджибекова.

29 сентября

Национальная труппа облдрамтеатра осуществляет постановку пьесы А. М. Горького «Мещане».

4 октября

«Ленинни байрагъы» публикует отрывок из поэмы Владимира Маяковского «В. И. Ленин» в переводе Азрета Акбаева.

24 ноября

Отмечается 60-летие со дня рождения первой женщины-поэтессы Карачая Абидаг Боташевой. Газ. «Ленинни байрагъы» печатает статью О. Хубиева о жизни и творчестве юбиляра и отрывки из ее произведений.

В связи с 400-летием со дня рождения Лопе де Вега «Ленинни байрагъы» помещает статью «Испанияны махдаулу джашы» («Славный сын испанского народа») Бориса Тохчукова.

11 декабря

В облдрамтеатре проходит обсуждение комедии «Огъурлу» Ш. Эбзеева в новой редакции.

19 декабря

Газ. «Ленинни байрагъы» печатает статью, в которой автор Шахарбий Алиев призывает интеллигенцию, работников культуры ближе познакомиться с работой актеров молодой национальной труппы, а писателей — создавать действительно нужные народу и хорошие пьесы, проявлять заботу о репертуаре театра.

В 1962 г. изданы книги: «Қъарчаны юйдегиси» («Семья Карчи») Х. Байрамуковой; «Сенсе джашауум» («Ты моя жизнь» — сборник стихов) Б. Батчаева; «Сайламалары» («Избранное» — стихи) Х. Бсстанова; «Таулада эртден» («Утро в горах» — сборник стихов) А. Эбзеева; «Дугъум кезле» («Черные глаза» — сборник стихов) С. Байчорова.

1963

4—5 января

Газ. «Ленинни байрагъы» публикует рассказ Х. Байрамуковой «Айран».

9 января

Исполняется 60 лет со дня рождения Дауга Байкулова. «Ленинни байрагъы» опубликовала статью О. Хубиева о жизни и творчестве карачаевского поэта.

18 января

«Ленинни байрагъы» сообщает о том, что национальная труппа Облдрамтеатра готовит к постановке «Океан» А. Штейна и «Огъурлу» Ш. Эбзеева.

19 января

К 100-летию со дня рождения А. С. Серафимовича «Ленинни байрагъы» публикует на карачаевском языке статью Е. Польской «А. С. Серафимович в Карачае».

27 января

Редакционная статья газ. «Ленинни байрагъы» посвящается современной карачаевской литературе. Как свидетельство ее успехов отмечается выход книги «Семья Карчи» и рассказа «Айран» Х. Байрамуковой, романа «Аманат» О. Хубиева; как на общий недостаток литературы в статье указывается на все еще неглубокое изображение нашего современника, слабое развитие оригинальной детской литературы, а также отставание критики.

3 февраля

«Ленинни байрагъы» публикует обзор карачаевской литературы последних двух лет. Автор статьи О. Хубиев пишет о том, что в центре внимания карачаевской литературы в эти годы — духовный рост советского человека, нашего современника, его героические будни, трудовые подвиги, и в ряду книг, поднимающих современные темы, называет «Семью Карчи» Х. Байрамуковой, сборники стихов «Гора и горец» А. Семенова, «Черные глаза» С. Байчорова, «Утро в горах» А. Эбзеева, сборник «Джарыкъ джолла» («Ясные дали»), в котором собраны произведения 31 автора. За последние три года газ. «Ленинни байрагъы» напечатала 93 рассказа, 69 очерков, выпустила 21 литературную страницу. О. Хубиев отмечает и недостатки: неглубокое изображение тех изменений, которые произошли в духовном облике карачаевцев за годы Советской власти; отсутствие

произведений, полнокровно изображающих внутренний мир нашей современницы-горянки, занятой в сфере интеллектуально-го труда, отсутствие книг для детей, слабое развитие критики.

19 февраля

Проходит отчетно-выборное собрание писателей Карачаево-Черкесии. Ответственным секретарем Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей РСФСР избирается Х. Х. Гашоков.

20 февраля

«Ленинни байрагъы» публикует на карачаевском языке стихотворение «Проклятие» Расула Гамзатова в переводе А. Семенова.

17—24 марта

Карачаевская труппа показывает комедию «Огъурлу» Ш. Эбзеева в аулах Верхняя Теберда, Учкулан, поселке Курорт Теберда, в гор. Карачаевске.

5 апреля

«Ленинни байрагъы» сообщает, что в последних числах марта балкарская труппа Кабардино-Балкарского драмтеатра гастролировала в Карачаево-Черкесии и показала пьесу И. Боташева и Х. Байрамуковой «Подвиг горянки» в городах Черкесск, Карачаевск, в совхозе «Холодный Родник».

12 апреля

«Ленинни байрагъы» публикует рецензию Б. Тохчукова на пьесу «Огъурлу» Ш. Эбзеева. Автор сообщает, что в течение одного месяца пьеса в постановке облдрамтеатра прошла 21 раз, посетило ее 6000 зрителей.

6 мая

Дагестанский театр Кумыкской музыкальной драмы имени А. П. Салаватова в помещении облдрамтеатра показывает драму Расула Гамзатова «Горянка».

В рсях были заняты народная артистка СССР Барият Мурадова, народный артист РСФСР Алим Курумов, народная артистка Дагестанской АССР Саният Мурадова, артисты Хабибат Магомедова, Елена Легомениди и др.

11 мая

«Ленинни байрагъы» помещает рассказ «Къайда таулу тышыры?» («Где же горянка?») Х. Байрамуковой.

23 мая

В Карачаевске состоялась встреча поэтов и писателей Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева, Керима Отарова, Берта Гуртуева, Джанажаита Залиханова, Максима Геттуева, Сафара Макитова, Адама Шогенцукова, Хачима Теунова, Амирхана Шомахова со студентами и преподавателями Карачаево-Черкесского госпединститута. Гости читали свои стихи и рассказывали о своих творческих планах.

26 мая

Газ. «Ленинское знамя», «Ленинни байрагъы», «Черкес

«Цэж» публикуют стихи К. Кулиева, К. Отарова, Дж. Залиханова, С. Макитова, Ад. Шогенцукова, А. Шомахова на русском, карачаевском и черкесском языках.

Нальчикская телестудия инсценирует поэму «Сафият» Азрета Уртепова (режиссер Магомет Атгаев). Одновременно идет подготовка телевизионной передачи по сюжету романа «Черный сундук» Хасана Аппасва.

31 мая

«Ленинни байрагъы» сообщает о том, что на VI Всесоюзной межвузовской конференции лермонтоведов вызвал большой интерес доклад преподавателя Карачаево-Черкесского госпединститута М. Хубиева «О поэме Лермонтова „Хаджи Абрек“». Докладчик связывает аул Джемат, о котором идет речь в поэме, с аулом Джамагат в Карачае, приводя в пользу этой версии ряд веских доказательств.

8 июня

«Ленинни байрагъы» сообщает, что с 20 апреля по 12 мая карачаевская труппа Карачаево-Черкесского облдрамтеатра показала пьесу «Отгърлу» Ш. Эбзеева в аулах Балкарии, в драмтеатре Нальчика. 12 мая пьесу передала Нальчикская телевизионная студия.

9—12 сентября

В Ясной Поляне и в г. Туле проходит научная конференция, посвященная 135-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. С докладом «Лев Толстой и Карачай» выступает преподаватель Карачаево-Черкесского госпединститута Магомет Хубиев.

27 сентября

В Черкесске карачаевская труппа облдрамтеатра ставит в переводе с кумыкского языка пьесу «Если сердце не захочет» дагестанского драматурга Гамида Рустамова.

13 октября

Под рубрикой «Из произведений писателей братских народов» в «Ленинни байрагъы» публикуются стихи латышского поэта Манта Крама «Утро Латвии» в переводе Х. Байрамуковой, киргизского поэта Жумая Мавлянова «Бурливая речка» в переводе Х. Джаубаева, Льва Ошанина «Пусть всегда будет солнце» в переводе Х. Байрамуковой, осетинского поэта Василия Цховребова «Коста» в переводе О. Хубиева, рассказ «Тимур» бурятского писателя Бааста в переводе Н. Кагиевой.

24 октября

«Ленинни байрагъы» печатает стихи кумыкского поэта Махаммата Атабаева «Увидим», «Три четверти» в переводе Сеита Лайпанова.

17 ноября

Под рубрикой «Театр и его проблемы» газ. «Ленинни байрагъы» публикует статью Х. Байрамуковой «Къарачайны биринчи актрисасы» («Первая актриса Карачая»).

19—20 ноября

В Карачаевске работает шестой семинар молодых писателей. Участники семинара прослушали доклад о задачах советской литературы на современном этапе. Шел большой разговор о сборе и издании поэтических произведений народного певца Карачая Касбота Кочкарова. Оживленно прошло обсуждение сборника стихов «Ты моя жизнь» Бергера Батчаева и стихов, рассказов, пьес молодых авторов.

2—4 декабря

В Карачаевске проходит совещание по проблемам литературных взаимосвязей в процессе становления литератур народов Северного Кавказа.

Совещание создано по инициативе Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и подготовлено совместно с Научным Советом по комплексной проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху».

В работе совещания приняли активное участие от ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР доктор филологических наук Г. И. Ломидзе; кандидаты филологических наук В. И. Борщуков, Ю. А. Крестинский и З. Г. Османова, литературоведы Абхазии, Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Ставрополя, а также писатели и поэты Аксен Сусеев (Калмыкия), Кайсын Кулиев (Кабардино-Балкария), Фазиль Абдулжалилов, Осман Хубиев, Азамат Суюнчев (Карачаево-Черкесия) и представители общественности Карачаево-Черкесии.

Совещание открыл секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Н. М. Лыжин. Ученый секретарь Научного Совета Ю. А. Крестинский отметил большое значение совещания и своевременность его созыва, выразил надежду, что она явится вкладом в разработку теории социалистического реализма, поможет правильному освещению проблемы младописьменных литератур в подготавливаемой коллективом ученых многотомной «Истории советской литературы».

Ряд важнейших методологических вопросов изучения проблемы взаимосвязей и взаимообогащения литератур народов СССР поставил в своем докладе доктор филологических наук Г. И. Ломидзе.

Большинство докладов, заслушанных на совещании, группировалось вокруг следующих основных тем:

1. Горское просветительство XIX в. и его роль в приобщении народов Северного Кавказа к прогрессивной русской культуре.

2. Роль фольклора в становлении литератур Северного Кавказа на разных этапах их развития.

3. Межнациональные взаимосвязи литератур Северного Кавказа и их взаимодействие с русской культурой.

4. Традиции литератур Зарубежного Востока в литературах Северного Кавказа и Дагестана.

Участники совещания признали, что совещание было содержательным и плодотворным, высказали пожелание продолжить это хорошее начинание и проводить ежегодные совещания по насущным проблемам развития литератур народов Северного Кавказа.

В 1963 г. вышли из печати: поэма «Залихат» Х. Байрамуковой; «Сайламалары» («Избранное») А. Биджиева; «Ата джурт ючюн» («За Родину») Героя Советского Союза Харуна Богатырева; стихи «Атамы сёзю» («Слово отца») Х. Джаубаева; «Назмула» («Стихи») М. Урусова; роман «Таулада таууш» («Голос в горах») Д. Кубанова; сборник стихов «Ант» («Клятва») О. Хубиева; «Орайда» — сборник произведений карачаевских авторов; «Шохлукъ» («Дружба») — сборник произведений молодых авторов.

На русском языке изданы: «Стихи» Х. Байрамуковой; сборники произведений писателей и поэтов Карачаево-Черкесии: «Свет дружбы», «Слсво о братстве», «Писатели Карачаево-Черкесии (литературные портреты)»; «Становление карачаевской литературы (очерк истории)» А. Караевой.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

- Алейников М., *Карачаевские сказания*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. III, Тифлис, 1883.
- Алиев С., *Къарачай нарт сёзле*, Черкесск, 1963.
- «Балкарская народная лирика», Нальчик, 1959.
- Баранов Е., *Сказания горских татар*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXIII, Тифлис, 1897.
- Бежир, *Предание о Карче, родоначальнике Карачая*, — «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1899, № 266.
- Бязырсов Х., *Неразумный сын. Горская карачаевская сказка*, — «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1899, № 29.
- Гатцук В. А., *Кавказские сказки*, М., 1904, вып. 1—10.
- Дрягин А., *Анализ некоторых карачаевских сказаний о борьбе нартов с эмечь в свете яфетической теории*, Л., 1930.
- Дьячков-Тарасов А. Н., *Заметки о Карачае и карачаевцах*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXV, Тифлис, 1898.
- Дьячков-Тарасов А. Н., *В горах Большого и Малого Карачая*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVIII, Тифлис, 1908.
- Егорова Л. П., *Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии*, — «В помощь студенту-заочнику», Ставрополь, 1964.
- Жаңтияева Д. Г., *Исторический эпос горцев Северного Кавказа*, — «Ученые записки Северо-Кавказского горского НИИ», т. II, Орджоникидзе, 1929.
- Иванюков И. И. и Ковалевский, *Очерки Балкарии (с классификацией песен)*, — «Вестник Европы», кн. 1, СПб., 1886.
- Караева А. И., *О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев*, Черкесск, 1961.
- Карачайлы Ислам (Хубиев), *Сатирические песни Карачая*, — «Советский Северный Кавказ», № 1, Ростов-на-Дону, 1930.
- «Къарачай таурухла», Черкесск, 1963.
- Кириченко Н., *Песня о Аймуше и его брате Магуле*, — «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1897, № 200.
- Корш Ф. Е., *Древнейший народный стих турецких племен*, СПб., 1909.
- Ладыженский А. М., *Индусское сказание и легенда кавказских горцев*, — «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1929, № 3(5).
- Лайпанланы Х. О., *Къарачай фольклор*, Микоян-Шахар, 1940.
- Лайпанланы Х. О., *Эски къарачай джырла*, Микоян-Шахар, 1940.
- Максимов П., *Горские сказки*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1935, № 1.
- «Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского НИИ по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского, карачаевского фольклора», Нальчик, 1959.
- Миллер В. Ф., *Отголоски иранских сказаний на Кавказе*, — «Этнографическое обозрение», кн. II, М., 1889.

- «Нартский эпос. Материалы совещания 1956 г.», Орджоникидзе, 1958.
- Павлов Д. М., *Искусство и старина Карачая*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XLV, Махач-Кала, 1926.
- Петров Г. С., *Легенды и древние постройки в Карачае*, — «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1879, № 40.
- Петров Г. С., *Верховья Кубани — Карачай*, — «Памятная книжка Кубанской области за 1880 год», Екатеринодар.
- Сысоев В. М., *Карачай*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XLIII, Тифлис, 1913.
- Талицкий Н. Е., *Очерки Карачая*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XL, Тифлис, 1909.
- Тресков И. В., *Фольклорные связи Северного Кавказа*, Нальчик, 1963.
- Тулчинский Н., *Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области*, — «Терский сборник», вып. IV, Владикавказ, 1903.
- Уруубев С., *Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области*, — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1881, вып. I.
- Услар П. К., *Древнейшие сказания о Кавказе (Предания об эмчех (амазонках), а также кызкала. Битва карачаевцев и черкесов с эмчех)*, Тифлис, 1881.
- Чурсин Г. Ф., *Этнографические заметки о Карачае*, — «Кавказ», Тифлис, 1900, № 305, 306.
- Чурсин Г. Ф., *Музыка и танцы карачаевцев*, — «Кавказ», Тифлис, 1901, № 270.
- Шортанов А. Т., *Театральное искусство Кабардино-Балкарии*, Нальчик, 1961.
- Щужин И., *Краткий географический очерк Карачая*, — «Русский антропологический журнал», М., 1913, № 1—2.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА

- Алексеева Е. П., *Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа*, Черкесск, 1963.
- Алиев У. Дж., *Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики (к 16-летию Октября)*, Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев У. Дж., *Кара-Халк (Черный народ)*, Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев У. Дж., *Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк*, Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев У. Дж., *Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае*, Ростов-на-Дону, 1926.
- Гарданов Б., *Исторический очерк*, — «Народы Кавказа», т. 1, М., 1961.
- Лайпанов Х. О., *К истории карачаевцев и балкарцев*, Черкесск, 1957.
- Невская В. П., *Карачаевцы*, — сб. «Народы Карачаево-Черкессии», Ставрополь, 1957.
- Невская В. П., *Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период*, Черкесск, 1960.
- Студенецкая Е. Н., *К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века*, — «Советская этнография», 1937, № 2—3.
- Тамбиев И., *О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации*, — «Революция и горец», Ростов на-Дону, 1931, № 12/38.
- Щужин И., *Материалы для изучения карачаевцев*, — «Русский антропологический журнал», М., 1913, № 1—2.

О КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

- Акъбайланы А., *Биринчи бет* [О сборнике стихов «Ты моя жизнь» Батчаева Б.], — «Ленинни байрагы», 9.11.1963.

- Амалатбек, *О художественном воспитании и образовании горцев*. — «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1929, № 1.
- Байрамукъланы Х., *Джашау джырлатады* [О поэзии молодых], — «Ленинни байрагъы», 15.XI.1959.
- Байрамукъланы Х., *Ленин сенсе, билеме...* [О творчестве А.-К. Байкулова], — «Ленинни байрагъы», 15.IV.1960.
- Байрамукъланы Х., *Гитчени джолу* [О поэме А.-К. Байкулова], — «Ленинни байрагъы», 19.V.1961.
- Байрамукъланы Х., *Ислам Къарачайлы*, — «Ленинни байрагъы», 23.V.1962.
- Балтин П., *Революционные песни Иссы Каракотова*, — «Сб. трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института», Нальчик, 1959, вып. 2.
- Балтин П., *Из истории карачаевской поэзии*, Черкесск, 1961.
- Балтин П. И., Бекизова Л. А., *Литература народов Карачаево-Черкесии*, — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории языка и литературы», (филологическая серия), Черкесск, 1959, вып. III.
- Бостанланы Х., *Къарачайны халкъ джырчысы* [О народном певце Карачая Исмаиле Семенове], — «Къызыл Къарачай», 7.XI.1935.
- Бостанланы Х., *Социалист Къарачайны художественный литературасы*, — «Къызыл Къарачай», 11.I.1940.
- Джаубаланы Х., *Халкъ ююн джашаргъа, халкъ ююн джазаргъа* [О поэзии молодых], — «Ленинни байрагъы», 6.IV.1963.
- «Карачаевская литература», — «Литературная энциклопедия», т. V, М., 1931, стр. 117—119.
- Карачайлы И. (Хубиев), *Когда немые заговорили* [О развитии национальной культуры на Северном Кавказе], — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1928, № 10.
- Карачайлы И. (Хубиев), *Писатели и поэты Карачая*, — «На подъеме», Ростов-на-Дону, 1929, № 2.
- Къ. А., *Джангъы шигирле* [Первая карачаевская рецензия. Посвящена сборнику Иссы Каракотова «Новые песни», М., 1924], — «Таулу джашау», 17.III.1925.
- Къагъыйланы Н., *Бизни джаш джазычуларыбыз*, — «Ленинни байрагъы», 14.XII.1962; 11, 12.I.1963.
- Кърымланы Х., *Комсомол джырла* [Рецензия на книгу стихов О. Хубиева], — «Къызыл Къарачай», 18.IX.1936.
- Кърымшамхалланы Х., *Къарачайны искусствосу (Эбзелени Шахарбийни «Огъурлу» драматыны юсонден)*, — «Къызыл Къарачай», 14.VIII.1936.
- Лайпанов Х., *За правильное изображение горянки в литературе*, — «Красный Карачай», 26.IX.1936.
- Лайпанов Х., *Поэма о Сафият*, — «Красный Карачай», 16.III.1937.
- Лайпанланы С., *Литературабызны ёсом джюрюшю*, — «Ленинни байрагъы», 24.II.1963.
- Орусланы Амина, *Критика энда библиография (Байкъулланы Даутну «Залихат» поэмасы)*, — «Къызыл Къарачай», 12—14.VIII.1936.
- Орусланы Магомет, *Джангъы джаза башлагъан джаш джырчылагъа*, — «Къызыл Къарачай», 11.XII.1936.
- Темирлиланы А., *Къыйын джол — насыбха джол* [О поэме «Гитчени джолу» А.-К. Байкулова], — «Ленинни байрагъы», 23.I.1963.
- Темирлиланы А., *Иги джолгъа* [О сборнике стихов «Тау бла таулу» А. Семенова], — «Ленинни байрагъы», 23.III.1933.
- Феоктистов Н., *Литературные организации Северного Кавказа*, — «Революция и национальности», М., 1934, № 4.
- Хазгерийланы М., *Миллет литератураны — мишкге кёлтюрюрге*, — «Къызыл Къарачай», 28.V.1936.
- Хубийланы М. А., *Алчыла*, — «Ленинни байрагъы», 4.II.1962.
- Хубийланы О., *Ишсиз турма* [Статья о жизни и творчестве И. Каракотова к 60-летию со дня его рождения], — «Ленинни байрагъы», 27, 28.IX.1960.

- Хубийланы О., *Джарыкъ джолда* [Рецензия на сборник произведений карачаевских авторов «На светлом пути»], — «Ленинни байрагъы», 10.IX.1961.
- Хубийланы О., *Бусагъат замангъа тыйыншы джазаргъа*, — «Ленинни байрагъы», 24.II.1963.
- Чагъарланы М., *Дугъум кѣлеришъ*, — «Ленинни байрагъы», 5.XII.1962.
- Чернышев В. Е., *Писатели Карачая и Черкесии*, — «На подъеме», Ростов-ча-Дону, 1930, № 4
- Эбзеланы Х. З., *Сенсе джашайум* [Статья о сборнике стихов Батчаева Б.], — «Ленинни байрагъы», 15.VI.1963.

ХАСАН АППАЕВ

- Амгъаталаны Мунир, *«Къара кюбюр» романни халкъ аюз творчество бла байламлыгыгъы*, — «Ленинни байрагъы», 9.IX.1962.
- «Аппаланы Хасан. „Къара кюбюр“», — «Къызыл Къарачай», 31.V.1936.
- Кипкеланы М., *«Къара кюбюр» романны хакъындан*, — «Къызыл Къарачай», 3.XII.1935.
- Къарабашланы Ю., *Хорламланы джолунда* [О романе Аппаева Х. «Къара кюбюр»], — «Къызыл Къарачай», 4.VIII.1937.
- Орусланы Амина, *Къымытлары къорагъандыла (Аппаланы Хасанны «Къара кюбюр» романыны критикасы)*, — «Къызыл Къарачай», 26.XII.1936.
- Хубийланы О., *«Къара кюбюр» сценада*, — «Къызыл Къарачай», 12.III.1937.
- Хубий улу И. (Къарачайлы), *«Къара кюбюр» бла къарачай беллетристиканы хакъындан*, — «Къызыл Къарачай», 7.VIII.1936.
- Чотчаланы Б., *«Къара кюбюрню» экинчи кесегин сакълайбыз*, — «Къызыл Къарачай», 7.VIII.1936.

ХАЛИМАТ БАЙРАМУКОВА

- «Байрамукова Х.» [Биографическая справка, — журн. «Произведения и мчения» (на франц. яз.)], 1963, № 9.
- Балтин П., Бекизова Л., *Литература народов Карачаево-Черкесии*, — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института» (филологическая серия), Черкесск, 1959, вып. III.
- Балтин П. И., *Лирика советской горняки*, — «Ставрополье», 1960, № 1.
- Бекизова Л., *Литература, рожденная Октябрем*, — кн. «40 лет автономии Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1962.
- Дружинина Н., *«Ясные дали»*, — «Звезда», 1960, № 8.
- Дымшид А., *Лирика раздумий*, — «Знамя», 1964, № 4.
- Егорова Л., *Поэтическое раздумья*, — «Ленинское знамя», 23.XII.1963.
- Караева А., Бекизова Л., *О поэме «Залихат» Х. Байрамуковой*, — «Ленинское знамя», 10.VII.1960.
- Коженикова Т., *Поэзия большого сердца*, — «Ставрополье», 1964, № 1.
- Константинов В., *Новый рассказ Халимат Байрамуковой* [О рассказе Байрамуковой «Айран»], — «Ставропольская правда», 11.I.1963; «Ленинское знамя», 9.X.1963.
- Къатъыйланы Н., *Къарачайны ёхдем кызы джашайды*, — «Ленинни байрагъы», 25.XII.1963.
- Лайланланы С., *Ана джорекни, таза иннетни поэти*, — «Ленинни байрагъы», 10.VIII.1963.
- Макаров А., *Стихи горняки*, — «Литературная газета», 28.XII.1963.
- Темирлиланы А., *Емюрге — джарыкъ, юйдегиге — насыб*, — «Ленинни байрагъы», 24.VIII.1962.
- Фетюсова Н., *От имени ровесников*, — «Дружба народов», 1964, № 4.
- Хубийланы М., *Тыйыншы назму китаб*, — «Ленинни байрагъы», 25.XII.1959.
- Черный К., *Поэзия светлых чувств и мыслей*, — «Ставрополье», 1958, № 18

ОСМАН ХУБИЕВ

Байрамктулланы Алибек, *Ашхы кюнде*, — «Ленинни байрагъы», 9.XII.1959.
 Сарыев В., *Биз да айтыргъа борчлубуз*, — «Ленинни байрагъы», 5.V.1960.
 Эбеланы Х., *Къарачай прозагъа «Аманат къошхан джангъылыкъла»*, — «Ленинни байрагъы», 16.II.1963.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАРАЧАЕВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Издания 1917—1941 гг.

- Акъбай улу М., *Къарангылыкъдан джарыкълыкъгъа*, Нарсана, 1932.
 «Альманах (къарачайны совет художество литературасыны юлтюлери)», кесек I, Микоян-Шахар, 1936.
 Аппаланы Х., *Къара кюбюр. Роман*, I китаб, Микоян-Шахар, 1935.
 Аппаланы Х., *Къара кюбюр. Роман*, II китаб, Микоян-Шахар, 1936.
 Аппаланы Х., *Къара кюбюр. Роман*, Микоян-Шахар, 1937.
 «Ата джурт ючюн алгъа (къарачай поэтлени джырлары)», Микоян-Шахар, 1941.
 Байктулланы А.-К., *Насыб джашаугъа (джырла)*, Микоян-Шахар, 1940.
 Байктулланы Д., *Бекмурзаны джашауу (тауруху)*, Кисловодск, 1931.
 Байктулланы Д., *Джангъы джашаугъа джырла*, Кисловодск, 1931.
 Байктулланы Д., *Мариям бла афенди. Поэма*, Нарсана, 1932.
 Байктулланы Д., *Джангъыча джырла*, Нарсана, 1933.
 Байктулланы Д., *Ишчи тенгъиме*, Нарсана, 1934.
 Байктулланы Д., *Шамай алгъын бла энди. Поэма*, Нарсана, 1934.
 Байктулланы Д., *Джырла*, Микоян-Шахар, 1935.
 Байктулланы Д., *Залихат. Поэма*, Нарсана, 1935.
 Байктулланы Д., *Джангъыча джырла*. Ючюнчю кере къошулуб чыкыгъаны, Микоян-Шахар, 1937.
 Байктулланы Д., *Джырла бла таурухла*, Микоян-Шахар, 1940.
 Байрамукъланы Х., *Эки джюрек. Пьеса*, Микоян-Шахар, 1939.
 Батчаланы А.-К., *Ахмат-Батыр*. 5 джабуулу ойун, Нарсана, 1933.
 Борлакъланы М., *Насыбсыз къарачайлы къыз*. Алты джабуулу пьеса, Кисловодск, 1929.
 Борлаков Т., *Памятник Ленину. Стихи*, — «Альманах» [Пятигорск], 1941, № I, стр. 143.
 Борлакъланы Т., *Насыблы джашлыкъ (стихле)*, Микоян-Шахар, 1939.
 Бостанланы Х., *Джангъы ёсумге (джырла)*, Нарсана, 1932.
 Бостанланы Х., *Джырла бла назмула* (тюзетилиниб, къошулуб экинчи кере чыкыгъаны), Микоян-Шахар, 1936.
 Бостанланы Х., *Джырла бла назмула*, Микоян-Шахар, 1940.
 Боташланы А., *Джахил тышырыуу бла окъугъан тышырыуу* (Окъууну хакъында пьеса), Кисловодск, 1931.
 Гебенланы И., *Эски адетле-джолла*. Алты джабуулу пьеса, Микоян-Шахар, 1929.
 Гебенланы И., *Бирликде тирилик*. Къарачай-малкъар тилде тёрт джабуулу пьеса, Микоян-Шахар, 1930.
 Ертенлени А., *Джангъы джырла*, Ростов-Дон, 1927.
 Ертенлени А. (Къартджуртлу), *Эркинлик джилтинлери*, Кисловодск, 1929.
 Ертенлени А., *Джангъы джырла*, Экинчи кере басылгъанды, Микоян-Шахар, 1931.
 Ертенлени А., *Дингъе къаршы окъуу китаб*, Нарсана, 1931.
 Ертенлени А., *Насра Ходжаны хапарлары*, Микоян-Шахар, 1931.
 Ертенлени А., *Джырла бла поэмала*, Нарсана, 1934.
 Ертенлени А., *Насра Ходжаны хапарлары*, Микоян-Шахар, 1936.
 Къаракётланы И., *Джангъы шигирле* (къарачай бла малкъар тилде), М., 1924.
 Къаракётланы И., *Революцион джырла* (2-чи китабы), Кисловодск, 1931.

- Къаракётланы Х., *Коммуна* (юч джабуулу пьеса), Кисловодск, 1931.
 «Къарачай поэтлени альманахы», Микоян-Шахар, 1940.
 Къоркъмазланы А., *Къызыл аскерни тамадасы (къызыл командир) кадетлегге джесирге тюшгени* (бир актлы пьеса), Кисловодск, 1929.
 Кърымшаухалланы И., *Бёрю бла Кишдик (басня)* — кн.: Биджиланы А., *Билим*, М., 1926.
 «Литературный сборник», Ворошиловск, 1939.
 Орусланы М., *Джырла*, Микоян-Шахар, 1939.
 «Поэзия горцев Кавказа», М., 1934.
 Текеланы И., *Дуа тюл — дарман* (терт джабуулу пьеса), Микоян-Шахар, 1937.
 Чотчаланы Б., *Урлангъан Мурат (80—90 джыл мындан алгъа джашаудан алыныб джазылгъан алты джабуулу пьеса)*, Микоян-Шахар, 1936.
 Эбзеланы Ш., *Огъурлу*. Юч джабуулу пьеса. Комедийа, Микоян-Шахар, 1937.

ИЗДАНИЯ 1957—1964 гг.

- «Алчыла. Очеркле», Черкесск, 1961.
 Аппаланы Б., *Ата джуртума. Назмула*, Ставрополь, 1964.
 Аппаланы Х., *Къара кюбюр. Роман*. Биринчи эмда экинчи китаб, Черкесск, 1958.
 Багъатырланы Х., *Ата джурт ючюн (Эсге тюшюрюүле)*, Черкесск, 1963.
 Байкъулланы А.-К., *Гитчени джолу. Поэма*, Черкесск, 1960.
 Байкъулланы А.-К., *Назмула*, Карачаевск, 1964.
 Байкъулланы А.-К., *Хорлам (Назмула бла джырла)*, Черкесск, 1958.
 Байкъулланы Даут, *Джазгъанларыны сайламалары*, Черкесск, 1959.
 Байрамуклова Х., *Люблю я жизнь. Стихи*, Черкесск, 1957.
 Байрамуклова Х., *Стихи*, Черкесск, 1963.
 Байрамукъланы Х., *Джылла бла таула*. Роман, Черкесск, 1964.
 Байрамукъланы Х., *Залихат. Поэма*, Черкесск, 1963.
 Байрамукъланы Х., *Къарачаны юйдегиси*, Черкесск, 1962.
 Байрамукъланы Х., *Сюйген тауларым (назмула бла джырла)*, Черкесск, 1959.
 Байчораланы С., *Дугъум кёзле. Назмула*, Черкесск, 1962.
 Батчаланы Б., *Сенсе джашауум. Назмула*, Черкесск, 1962.
 Биджиланы А., *Сайлангъанлары*, Черкесск, 1963.
 Биджиланы Б., *Джюрекни ауазы. Повесть*, Черкесск, 1964.
 «Бирге жырлайыкъ. Репертуар оборник», № 2, Жараштыргъан И. Рахаев. Фрунзе, 1957.
 «Биринчи атламла (къарачай джазыучуланы хатарлары бла башха тилден кечюрюлгенле)». Джарашдыргъан Байрамукъланы Х., Черкесск, 1958.
 Борлакъланы Т., *Насыблы джашлыкъ. Назмула, таурухла*, Ставрополь, 1964.
 Бостанланы Х., *Сайламалары*, Черкесск, 1962.
 Боташланы А., *Сайлангъанлары*, Черкесск, 1964.
 «В краю степей и гор. Стихи поэтов Карачаево-Черкесии», М., 1964.
 «Горный поток. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1958.
 Гоцияланы Дж., *Джангъыны джарыгъы*. Эки актлы пьеса, Черкесск, 1960.
 «Джанкъылыч, Къарачай джазыучуланы чыгъармалары», Ставрополь, 1964.
 «Джарыкъ джолда. Къарачай авторланы произведенийлерини сборниги», Черкесск, 1960.
 «Джашауубузну байрагъы», Фрунзе, 1956.
 Джаубаланы Х., *Атамы сёзю*, Черкесск, 1963.
 «Джилтинле, Къарачай джырчыланы кюүлери, назмулары», Алма-Ата, 1957.
 «Джюрек джырлайды. Къарачай поэтлени назмулары», Черкесск, 1957.
 Ертенланы А., *Джазгъанларыны сайламалары*, Черкесск, 1959.
 «Зори Кубани. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1961.

- Къаракётлаы И., *Сайламалары*, Черкесск, 1960.
- Къобанланы Д., *Таулада таууи. Роман*, Черкесск, 1963.
- Къоркъмазланы К., *Адам хорлайды. Поэма*, Черкесск, 1959.
- Къочхарланы Къ., *Сайламалары*, Черкесск, 1964.
- Лайпанланы С., *Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити*, Ставрополь, 1964.
- «Наша юность. Сборник стихов молодых поэтов Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1957.
- «Орайда. Атеист темагъа джазылгъан затла», Черкесск, 1963.
- Орусланы М., *Назмула*, Черкесск, 1963.
- «Пьесала», Ставрополь, 1964.
- «Свет дружбы. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1963.
- Семенланы А., *Тау бла таулу. Назмула*. Черкесск, 1961.
- «Слово о братстве. Сборник стихов поэтов Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1963.
- Сююнчланы А., *Къобанны мынчакълары (назмула)*, Черкесск, 1959.
- Хатуева Б., *Семейный праздник*, Черкесск, 1960.
- Хубиев О., *Время. Стихи*, Черкесск, 1957.
- Хубийланы Н., *Анам*, Черкесск, 1960.
- Хубийланы Н., *Аууш. Назмула бла поэмала*, Черкесск, 1964.
- Хубийланы О., *Аманат. Биринчи китабы*, Черкесск, 1959.
- Хубийланы О., *Аманат. Экинчи китабы*, Черкесск, 1961.
- Хубийланы О., *Аманат. Ююнчю китабы*, Черкесск, 1964.
- Хубийланы О., *Ант. Назмула, джырла, поэмала*, Черкесск, 1963.
- «Шохлукъ. Джаш джазычуланы чыгъармаларыны джыйымы», Черкесск, 1962.
- Эбзеланы А., *Таулада эртден*, Черкесск, 1962.
- «Ясные дали. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Устное народное творчество	11
Литература 20—30-х годов	43
Возникновение карачаевской литературы	43
От самостоятельного искусства к профессиональной драматургии	57
Поэзия	71
Исса Каракотов	71
Азрет Уртенев	83
Даут Байкулов	109
Проза	124
Начало художественной прозы. Роман Хасана Аппаева «Черный сундук»	124
Поэзия второй половины 30-х годов	132
Литература 50-х — начала 60-х годов	161
Значение XX съезда КПСС в истории карачаевского народа и его культуры	161
Очерк	167
Поэзия	179
Осман Хубиев	179
Азрет Эбзеев	137
Азамат Сукячев	191
Проза	203
Осман Хубиев	219
Халимат Байрамукова	234
Летопись литературной жизни	267
Библиография	313

Асият Исмаиловна Караева
ОЧЕРК ИСТОРИИ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Утверждено к печати
 Ученым советом Института мировой литературы им. А. М. Горькова
 Академии наук СССР

Редактор А. А. Янгаева
 Художник Э. Л. Эрмиз

Технический редактор Э. Ш. Язловская
 Корректор Г. В. Стлузова

Сдано в набор 16/VI 1966 г. Подписано к печати 22/X 1966 г. А 0111. Формат 63×93¹/₁₆.
 Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 23,31. Тираж 2500 экз. Изд. № 1504. Цена 1 р. 48 к.

Индекс $\frac{7-2-2}{123-66}$. Зак. № 910.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
152	12 св.	Пушкину	Пушкина
215	колон- цифра	152	215
247	.	724	247
291	.	129	291